БАРОН Б. Э. НОЛЬДЕ

# ЮРИЙ САМАРИН

## И ЕГО ВРЕМЯ

YMCA-PRESS

БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ.

# ЮРІЙ САМАРИНЪ
## И ЕГО ВРЕМЯ

---

SOCIÉTÉ ANONYME IMPRIMERIE DE NAVARRE
5, Rue des Gobelins - PARIS

БАРОНЪ Б. Э. НОЛЬДЕ.

# ЮРІЙ САМАРИНЪ

## И ЕГО ВРЕМЯ

Второе изданіе

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

YMCA-PRESS, 1978.

*Эта книга была написана въ 1918-1919 гг. въ Россіи, но лишь совсѣмъ недавно рукопись ея оказалась снова въ моемъ обладаніи. Печатаю ее безъ измѣненій. Пережитые годы отдалили отъ насъ то прошлое, которое я хочу воскресить моимъ разсказомъ, но это прошлое еще выросло передъ нашимъ умственнымъ взоромъ.*

*Искренно благодарю Н. Б. Глазберга за данное имъ разрѣшеніе напечатать настоящую книгу, не ожидая возстановленія дѣятельности его издательства въ Россіи.*

*Н.*

*Парижъ*
*1926 г.*

## ГЛАВА ПЕРВАЯ.

---

# Жизненная школа

1819-1849.

I.

Самаринъ принадлежалъ къ тому поколѣнію людей, съ которыхъ начинается современная Россія.

Между царствованіями Николая I и Александра II лежитъ историческій рубежъ громадной, еще недостаточно оцѣненной, исторической важности. Въ началѣ царствованія Александра II сложились всѣ основные вопросы, составляющіе содержаніе русской жизни нашего времени, намѣтились главныя рѣшенія этихъ вопросовъ, рѣшенія, вокругъ которыхъ разслояется и кристаллизуется новая Россія. Высшая точка борьбы вокругъ этихъ рѣшеній, окончательная схватка изъ за осуществленія того или другого изъ нихъ, тогда — еще далеко впереди; и тѣмъ не менѣе нѣтъ ни одного крупнаго вопроса политической, соціальной и культурной жизни Россіи, который не былъ бы уже тогда поставленъ и такъ или иначе не рѣшался тѣмъ первымъ поколѣніемъ современныхъ русскихъ, къ которому принадлежалъ Самаринъ; — только внѣшній обликъ спора тогда иной, чѣмъ на нашихъ глазахъ: онъ не вышелъ на улицу, идетъ въ тиши кабинетовъ и канцелярій, въ журналахъ и казенныхъ запискахъ. Здѣсь — какъ бы прелюдія къ будущей драмѣ русской жизни, прелюдія, въ которой вы слышите всѣ мотивы грозныхъ аккордовъ будущаго, только смягченные и какъ бы подготовительные. Такія прелюдіи встрѣчаются въ ходѣ историческаго процесса. Связь борьбы 50-хъ и 60-хъ годовъ и нашей борьбы есть нѣчто большее простой исторической преемственности. Конечно, и ранѣе Александра II, и послѣ него текла все одна и таже русская исторія, совершались историческія судьбы одного и того же русскаго народа, но мы начинаемъ узнавать новую Россію только въ Россіи на грани 1855 года, и только переходя эту грань, мы въ нашей Россіи, а не въ Россіи нашихъ предковъ.

Чтобы принадлежать къ этому первому поколѣнію новой Россіи, надо было родиться въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, когда родились Толстой, Достоевскій и Фетъ, Катковъ, Герценъ, Чернышевскій и Сергѣй Соловьевъ, Ник. Милютинъ и Валуевъ, Барятинскій и Кауфманъ, вел. князь

Константинъ и, наконецъ, самъ имп. Александръ II, именемъ котораго названа вся эпоха. Дата рожденія Юрія Өеодоровича Самарина падаетъ на 21 апрѣля 1819 г.

Какъ бы вопреки всей жизненной своей дорогѣ, Самаринъ — родился въ Петербургѣ, въ специфически петербургской средѣ двора и чиновничьей знати. Мать его, Софья Юрьевна, была дочерью Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, поэта, сенатора и почетнаго опекуна, одного изъ самыхъ близкихъ людей вдовствовавшей императрицы Маріи Өедоровны, неотлучнаго ея сотрудника и неизмѣннаго участника всего ея Петербургскаго и Павловскаго обихода. Софья Юрьевна, дѣвушкой, была любимой фрейлиной Маріи Өедоровны. Отецъ Ю. Ө., Өедоръ Васильевичъ исправлялъ должность шталмейстера императрицы, Рожденіе перваго сына въ семьѣ, вдвойнѣ близкой старой государынѣ, было событіемъ при ея дворѣ. Вмѣстѣ съ имп. Александромъ Павловичемъ она была записана воспріемницей отъ купели маленькаго Юши, и до самой своей смерти не переставала интересоваться дѣтьми Софіи Юрьевны и внуками Юрія Александровича. Ея именемъ полны дѣтскія воспоминанія Самарина. Въ тѣ времена русская монархія не растратила еще своихъ вѣрныхъ слугъ, и въ семьѣ Юрія Өедоровича хранились искреннія и подлинныя чувства глубокаго монархизма. Послѣ смерти имп. Маріи Өедоровны, старикъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, больной и жившій нѣсколько лѣтъ въ Калугѣ у второй своей дочери княгини Оболенской, узнавъ, что Ө. В., тоже въ то время бывшій въ отставкѣ, ѣдетъ на похороны императрицы, писалъ ему на своеобразномъ Карамзинскомъ языкѣ начала прошлаго вѣка: «Какъ хвалю тебя! Какъ благодарю тебя, дорогой мой другъ Өедоръ Васильевичъ, что ты ѣдешь Ей поклониться! Хотя одинъ изъ насъ да прольетъ у гроба Ея сердечныя слезы благодарности нашей! Когда будешь передъ Нею, вспомни, мой другъ, обо мнѣ; я съ тобой тутъ же буду» (7 ноября 1829 г.). Ю. Ө. было въ эту минуту десять лѣтъ, и онъ сознательно долженъ былъ наблюдать въ своихъ близкихъ то подлинное монархическое чувство, выраженіемъ котораго служило письмо его стараго дѣда.

Для семьи, въ которой родился и росъ Самаринъ, близость къ самымъ верхамъ русской общественной лѣстницы и открывавшаяся ею возможность въ любую минуту открыто и свободно войти въ тѣ центры, которые управляли страной и ею руководили, не менѣе характерны, чѣмъ ярко выраженная и для той эпохи отнюдь не обычная, моральная независимость семьи отъ этихъ верховъ. Внѣшней опорой этой независимости было огромное состояніе Өедора Васильевича, жалованныя еще московскими царями и благопріобрѣтенныя земельныя вотчины и крѣпостныя души подъ Москвой, въ Тульской губерніи и на Волгѣ. Но богатство въ ту эпоху не давало само

по себѣ независимости. Источникъ ея въ Θедорѣ Васильевичѣ внутренній, вытекавшій изъ непреклонной природной воли и умѣнія подчинить всю свою жизнь своимъ, самому себѣ самимъ поставленнымъ цѣлямъ. Въ немъ не было такъ часто нераздѣльной съ наличностью данныхъ для блестящей петербургской карьеры, нравственной зависимости отъ этой карьеры — неспособности добровольно лишить себя всѣхъ ея привычныхъ соблазновъ и выгодъ. Θедоръ Васильевичъ доказалъ свою внутреннюю свободу отъ Петербурга и петербургской карьеры принятымъ имъ въ 1826 г. на сорокъ второмъ году жизни рѣшеніи бросить свое шталмейстерское званіе и уѣхать жить въ Москву, чтобы отдаться цѣликомъ дѣлу воспитанія дѣтей.

Такъ семилѣтній Самаринъ сталъ москвичемъ, которымъ онъ остался на всю жизнь. Рѣшеніе Θедора Васильевича отдаться воспитанію сыновей не было въ его устахъ фразой. Напротивъ того, съ настойчивостью и выдержкой, которая ему была свойственна, онъ сдѣлалъ это воспитаніе своимъ главнымъ жизненнымъ дѣломъ. Самъ онъ былъ человѣкомъ широкой умственной культуры, воспитаннымъ, какъ лучшіе люди его поколѣнія въ Россіи, на французской литературѣ; онъ зналъ и цѣнилъ Западъ; любовь къ книгѣ, которая такъ характерна для Юрія Θедоровича, всецѣло унаслѣдована имъ отъ отца, который собралъ въ своемъ московскомъ домѣ, на углу Тверской и Газетнаго, обширную библіотеку. Къ воспитанію и обученію сыновей — у Самарина было четыре младшихъ брата и сестра Марія, впослѣдствіи графиня Сологубъ, — онъ привлекъ всѣ лучшія силы, которыя были въ его распоряженіи. Еще до переѣзда въ Москву къ маленькому Юрію былъ приглашенъ, по рекомендаціи парижскихъ педагогическихъ знаменитостей, молодой французскій учитель Пако, впослѣдствіи популярный преподаватель въ Московскомъ Университетѣ и другихъ московскихъ школахъ, къ которому Самаринъ всегда питалъ самое нѣжное чувство и который очень скоро сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ и для семьи Самариныхъ, и для всей Москвы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Пако училъ Ю. Θ. французскому языку, который Самаринъ навсегда усвоилъ въ совершенствѣ и которымъ онъ владѣлъ съ такой же свободой и такимъ же талантомъ, какъ русскимъ; по мѣрѣ того, какъ Самаринъ росъ, къ этому добавлялись науки, прежде всего, латинскій языкъ; сохранились записи въ дневникѣ Пако, свидѣтельствовавшія, что въ десять лѣтъ Самаринъ говорилъ свободно по латыни. Классицизмъ по французскому педагогическому образцу, лежавшій въ основаніи преподаванія Пако, чувствуется на всемъ умственномъ укладѣ Самарина, на безукоризненности его логики, на тщательности и красивой простотѣ формъ его писаній, и Ю. Θ. высоко цѣнилъ полученное имъ классическое образованіе. Въ одномъ изъ писемъ къ отцу, много

лѣтъ спустя, по поводу ученія младшаго брата Миши, Самаринъ высказываетъ слѣдующія мысли:... «Все это вовсе не удивительно, а свидѣтельствуетъ о томъ только, что въ немъ не развито слово. А не развито оно потому, что оно въ немъ не воспитано, потому что его не выдержали на выраженіи мысли; его не умѣли заинтересовать къ этому, не умѣли пробудить въ немъ желанія видѣть свою же мысль ясно и изящно выраженною. Однимъ словомъ, онъ не прошелъ сквозь кругъ ученія словеснаго... Пусть увидитъ Строгановъ и всѣ повѣрившіе ему, что значитъ пренебрегать тѣмъ, что искони вѣковъ признаваемо было за основу всякаго человѣческаго образованія: les humanités, или по латыни studia humaniora или по нашему: эта словесность, которою такъ пренебрегаютъ, какъ дѣломъ въ практической жизни безполезнымъ...»

Пако самъ сознавалъ, что Самарину не хватало знаній русскаго языка. Тотчасъ послѣ переѣзда семьи въ Москву это было исправлено. Ѳ. В. пригласилъ въ домъ, кромѣ Пако, еще рекомендованнаго ему русскаго учителя, и имъ оказался даровитый и, позднѣе, очень извѣстный литераторъ и профессоръ Н. И. Надеждинъ. Надеждинъ былъ еще тогда совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, едва кончившимъ московскую духовную академію. Онъ пробылъ у Самариныхъ два года, съ 1826 по 1828 г., и, кажется, эти два года входятъ болѣе въ его біографію, чѣмъ въ біографію Самарина. Надеждинъ проводилъ весь свой досугъ въ богатой Самаринской библіотекѣ, и тамъ впервые соприкоснулся, послѣ своего духовнаго образованія, съ міромъ современной ему западной, главнымъ образомъ, французской, культуры. Самарину было семь лѣтъ, когда его сталъ учить Надеждинъ, и девять, когда его уроки кончились. При такихъ условіяхъ они врядъ ли могли отразиться на Самаринѣ сколько нибудь глубоко. Можно лишь думать, что первое пріобщеніе къ русской словесности именно на урокахъ живого и одареннаго учителя было для Самарина очень полезно и сразу же установило правильное равновѣсіе между французскимъ классицизмомъ Пако и родной рѣчью. Нѣтъ данныхъ, кто смѣнилъ Надеждина. Можно думать, что вскорѣ дѣло преподованія перешло къ нѣсколькимъ профессорамъ московскано университета. Ѳ. В. завязалъ, по переѣздѣ въ Москву, самыя дружелюбныя сношенія съ рядомъ изъ нихъ, и постепенно въ домѣ его создалась какъ бы маленькая школа, тянувшая къ университету. Въ воспоминаніяхъ однокурсника Самарина по университету Ѳ. И. Буслаева сохранилась любопытная характеристика этой маленькой школы. «Въ то время, — разсказываетъ Буслаевъ, — богатые и знатные дворяне приготовляли своихъ сыновей къ вступительному въ университетъ экзамену у себя дома, и не только въ своихъ помѣстьяхъ, но и въ самой Москвѣ, гдѣ тогда былъ очень хорошій дворянскій

институтъ; впрочемъ онъ предназначался для дворянъ средней руки и ограниченныхъ средствъ. Въ гимназіяхъ по преимуществу учились дѣти горожанъ и мѣстныхъ чиновниковъ и, какъ вы уже знаете, пріобрѣтали очень скудныя познанія, которыя не могли удовлетворять требованіямъ образованныхъ людей изъ высшаго дворянства. Этимъ объясняется настоятельная потребность того времени учреждать въ благовоспитанныхъ зажиточныхъ семействахъ сколько возможно полныя и правильныя домашнія школы для своихъ дѣтей съ надлежащимъ количествомъ воспитателей и наставниковъ. Такая домашняя школа, примѣрная и образцовая, процвѣтала въ Москвѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ въ семействѣ Ѳедора Васильевича Самарина, начиная съ дѣтства Юрія Ѳедоровича и потомъ по мѣрѣ возростанія его пятерыхъ братьевъ. Это домашнее учебное заведеніе оставило по себѣ самыя свѣтлыя изъ моихъ воспоминаній о старинной Москвѣ, потому что я самъ лично принималъ въ немъ участіе много лѣтъ сряду, въ качествѣ наставника и экзаменатора, и могъ вполнѣ оцѣнить высокія достоинства отца семейства, когда онъ съ сердечнымъ рвеніемъ, а вмѣстѣ и съ неукоснительной точностью и примѣрнымъ благоразуміемъ исполнялъ обязанности директора и инспектора своей родной школы. На лѣтнее время эта образцовая школа изъ Московскаго дома Самариныхъ... переносилась въ ихъ имѣніе Измалково, отстоящее отъ Москвы въ двадцати верстахъ по смоленской дорогѣ, и обученіе въ ней безъ всякаго перерыва и въ томъ же порядкѣ шло, какъ и въ Москвѣ. Экипажъ, запряженный четверней, съ пунктуальной точностью часовъ и минутъ, ежедневно доставлялъ учителей изъ города въ деревню и отвозилъ назадъ.»

Весной 1835 г. Самаринъ поступилъ въ университетъ. Университетъ, какъ школа, былъ для него непосредственнымъ продолженіемъ ученія дома. Ему минуло всего 15 лѣтъ, когда онъ оказался на университетской скамьѣ, и весь университетскій обиходъ того времени былъ больше похожъ на обиходъ старшихъ классовъ нашей гимназіи, чѣмъ нашего университета. Студенты — и въ ихъ числѣ одинъ изъ первыхъ Самаринъ — шалили и школьничали совсѣмъ по дѣтски. На лекціи ихъ сопровождали гувернеры или родители, и Ѳ. П. неукоснительно прослушивалъ, сидя въ сторонкѣ, всѣ лекціи, на которыхъ бывалъ его первенецъ. Самаринъ поступилъ на словесное отдѣленіе, и тѣ курсы, которые преподавались, были непосредственнымъ продолженіемъ домашнихъ уроковъ. Господствовала словесность, представленная Давыдовымъ, Шевыревымъ и Надеждинымъ, исторія и теорія изящныхъ искусствъ, эстетика, древніе языки. По своему умственному складу Самаринъ былъ мало приспособленъ къ тому, чтобы цѣликомъ уйти въ эти области. Въ 1856 г. онъ такъ характеризовалъ старику С. Т. Аксакову свою эстетику: «Судя по тому,

сколько наслажденія въ жизни доставили мнѣ не только Гоголь, Гете, Шекспиръ, но и второстепенные писатели, я не могу считать себя совершенно обдѣленнымъ эстетическимъ чувствомъ; но во мнѣ впечатлѣнія чрезвычайно медленно осаживаютя и вызрѣваютъ въ сужденія. Я такъ легко и охотно отдаюсь писателю, которому сочувствую, что онъ можетъ меня вести всюду, сбиваться съ дороги, сбиваться съ тону, лгать, надувать, морочить меня, и я этого не замѣчу долго, безъ посторонняго указанія — можетъ быть, никогда». Самаринъ былъ однимъ изъ лучшихъ русскихъ писателей, а многія страницы, имъ написанныя, представляютъ великолѣпные образцы русской прозы, но все же показанія приведеннаго письма очень цѣнны для характеристики основныхъ способностей и склонностей Самарина. Они объясняютъ, почему, вопреки гегемоніи словесности въ тогдашней университетской программѣ, Самаринъ, прекрасно подготовленный и продолжавшій охотно заниматься литературой и языками — онъ писалъ сочиненія о Гнѣдичевой Иліадѣ и Державинѣ и, задумывая въ 1838 г. свою первую статью, никогда не появившуюся въ печати, выбралъ темой для нея Вертера — все же увлекся въ университетѣ инымъ. Изъ университетскихъ наукъ его больше всего захватила исторія.

Вотъ, что разсказываетъ онъ объ этомъ, въ отрывкѣ студенческихъ воспоминаній, написанномъ въ 1855 г. «Изъ профессоровъ того времени сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ не только на меня, но и на многихъ другихъ Погодинъ. Онъ не заискивалъ популярности, какъ И. И. Давыдовъ, лекціи его не отличались художественностью и совершенной новизной лекцій Печерина; въ дарѣ изустнаго изложенія онъ далеко уступалъ Крюкову, но онъ отличался тѣмъ, чего не имѣлъ никто изъ нихъ: мы чувствовали въ немъ самостоятельное направленіе мысли, направленіе, согрѣтое глубокимъ сочувствіемъ къ русской жизни. Чему насъ выучилъ Погодинъ я не могу сказать, передать содержаніе его лекцій я былъ бы не въ состояніи; но мы были наведены имъ на совершенно новое воззрѣніе на русскую исторію и русскую жизнь вообще. Формулы западныя къ намъ не примѣняются, въ русской жизни есть какія то особенныя, чуждыя другимъ народамъ, начала; по инымъ, еще не опредѣленнымъ наукою, законамъ совершается ея развитіе. Все это высказывалъ Погодинъ довольно нескладно, безъ доказательствъ, но высказывалъ такъ, что его убѣжденія переливались въ насъ. До Погодина господствовало стремленіе отыскивать въ руской исторіи что нибудь похожее на исторію народовъ западныхъ; сколько мнѣ извѣстно, Погодинъ первый, по крайней мѣрѣ первый для меня и для моихъ товарищей, убѣдилъ въ необходимости разъясненія явленій русской исторіи изъ нея самой.»

Эти строки, посвященныя Погодину, отражаютъ на себѣ интересъ, который, въ моментъ ихъ написанія, первенствовалъ

въ Самаринѣ, и главный, стоявшій тогда на очереди, русскій культурно-политическій вопросъ, — полемику славянофиловъ съ западниками. Двадцать лѣтъ спустя, Самаринъ, превратившійся къ тому времени въ политическаго дѣятеля больше и прежде всего, въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ день смерти Погодина, произнесъ нѣсколько словъ о немъ, какъ гласномъ, и прибавилъ: «М. П. Погодинъ и въ литературѣ служилъ земству. Онъ едва ли не изъ первыхъ началъ отдѣлять изъ исторіи государства исторію «земли». Онъ занимался однимъ предметомъ, не упуская изъ виду этой земской задачи» (засѣданіе 10 декабря 1875 г.). Обѣ оцѣнки наводятъ на мысль, что уже на университетской скамьѣ Самаринъ, будущій политикъ, почувствовалъ въ Погодинѣ родственное ему господство такихъ же политическихъ интересовъ, по тѣмъ временамъ еще прикрытыхъ рамками нѣсколько дубоватаго преподаванія курса русской исторіи. Не даромъ проницательный и ядовитый С. М. Соловьевъ говорилъ, что настоящимъ призваніемъ Погодина былъ «политическій журнализмъ, палатная дѣятельность или — къ чему онъ еще болѣе годился — площадная дѣятельность», и называлъ его «Болотниковымъ во фракѣ министерства народнаго просвѣщенія.»

Самаринъ кончилъ университетъ 19 лѣтъ. Онъ вышелъ изъ него не тѣмъ шаловливымъ мальчикомъ, которымъ онъ въ него вступалъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще далекимъ отъ умственной зрѣлости и окончательнаго опредѣленія путей послѣдующаго умственнаго и нравственнаго развитія. Но два безспорныхъ и окончательныхъ пріобрѣтенія сдѣланы были Самаринымъ въ университетѣ. Первымъ былъ вкусъ и интересъ къ людямъ, умѣніе ихъ находить и связывать ихъ съ собой узами взаимной дружбы и личнаго своего обаянія. Въ семьѣ онъ росъ одинъ, окруженный лишь младшими братьями; даже съ родными своего возраста, двоюродными братьями Мещерскими, Оболенскими, Гагариными, которыхъ, какъ полагается въ хорошей семьѣ, было множество, — «millesimus ex gente Obolenscia», говорилъ шутливо Самаринъ объ одномъ изъ нихъ, — онъ видался, повидимому, сравнительно мало, ибо дѣтская компанія не входила въ воспитательную схему Ѳ. В. Зато университетъ открылъ ему сразу множество новыхъ друзей и близкихъ. Въ поколѣніи студентовъ московскаго университета 30-хъ и начала 40-хъ годовъ на каждый годъ падаетъ рядъ именъ крупныхъ русскихъ дѣятелей: можно почти сказать, что черезъ аудиторіи на Моховой прошла вся будущая русская культурная и политическая исторія. Одновременно съ Самаринымъ въ университетѣ были К. Аксаковъ, Катковъ, Буслаевъ, Бычковъ, Кудрявцевъ, А. Н. Поповъ, кн. В. А. Черкасскій, будущій министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ, армянскій историкъ Эминъ, С. М. Соловьевъ, Леонтьевъ, Калачевъ,

украинскій дѣятель Ригельманъ, Бодянскій, будущій эмигрантъ Сазоновъ. Фигура Самарина сразу выдѣлилась среди этого ряда талантливыхъ юношей. Погодинъ въ 1838 г. записалъ въ своемъ дневникѣ, что на четвертомъ курсѣ словеснаго отдѣленія первое мѣсто принадлежитъ Юрію Самарину, что онъ имѣетъ много свѣдѣній, обладаетъ средствами для пріобрѣтеній новыхъ, разсуждаетъ логически, говоритъ ясно и складно и что только послѣ него идутъ Буслаевъ, Катковъ и Мих. Строевъ. Тоже первенство принадлежало Самарину и въ глазахъ студентовъ. Въ жизни каждаго это первое соприкосновеніе съ оцѣнкой внѣшней среды, за предѣлами родного семейнаго мірка, въ моментъ возмужалости, имѣетъ громадное значеніе. Когда эта оцѣнка благопріятна и когда человѣкъ, который ее получаетъ, способенъ къ развитію своихъ природныхъ дарованій, она служитъ великимъ стимуломъ къ жизненной работѣ и огромнымъ источникомъ душевной бодрости. Самаринъ получилъ ее въ полной мѣрѣ уже на университетской скамьѣ. Этого мало. Новыя связи дружбы, возникшія въ университетѣ, ввели Самарина въ такіе московскіе круги, съ которыми онъ семейно былъ сравнительно мало связанъ. Самаринскій домъ былъ однимъ изъ большихъ домовъ въ Москвѣ, стоявшимъ на верхахъ московскаго дворянскаго общества. Но къ нему болѣе или менѣе приложима та, довольно извѣстная, характеристика московскаго дворянскаго быта, котрую давалъ — тонко и остроумно — князь Вяземскій. «Москва была въ то время какимъ то убѣжищемъ, затишьемъ людей доживающихъ свой вѣкъ. Нынѣ какъ-то никто не доживаетъ: каждый съ жизни на юру, съ жизни на маковкѣ, прямо и скоропостижно падаетъ въ могилу. Эти закаты жизни, эти мерцанія, имѣли и свою теплоту, и свои отблески. Жизнь, въ остаткѣ годовъ своихъ, послѣ труднаго, часто тревожнаго, часто блистательнаго поприща, удалялась, ретировалась въ свои внутренніе покои. Москва была эти внутренніе покои русской жизни». Профессора университета и студенты, съ которыми Самаринъ сблизился, и среди нихъ, прежде всего К. Аксаковъ, ввели его въ кругъ другой Москвы, пріобщили къ начинавшимъ биться все сильнѣе и сильнѣе источникамъ культурной жизни старой столицы.

К. Аксаковъ. который былъ старше Самарина на два года, въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ сталъ какъ бы. Виргиліемъ Юрія Өедоровича въ этой новой для него литературной Москвѣ. Въ письмѣ къ доброму Пако, вскорѣ послѣ окончанія университета, Самаринъ, говоря о написанной имъ статьѣ о Гетевскомъ Вертерѣ, пишетъ слѣдующія, дышащія молодостью, строки: «Статья моя произвела впечатлѣніе на всѣхъ, кто ее читалъ, однако впечатлѣніе не одинаковое. Впрочемъ, ее вполнѣ одобрилъ тотъ, мнѣніемъ котораго я наиболѣе дорожу. При свиданіи я поговорю съ вами объ этомъ человѣкѣ, въ которомъ я на-

шелъ поэта и друга; онъ мнѣ очень совѣтуетъ напечатать мою статью въ журналѣ, издаваемомъ кружкомъ молодыхъ людей, которымъ я вполнѣ сочувствую какъ по философскимъ, такъ и по литературнымъ вопросамъ». Рѣчь шла о К. Аксаковѣ. Въ сущности сошлись совсѣмъ разные люди. С. М. Соловьевъ въ томъ сборникѣ ядовитѣйшихъ характеристикъ, которымъ являются его записки, говоритъ объ Аксаковѣ — «силачъ, горланъ, открытый, добродушный, не безъ дарованій, но тупоумный». Ни одной черты Самарина. О немъ тотъ же Соловьевъ пишетъ: «человѣкъ замѣчательно умный, но холодный, не симпатичный господинъ». Обѣ формулы, сами по себѣ взятыя, суммарны и невѣрны, но въ нихъ вѣрно схвачено многое. Въ К. Аксаковѣ были налицо несомнѣнные элементы «тупоумія» — узость и упрямство, неумѣніе учиться и готовность повторять самостоятельно и даровито очерченный, но не богатый, кругъ размышленій; Самаринъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, «человѣкомъ замѣчательно умнымъ», съ желѣзною дисциплиною воли, огромной рабочей способностью, безконечно совершенствующимся, съ открытыми глазами на міръ Божій и на человѣческія отношенія, съ широкой, подлинно «европейской», культурой. Но несомнѣнно въ тѣ годы — это продолжалось впрочемъ не долго — Аксаковъ вліялъ на Самарина: онъ не могъ не импонировать ему своими литературными связями — въ домѣ его бывали Гоголь и Лермонтовъ, своей дружбой съ предшествующимъ поколѣніемъ московскихъ студентовъ, группировавшихся вокругъ Станкевича и включавшихъ такихъ людей, какъ Бѣлинскій, Герценъ, Бакунинъ, Вас. Боткинъ, Грановскій, своими, уже сложившимися и оказавшимися близкими Самарину, «словенофильскими» воззрѣніями. Дружба носила всѣ признаки возраста обоихъ. Они вмѣстѣ готовились къ магистерскому экзамену и одновременно его держали весной 1840 г., вмѣстѣ читали учебники и книги, вмѣстѣ ѣздили въ гости, постоянно видались и постоянно переписывались, вмѣстѣ вырабатывали свои взгляды на міръ и на людей. И, наконецъ, — то была общая молодость, общая радость жизни, такъ мило передающаяся въ одномъ изъ неизмѣнно плохихъ стихотвореній К. С. Аксакова 1844 г.:

Льетъ дождикъ, любезнѣйшій Юрка,
Льетъ дождикъ, мой свѣтикъ Маруся,
Такой онъ, что вымокнетъ шкурка,
Пожалуй, у самаго гуся.

Деревья, трава, — все намокло,
Но дождикъ, признаться, люблю я.
И слыша стукъ капель о стекла,
Письмо, наконецъ, къ вамъ пишу я.

Писалъ бы я вамъ и въ началѣ,
Но разныя были помѣхи:
Княжевичи къ намъ прiѣзжали,
А съ ними и игры и смѣхи.

Добрѣйшiй изъ всѣхъ добродѣевъ,
Всю жизнь не извѣдавшiй злости,
Съ Княжевичами Казначеевъ
Прiѣхалъ въ Абрамцево въ гости.

. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

На мельницу ѣздили всѣ мы,
Тамъ, удя, мы громко и часто
Болтали, а рыбы вѣдь нѣмы:
Была тутъ вся прелесть контраста.

Чай пили, и ѣли , и пѣли.
Во всемъ Антонинъ былъ искусенъ.
Клевать пискари не хотѣли,
Но чай показался всѣмъ вкусенъ.

Второе, что далъ Ю. Ѳ. университетъ, это — его научныя стремленiя. Самарину не суждено было стать профессiональнымъ ученымъ. Жизнь сдѣлала изъ него политическаго дѣятеля. Но ученые инстинкты и вкусы остались у него на всю жизнь и гармонически сочетались съ главенствовавшими въ немъ политическими интересами. И въ сущности, банальная мысль, будто политикъ не можетъ быть ученымъ и ученый-политикомъ, вѣрная въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ большинствѣ неправильна. Политика слагается изъ творчества оцѣнокъ жизненной дѣйствительности и изъ опирающейся на эти оцѣнки дѣятельности; наука есть изслѣдованiе той же жизненной дѣйствительности, приводящее въ конечномъ счетѣ тоже къ творчеству оцѣнокъ. Пути воспрiятiя дѣйствительности у политика и у ученаго могутъ быть различны: у перваго главенствуютъ чутье и инстинктъ, у второго—научное изысканiе; но первый тогда только силенъ, когда его пониманiе дѣйствительности, полученное хотя бы чутьемъ и инстинктомъ, точно и ясно, а второй — когда въ его изысканiе вложено даваемое чутьемъ и инстинктомъ синтетическое вдохновенiе. Точки соприкосновенiя лежатъ равнымъ образомъ и внѣ собственно интеллектуальнаго процесса: у настоящаго политика и у настоящаго ученаго должны быть одинаково налицо качества воли высокаго напряженiя. Конечно, ученый и политикъ въ одномъ человѣкѣ перекрещиваются болѣе или менѣе случайно, но когда это случается, какъ это было съ Самаринымъ, въ слiянiи перваго и второго нѣтъ ничего неестественнаго.

Вынесеннымъ изъ университета рѣшеніемъ отдать себя наукѣ опредѣляется содержаніе пяти лѣтъ жизни Самарина, слѣдовавшихъ за окончаніемъ курса.

2.

Магистерскій экзаменъ, который Самаринъ держалъ въ февралѣ 1840 г., самъ по себѣ не былъ существеннымъ этапомъ въ развитіи Ю. Ѳ. Главнымъ предметомъ экзамена была русская словесность: Давыдовъ спрашивалъ его «о трагедіи древней и новой» и «о фонъ Визинѣ и его комедіяхъ»; изъ вспомогательныхъ предметовъ онъ отвѣчалъ Крюкову о «современномъ эстетическомъ ученіи Гегеля» и по исторіи славянскихъ литературъ Каченовскому; здѣсь, такимъ образомъ, продолжала царить чистая словесность. Только покончивъ съ экзаменомъ и взявшись за писаніе диссертаціи, Самаринъ ушелъ изъ области совсѣмъ не родственной ему эстетики и филологіи. Ему задана была тема — въ тѣ времена предметъ магистерскихъ диссертацій опредѣлялся профессорами — «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ». Онъ работалъ надъ нею три года, съ 1840 по 1843, и въ этой работѣ сложились его знанія, созрѣла его мысль, кристаллизовались его убѣжденія; кончивъ ее, онъ какъ бы прошелъ свой собственный университетъ, настолько широко онъ поставилъ свою задачу и настолько глубоко и разносторонне ее стремился рѣшить. Писаніе диссертаціи такъ поглощало его, что по неволѣ связанная съ нею умственная работа опредѣляла въ тѣ годы и содержаніе его участія въ общей жизни культурной и литературной Москвы, съ которой его сблизилъ университетъ и дружба К. Аксакова.

Самаринъ былъ такъ устроенъ, что всякое проявленіе его активности укладывалось сразу же въ рамки внутренняго порядка и логики. Переѣхавъ весной 1840 г. въ Измалково, Самаринъ принялся изучать «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго и догматическія сочиненія Прокоповича, и очень быстро составилъ себѣ первоначальный планъ предстоявшей работы. Чтеніе вводило его въ кругъ богословскихъ споровъ и междуисповѣдной полемики. Онъ не былъ готовъ къ ихъ усвоенію. Правда, воспитаніе Ю. Ѳ. покоилось на религіозной основѣ и, кромѣ крѣпкой религіозной семейной традиціи, онъ воспринялъ дома циклъ общепринятаго тогда духовнаго обученія. Но нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы это дѣтское и отроческое обученіе «закону Божію», — которое русская церковь, къ великому ущербу для культуры страны и народа, умѣла дѣлать необыкновенно мертвымъ, но, надо надѣяться, когда нибудь воскресить при помощи своихъ, лежащихъ подспудомъ, великихъ духовныхъ богатствъ, — сыграло какую либо роль въ умствен-

номъ развитіи Ю. Ѳ. до 1840 г. Теперь, углубившись въ старые богословскіе фоліанты, Самаринъ почувствовалъ всю громадную цѣнность, весь неисчерпаемый интересъ религіозной проблемы. Со свойственнымъ ему мужествомъ онъ рѣшилъ понять ея основное содержаніе и установить свое воззрѣніе на религіозную полемику прошлаго и настоящаго. Отсюда первая задача, которую онъ себѣ поставилъ, и первая часть его будущей диссертаціи — опредѣленіе, по поводу Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, положенія православія въ великой религіозной распрѣ человѣчества. Но рядомъ съ этой задачей уже тогда передъ нимъ ясно очерчивалась и вторая. Обѣ характерныхъ фигуры прошлаго русской церкви, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, такъ тѣсно переплетены съ исторіей русской государственности, что, какъ необходимая предпосылка оцѣнки ихъ, подлежала рѣшенію и другая задача, опять таки громаднаго принципіальнаго интереса — опредѣленія отношенія русской православной церкви къ русскому государству. Отсюда рисовавшаяся ему вторая часть диссертаціи. И лишь на самый конецъ оставлялась, какъ дань прошлымъ занятіямъ дома и въ университетѣ и какъ признаніе оффиціальной университетской квалификаціи темы, какъ диссертаціи на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія по русской словесности, третья часть, посвященная литературной сторонѣ писаній двухъ іерарховъ начала XVIII вѣка — тема для Самарина простая и тѣмъ самымъ мало интересная. Отсюда три части будущаго сочиненія — (1) Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ богословы, (2) какъ сановники церкви, и (3) какъ проповѣдники. Этому плану Самаринъ неукоснительно слѣдовалъ въ теченіе трехъ лѣтъ работы, одну за другой преодолѣвая трудности, собирая новыя знанія и вырабатывая новыя убѣжденія.

Лѣтомъ 1840 г. изъ Измалкова онъ пишетъ К. Аксакову: «Я не могу сказать Вамъ, какъ я былъ вознагражденъ за эти, повидимому, сухіе и безплодные труды» — рѣчь идетъ о чтеніи богословскихъ книгъ. «Вопросъ о католицизмѣ и протестанствѣ, о религіи вообще начинаетъ мнѣ уясняться. Наконецъ, воскресаетъ во мнѣ давно почившая, живая, нетерпѣливая дѣятельность мысли. Она кипитъ во мнѣ и не даетъ мѣста другимъ интересамъ въ моемъ существованіи. Есть такіе вопросы, которые меня никогда и нигдѣ не покидаютъ. Они принимаютъ въ глазахъ моихъ различныя формы, сначала неточныя и произвольныя, потомъ яснѣютъ, приближаются ко мнѣ ближе и ближе, наконецъ... Да можно ли передать словами отрадное сознаніе этой живой, органической работы ума, которая совершается въ насъ отъ времени до времени и стократно вознаграждаетъ насъ за цѣлые періоды скуки и безплодныхъ занятій!»

Открытіемъ этого увлекательнаго міра богословскихъ исканій Самаринъ больше всего былъ обязанъ самому себѣ, сво-

ему рѣшенію преодолѣть трудности оцѣнки твореній двухъ старыхъ духовныхъ писателей. Но эта рѣшимость осознать религіозную проблему поддерживалась и извнѣ нѣсколькими встрѣчами въ московскомъ обществѣ, въ которомъ онъ сталъ много бывать по окончаніи университета и которое встрѣтило его очень радушно, какъ сына Ѳ. В. и С. Ю., какъ блестящаго и многообѣщающаго юношу, какъ представителя верховъ московскаго свѣта. Первая изъ этихъ встрѣчъ — П. Я. Чаадаевъ. Въ его кабинетѣ на Басманной собирался цвѣтъ культурной и свѣтской Москвы и велись безконечныя бесѣды и споры о Россіи и о Европѣ, о православіи и о католицизмѣ, бесѣды, постоянно возвращающіяся къ тому, что больше всего интересовало самого хозяина — къ мысли о необходимости для Россіи и русскихъ преклониться предъ величественной католической цивилизаціей Запада. Молодой Самаринъ особенно нравился Чаадаеву, который особенно охотно вводилъ его въ свой кругъ религіозно-философскихъ воззрѣній. Въ одномъ изъ своихъ, какъ всегда нѣсколько манерныхъ, но полныхъ ума писемъ, шесть лѣтъ спустя послѣ перваго знакомства, Чаадаевъ говоритъ Самарину: « ... Aussi, dès les premiers jours où j'appris à Vous connaître, mon opinion se trouva-t-elle formée sur Votre compte et c'est la noblesse de Vos sentiments tout autant que la distinction de Votre esprit qui m'attira vers Vous. Il y a d'ailleurs tant de choses qui ne s'aperçoivent que de l'œil de cœur, que l'on ne saurait guère apprécier parfaitement la mesure de notre être tout entier. Je suis charmé d'avoir trouvé l'occasion de Vous exprimer ce que je pensais de Vous et il m'est doux de songer que j'aurais peut-être contribué pour ma faible part au développement des meilleures puissances de Votre nature»... (29 Января 1846 г.).

Чаадаевъ долженъ былъ заинтересовать Самарина, но врядъ ли могъ его увлечь. Болѣе рѣшающее значеніе для развитія религіозныхъ интересовъ Самарина, чѣмъ частые визиты на Басманную, имѣла происшедшая въ началѣ 1840 г., въ кабинетѣ того же П. Я Чаадаева, встрѣча съ Хомяковымъ и И. В. Кирѣевскимъ. Такъ же, какъ Чаадаевъ, Кирѣевскій былъ человѣкомъ одной мысли, всю жизнь лелѣянной и высказанной въ окончательной формѣ только гораздо позднѣе. Очень широкое философское образованіе служило для него средствомъ обоснованія истины православной вѣры, какъ системы непосредственнаго, мистически-волевого, постиженія высшаго божественнаго начала міра, недоступнаго Западу, но сохраненнаго въ русской народной православной стихіи. Хомяковъ, въ противоположность Кирѣевскому, былъ необыкновенно разностороненъ, обладалъ почти безбрежными умственными интересами, начиная отъ самыхъ отвлеченныхъ проблемъ метафизики и кончая постройкой паровыхъ машинъ. Но въ этомъ калейдоскопѣ знаній и мыслей и у Хомякова религіозные интересы занимали первое мѣсто. Онъ равнымъ

образомъ былъ православнымъ до мозга костей, и по слову Ю. Ф. Самарина, всегда «жилъ въ Церкви». Но для него православіе не было нѣсколько элементарнымъ выраженіемъ нѣкотораго мистическаго прагматизма, какъ для Кирѣевскаго, а представляло собой сложную совокупность догматовъ, надъ которыми онъ всю жизнь размышлялъ и которые онъ самостоятельно строилъ. Въ немъ лежали подлинныя богословскія исканія, и имъ онъ отдавалъ весь свой совершенно исключительный — качественно и количественно — талантъ.

И Кирѣевскій, и Хомяковъ были оба гораздо старше Самарина и, въ первые годы знакомства, несравненно его зрѣлѣе. Вѣроятно, въ первую минуту свойственная молодости самоувѣренность и желаніе отстоять себя отъ чужихъ вліяній не позволили Самарину, просто на просто, признать себя, въ вопросахъ вѣры, ученикомъ двухъ этихъ выдающихся представителей старшаго поколѣнія. Непосредственное и прямое вліяніе Хомякова на развитіе воззрѣній Самарина сложилось позднѣе, а Кирѣевскій, по самымъ свойствамъ своей тихой, одинокой и скромной думы, по своей мягкости и женственности, никогда не оказывалъ на Самарина непосредственнаго дѣйствія. Но обѣ встрѣчи съ первой минуты не могли тѣмъ не менѣе не укрѣпить его интереса къ чисто религіознымъ и богословскимъ вопросамъ, которые онъ поставилъ себѣ, чтобы сознательно оцѣнить старую церковную полемику Стефана и Ѳеофана.

Было еще — къ сожалѣнію мало освѣщенное наличными данными — обстоятельство, которое должно было сыграть роль въ дѣлѣ опредѣленія путей первыхъ самостоятельныхъ изысканій Самарина; это — его дружба въ тѣ годы съ двоюроднымъ братомъ, Гагаринымъ, будущимъ іезуитомъ, тогда секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, въ отпуску въ сосѣдней съ Измалковымъ подмосковной. Кн. И. С. Гагаринъ былъ несомнѣнно недюжинымъ человѣкомъ, и общеніе съ нимъ, какъ разъ въ тѣ годы, когда подготовлялся его переходъ въ католичество (осуществившійся въ Апрѣлѣ 1842 г.) и споры на чисто религіозныя темы, не могли не содѣйствовать «нетерпѣливой дѣятельности мысли», о которой Самаринъ писалъ Аксакову лѣтомъ 1840 г.

Первый набросокъ воззрѣній, къ которымъ онъ пришелъ послѣ чтеній въ Измалковѣ, изложенъ въ любопытномъ посланіи къ заѣзжему французскому политическому дѣятелю, члену палаты депутатовъ, Могену. Рѣдкіе иностранцы, отваживавшіеся на путешествіе въ Россію до желѣзныхъ дорогъ, пріѣзжая въ Москву, попадали къ Самаринымъ. Однимъ изъ нихъ былъ вышеуказанный Могенъ, весьма любезный французскій господинъ, говорившій о томъ, что Россія необыкновенно выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ съ ней и что русскіе заслуживаютъ изученія, и вѣжливо выслушивавшій длинныя объясненія Самарина и Аксакова о національныхъ особен-

ностяхъ русскаго народа. Передъ отъѣздомъ его изъ Россіи, Самаринъ написалъ ему письмо, въ которомъ изложилъ свои мысли объ этихъ особенностяхъ. Одной изъ нихъ, по Самарину, является самодержавіе, другой православная вѣра. Вотъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ православію: «Православное вѣроученіе одинаково чуждо уклоненій католицизма и заблужденій протестантизма... Такъ же, какъ и католики, мы признаемъ авторитетъ церкви, но непогрѣшимость, слѣдовательно и безусловный авторитетъ мы признаемъ только за вселенскими соборами. Наша церковь не конфисковала въ свою пользу, подобно церкви римской, обѣтованія, даннаго Христомъ церкви вообще, когда онъ покинулъ землю; она не воплотила въ лицѣ папы духовнаго единства церкви и не матеріализировала христіанства. Лишенная власти свѣтской, церковь наша принимала участіе въ исторіи нашей чисто нравственное. Не будучи поставлена въ необходимость вмѣшиваться въ дѣла свѣтскія и блюсти мірскіе интересы, она не имѣла и случая уклоняться отъ своей задачи и входить съ собою въ сдѣлку, допуская отступленіе отъ исповѣдуемыхъ ею началъ. Такимъ образомъ отсутствіе безусловнаго авторитета, постоянно присущаго одному лицу, отсутствіе свѣтской власти — вотъ, что спасло насъ отъ злоупотребленій, которымъ подвергся католицизмъ... Считаю излишнимъ говорить о томъ, что насъ отдѣляетъ отъ протестанства. Оно само произнесло себѣ сужденіе, обнаруживъ свое безсиліе. Протестанство есть только рядъ отрицаній, порожденныхъ злоупотребленіемъ католицизма и связанныхъ другъ съ другомъ необходимо и логически...»

Эти строки указываютъ, въ какомъ направленіи шли вызванныя работой надъ диссертаціей религіозныя размышленія Самарина. Въ самомъ дѣлѣ по мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ произведеніями Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича, ему становилось все яснѣе и яснѣе зависимость перваго, въ его полемикѣ противъ протестантизма, отъ католическихъ ученій и зависимость второго, въ его полемикѣ съ католицизмомъ, отъ ученій протестантскихъ. Отсюда необходимость противопоставленія католицизма и протестанства съ основами истиннаго христіанства, которое Самаринъ — этотъ исходный пунктъ ему никогда не былъ сомнительнымъ — находилъ только въ церкви православной. Собственно, изложенныя въ письмѣ къ французскому путешественнику мысли идутъ въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, католичеству вмѣняется въ вину его неправильное отношеніе къ государству и къ дѣламъ свѣтскимъ — мысль для второй части диссертаціи, о которой Самаринъ пока еще не думалъ сколько нибудь пристально. Съ другой стороны, католичество обвиняется въ неправильномъ пониманіи основъ христіанской церковности, а протестанство признается лишеннымъ положительнаго содержанія. Это — уже

мысли по существу чисто богословскихъ вопросовъ, область первой части диссертацiи, надъ которой онъ въ ту минуту работалъ. Въ отношенiи протестантизма Самаринъ остался до конца своей работы вѣренъ указанной первой своей мысли. Въ окончательномъ видѣ диссертацiя стоитъ на томъ, что протестанство является отрицанiемъ церкви. Свобода изслѣдованiя и отказъ отъ священнаго преданiя разрушаютъ церковь въ ея христiанскомъ пониманiи. Вотъ заключительная оцѣнка отразившей на себѣ протестанское влiянiе системы Өеофана Прокоповича въ диссертацiи Самарина: «Что касается до положительнаго достоинства Өеофановой системы, то мы замѣтили при разборѣ первой книги, что Өеофанъ Прокоповичъ, допуская безъ всякаго внѣшняго ограниченiя личное изслѣдованiе, слѣдовательно принимая протестантское начало, открывалъ дорогу всѣмъ дальнѣйшимъ заблужденiямъ протестантизма и лишалъ свои собственныя положенiя той силы, которую имѣетъ только слово Церкви и никакое лицо себѣ присвоить и удержать за собой не можетъ. Между тѣмъ, въ системѣ Өеофановой фактъ Церкви занимаетъ мѣсто второстепенное. Поэтому, противъ его основного положенiя, вполнѣ сильны всѣ возраженiя Стефана Яворскаго»... Другого отношенiя къ протестанству нельзя было ждать отъ Самарина, разъ онъ стоялъ на точкѣ зрѣнiя православной церкви, хранительницы преданiя, одинаково обязательнаго со священнымъ писанiемъ.

Но въ отношенiи католицизма, котораго ученiе о церкви несравненно ближе къ ученiю православному, Самаринъ не могъ удовольствоваться своимъ первымъ доводомъ — о «матерiализированiи» въ немъ христiанства, посредствомъ «конфискацiи» папствомъ въ свою пользу даннаго Христомъ церкви обѣтованiя. Прежде всего этотъ тезисъ не годился для оцѣнки системы Стефана Яворскаго, ибо, каково бы ни было влiянiе на него католической догматики, онъ, конечно, не былъ повиненъ въ признанiи папской непогрѣшимости. Но и независимо отъ этого, доводъ письма къ Могену, самъ по себѣ, не былъ достаточно ясенъ: чтобы раскрыть его содержанiе, требовалось предварительное выясненiе вопроса о томъ, какъ, съ православной точки зрѣнiя, совершается въ церкви обнаруженiе духовной истины. Размышляя надъ этимъ вопросомъ, Самаринъ въ началѣ слѣдующаго 1841 г. взялся за чтенiе философскихъ книгъ, сначала Гегеля, потомъ Канта, которыя должны были помочь ему въ выясненiи общаго вопроса о религiозной истинѣ. Уже первое знакомство съ философскими трудами Гегеля — въ университетѣ онъ читалъ только его эстетику — отразилось на его постановкѣ вопроса о церковномъ авторитетѣ: онъ сталъ подходить къ нему подъ угломъ зрѣнiя Гегелевской категорiи развитiя. Зимой 1841-1842 г. онъ сдѣлалъ попытку изложить свои воззрѣнiя на этотъ вопросъ, независимо отъ диссертацiи,

въ нѣсколькихъ письмахъ, адресованныхъ А. Н. Попову, но предназначенныхъ для чтенія въ московскихъ кружкахъ, въ которыхъ онъ тогда вращался; въ особенности онъ имѣлъ въ виду Хомякова. Первое изъ этихъ писемъ посвящено доказательству положенія, что церковь развивается, т. е. постоянно приводитъ къ своему сознанію вѣчную неисчерпаемую истину, которою она обладаетъ. Вотъ его разсужденія: «Воплощеніемъ Сына Божія совершилось примиреніе между человѣкомъ и Богомъ въ лицѣ Бого-человѣка. Но видимое присутствіе Спасителя на землѣ должно было кончиться. Спаситель возносится и даетъ своимъ ученикамъ обѣтованіе Духа — создаетъ Церковь. Духъ Божій постоянно живетъ въ Церкви... Итакъ, въ Церкви два элемента: Божественный и человѣческій. Весь вопросъ въ томъ, какъ они взаимно относятся. Пребываютъ ли они равнодушно одинъ къ другому: Духъ, какъ вѣчная истина, въ своей полнотѣ и неподвижности, а человѣчество подъ своимъ опредѣленіемъ постояннаго развитія. Въ такомъ случаѣ изъ двухъ предположеній вы должны будете допустить одно: или вы оторвете человѣчество отъ Бога, примите ветхозавѣтное отношеніе и низведете Церковь на степень жреческой касты, но тогда вы отрицаете существенный фактъ христіанства, или же изъ общаго развитія человѣчества вы исключите одно лицо и укажете на него, какъ на такое, на которомъ Духъ постоянно конкретизуется; тогда это лицо будетъ Церковь, а все остальное случайная толпа людей. Такъ было въ католицизмѣ. Частныя лица рѣзко отдѣляются отъ Церкви и относятся къ ней какъ подданные къ Государю; они живутъ подъ Церковью, а не въ Церкви. Они развиваются, Церковь, остается неподвижною... То и другое предположеніе ложно. Остается допустить тѣсное, неразрывное сочетаніе двухъ элементовъ: частныхъ лицъ, представляющихъ собою Церковь, и Духа — развивающееся сознаніе Церкви... Церковь развивается, но развитіе ея стоитъ безконечно выше всякаго человѣческаго развитія, потому что каждый моментъ его запечатлѣнъ Духомъ, каждый результатъ, каждое слово Церкви есть необходимо истинное. Поэтому самый путь, которымъ она достигла истины, Церковь должна признать, должна благословить развитіе. Торжество надъ зломъ, побѣда надъ смертью лежитъ въ основаніи Церкви. Это значитъ, что ей дана возможность непогрѣшимаго развитія, постиженія всякой истины, обличенія всякой лжи.»

Каковы бы ни были внутреннія достоинства этихъ мыслей — Вл. Соловьевъ признавалъ за ними большое значеніе въ исторіи русской богословской доктрины — они во всякомъ случаѣ были мало пригодны для обоснованія съ православной точки зрѣнія возраженій противъ католичества. Послѣднее не только никогда не отрицало развитія церкви, но съ достаточнымъ основаніемъ указывало, что именно православная церковь повинна

въ такомъ отрицанiи. Папскiй авторитетъ не является, конечно, отрицанiемъ возможности внутренняго развитiя церкви, ибо и для православiя, и для католичества въ одинаковой мѣрѣ необходимо найти внутри церкви органъ, который могъ бы въ вопросахъ вѣры развивать истинный смыслъ писанiя и преданiя: разница лишь въ томъ, гдѣ обѣ церкви этотъ органъ находятъ.

Въ связи съ этимъ первымъ вопросомъ — вопросомъ о развитiи церкви, для Самарина возникалъ другой, ближе связанный съ его темой и, по всей вѣроятности, вызвавшiй постановку и перваго, — о значенiи богословской науки вообще. Проштудировавъ Стефана Яворскаго и Өеофана Прокоповича, онъ нашелъ у перваго школу католическаго богословiя и у второго школу богословiя протестантскаго. Самостоятельной богословской системы православной церкви на лицо не оказалось. Отвергая католическую науку Стефана и протестантскую Өеофана, Самаринъ долженъ былъ невольно склоняться къ выводу, что православная церковь отрицаетъ вообще богословскую науку, что она «себя не доказываетъ». Такой чисто отрицательный тезисъ мало гармонировалъ съ его мыслями о внутреннемъ развитiи православной церкви, и письма къ А. Н. Попову свидѣтельствуютъ, что онъ колебался его принять. Въ третьемъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ — «Спрашиваю: когда Церковь допустила доказыванiе вообще, когда опредѣлила характеръ самыхъ доказательствъ, исключивши всѣ неудовлетворительныя, слабыя и признавши только тѣ, которыя въ своей совокупности представляютъ полное оправданiе догматовъ, т. е. систему, по какому праву она откажетъ этой системѣ въ догматическомъ значенiи?» Однако, въ томъ же письмѣ онъ формулируетъ и соображенiе, которое внутренне останавливало его въ признанiи законности богословской догматики для православной церкви: «допуская въ свою сферу требованiя науки, Церковь необходимо разрѣшается въ философiю». А если такъ, то — долженъ былъ себѣ говорить Самаринъ — всѣ, хорошо сознававшiеся имъ пробѣлы православной догматики принадлежали бы восполненiю заново, при помощи философской науки, и, вѣроятно, цѣною отказа отъ неприкосновенности того историческаго православiя, которому Самаринъ былъ до этой минуты безусловно вѣренъ. Не значило ли это, въ конечномъ счетѣ, стать на почву протестанскаго «свободнаго изслѣдованiя», отказаться отъ «единства» церкви — хранительницы Христова обѣтованiя?

Въ этихъ размышленiяхъ, вызванныхъ проблемой размежеванiя православiя отъ католицизма, прошла зима 1841-1842 г. г. Недовольный медленнымъ развитiемъ своей работы Самаринъ принялъ въ концѣ ея два рѣшенiя: онъ оставилъ на время философскiя чтенiя и уѣхалъ изъ Москвы въ Измалково съ твердымъ намѣренiемъ провести тамъ лѣто и зиму. Сосредо-

точенная работа въ деревенской тиши сопровождалась чрезвычайно характернымъ для Самарина актомъ внутренней умственной дисциплины: онъ отложилъ разрѣшеніе всѣхъ своихъ сомнѣній, на время отсѣкъ ихъ, упростивъ постановку вопросовъ богословской части своей работы и временно принявъ рядъ пока не доказываемыхъ, а лишь догматически утверждаемыхъ положеній. Въ результатѣ, къ концу лѣта 1842 г., онъ могъ скончательно передѣлать и закончить первую часть диссертаціи и приняться за вторую. Но его оцѣнка католичества приняла слѣдующій, значительно съуженный въ своемъ содержаніи видъ. Онъ больше не противопоставляетъ православія, какъ церкви развивающейся, католицизму, какъ церкви не развивающейся, а возвращается къ аргументу письма къ Могену, лишь отдаленно намекающему, въ теперешней редакціи, на смѣлыя положенія письма къ Попову. «Въ католицизмѣ, говоритъ онъ, предстаетъ намъ идея единства. Но эта идея, понятая отвлеченно и заключенная въ символъ, не проникаетъ христіанскаго человѣчества. Напротивъ того, въ протестантизмѣ являются отдѣльныя частныя лица съ живымъ религіознымъ стремленіемъ, но неспособныя вознестись до общаго и потому разобщенныя между собою. Ни тамъ, ни здѣсь мы не видимъ церкви, какъ живого явленія; но узнаемъ двѣ отвлеченныя ея стороны. Церковь вполнѣ выражаетъ свое сознаніе о себѣ самой, называя себя духовнымъ тѣломъ, котораго члены суть всѣ вѣрующіе, а глава есть самъ Христосъ. Слѣдовательно, понятіе Церкви воплощается не въ одномъ лицѣ, какъ ея представителѣ, а во всей совокупности христіанскаго человѣчества. Духъ Божій постоянно живетъ въ Церкви, т. е. въ живой совокупности ея членовъ, а не въ одномъ изъ нихъ въ особенности.» Тоже значительное упрощеніе и въ разсужденіи о богословской наукѣ. Ея наличность признается безусловнымъ грѣхомъ католической церкви, ея отсутствіе провозглашается кореннымъ устоемъ православія. «Главное свойство католицизма, какъ ученія, — говорится въ диссертаціи, — заключается въ насильственномъ сочетаніи двухъ началъ, церковнаго и философскаго. Первое является въ положительномъ содержаніи религіи, основанномъ на авторитетѣ церкви; второе — въ отвлеченной мысли, стремящейся доказать это содержаніе и развить его логически. То и другое начало католицизмъ признаетъ и силится совмѣстить въ себѣ. Отсюда вредъ для обоихъ. Догматы теряютъ первоначальный характеръ свободнаго откровенія, и низводятся на степень правильныхъ выводовъ. Церковь, какъ будто потерявъ вѣру въ себя, ищетъ внѣшней опоры и призываетъ на помощь философское начало; но, вводя его въ свою сферу, она необходимо стѣсняетъ его, не даетъ ему свободнаго развитія изъ самого себя и ограничиваетъ его дѣятельность доказываніемъ даннаго, извнѣ на него возложеннаго содержанія,

резонированіемъ надъ опредѣленными истинами — раціонализмомъ; слѣдовательно, держитъ его на степени разсудка».— Отсюда, съ другой стороны, принципіальное отрицаніе богословской системы въ православіи, какъ коренной выводъ всей работы, посвященной анализу богословскихъ ученій Стефана Яворскаго и Ѳ. Прокоповича. «Въ сферѣ церковнаго ученія, — говорится въ заключительныхъ строкахъ первой части диссертаціи, — вліяніе католицизма и протестантизма выразилось двумя системами, взаимно опровергающимися въ томъ, что составляетъ сущность системы. Одна изъ нихъ заимствована у католиковъ, другая у протестантовъ. Первая была одностороннимъ противодѣйствіемъ вліянію Реформаціи; вторая такимъ же одностороннимъ противодѣйствіемъ іезуитской школѣ. Церковь терпитъ ту и другую, признавая въ нихъ эту отрицательную силу. Съ двухъ противоположныхъ сторонъ, онѣ оберегаютъ ея предѣлы. Но ни той, ни другой Церковь не возвела въ степень своей системы, и ни той ни другой не осудила; слѣдовательно общее понятіе, лежащее обѣимъ въ основаніи — понятіе о церковной системѣ — Церковь исключила изъ своей сферы, признала себѣ чуждымъ. Мы вправѣ сказать, что Православная Церковь не имѣетъ системы и не должна имѣть ея.»

По всей справедливости, такой выводъ для русскаго религіознаго мыслителя можетъ быть названъ не только отрицательнымъ, но самоубійственнымъ. Каково бы ни было обоснованіе исповѣдуемой имъ церковной истины, отрицаніе возможности ея систематическаго развитія есть лишеніе церкви могущественнаго средства вліянія и проповѣди. И какъ мало вяжется оно съ гордою мыслью: «церковь развивается и постоянно приводитъ къ своему сознанію вѣчную, неисчерпаемую истину, которою она обладаетъ», — провозглашенной въ первомъ письмѣ къ Попову.

Самаринъ, видимо, сознавалъ отрицательный характеръ конечной своей оцѣнки двухъ старыхъ русскихъ богослововъ. Конечно, центръ произведенной имъ работы лежалъ не въ немъ, а въ характеристикѣ — цѣнной съ научной точки зрѣнія, полной и внимательной — содержанія ученій іерарховъ Петровскаго времени. Тѣмъ не менѣе продолжая, со свойственной ему выдержкой, работу надъ дальнѣйшими частями диссертаціи, Самаринъ возобновилъ философскія чтенія и свои размышленія надъ коренными вопросами вѣры и знанія. Но объ этихъ чтеніяхъ и размышленіяхъ, сигравшихъ очень важную роль въ умственномъ развитіи Самарина, надо говорить позднѣе. Они совершенно не отразились на диссертаціи. Между тѣмъ не исчерпана еще «школа» этой послѣдней.

Вторая часть диссертаціи, посвященная вопросу о православной церкви и русскомъ государствѣ, разрабатывалась Самаринымъ нѣсколько иначе, чѣмъ первая. Онъ ушелъ въ изученіе

памятниковъ русской исторіи, лѣтописей, актовъ археографической экспедиціи, румянцевскаго собранія грамотъ и договоровъ, полнаго собранія законовъ. Непосредственная работа надъ источниками существенно дополнила недостаточныя лекціи Погодина, и Самаринъ на всю жизнь научился самостоятельнымъ историческимъ изысканіямъ. Но и въ этомъ изслѣдованіи прошлыхъ судебъ русской церкви онъ шелъ по нѣкоторой, извнѣ привнесенной, схемѣ религіозно-политическаго порядка, построенной на противопоставленіи православія католичеству и протестантству. Строя эту схему, Самаринъ въ первый разъ самостоятельно ставилъ и рѣшалъ вопросъ политическій, впервые входилъ въ ту область, которая, съ теченіемъ лѣтъ стала основной для всей его жизненной работы. Условія, въ которыхъ онъ росъ, семейная традиція, шедшая изъ Павловскаго дворца, и традиція общественная, вытекавшая для верховъ русскаго общества изъ трагическихъ воспоминаній о безплодной попыткѣ 14 Декабря, — все это дѣлало изъ Самарина монархиста. Мы видѣли, что въ письмѣ къ Могену самодержавіе ему казалось однимъ изъ коренныхъ устоевъ русской народности. Но, столкнувшись при писаніи второй части диссертаціи съ опредѣленіемъ положенія церкви въ государствѣ, Самаринъ впервые намѣтилъ коренную поправку къ этой своей основной политической формулѣ: убѣжденіе въ необходимости для Россіи неограниченной власти неразрывно слилось со столь же твердымъ убѣжденіемъ, что эта власть, какъ всякая государственная власть вообще, должна покоиться на признаніи за подданными широкой сферы свободы. Здѣсь въ первый разъ, по поводу охраны безконечно цѣннаго для Самарина религіознаго интереса, намѣчается основной «либерализмъ» будущей Самаринской политики.

Западъ, полагаетъ Самаринъ, не съумѣлъ построить правильныхъ отношеній между церковью и государствомъ: онъ не могъ выйти изъ альтернативы: католическаго господства церкви и отрицанія государства и протестантскаго господства государства и отрицанія церкви. Русская исторія доказала возможность примиренія двухъ сферъ. «Церковь православная, сознавая себя какъ живое явленіе, само въ себѣ конкретное, никогда не искала осуществиться въ формѣ государства. Она живетъ въ своей чисто духовной сферѣ, какъ уже вполнѣ осуществившаяся цѣлая, какъ воплотившійся Духъ». И далѣе: «Церковь всегда признаетъ государство, но государство можетъ не признавать ея, и потому въ этомъ послѣднемъ признаніи Церковь не полагаетъ необходимаго для себя условія. Какъ бы не относилось къ ней государство, хотя бы даже оно не признавало ея, хотя бы гоненіе падало на ея представителей, полная вѣры въ обѣтованіе, свыше ей данное, она не прибѣгаетъ къ внѣшнимъ для нея средствамъ, и не отражаетъ силы силою. Въ этой возможности отрѣшаться отъ государства лежитъ ея свобода, которой никакая земная власть от-

нять у ней не можетъ». Отсюда и другая мысль, крѣпко, на всю жизнь, проникшая въ сознаніе Самарина. Православная церковь не должна, во имя сохраненія своей независимости отъ государства, искать помощи послѣдняго въ борьбѣ съ иновѣрцами; отступая отъ этого требованія, она впадаетъ въ грѣхъ, который свойственъ католичеству, отожествлявшему себя съ государствомъ. Приведя извѣстныя слова Стефана Яворскаго — «егда мечъ духовный мало успѣваетъ, мечъ вещественный пособствуетъ», Самаринъ замѣчаетъ: «Лучше этого не сказалъ бы самъ Беллярминъ. Вся эта страница — неизгладимое пятно на памяти Стефана Яворскаго». Свобода церкви и свобода совѣсти — таковъ политическій идеалъ Самарина.

Подъ этимъ угломъ зрѣнія рисуется ему и прошлое русской церкви. «Нормальное отношеніе — гласятъ заключительныя строки второй части диссертаціи — Церкви къ государству въ Православномъ мірѣ опредѣляется, какъ взаимное признаніе, Вліяніе католицизма нарушило ту гармонію, въ которой пребывали Церковь и государство въ Россіи. Оно набросило на патріаршество отблескъ папизма и воздвигло въ духовенствѣ политическую партію, враждебную государству. Католическое вліяніе вызвало со стороны государства противодѣйствіе, само по себѣ необходимое, но уклонившееся въ протестантскую односторонность. Это противодѣйствіе было дѣломъ Петра Великаго и Ѳеофана Прокоповича. Мы назвали его необходимымъ и этимъ осудили направленіе, ему предшествовавшее; мы назвали его одностороннимъ, слѣдовательно, не останавливаемся на немъ. Воздавъ ему должное, мы освобождаемся отъ его односторонности и сознаемъ его только, какъ моментъ, — и это сознаніе есть уже начало выхода».

Когда сопоставляешь политическіе тезисы диссертаціи съ ея тезисами богословскими, ясно чувствуешь неизмѣримо большую зрѣлость первыхъ по сравненію со вторыми. Здѣсь, во второй части работы, Самаринъ сразу же находитъ то, чему онъ оставался вѣренъ всю жизнь, и это — не даромъ. Сфера политики — государственной и церковной, одинаково, — ему ближе, онъ двигается въ ней свободнѣе, чѣмъ на высотахъ религіозной философіи. Тамъ потребовалось новое усиліе мысли и воли, прежде чѣмъ у Самарина сложился — и сложился съ чужою помощью — опредѣленный и законченный кругъ понятій и мыслей; здѣсь политическая истина пришла какъ бы сама, путемъ логическаго развитія коренного либерализма воззрѣній Самарина.

Вторая часть диссертаціи писалась осенью 1842 г. и зимой 1842-1843 гг. въ Измалковѣ, гдѣ, послѣ отъѣзда семьи, Самаринъ оставался одинъ, лишь изрѣдка наѣзжая въ Москву видаться съ родными и запасаться книжнымъ матеріаломъ. Къ веснѣ она была кончена и тогда же написана третья — литературная часть, о проповѣдяхъ Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича.

Готовые, на-бѣло переписанные, три тома были представлены въ университетъ въ томъ-же 1843 г. Самаринъ и раньше зналъ, что напечатать всего изслѣдованія не удастся, такъ какъ первыя двѣ части должны были бы идти въ духовную цензуру, и университетъ не могъ взять на себя разрѣшеніе на ихъ обнародованіе. Словесное отдѣленіе въ апрѣлѣ 1844 г. постановило напечатать третью часть, составившую маленькую книжечку подъ заглавіемъ «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ проповѣдники». Защита ея состоялась лѣтомъ. Полностью диссертація была напечатана только послѣ смерти Ю. Ѳ. въ 1880 г.

Исторія умственнаго развитія Самарина въ эпоху диссертаціи не исчерпывается тѣми результатами, которые вложены имъ въ текстъ изслѣдованія. Мы видѣли, что онъ болѣе или менѣе насильственно оборвалъ свои богословскія размышленія и чтеніе философскихъ книгъ лѣтомъ 1842 г., чтобы вернуться къ нимъ послѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Измалковскомъ одиночествѣ осени и зимы этого года, между чтеніями Голикова и актовъ археографической экспедиціи, Самаринъ снова дѣятельно принялся обдумывать вопросы вѣры и знанія, оставленные имъ болѣе или менѣе открытыми. Къ концу года у него стали слагаться первые выводы, но насколько далекіе отъ богословскихъ тезисовъ диссертаціи! Онъ понялъ, что ему не удастся справиться съ грандіознымъ вѣковымъ зданіемъ католической догматики, не заполнивъ пустоты, образуемой ранѣе принятымъ положеніемъ, что православіе не знаетъ и не должно знать богословской системы; онъ ясно почувствовалъ, что католическому богословію надо противопоставить богословіе православное. Единственный путь, который онъ теперь видѣлъ для построенія православія, какъ системы, лежалъ черезъ философію, въ частности черезъ Гегеля. Хорошо извѣстно, что въ тѣ годы для московской молодежи именно Гегель воплощалъ собой западноевропейское философствованіе. «Только и слышишь, что Гоголь да Гегель» — описывалъ Москву Катковъ. Такой результатъ — передъ которымъ Самаринъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ остановился съ нѣкоторымъ внутреннимъ ужасомъ — теперь представлялся ему простымъ и естественнымъ. «Скажу вамъ одно:» — писалъ Самаринъ находившемуся заграницей А. Н. Попову 5 Декабря 1842 г.—«изученіе Православія,конечно, ограничившееся однимъ моментомъ — проявленіемъ въ немъ двухъ односторонностей: католической и протестантской — привело меня къ результату, что Православіе явится тѣмъ, чѣмъ оно можетъ быть, и восторжествуетъ только тогда, когда его оправдаетъ наука, что вопросъ о Церкви зависитъ отъ вопроса философскаго и что участь Церкви тѣсно, неразрывно связана съ участью Гегеля. Это для меня совершенно ясно и потому съ полнымъ сознаніемъ отлагаю занятія богословскія и приступаю къ философіи». Нѣкоторый задоръ этихъ словъ не вполнѣ передаетъ то настроеніе, которое было вызвано въ Самаринѣ его новыми мыслями. При всей

его умственной уравновѣшенности и внутренней дисциплинѣ отказъ отъ традиціоннаго православія во имя новаго православія по Гегелю вызывалъ въ Самаринѣ подчасъ мучительныя сомнѣнія. Онъ чувствовалъ, насколько близокъ былъ избранный имъ путь къ простому отрицанію вѣры, въ которой онъ родился и воспитывался. Но онъ шелъ новымъ путемъ именно потому, что видѣлъ въ немъ средство отстоять эту вѣру. «Пусть тотъ, кто изучилъ православіе — записано въ одномъ изъ отрывковъ, сохранившихся отъ того времени въ рукописяхъ Ю. Ѳ. — и кто прочелъ начало второй части Символики Мелера, въ которомъ развито понятіе о церкви католической, пусть тотъ положитъ руку на сердце и скажетъ, есть ли въ православной церкви, какъ церкви, оставя въ сторонѣ то особенное опредѣленіе ея, вытекающее изъ ея отношенія къ философіи, что либо такое, чего бы не было въ церкви католической. И можетъ ли православный человѣкъ, пребывая исключительно на точкѣ зрѣнія религіозной, не признать въ этой церкви той, которой членомъ онъ себя считаетъ? Я убѣжденъ, что нѣтъ...» — Новое философское богословіе, которое должно было спасти православіе какъ церковь, представлялось, насколько можно судить по сохранившимся скуднымъ даннымъ, какъ принципіальное размежеваніе области вѣры и области науки. Православіе, своимъ отрицаніемъ догматики, признало, что обѣ сферы существуютъ независимо другъ отъ друга, какъ независимо отъ религіи существуетъ искусство: вѣра — чаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ — есть вѣчно присущій моментъ въ развитіи духа, но она оставляетъ неприкосновенной и самостоятельной область науки и философіи, ту «высшую сферу, которую укрѣпляетъ за собою разумъ, навсегда удаляясь изъ сферы религіи», по выраженію другого отрывка въ рукописяхъ Самарина.

Герценъ, съ которымъ въ 1843 г., послѣ его возвращенія изъ ссылки, Самаринъ очень подружился и который по складу своего ума былъ во многихъ отношеніяхъ внутренне близокъ послѣднему, послѣ одной изъ бесѣдъ съ Ю. Ѳ. довольно основательно и мѣтко назвалъ въ своемъ дневникѣ его новыя построенія «юкстапозиціей» вѣры и науки, ихъ «формальнымъ, внѣшнимъ сосуществованіемъ». Онъ тутъ же отмѣчалъ, что на такой «юкстапозиціи» не позволяетъ Самарину остановиться «благородное устройство его головы». Конечно, Самаринъ не могъ не чувствовать, что «юкстапозиція» въ самомъ дѣлѣ не рѣшаетъ тѣхъ основныхъ вопросовъ, надъ которыми онъ работалъ, что, такъ или иначе, надо выбрать между «православіемъ и Гегелемъ», между Церковью и ея отрицаніемъ.

Самаринъ выбралъ Церковь. Этимъ выборомъ онъ былъ обязанъ Хомякову. Постоянно видаясь съ нимъ съ самаго выхода изъ университета, Самаринъ окончательно сблизился съ нимъ, водворившись въ Москвѣ послѣ своего продолжительнаго пребы-

ванія въ Измалковѣ въ 1842-1843 гг. Хомяковъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за происходившимъ въ Самаринѣ кризисомъ и зналъ, что мужественная логичность его молодого друга не позволитъ ему «съ утомленія закрыть глаза» и «насильно наложить на себя забвеніе», что душевный миръ, подобный «гробу повопленному», не въ природѣ Самарина. Онъ подходилъ къ переживавшемуся Самаринымъ кризису съ полнымъ спокойствіемъ человѣка, для котораго религіозная истина непоколебима. Эта увѣренность Хомякова въ прочности вѣры всего болѣе поразила Самарина, когда онъ съ нимъ сблизился: онъ чувствовалъ, что Хомяковъ для нее ничего не боится, что онъ на все смотритъ во всѣ глаза и не жмурится, прошелъ школу современной философіи и науки, изучилъ критическую работу западной учености надъ священнымъ писаніемъ и преданіемъ, изслѣдовалъ развитіе другихъ міровыхъ религій, и, несмотря на эту полнѣйшую свободу умственной работы, ни на минуту не поколебался въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Послѣ долгихъ бесѣдъ и споровъ съ нимъ Самаринъ чувствовалъ себя каждый разъ какъ бы освобожденнымъ отъ мучительно переживавшейся имъ узкой заботы объ охранѣ своего православія, какъ чего-то хрупкаго и не совсѣмъ надежнаго. Съ высотъ религіозной истины, которую проповѣдовалъ Хомяковъ, всѣ прежнія сомнѣнія Самарина начинали ему казаться условными и дѣтскими. Вмѣстѣ съ Хомяковымъ, Самаринъ понялъ, что Церковь есть организмъ истины и любви и что только въ ней открывается истина живая и животворящая. Онъ призналъ, какъ и Хомяковъ, что, говоря о вѣрѣ, мы говоримъ въ одно и тоже время о повѣданной Церковью полной и безусловной истинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ. объ особомъ, отличномъ отъ знанія, пути ея постиженія и усвоенія, и что именно поэтому никакое знаніе не можетъ ни опровергнуть, ни измѣнить вѣроисповѣдной истины; наука и философія опасны только для тѣхъ, кто усвоилъ себѣ отрѣшенную отъ любви логическую истину: для католиковъ съ раціонализмомъ ихъ внѣшняго папскаго авторитета и для протестантовъ съ раціонализмомъ ихъ самодѣльной истины.

Н. А. Бердяевъ правильно и глубоко отмѣчаетъ сходство между богословской системы Хомякова и современнымъ философскимъ прагматизмомъ. Въ конечномъ счетѣ прагматизмъ Хомякова есть выраженіе глубокаго волюнтаризма всякаго подлиннаго христіанства. И въ этомъ волюнтаризмѣ его богословія лежитъ и психологическая разгадка тайны глубокаго вліянія Хомякова на Самарина. Православіе Самарина есть, въ первую очередь, актъ его воли. Онъ спасъ свою вѣру въ ту минуту, когда, благодаря Хомякову, онъ понялъ, что религіозная истина утверждается, а не доказывается: и онъ остался православнымъ, укрѣпивъ свой религіозно-философскій прагматизмъ на коренномъ «прагматизмѣ» всего своего душевнаго уклада.

3.

Самаринъ былъ счастливъ своими научными занятіями; его московская жизнь была полна; онъ окруженъ былъ рядомъ людей, представлявшихъ лучшее въ самыхъ блестящихъ поколѣніяхъ русскихъ людей послѣдняго столѣтія. Какъ равный, онъ занялъ мѣсто среди нихъ, сразу оцѣненный и признанный. Необыкновенно благопріятныя внѣшнія условія обезпечивали ему полную свободу и независимость. Онъ могъ бы продолжать жить въ Москвѣ, ѣздить къ Свербеевымъ и Елагинымъ, къ Каролинѣ Павловой и Герцену, спорить о новой статьѣ Хомякова или новомъ сочиненіи Гоголя, объ особенностяхъ русской народности или о Логикѣ Гегеля, писать статьи въ «Москвитянинѣ», обѣдать въ Англійскомъ клубѣ, а лѣтомъ уѣзжать въ Измалково или въ самарскія деревни. Но Ѳедоръ Васильевичъ, — быть можетъ, инстинктивно сознавая, что превращеніе сына въ такого московскаго дворянина-литератора, ѣздящаго въ гости и ведущаго безконечныя бесѣды на разныя темы, было бы извращеніемъ положенной Юрію Самарину жизненной роли, а можетъ быть и просто подъ вліяніемъ традиціоннаго убѣжденія, что молодымъ людямъ надо служить, настоялъ на томъ, чтобы Юша уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ сенатъ. Ѳ. В. досадовалъ на сына, пока тотъ писалъ диссертацію, что она все не кончается и что его планы службы откладывались. До окончанія работы Ю. Ѳ съ большой твердостью отстаивалъ свою свободу. Но послѣ диспута, который состоялся 3 Іюня 1844 г., Ѳ.В. настоялъ на своемъ, и въ этомъ его не поколебалъ ученый успѣхъ, одержанный Ю. Ѳ., ибо диспутъ, на который собралась вся Москва — «всѣ друзья Самарина обоего пола», какъ писалъ старый холостякъ П. Я. Чаадаевъ, — и который былъ большимъ въ ней событіемъ, далъ Ю. Ѳ. случай въ первый разъ обнаружить публично свои увѣренныя и глубокія знанія, свое краснорѣчіе и свое искусство спорить, и кончился всѣми признаннымъ его торжествомъ. Исполняя желаніе отца, Самаринъ 7 Августа уѣхалъ въ Петербургъ.

Впервые онъ соприкасается въ этотъ моментъ съ государственной машиной Россіи, работа которой составляла потомъ его главный интересъ и которая позднѣе, на нѣсколько десятилѣтій, восприняла отпечатокъ именно имъ творчески намѣченныхъ политическихъ указаній и выкладокъ. Но въ первую минуту атмосфера государственнаго центра Николаевской Россіи произвела на него удручающее впечатлѣніе. Онъ былъ причисленъ въ «департаменту министерства юстиціи», надо полагать потому, что во главѣ министерства юстиціи стоялъ, тогда еще совсѣмъ молодой, но хорошо извѣстный и близкій всей родовитой Москвѣ, графъ Панинъ, «Victor», какъ о немъ говорили его московскіе родичи. Самарина посадили писать «доклады», «т. е. — какъ онъ объяснялъ въ письмѣ къ отцу — переводить готовыя дѣла съ сѣрой

бумаги на бѣлую, съ прибавленіемъ знаковъ препинанія». За этимъ занятіемъ, которое, послѣ размышленій послѣднихъ лѣтъ объ основахъ православія, объ отношеніяхъ государства и церкви въ Россіи и т. д., не могло, конечно, его увлечь, онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, а въ началѣ Марта слѣдующаго 1845 г. былъ откомандированъ въ первый департаментъ правительствующаго сената, гдѣ съ конца Іюня исправлялъ должность секретаря, потомъ въ началѣ Іюля, былъ назначенъ секретаремъ общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ, въ канцелярію котораго фактически перешелъ въ началѣ Октября. Работа въ сенатѣ оказалась столь же мало занимательной. «Вотъ уже четвертый день, какъ я ѣзжу въ сенатъ, — пишетъ онъ брату Мишѣ 8 Марта 1845 г., — и просиживаю отъ 9 1/2 до 3-хъ часовъ. Занятія — самыя интересныя, сопряженныя съ пріятностью и пользою для ума и сердца. Экзекуторъ принесетъ кипу полученныхъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ рапортовъ; ихъ запишешь въ настольный реестръ и отмѣтишь годъ, число, номеръ и т. д. Потомъ принесутъ копій 30 съ 3-хъ или 4-хъ указовъ; ихъ перечтешь въ 6 или 7 рукъ и выправишь. Потомъ дадутъ на домъ составить записку изъ какого нибудь дѣла или извлеченіе изъ варварской просьбы. Сперва меня бѣсили безпрестанныя повторенія, дикое правописаніе и вычурный слогъ; я принимался исправлять ошибки и слогъ, но послѣ бросилъ это дѣло, какъ и ненужное и ни къ чему не ведущее. Теперь я начинаю свыкаться съ канцелярскими формами, т. е. могу писать безъ зазрѣнія совѣсти *предмѣтъ*, *приманіе* и пр., могу обходиться безъ знаковъ препинанія и сочинять періоды въ три страницы, нанизывая причастія и дѣепричастія и не употребляя глаголовъ. Это пріятное занятіе отнимаетъ послѣобѣденное время отъ 6 до 11 и 12 часовъ. Боже мой, сколько времени, и какъ бы можно было употребить его»! Независимо отъ того, что начинающему секретарю лично выпадало на долю изъ производившихся въ сенатѣ дѣлъ, самая компетенція перваго департамента и общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ сената, въ которыхъ онъ работалъ въ тѣ годы, была необыкновенно мертвой: первый департаментъ вѣдалъ остатками чисто правительственной компетенціи стараго сената, которыя сохранялись за нимъ и послѣ того, какъ управленіе ушло въ министерства, и производство всѣхъ этихъ дѣлъ было совершенно механическимъ и безсодержательнымъ; общее собраніе было, главнымъ образомъ, ревизіонной инстанціей по судебнымъ дѣламъ и давало квинтессенцію дореформенной судебной волокиты и бумажности.

И тѣмъ не менѣе та близость къ государственной машинѣ, которая составляла, и тогда, и потомъ, самую коренную черту Петербурга, не могла не производить впечатлѣнія на Самарина. Въ его письмахъ роднымъ и друзьямъ въ Москву появляются неожиданныя для славянофильскаго штаба ноты: онъ упрекаетъ К. Аксакова, — съ которымъ онъ оставался друженъ, но который

немного сердилъ его въ послѣдніе годы своимъ шумнымъ упрямствомъ и узостью, — въ «московитизмѣ», пишетъ о томъ, что, пока Москва только разговариваетъ, а никакого дѣла не дѣлаетъ, объявленный ею походъ противъ Петербурга мало оправдывается, и т. д., съ другой стороны, въ тѣхъ же письмахъ начинаютъ мелькать сообщенія о правительственныхъ мѣрахъ и новыхъ законахъ, свидѣтельствующія о нарождающихся интересахъ къ большой петербургской политикѣ. Люди, съ которыми онъ постоянно видается въ Петербургѣ и которые составляютъ его петербургскій кружокъ, — Вяземскій, Одоевскій, семья Карамзиныхъ, А. О. Смирнова, — равнымъ образомъ дышатъ петербургскимъ воздухомъ: они помогли бы Самарину избавиться отъ «московитизма», если бы таковой въ немъ былъ налицо; но по всему своему складу и воспитанію Самаринъ былъ и безъ того лишенъ всякихъ слѣдовъ провинціальности и всю жизнь свободно входилъ въ любую среду, чтобы сразу же занять въ ней то мѣсто, которое ему, по праву его культуры и его дарованій, принадлежало.

Но еще характернѣе для этого невольнаго вліянія политическаго центра — окончательно слагающійся теперь въ Самаринѣ теоретическій интересъ къ вопросамъ политики. Этотъ интересъ подготовлялся еще въ Москвѣ, работой надъ второй частью диссертаціи и другой работой, задуманной и начатой въ 1843 г., о появившейся въ 1842 г. и произведшей на Ю. Ѳ. большое впечатлѣніе книгѣ Лоренца Штейна «Соціализмъ и коммунизмъ современной Франціи» (Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreich. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte, Leipzig. 1842). Къ сожалѣнію, повидимому сохранившаяся рукопись Самарина сейчасъ не доступна, и поэтому мы лишены возможности выяснить со всею точностью мысли, на которыя навело его чтеніе этой, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной, книги. Но знаменитыя ея противопоставленія: государства и общества, политическаго и соціальнаго вопроса, ея проповѣдь соціальной справедливости и организаціи, осуществляемой обновленнымъ государствомъ, — всѣ эти положенія мы найдемъ у Самарина въ первомъ его политическомъ трактатѣ, нѣсколько лѣтъ спустя.

Въ томъ-же направленіи идутъ и ученыя занятія Самарина, которыя онъ возобновилъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ тѣ, сравнительно небольшіе, досуги, которые у него оставались отъ службы и свѣта. Занятіямъ этимъ онъ придавалъ огромное значеніе: онъ подчинился Ѳ.В. скрѣпя сердце, и хотѣлъ, во что бы то ни стало, сохранить въ себѣ то, что въ эти годы было ему всего дороже, свои ученые стремленія и вкусы. Тема, которую онъ теперь себѣ ставитъ, есть выясненіе государственнаго строя старой Россіи, отношеніе верховной власти и народной общины. Изъ двухъ работъ, которыя были результатомъ этихъ занятій, «Князь» и «Вѣче», сохранилась рукопись первой. но и она пока не обнародована. Однако переписка Самарина не оставляетъ сомнѣнія,

что историческія изслѣдованія должны были отвѣчать на запросъ политики: изыскивались формулы русской исторической государственности. «Я занимаюсь теперь русской исторіей..., пишетъ Самаринъ въ началѣ 1845 г. К. Аксакову,... хочу подвергнуть изслѣдованію всѣ наши положенія: объ отсутствіи завоеванія, объ отсутствіи аристократіи, о значеніи личной власти и т. . д»— Эти краткія указанія легко дешифрируются въ свѣтѣ московскихъ бесѣдъ и споровъ. Главнымъ образомъ у Гизо Самаринъ и его друзья почерпали мысль, что въ исторіи Запада завоеваніе играло огромную роль; имъ казалось, что въ Россіи политическая постройка воздвигнута совсѣмъ иначе — путемъ свободнаго единенія народа съ верховной властью. Итакъ, для Самарина въ тѣ годы русская исторія уже не просто предметъ чистой научной любознательности, но путь къ доказательству политическаго тезиса.

Постепенно выясняющійся переходъ центра его интересовъ въ область государства и политики можетъ считаться совершившимся фактомъ въ 1846-1847 гг. Онъ ознаменованъ почти одновременно двумя событіями въ его жизни: въ области теоретическихъ размышленій статьею «О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ» и въ области практической дѣятельности переходомъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и командировкой въ Ригу для участія въ ревизіи мѣстнаго городского хозяйства.

Статья «О мнѣніяхъ Современника» была написана въ самомъ началѣ 1847 г., уже во время пребыванія въ Ригѣ, и состоитъ изъ трехъ частей разнаго интереса и значенія; двѣ послѣднихъ части, посвященныя Никитенкѣ и Бѣлинскому, представляютъ собой образецъ любимаго литературнаго рода того времени — какъ бы универсальной, эстетико-политической критики, и полемизируютъ со статьями двухъ другихъ «критиковъ» въ первомъ номерѣ только что народившагося тогда «Современника» Панаева и Некрасова. Они — не первое выступленіе Самарина на этомъ поприщѣ: еще въ Петербургѣ въ іюнѣ 1845 г. онъ написалъ критическій этюдъ о «Тарантасѣ» Соллогуба, который и былъ за подписью «М.. З... К... » напечатанъ въ слѣдующемъ году въ «Московскомъ Сборникѣ». Но и эта первая статья Самарина, и двѣ упомянутыхъ выше части статьи «О мнѣніяхъ Современника» не представляютъ собой существеннаго этапа въ его умственномъ развитіи и не произвели того впечатлѣнія, какъ первая часть, посвященная критикѣ появившагося въ «Современникѣ» «Взгляда на юридическій бытъ древней Россіи» К. Д. Кавелина. Какъ все, что писалъ въ своей жизни Кавелинъ, его «Взглядъ» весьма неглубокъ. Излагается знаменитая теорія родового быта древней Россіи и доказывается, что въ Россіи до татаръ начало индивидуализма, свойственное германцамъ и привитое имъ христіанствомъ, отсутствовало, расплываясь въ родовыхъ отношеніяхъ, и что

этотъ «индивидуализмъ» былъ перенесенъ къ намъ только Петромъ Великимъ. Нѣтъ надобности вспоминать чрезвычайно мѣткія и остроумныя критическія замѣчанія Самарина, отъ которыхъ такъ и трещитъ разсужденіе Кавелина и которыя обличаютъ въ Ю. Ѳ. будущаго, можетъ быть, самаго блестящаго, русскаго полемиста. Гораздо существеннѣе положительные тезисы, противопоставляемые Самаринымъ чистому «либерализму» Кавелина. Западную исторію нельзя свести, утверждаетъ Самаринъ, къ какому то голому торжеству идеи личности. Напротивъ того, весь смыслъ того, что переживаетъ Западъ — тутъ Самаринъ переходитъ на линію разсужденій Лоренца Штейна — есть скорбное признаніе несостоятельности человѣческой личности и безсилія такъ называемаго индивидуализма. «Общественный договоръ», искуственная ассоціація отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, не представляетъ собой для современной Европы того идеала, что онъ былъ въ прошломъ. Напротивъ того, основное требованіе современности — крѣпкое, самостоятельное начало, собирающее личности. Почему для Кавелина христіанство является какимъ-то воплощеніемъ индивидуализма, когда, по самому существу своему, христіанство есть новое иго и благое бремя, есть союзъ, община, освященная вѣчнымъ присутствіемъ Св. Духа? Русское прошлое органически близко кореннымъ основамъ той новой правды, которую ищетъ Европа. Древняя Русь — не міръ хилыхъ домосѣдовъ, какими рисуется Кавелину русскіе «родового быта». Слѣдя за развитіемъ русскаго государства, онъ упустилъ изъ виду русскую землю,забывая, что земля создаетъ государство, а не государство землю. Земля представляетъ собою въ нашемъ прошломъ не безформенную массу отдѣльныхъ индивидовъ, а крѣпкую ткань общинной организаціи: не родовыя, а общинныя отношенія суть коренной фактъ русской исторіи. Русская община нашла свое видимое единство въ княжеской власти. Князь есть признанный защитникъ всѣхъ членовъ общины передъ этой послѣдней, олицетвореніе состраданія и свободной милости. Въ качествѣ органическаго примиренія начала индивидуальности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы русская община и вѣнчающая ее верховная власть — воплощеніе того основного общественнаго идеала, осуществленія котораго ищетъ современное человѣчество.

Таково первое выраженіе Самаринской идеи русской народной монархіи, творящей соціальную справедливость и стоящей надъ общественной распрей.

## 4.

Отнынѣ Самаринъ — политическій писатель. Одновременно онъ становится и политическимъ дѣятелемъ.

Осенью 1845 г. Самаринъ принялъ предложенiе ѣхать въ Ригу въ составѣ ревизующей комиссiи для изслѣдованiя городского устройства и хозяйства главнаго прибалтiйскаго городского центра и перейти на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ ту минуту, когда онъ принималъ это предложенiе, поѣздка въ Ригу казалась ему, прежде всего, выходомъ изъ тяжелыхъ для него условiй петербурской обстановки. Ему во что бы то ни стало хотѣлось освободиться отъ удручавшей его службы въ сенатѣ, и онъ совѣтовался съ отцомъ и Хомяковымъ, какъ перебраться «въ губернiю». Хомяковъ старался успокоить его нервность, шутливо напоминая ему, что «и Бэконъ былъ канцлеромъ», но мысль объ отъѣздѣ его не оставляла. Съ радостью ухватившись за Рижскую командировку, Самаринъ не предвидѣлъ, какую огромную роль она съиграетъ въ его жизни.

Московскiе друзья имѣли довольно неясное представленiе о прибалтiйскомъ краѣ и отнеслись къ поѣздкѣ Самарина сочувственно просто потому, что она освобождала его отъ Петербурга; но въ Петербурскомъ обществѣ уже тогда существовало рѣшительное предубѣжденiе противъ всякихъ объединительныхъ мѣропрiятiй правительства на окрайнахъ. Самарину пришлось столкнуться съ внушенными этимъ предубѣжденiемъ отзывами, которые задѣли его за живое, и онъ, принявъ предложенiе, сейчасъ же занялся изученiемъ балтiйскаго вопроса. Первыя, собранныя имъ въ Петербургѣ, свѣдѣнiя очень его заинтересовали и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дали ему увѣренность, что онъ принялъ участiе въ дѣлѣ полезномъ и правильномъ. Изложивъ отцу свои впечатлѣнiя, Самаринъ добавлялъ, что дѣло серьозно и важно и что онъ считаетъ его добрымъ и справедливымъ, ибо правительство дѣйствуетъ въ духѣ нацiональномъ и человѣчномъ.

Содержанiе первыхъ впечатлѣнiй сводилось къ тому, что прибалтiйскiй край сохранилъ старый феодальный укладъ, который препятствуетъ развитiю края и налагаетъ тяжелый гнетъ несправедливаго господства дворянства надъ низшими классами, что передъ правительствомъ лежитъ важная задача освободить эти низшiе классы отъ нѣмецкаго желѣзнаго кольца путемъ широкаго соцiальнаго законодательства и что въ городахъ необходимо, сверхъ того, сломить остатки средневѣковья для обезпеченiя свободы труда.

Съ этими впечатлѣнiями, подкрѣпленными работой въ теченiе нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ 1846 г. въ двухъ комитетахъ по остзейскимъ дѣламъ, учрежденнымъ тогда въ Петербургѣ, Самаринъ въ iюлѣ этого года оказался въ Ригѣ. Онъ прожилъ тамъ, съ короткими поѣздками въ Москву въ декабрѣ 1846 г. и въ январѣ 1848 г., около двухъ лѣтъ, проводя дни и ночи въ работѣ надъ изученiемъ края и, въ частности, города

Риги. Ханыковъ, предсѣдатель ревизующей коммиссіи, поручилъ ему составленіе историческаго обзора рижскаго городского устройства, и этотъ трудъ поглощалъ главное его вниманіе. Но онъ привлекался и къ другимъ работамъ комиссіи, а, главное, по собственному почину расширилъ кругъ своего изслѣдованія, чтобы обнять положеніе края въ его цѣломъ.

Наканунѣ своего окончательнаго отъѣзда изъ Риги Самаринъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что смотрѣлъ на свои занятія въ теченіе двухъ лѣтъ «какъ на школу» (1 іюля 1848 г.). Таковы они и были на самомъ дѣлѣ.

Чтобы понять выводы, которые должна была дать Самарину эта школа, надо вспомнить что представлялъ собой въ серединѣ прошлаго вѣка прибалтійскій край.

Двѣ трети его — Лифляндія и Эстляндія — уже почти полтора столѣтія входили въ составъ русскаго государства, а послѣдняя треть — Курляндія — около полувѣка. Утвердившись, послѣ долгой борьбы, на балтійскомъ побережьѣ, русская государственная власть сохранила въ трехъ провинціяхъ ихъ старый правовой укладъ. Данными ею мѣстнымъ корпоративнымъ союзамъ — земствамъ и городамъ — «привилегіями» были утверждены весьма разнообразныя по своему происхожденію грамоты и акты, накопленные провинціями сначала за столѣтія самостоятельнаго политическаго существованія, а затѣмъ за время зависимости отъ Польши и Швеціи, а отчасти и Даніи. Общій смыслъ этого правопорядка заключался въ томъ, что мѣстное государственное дѣло, управленіе, судъ, даже законодательство, составляли достояніе мѣстныхъ корпоративныхъ организацій, земскихъ и городскихъ. То не былъ сословный строй въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ московскомъ государствѣ, строй, покоющійся на общественномъ тяглѣ, возложенномъ на каждое сословіе, строй централизованной сословности, строй сословныхъ обязанностей передъ государствомъ. Напротивъ того, здѣсь государственный порядокъ покоился на сословныхъ привилегіяхъ и изъятіяхъ. на захватѣ и борьбѣ за сохраненіе государственныхъ функцій мѣстными общественными группами, строй сословной децентрализаціи и сословныхъ правъ.

Гегемонія высшихъ сословныхъ корпорацій, составлявшая содержаніе мѣстныхъ привилегій, была въ прибалтійскомъ краѣ осложнена тѣмъ, что высшія корпораціи были нѣмецкими по своей національности, между тѣмъ какъ внизу находилось зависимое и подчиненное латышское и эстонское большинство населенія, а верховная государственная власть принадлежала русскимъ. Отстаивая корпоративно-сословныя права, нѣмецкое меньшинство боролось за права нѣмецкой національности края противъ русскихъ верховъ и латышско-эстонскихъ низовъ.

Метода, при помощи которой край отстаивалъ указанный

правопорядокъ, отражала на себѣ всѣ опасности, которыя связаны были съ положеніемъ тонкой и численно слабой національной прослойки между иными по національности верхами и низами. Это была оборона слабыхъ противъ сильнаго, притомъ въ условіяхъ крайне необезпеченнаго и даже опаснаго тыла. Естественно подсказывалась тактика защиты чисто правовой, при помощи старыхъ хартій и ихъ возможно льготнаго истолкованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо было всячески беречь то настроеніе русской власти, которое позволило сохранить привилегіи, избѣгать рѣзкихъ конфликтовъ, по возможности вести дѣло безъ шума, въ тиши канцелярій и кабинетовъ. Старыя хартіи, при нѣкоторыхъ усиліяхъ, могли быть истолкованы, какъ акты конституціонныхъ вольностей, какъ ограниченія самодержавной власти русскихъ монарховъ въ краѣ. Но такое открытое и подчеркнутое построеніе — съ которымъ мы встрѣтимся позднѣе — было не въ стилѣ Николаевскаго царствованія, и его избѣгали, оставаясь однако по существу на почвѣ правовой аргументаціи и юридической защиты мѣстныхъ правъ противъ той объединительной политики центра, которой пуще всего боялись.

Подъ защитой привилегій край жилъ скромной провинціальной жизнью, безъ честолюбивыхъ замысловъ, въ атмосферѣ мѣстныхъ счетовъ, мѣстной не шумной, но настойчивой борьбы противъ власти и мѣстнаго соперничества тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ край складывался. Метода государственной обороны, о которой я говорилъ, порождала искуственное охраненіе старѣющихся учрежденій и институтовъ, съ которыми свыклись и съ которыми мирились изъ страха, что новшества будутъ покушеніемъ на привилегіи и на національную гегемонію нѣмецкаго элемента края. Съ другой стороны, она порождала духъ правового крючкотворства, привычку искать спасенія въ неразберихѣ старыхъ хартій и въ ихъ болѣе или менѣе искусственной подтасовкѣ, пріемы политическаго сутяжничества вмѣсто пріемовъ политической борьбы. При всѣхъ недостаткахъ этой системы она скрашивалась глубокой преданностью національнымъ интересамъ и мѣстной государственной традиціи. Подъ ея покровомъ совершалось культурное развитіе края, стоявшаго во многихъ отношеніяхъ впереди остальной Россіи.

Соприкосновеніе съ этимъ своеобразнымъ и мало похожимъ на все, что онъ зналъ и видѣлъ раньше, маленькимъ міромъ произвело на Самарина глубокое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе было рѣзко отрицательнымъ и возбудило таившіяся въ немъ силы страстнаго политическаго борца. Но этого мало. Сдѣлавъ изъ Самарина политическаго дѣятеля, балтійскій опытъ былъ для него дѣйствительно «школой», ибо подъ его вліяніемъ сложились окончательно нѣкоторыя коренныя его политическія

убѣжденія: отрицаніе конституціонализма и вѣра въ соціальную монархію, монархію, служащую народнымъ массамъ.

Попавъ въ Ригу, Самаринъ тотчасъ же столкнулся съ мѣстными пріемами политической борьбы, съ тѣмъ политическимъ сутяжничествомъ, о которомъ я говорилъ. Ревизія Ханыкова непосредственно угрожала традиціонному городскому строю города. Отсюда, прежде всего, потребность мѣстныхъ руководящихъ политическихъ силъ по возможности затруднить Ханыкову и его помощникамъ задачу разбора комплекса привилегій и утвержденныхъ ими старыхъ актовъ, на которыхъ покоилось бытіе этого традиціоннаго строя. До насъ дошла въ балтійскомъ изложеніи исторія этой борьбы рижскаго магистрата и гильдій съ Ханыковской комиссіей. Даже если считать, согласно этимъ даннымъ, что чины ревизіи, въ особенности членъ комиссіи Штакельбергъ («воспитанный въ Петербургѣ нѣмецъ эстляндскаго происхожденія, совершенно чуждый балтійскимъ условіямъ и, несмотря на лютеранское исповѣданіе, цѣликомъ русскій» — въ характеристикѣ балтійсскаго историка), — прибѣгали къ демагогическимъ пріемамъ для борьбы съ городскими властями и не стѣснялись подкупомъ маленькихъ людей ради полученія всякого рода документовъ, — все же несомнѣнно, что комиссія могла по справедливости жаловаться на недобросовѣстную и мелкую, какъ по формѣ, такъ и по существу, обструкцію городскихъ корпорацій. Все это оскорбляло честность Самарина и усвоенную воспитаніемъ и положеніемъ его смѣлую справедливость. Его письма изъ Риги друзьямъ полны жалобъ на «продѣлки» и «плутовство» мѣстныхъ дѣятелей. Впечатлѣніе было настолько рѣзкимъ, что Самаринъ не видѣлъ мотивовъ обороны правъ города въ этихъ «продѣлкахъ» и «плутовствѣ». Но не подъ вліяніемъ однихъ этихъ внѣшнихъ наблюденій сложился взглядъ Самарина на правовыя основы мѣстной жизни. Напротивъ того, онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ отдался изученію исторіи Риги, составленіе которой ему было поручено Ханыковымъ, и именно это двухлѣтнее изслѣдованіе въ городскихъ архивахъ и въ литературѣ относительно городского строя Риги въ прошломъ ввело его въ многовѣковую историческую тяжбу между городскими корпораціями и верховной государственной властью изъ-за вольностей города и закрѣпило въ немъ тѣ оцѣнки, на которыя наводило его непосредственное соприкосновеніе съ рижской дѣйствительностью.

«Исторія г. Риги», какъ позднѣе назвали трудъ Самарина издатели его «Сочиненій», — оно было напечатано въ 1852 г. и составило первый томъ оффиціальнаго изданія « Общественное устройство города Риги. Изслѣдованія ревизіонной коммиссіи, назначенной министромъ внутреннихъ дѣлъ. 1845-1848», — представляетъ собой превосходную, до сихъ поръ не уста-

рѣвшую, историческую и юридическую монографію. Работа надъ ея составленіемъ занимала Самарина прежде всего уже потому, что близко соприкасалась съ тѣми историческими изысканіями о князѣ и вѣчѣ, которыя какъ мы знаемъ, составляли предметъ его ученыхъ работъ въ годы послѣ «Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича»: онъ дѣлился съ Погодинымъ тѣми историческими параллелями, которые извлекалъ изъ исторіи Риги и Новгорода, и строилъ свои выводы на широкомъ сравнительномъ фундаментѣ исторіи средневѣковыхъ городовъ. Но тема его заинтересовала и самостоятельно, и въ самомъ дѣлѣ она была интересна. Въ теченіе долгихъ вѣковъ Ригѣ пришлось вести сложнѣйшую борьбу за автономное существованіе сначала съ сосѣдними ливонскими центрами — орденомъ и епископомъ, затѣмъ съ Польшей и Швеціей, наконецъ, съ Россіей.

Исторія этой любопытной, мѣстами захватывающей борьбы не внушила Самарину никакихъ симпатій къ городу. Напротивъ того, онъ всецѣло на сторонѣ тѣхъ, кто въ прошломъ пытался подчинить Ригу авторитету государственной власти. Приведу характерную въ этомъ отношеніи выдержку изъ Самаринскаго изложенія одного ихъ эпизодовъ въ исторіи города. Рѣчь идетъ о соединеніи съ Польшей: «Польскія владѣнія подходили уже вплотную къ стѣнамъ Риги и волей и неволею она должна была раздѣлить участь всей Лифляндіи. Радзивилъ во второй разъ пріѣхалъ въ Ригу и далъ ей вторую грамоту, которая была подкрѣпленіемъ первой, но нисколько не лишила ее силы. Онъ вновь ручался за короля, что послѣдній утвердитъ всѣ условія, изложенныя въ первой грамотѣ и здѣсь повторенныя съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями въ редакціи. Такъ, статья о привилегіяхъ изложена пространнѣе; изъ опасенія лишиться чего нибудь, вслѣдствіе пропуска въ инвентарной описи своего юридическаго достоянія, граждане, при каждомъ удобномъ случаѣ, прибавляли къ ней по нѣсколько словъ, изъ коихъ, наконецъ, какъ бы составилась упругая сѣть общихъ и неопредѣленныхъ выраженій, покрывавшая весь городской бытъ того времени и подъ которую не трудно было подвести все, чтобы ни вздумалось имъ присвоить себѣ впослѣдствіи...»

Вы чувствуете, читая эту выдержку, какъ мало сочувствія вызываетъ въ Самаринѣ «инвентарная опись юридическаго достоянія» гражданъ города Риги. Ихъ усилія расширить эту опись для него только попытка обойти верховную власть. Откуда эта антипатія? Еще одна выдержка изъ «Исторіи г. Риги» вскроетъ намъ ея источникъ. Самаринъ говоритъ о введеніи въ городѣ общерусскаго городового положенія Императрицей Екатериной II: «.. въ этомъ актѣ проявилось окончательно государственное начало во всей полнотѣ его правъ. И прежде того, напримѣръ, въ 1604 году, верховная власть измѣняла внутреннее устройство городского общества; но это всегда происходило

по требованію одного изъ трехъ городскихъ сословій, которыя, имѣя одни юридическое устройство и право голоса въ дѣлахъ управленія, предлагали свои предположенія на утвержденіе правительства; въ настоящемъ же случаѣ, преобразованіе шло и должно было итти сверху, отъ самого правительства, ибо задача заключалась уже не въ томъ, чтобы помирить и уравновѣсить прежнія начала, олицетворявшіяся въ магистратѣ и обѣихъ гильдіяхъ, но въ организаціи управленія на основаніи новыхъ принциповъ и въ обезпеченіи класса простыхъ обывателей, не имѣющихъ дотолѣ никакихъ правъ и, какъ доказалъ вѣковой опытъ, никакого повода надѣяться на добровольныя уступки со стороны гражданъ. Преобразованіе Екатерины II могло казаться насильственнымъ, но послѣдствія оправдали его...». Итакъ корпоративныя права несовмѣстимы съ началомъ государственнымъ, которое одно способно спасти низшіе классы отъ гнета высшихъ. Отсюда и практическій выводъ всей обширной работы Самарина по исторіи Риги; онъ высказанъ имъ въ запискѣ, составленной, повидимому, уже по возвращеніи изъ Рижской командировки зимой 1848-1849 г. г. въ Петербургѣ и представляющей сжатое изложеніе Исторіи: «Первое условіе существованія государственнаго союза есть подчиненіе всѣхъ правъ и интересовъ частныхъ — какъ мѣстныхъ, такъ и сословныхъ — пользамъ общественнымъ, и право верховной власти, въ какой бы впрочемъ формѣ она не проявлялась, рѣшать безъ аппеляціи всѣ вопросы до послѣднихъ относящіеся и приводить ихъ въ исполненіе. Съ уступкою или съ раздѣломъ этого права было бы неминуемо сопряжено уничтоженіе или раздвоеніе государства».

На всю жизнь вынесъ Самаринъ изъ этого анализа правовой борьбы за рижскія хартіи политическихъ вольностей величайшее недовѣріе къ формальнымъ ограниченіямъ верховной власти. Для него конституціонализмъ навсегда сохранилъ привкусъ сословности и «плутовства» высшихъ классовъ въ ущербъ низшимъ.

Другая коренная мысль, вынесенная Самаринымъ изъ его балтійской «школы», близко связана съ первой и касается освобожденія крестьянъ. Изучая остзейскія дѣла, Самаринъ въ первый разъ имѣлъ случай обдумать тѣ законодательныя условія, въ которыхъ должна разрѣшаться эта задача, въ его сознаніи уже въ тѣ годы начинавшая ставиться, какъ главный вопросъ русской жизни. Еще до отъѣзда изъ Петербурга въ Ригу, Самаринъ долженъ былъ для одного изъ остзейскихъ комитетовъ, къ которымъ онъ былъ тогда прикомандированъ, составить записку по исторіи уничтоженія крѣпостного состоянія въ Лифляндіи. Его выводы таковы. Освобожденіе сельскаго сословія не можетъ быть дѣломъ свободнаго соглашенія между дворянствомъ и народомъ. Верховная власть должна заступить-

ся за народъ и вынудить признаніе его правъ. Она шла сначала правильнымъ путемъ при разрѣшеніи этого вопроса въ Лифляндіи. До крестьянскаго положенія 1804 г. включительно она понимала, что для крестьянина цѣнна не отвлеченная свобода, а его права на землю, которую онъ обрабатывалъ при крѣпостномъ правѣ, и это право за нимъ законодательство признавало. Но въ положеніи 1819 г. лифляндское «расчетливое дворянство» съумѣло вмѣстѣ съ провозглашеніемъ полной свободы крестьянъ добиться признанія за нимъ высшей властью правъ на крестьянскую землю. «Этимъ устранено было понятіе о нераздѣльности крестьянина съ землею, которое лежало въ основаніи всего сельскаго быта и которому предшествующее законодательство всегда было вѣрно. При этомъ самый характеръ развитія законодательства измѣнился: не бытовыя, дѣйствительныя отношенія возводились въ форму законовъ, а напротивъ, новыя отвлеченныя начала, развитыя систематически, вводились въ жизнь изъ области умозрѣнія.» Получился «бытъ возможный въ теоріи, но невозможный на дѣлѣ», ибо свободный договоръ между дворяниномъ землевладѣльцемъ и освобожденнымъ крестьяниномъ въ сущности лишь освящалъ подневольное положеніе послѣдняго. Поэтому правительство должно вернуться къ основамъ своей прежней законодательной работы въ интересахъ крестьянства. Для этого оно должно «возстановить связь лица съ землею, признавъ зависимость земли отъ лица, т. е. право крестьянина на землю».

5.

Все то новое, что Самаринъ передумалъ и перечувствовалъ за годы своихъ занятій прибалтійскимъ дѣломъ, породило въ немъ неудержимое стремленіе помѣряться силами съ защитниками ливонскихъ вольностей, выйдя для этого за узкія рамки канцелярской работы и розысковъ въ городскомъ архивѣ города Риги. Переписка Самарина позволяетъ установить ближайшіе психологическіе мотивы этого рѣшенія. На второй годъ пребыванія въ Ригѣ, въ августѣ 1847 г. въ городѣ собрался мѣстный ландтагъ. Въ письмѣ къ А. О. Смирновой Самаринъ сообщаетъ по этому поводу: «Возвратившись въ Ригу (изъ недѣльной поѣздки по дѣлу въ Ревель), я засталъ уже все лифляндское дворянство, съѣхавшееся на ландтагъ. Какія вдругъ появились бороды, галстухи и охотничьи куртки! Вся эта компанія чрезвычайно оригинальна, и хотя у меня вовсе не лежитъ къ ней сердце, однако, должно сознаться, въ ея движеніяхъ и рѣчахъ замѣтно какое-то сознаніе собственной силы и собственнаго достоинства, которое, конечно, не есть еще добродѣтель, но, по крайней мѣрѣ, предохраняетъ отъ многихъ га-

достей». Послѣ мелкихъ интригъ и сплетень рижскаго бюргерства, соприкосновеніе съ дворянскимъ элементомъ края, его характернымъ національнымъ самосознаніемъ и чувствомъ внутренней правоты и прирожденнаго права на власть и вліяніе не могло не возбудить въ русскомъ дворянинѣ Самаринѣ его національнаго самосознанія, его чувствъ внутренней правоты Россіи и ея права на власть и вліяніе въ прибалтійскомъ краѣ. Можетъ быть, маленькіе люди рижскихъ магистрата и гильдій не вызвали бы въ немъ рѣшенія смѣло помѣряться съ ними въ открытой борьбѣ, и Самаринъ остался бы въ границахъ своего практическаго воздѣйствія на ходъ ревизіи въ качествѣ одного изъ ея чиновъ, естественно вліятельнаго въ силу своихъ способностей, ума, знаній и выдержки. Совсѣмъ иную реакцію должно было вызвать въ немъ и въ самомъ дѣлѣ вызвало высокомѣріе и гордость другихъ руководящихъ элементовъ края. Онъ чувствовалъ себя равнымъ имъ по культурѣ и по чувствамъ, а между тѣмъ эти элементы не скрывали, что смотрятъ на русскихъ сверху внизъ. «Я могу сказать это теперь, — пишетъ онъ Погодину 9 октября того же года: все здѣсь дышетъ ненавистью къ намъ, ненавистью слабаго къ сильному, облагодѣтельствованнаго къ благодѣтелю и вмѣстѣ гордымъ презрѣніемъ выжившаго изъ ума учителя къ переросшему его ученику. Здѣсь все окруженіе таково, что ежеминутно сознаешь себя какъ русскаго, и, какъ русскій, оскорбляешься». А къ веснѣ 1848 г. созрѣлъ планъ открытаго объявленія войны всему балтійскому. «Систематическое угнетеніе Русскихъ Нѣмцами, пишетъ онъ К. Аксакову, ежечасное оскорбленіе русской народности въ лицѣ немногихъ ея представителей — вотъ, что теперь волнуетъ мнѣ кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этотъ фактъ къ сознанію, выставить его передъ всѣми. Независимо отъ служебныхъ моихъ занятій, я пишу теперь письма объ Остзейскомъ краѣ, которыя буду посылать въ Москву на имя Хомякова, которому они давно обѣщаны. Прошу и тебя не только прочесть ихъ, но дать имъ ходъ».

Результатомъ накопленныхъ впечатлѣній и чувствъ было первое по времени собственно публицистическое сочиненіе Самарина, его «Письма изъ Риги», датированныя Маемъ и Іюнемъ 1848 г. впрочемъ не только его первое публицистическое сочиненіе, но, какъ справедливо отмѣтилъ Д. Ѳ. Самаринъ, одно изъ первыхъ произведеній русской политической литературы вообще.

Оно не могло быть, конечно, напечатано, такъ какъ содержало страстную критику русской политики въ Прибалтійскомъ краѣ. Но Самаринъ сдѣлалъ все, чтобы распространить его во всѣхъ тѣхъ кругахъ Петербурга и Москвы, съ которыми онъ сталкивался и считался. По возвращеніи изъ Риги, онъ осенью 1848 г. читалъ «Письма» въ Москвѣ на вечерахъ у Свербеевыхъ

и въ Петербургѣ у своего двоюроднаго брата Д. Оболенскаго. Копіи были переданы на прочтеніи всѣмъ виднымъ людямъ обѣихъ столицъ, въ частности въ Петербургѣ всему либеральному крылу чиновничества — Киселеву, Милютину, наконецъ, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому, очень дружественно настроенному къ Самарину. Словомъ, вся доступная, по тѣмъ временамъ, публичность была дана «Письмамъ»; они произвели сильное впечатлѣніе, и вызвали оживленные разговоры. Надо помнить глухую обстановку тогдашней русской жизни, въ которой ничего не случалось и не о чемъ было говорить и думать, — чтобы понять это впечатлѣніе. Письма были написаны необыкновенно смѣло и съ огромнымъ блескомъ. Они заключали рѣзкую критику правительственной политики. Все это дѣлало появленіе ихъ цѣлымъ событіемъ.

По своему содержанію «Письма изъ Риги» представляли собой общую историческую и политическую характеристику остзейскаго края и русской политики въ немъ. Самаринъ начиналъ съ краткаго обзора послѣдовательныхъ судебъ прибалтійскаго края и доказывалъ, что Россія имѣла на него, по сравненію съ Польшей и Швеціей, неизмѣримо больше историческихъ и естественныхъ правъ. Занявъ край, русская власть сдѣлала все, чтобы выполнить въ отношеніи края свои государственныя обязанности: она ввела его въ свой составъ и широко открыла Россію для остзейцевъ, пригласивъ ихъ къ участію въ своей общественной и политической жизни. «Россія въ отношеніи ихъ права, даже болѣе чѣмъ права; но правы ли они въ отношеніи къ ней?» Нѣтъ, не правы, думаетъ Самаринъ. Остзейскія сословія не покорились русскому государственному началу, а, напротивъ того, отгородились отъ всего русскаго въ своей сословной средневѣковой замкнутости. «Претензія эта ни на чемъ не основана: край отгораживалъ себя отъ иноплеменниковъ во имя нѣмецкой національности; но какое право называть себя націей имѣла горсть прищельцевъ, попиравшихъ ногами иноплеменный народъ, и въ то же время склонявшихъ головы передъ другимъ народомъ, распространявшимъ на нихъ свое государственное владычество? Неужели всякій обрубокъ, безъ корня и верха, въ правѣ присваивать себѣ значеніе націи? Отмежевавшись отъ Россіи своими привилегіями, остзейскій край воспиталъ въ своихъ сынахъ чувства племенной смѣси, ничѣмъ не оправданной хвастливости и смѣшного презрѣнія къ Россіи, дѣлающія положеніе тамъ русскихъ невыносимымъ и сводящія отношенія края къ Россіи къ вѣчной тяжбѣ. Современное устройство прибалтійскаго края противорѣчитъ началамъ государственности, достоинству и выгодамъ Россіи и правильно понятымъ интересамъ самого края. Оно держится только потому, что находитъ себѣ поддержку въ русской власти. Не будь этой опоры, оно рухнуло бы

немедленно отъ собственной своей ветхости и обременительной многосложности.» Чтобы добиться опоры у русской власти, нѣмецкое населенiе края построило ложную, исторически и юридически, доктрину неприкосновенности данныхъ краю привилегiй. Вмѣстѣ съ тѣмъ, доказывая свою особую лояльность и свою преданность консервативнымъ началамъ, край нашелъ среди своихъ представителей въ Петербургѣ могущественныхъ защитниковъ и покровителей. Мѣстная власть также была отдана остзейскимъ интригамъ. Когда въ 40-хъ годахъ среди латышей обнаружилось стремленiе, служившее естественнымъ выраженiемъ потребности выйти изъ невыносимаго рабства, въ которомъ его держало нѣмецкое дворянство, представители русской власти въ краѣ стали на сторону дворянства и сдѣлались «покорнымъ орудiемъ страстей и ненавистей нѣмецкаго общества.» Въ Остзейскомъ краѣ необходима реформа. Правительство должно ее осуществить. Но ему нужна поддержка общества, ибо, какъ доказываетъ прошлое, безъ этой поддержки оно не доведетъ дѣла до конца. «А коренное преобразованiе, гласитъ заключительный аккордъ «Писемъ», —повторяю послѣднiй разъ, съ каждымъ днемъ становится необходимѣе. Я желаю его отъ всей души, не потому только, что продолжительное торжество лжи, обмана и злоупотребленiй убиваетъ всякую вѣру въ правительство не ради однихъ только Русскихъ, болѣе пятидесяти лѣтъ страдающихъ за свою народность, но ради будущей судьбы самихъ остзейцевъ, которая вся заключена въ Россiи. Все простить имъ Россiя, и старые и новые грѣхи; но для этого нужно, чтобы они покаялись и не выставляли грѣховъ своихъ какъ заслуги; нужно чтобъ измѣнились и ихъ и наши понятiя, дабы не возгорѣлась когда нибудь та великая буря, о которой пророчилъ умирающiй Ломоносовъ».

При чтенiи «Писемъ изъ Риги» необходимо, чтобы понять произведенное ими впечатлѣнiе, отдѣлаться отъ воспоминанiй о балтiйской полемикѣ позднѣйшихъ десятилѣтiй. Всѣ аргументы этой полемики, позднѣе столь навязшiе въ зубахъ и ставшiе столь тривiальными, были высказаны тогда въ Россiи въ первый разъ, причемъ съ совершенно непривычной въ тѣ годы смѣлостью. Никто никогда до того не говорилъ въ Россiи такимъ языкомъ объ остзейскихъ дѣлахъ и русской государственной миссiи въ прибалтiйскомъ краѣ. Размѣры произведеннаго Самаринымъ волненiя въ тихой заводи русской политической жизни 40-хъ годовъ всего лучше измѣряются хорошо извѣстными обстоятельствами заключенiя Самарина по повелѣнiю Николая I въ крѣпость. Мѣра вызвана была жалобой на «Письма» Князя Суворова, тогдашняго Остзейскаго генералъ-губернатора, который чувствовалъ себя прямо затронутымъ въ своей германофильской политикѣ натискомъ Самарина и которому, въ свою очередь, жаловались петербурскiе влiятельные

остзейцы. Перовскій сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помочь Самарину, но Императоръ Николай считалъ Самарина неправымъ, и 5 марта 1849 г. фельдегерь отвезъ Ю. Ѳ. въ Петропавловскую крѣпость. Онъ пробылъ въ ней двѣнадцать дней, а 17 марта новый фельдъегерь взялъ его изъ крѣпости и привезъ въ кабинетъ Николая Павловича въ Зимнемъ Дворцѣ.

Разговоръ Императора и Самарина вечеромъ 17 марта 1849 г. необыкновенно ярко передаетъ столкновеніе традиціи съ новшествами политическаго выступленія Самарина. Въ этомъ разговорѣ лучшій историческій комментарій къ «Письмамъ изъ Риги». Въ свѣтѣ всего послѣдующаго, невольно спрашиваешь себя, кто правъ былъ въ своей оцѣнкѣ русской окраинной политики, молодой, талантливый глашатай новой народнической истины или узкій, но выдержанный и послѣдовательный, носитель привычной консервативной государственности.

Вотъ этотъ разговоръ:

«*Государь*. Понимаете ли Вы Ваше положеніе?

*Самаринъ*. Сознаю, Государь, что я виноватъ.

*Г*. Въ такомъ случаѣ, по русской пословицѣ, повинной головы и мечъ не сѣчетъ. Я былъ всегда другомъ Вашихъ родителей и Васъ хотѣлъ не казнить, а спасти; теперь садитесь. Понимаете ли Вы, въ чемъ Вы виноваты? Вы были посланы съ порученіемъ отъ Вашего начальника, и Вы исполнили его, какъ я хочу думать, добросовѣстно; но рядомъ съ этимъ Вы вели записки и вносили въ нихъ свои сужденія о предметахъ, которые до Васъ не касаются. Въ этомъ еще нѣтъ грѣха. Что человѣкъ думаетъ и пишетъ про себя, тому судья одинъ Богъ. Но Вы пошли далѣе: Вы составили изъ своихъ записокъ книгу и сообщали ее своимъ близкимъ знакомымъ, какъ Вы писали въ первомъ своемъ рапортѣ, а во второмъ Вы высчитали 13 человѣкъ. Удивляюсь, что у Васъ столько друзей. Я живу дольше Васъ и нашелъ ихъ не болѣе трехъ, которымъ я могу говорить все отъ души; нѣкоторые изъ Вашихъ друзей оказались недостойными Вашей довѣренности. Это уже было преступленіе противъ служебныхъ обязанностей Вашихъ, и Вы сами знаете законы лучше меня; Вы знаете, чему Васъ это подвергало. Но я хочу думать, что Вы увлеклись авторскимъ самолюбіемъ, желаніемъ блеснуть ученостью и умомъ, которымъ Васъ одарилъ Богъ; но сообразили ли Вы, къ чему велъ Вашъ поступокъ? Вы не давали, говорите Вы, копій съ Вашихъ писемъ, но Вы не запрещали брать ихъ, и Ваша книга разошлась по рукамъ, такъ что теперь и я ее остановить не могу. Обращаюсь къ содержанію ея (Государь взялъ книгу въ руки). Не говоря уже о томъ, что многое въ томъ, что Вы пишете, не вѣрно и лживо, что я могъ бы доказать однимъ словомъ...

*С*. Я могу, Государь, ошибаться, но сознательной, намѣренной лжи въ моей книгѣ нѣтъ.

*Г.* Вы, очевидно, возбуждали вражду нѣмцевъ противъ русскихъ, Вы ссорили ихъ, тогда какъ слѣдуетъ ихъ сближать; Вы укоряете цѣлыя сословія, которыя служили вѣрно; начиная съ Палена, я могъ бы высчитать до 150 генераловъ. Вы хотите принужденіемъ, силою сдѣлать изъ нѣмцевъ русскихъ, съ мечомъ въ рукахъ какъ Магометъ; но мы этого не должны, именно потому, что мы христіане. Вы писали подъ вліяніемъ страсти; я хочу думать, что она была раздражена личными непріятностями и оскорбленіями. Но Вы нападали и на Правительство и на меня, ибо что правительство, что я — все одно, — хотя я и слышалъ, что Вы отдѣляете меня отъ правительства, но я этого не признаю. Какъ Вы можете судить правительство? Правительство многое знаетъ, чего оно не высказываетъ до времени и держитъ про себя. Вы пишете: если мы не будемъ господами у нихъ и т. д., т. е. если Нѣмцы не сдѣлаются Рускими, Русскіе сдѣлаются Нѣмцами; это писано было въ какомъ то бреду; Русскіе не могутъ сдѣлаться Нѣмцами; но мы должны любовью и кротостью привлечь къ себѣ Нѣмцевъ. Вы прямо мѣтили на правительство: Вы хотѣли сказать, что со времени Императора Петра I и до меня мы всѣ окружены Нѣмцами и потому сами нѣмцы. Понимаете, къ чему Вы пришли: Вы поднимали общественное мнѣніе противъ правительства; это готовилось повтореніе 14 Декабря.

*С.* Я никогда не имѣлъ такого намѣренія.

*Г.* Вѣрю, что Вы намѣренія не имѣли, но вотъ къ чему Вы шли. Ваша книга ведетъ къ худшему, чѣмъ 14 Декабря, такъ какъ она стремится подорвать довѣріе къ правительству и связь его съ народомъ, обвиняя правительство въ томъ, что оно національные интересы русскаго народа приноситъ въ жертву Нѣмцамъ. — Васъ слѣдовало отдать подъ судъ и Васъ судили бы какъ преступника противъ служебныхъ обязанностей Вашихъ, противъ присяги, Вами данной, противъ правительства. Вы сами знаете, что Вы сгинули бы навсегда. Много есть молодыхъ людей, которые пострадали за тоже, которыхъ я лично не знаю и не могу знать; но я Васъ зналъ; я зналъ про Ваши способности, зналъ, что Вы были воспитаны Вашими родителями въ твердыхъ правилахъ, и думалъ, что у Васъ доброе сердце, и потому я Васъ не хотѣлъ погубить. Я отослалъ Васъ въ крѣпость, чтобы Вы имѣли время наединѣ одуматься; я Васъ не предалъ суду, а посадилъ въ крѣпость, желая спасти. Я сдѣлалъ это тою деспотическою властью, противъ которой, вѣроятно, и Вы не разъ же возставали. Вы стояли на краю пропасти. Случай далъ мнѣ возможность узнать человѣка достойнаго, котораго я уважаю; самъ Богъ вложилъ мнѣ въ сердце мысль послать его къ Вамъ чтобы испытать Васъ (Николай Павловичъ разумѣлъ своего духовника протопресвитера Бажанова, котораго онъ посылалъ въ крѣпость для бесѣды съ

Самаринымъ); я хотѣлъ узнать не ожесточились ли Вы. Онъ мнѣ засвидѣтельствовалъ, что Вы приняли наказаніе какъ должное, что у Васъ доброе сердце; я не ошибся. Теперь Вы должны совершенно перемѣниться, служить, какъ Вы присягали, вѣрою и правдою, а не нападать на правительство. Мы всѣ такъ должны служить; я самъ служу не себѣ, а вамъ всѣмъ; и я обязанъ наводить заблуждающихся на путь истины; но я никому не позволю забываться; я не долженъ этого по той же самой присягѣ, которой и я вѣренъ. Теперь это дѣло конченное. Помиремся и обнимемся. Вотъ Ваша книга; Вы видите, что она у меня и остается здѣсь.

*С*. Государь, въ продолженіе всей жизни я буду стараться заслужить эту минуту.

*Г*. Поѣзжайте теперь въ Москву и успокойте Вашихъ родителей; поѣзжайте завтра, если соберетесь; ступайте сейчасъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и скажите ему, что я Васъ отпускаю. Въ Москвѣ мы, я надѣюсь, увидимся, и тамъ Вы узнаете, какой родъ службы я Вамъ предназначилъ. Вы будете служить въ Москвѣ, въ глазахъ Вашихъ родителей; это для Васъ лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ Вы можете подвергнуться непріятностямъ и дурнымъ вліяніямъ.

---

## ГЛАВА ВТОРАЯ

---

# Подготовка крестьянской реформы.

1849—1858.

I.

Хомяковъ, живой и воспріимчивый, въ началѣ 1848 г. писалъ Самарину: «Для насъ Русскихъ теперь одинъ вопросъ всѣхъ важнѣе, всѣхъ настойчивѣе»: онъ разумѣлъ освобожденіе крестьянъ. Историческое чутье не обманывало Хомякова: въ исторіи Россіи начиналась полоса, когда вся жизнь , всѣ интересы и вся энергія сосредоточились вокругъ одного центра — крестьянской реформы. Долго еще жизнь, внѣшне, продолжала идти своимъ чередомъ, и на поверхности ея былъ мало замѣтенъ тотъ глубокій, прежде всего моральный, кризисъ, который наступалъ. И тѣмъ не менѣе ощущеніе Хомякова было вѣрнымъ. Для тѣхъ, кому судьбой предназначено было стать вождями реформы, вторая половина 40-хъ годовъ представляетъ собой минуту, когда крестьянское дѣло превращается для нихъ въ основное содержаніе ихъ умственной и нравственной жизни. Такъ было съ Юріемъ Самаринымъ. Съ 1848 г., безъ внѣшней причины, совершенно независимо отъ внѣшняго теченія его жизни, крестьянскій вопросъ овладѣваетъ его помыслами и сливается съ нимъ на цѣлые пятнадцать лѣтъ его короткаго жизненнаго пути.

Исторія Самарина за 1848-1863 гг. есть исторія крестьянской реформы. Разумѣется, — не вся исторія. Какъ бы близко и дѣятельно ни было его участіе въ осуществленіи реформы, жизнеописаніе Самарина можетъ дать только исторію крестьянской реформы въ его размышленіяхъ и его дѣйствіяхъ. Но ,разсматриваемая черезъ призму развитія и дѣятельности Самарина, исторія акта 19 Февраля получаетъ яркость и выпуклость, часто чуждую схематическимъ и стилизованнымъ, по выраженію Риккерта, даннымъ общаго историческаго описанія.

Когда Самаринъ въ первый разъ столкнулся съ крестьянскимъ дѣломъ, — мы видѣли, это было въ 1846 г., передъ отъѣздомъ въ Ригу, по поводу проектовъ о лифляндскихъ крестьянахъ, — самостоятельное значеніе вопроса объ освобожденіи русскихъ крестьянъ не было для него вполнѣ очевиднымъ: политическая

сторона проектовъ, важность ихъ для русской прибалтійской политики, еще заслоняли собой вопросъ соціальный и вопросъ русскій. Но въ послѣдній годъ его пребыванія въ Ригѣ переломъ чувствуется совершенно опредѣленно и ясно. Этотъ переломъ былъ, повидимому, вызванъ въ Самаринѣ впечатлѣніями французской февральской революціи 1848 г.

Рига была ближе къ Европѣ, чѣмъ остальная Россія, и извѣстія приходили полнѣе и интереснѣе. Парижскія событія 1848 г. не для одного Самарина, конечно, но для всего культурнаго европейскаго общественнаго мнѣнія, были цѣлымъ откровеніемъ. Съ необыкновенной яркостью въ нихъ обнаружилось, что, наряду со старыми и привычными политическими вопросами, передъ Европой встаетъ вопросъ соціальный. Появленіе соціализма, о которомъ въ широкомъ общественномъ мнѣніи никто не думалъ, было, по выраженію француза-современника, «великой февральской неожиданностью» (Сюдръ), и подъ вліяніемъ этой «великой неожиданности» Европа, такъ или иначе, перестраивала свою общественную философію. То, что лучше всѣхъ выразилъ Лоренцъ Штейнъ въ своей знаменитой книгѣ, — конецъ чистой политики и начало политики соціальной, — чувствовалъ и Самаринъ, размышляя въ Ригѣ о Парижскихъ событіяхъ. Онъ видѣлъ, что,въ основѣ своей, революція не была политической, а соціальной, что не столько форма правленія вызвала противъ себя возстаніе, сколько слишкомъ долго непризнанныя требованія рабочаго класса. Мы знаемъ, разсуждалъ Самаринъ, что работники такого-то числа поднялись, выстроили баррикады, завязали перестрѣлку съ войскомъ и пр. и за это мы осуждаемъ ихъ какъ возмутителей; онъ противъ этого не спорилъ. Но кому же извѣстно, сколько они передъ этимъ выстрадали и наплакались? Слово коммунизмъ служитъ пугаломъ для всѣхъ; онъ не думаетъ его оправдывать, но коммунизмъ для него есть только каррикатура мысли прекрасной и плодотворной. Коммунизмъ относится къ ученію объ ассоціаціи, объ организаціи промышленности и земледѣлія, о пріобщеніи рабочаго класса къ выгодамъ производительности, какъ тиранія къ монархіи, какъ царствованіе Іоанна Грознаго къ власти царской. Надо чистосердечно признать необходимость коренного преобразованія и совершить его правомѣрнымъ порядкомъ; это лучшее и единственное средство обезсилить и побѣдить коммунизмъ. Если требованіе устройства земледѣлія и промышленности естественно и необходимо, то уже по этому самому оно осуществимо.

За этими размышленіями чувствуется не высказанная, но настойчивая мысль о русской соціальной реформѣ. Переписка съ отцомъ изъ Риги въ этотъ годъ вскрываетъ настроеніе Самарина съ полной ясностью. По поводу указа 1848 г. о правѣ крѣпостныхъ пріобрѣтать недвижимости, только-что полученнаго въ Ригѣ, онъ спѣшитъ совѣтомъ распорядиться прочесть указъ «во

всѣхъ нашихъ имѣніяхъ» и объявить единожды навсегда, что требуемое закономъ разрѣшеніе помѣщика на пріобрѣтеніе дано всѣмъ и каждому; онъ замѣчаетъ, съ досадой, что лежащая въ основѣ указа мысль «искажена уступками той партіи, которая не хочетъ допустить никакихъ перемѣнъ». Подъ этими впечатлѣніями рождаются первыя попытки Самарина построить для себя программу положительнаго рѣшенія крестьянскаго вопрсса въ Россіи и уяснить себѣ природу русскихъ поземельныхъ отношеній.

Та сумма правовыхъ отношеній, которая обнималась общимъ именемъ крѣпостного права, была въ Россіи того времени гораздо больше бытовымъ фактомъ, чѣмъ правовой формулой. Было ясно одно: помѣщикъ, крестьяне и земля составляли неразрывное цѣлое, но ни законъ, ни, главное, правосознаніе не отдавали себѣ точнаго отчета въ томъ, какова природа правъ помѣщика въ отношеніи сидящихъ на землѣ крѣпостныхъ и каковы права крѣпостныхъ на землю. Только систематическій умъ самаго крупнаго русскаго юриста XIX вѣка Сперанскаго подходилъ къ установленію отсутствовавшей правовой формулы, но его разсужденія оставались подспудомъ, а въ глазахъ никогда не отличавшагося отчетливостью своего правосознанія русскаго общества крѣпостныя отношенія рисовались въ правовомъ смыслѣ необыкновенно расплывчато и туманно. Тѣ, кто, какъ Самаринъ, подходили впервые къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, сталкивались, прежде всего, съ необходимостью, такъ или иначе, квалифицировать крѣпостныя отношенія, чтобы опредѣлить, чьи и какія права подлежатъ отмѣнѣ, измѣненію или сохраненію, и въ этой первой задачѣ для нихъ открывался широкій просторъ для собственныхъ построеній. Ихъ построенія были по неволѣ болѣе или менѣе произвольны и по неволѣ отражали на себѣ прежде всего тѣ практическія задачи, которыя ими руководили. Самаринъ, изъ своего прибалтійскаго опыта, извлекъ убѣжденіе, что прочная земельная реформа можетъ быть осуществлена только подъ условіемъ надѣленія крестьянъ землею. Совершенно неизбѣжно его пониманіе русской крѣпостной системы приспособлялось къ этому политическому заданію и, какъ бы заднимъ числомъ, коренной особенностью всей системы онъ долженъ былъ признавать право крестьянъ на землю. Въ небольшомъ отрывкѣ, написанномъ, по всѣмъ признакамъ, въ Ригѣ, около Марта мѣсяца 1848 г. и сохранившемся въ бумагахъ Самарина, мы находимъ его первую попытку такъ построить крѣпостную систему. Онъ беретъ ее исторически и утверждаетъ, что у народовъ славянскихъ крѣпостныя отношенія сложились отнюдь не путемъ завоеванія и нашествія чужого племени, сопровождавшемся «апропріаціей» земель помѣщичьимъ классомъ. Первоначально владѣніе землей у нихъ есть простой, всѣмъ доступный, фактъ, не имѣющій характера права собственности. Затѣмъ по-

является государство, во имя охраны общихъ интересовъ объявляющее свое право распоряжаться землей, которой фактически владѣютъ другіе. Передавая право на нее своимъ слугамъ, государство налагаетъ на прежнихъ фактическихъ владѣльцевъ земли — крестьянъ личныя повинности въ пользу этихъ слугъ. Отсюда крестьяне, «еслибъ были не безгласны», должны были бы такъ опредѣлить свое отношеніе къ государственному чиновнику — будущему помѣщику: такъ какъ ты получаешь отъ насъ содержаніе, то очевидно, что источникъ, изъ котораго мы извлекаемъ это содержаніе, т. е. земля, принадлежитъ намъ.

Другой варіантъ тѣхъ же первоначальныхъ построеній Самарина былъ изложенъ имъ въ письмѣ къ Хомякову, съ которымъ онъ привыкъ дѣлиться всей своей умственной работой, письмѣ, къ сожалѣнію, не сохранившемся, но извѣстномъ намъ по отвѣту Хомякова. Оно относится къ тому же времени и выражаетъ Самаринское пониманіе крѣпостныхъ отношеній слѣдующимъ образомъ. Крестьянская земля не является предметомъ исключительнаго права собственности помѣщика. Рядомъ съ помѣщичьимъ правомъ наслѣдственной собственности стоитъ право наслѣдственнаго пользованія крестьянина. Оба права, по существу своему, равноцѣнны.

Сейчасъ намъ надо сдѣлать усиліе, чтобы отдать себѣ отчетъ, насколько смѣлымъ и новымъ было такое пониманіе крѣпостныхъ отношеній и какія огромныя практическія послѣдствія оно за собой влекло. Но эти, кажущіяся намъ теперь почти азбучными, истины, извлекаемыя изъ любого учебника по исторіи русскаго права, тогда были цѣлымъ умственнымъ переворотомъ, и отвѣтъ Хомякова на письмо Самарина наглядно передаетъ то сильное впечатлѣніе, которое они должны были производить и производили. «Спасибо Вамъ за то, что вы попали на ту юридическую формулу, которая выражаетъ этотъ смыслъ съ наибольшей ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ одинаково крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такого же права наслѣдственнаго на пользованіе. Въ болѣе абсолютномъ смыслѣ въ частныхъ случаяхъ право собственности истинной и безусловной не существуетъ: оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (великой общинѣ), какая бы ни была его форма... Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ.» Разница между правомъ помѣщика и правомъ крестьянина, продолжаетъ Хомяковъ, только въ степени. «Таково отношеніе юридическое, вышедшее изъ обычая или создавшее обычай, и кто хочетъ этому отношенію нанести ударъ, тотъ хочетъ возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа... Не позволительно намъ молчать и, признаюсь, я ожидаю отъ васъ изложенія этого начала. Нельзя вамъ высказать эту мысль печатно въ ея

реальной формѣ; но вы можете это высказать въ теоретическомъ отношеніи».

Обстоятельства личной жизни помѣшали Самарину исполнить совѣтъ Хомякова, — по крайней мѣрѣ, скоро. Его время уходило на писаніе «Писемъ изъ Риги», на работы въ остзейскихъ комитетахъ. Потомъ пришли волненія, связанныя съ заключеніемъ въ крѣпости, и крайняя неопредѣленность положенія, вызванная объявленнымъ ему желаніемъ имп. Николая самому опредѣлить мѣсто дальнѣйшей его службы. Но и за эти мѣсяцы второй половины 1848 г. и первой половины 1849 г., въ теченіе которыхъ Самаринъ былъ поглощенъ своимъ походомъ противъ оффиціальной политики на прибалтійской окраинѣ, мысль объ освобожденіи крестьянъ его не покидала ни на минуту. Осенью 1848 г., въ деревнѣ у Хомякова, гдѣ онъ прогостилъ нѣсколько дней въ промежуткѣ между Ригой и Петербургомъ, онъ ведетъ длинные разговоры со своимъ старшимъ другомъ о крѣпостномъ правѣ, а потомъ въ Измалковѣ горячо споритъ съ братьями, доказывая имъ необходимость реформы. Хомяковъ былъ не единственнымъ собесѣдникомъ Самарина по крестьянскому вопросу въ Москвѣ. Другой пріятель, А. И. Кошелевъ, принадлежавшій къ кружку Хомякова, не менѣе послѣдняго былъ занятъ этимъ вопросомъ. Разговоры съ нимъ имѣли для Самарина большое значеніе. Кошелевъ былъ практикъ: его интересовала не столько абстрактная сторона дѣла, сколько реальныя практическія мѣропріятія по улучшенію положенія крестьянъ. Уже въ 1847 г. онъ хлопоталъ о разрѣшеніи внести на обсужденіе Рязанскаго дворянскаго собранія свой проектъ образованія комитета для изученія крестьянскаго вопроса, мотивировавшійся рядомъ чисто экономическихъ соображеній относительно условій крѣпостного хозяйства. Эта сторона дѣла для Самарина, который зналъ деревню болѣе или менѣе издали и самъ никогда не хозяйничалъ, была совершенно нова и въ томъ настроеніи, въ которомъ онъ находился, должна была его живо заинтересовать. Послѣ своей высылки въ Москву въ Мартѣ 1849 г., ожидая рѣшенія своей участи, Самаринъ взялся за чтеніе экономическихъ книгъ, ища въ нихъ отвѣта на темныя для него стороны положительной хозяйственной дѣйствительности Россіи и отвѣта на всѣ тѣ вопросы, которыя родились въ немъ подъ впечатлѣніемъ февральской революціи.

Мы не знаемъ точно, что за книги перечелъ онъ за эти полгода, но объ этомъ можно догадываться. Во Франціи царилъ Жанъ Батистъ Сей, въ Германіи Рау; послѣдними новинками литературы были Экономическія Противорѣчія Бастія, курсъ Росси, очень распространенная въ свое время книжка Сюдра по исторіи коммунизма, брошюры Прудона и Луи Блана. Солидная наука проповѣдовала «свободу торговли» и была поглощена полемикой съ нарождавшимся соціализмомъ, а послѣдній только еще скла-

дывался въ стройную систему, переживая періодъ составленія болѣе или менѣе утопическихъ соціальныхъ рецептовъ. Самаринъ не сталъ ни фритредеромъ, ни соціалистомъ. Онъ былъ уже тогда зрѣлѣе того и другого. Въ замѣчательномъ письмѣ къ Хомякову, написанномъ въ началѣ осени 1849 г. изъ Москвы, онъ разсказываетъ ему о томъ, что вынесъ изъ своихъ чтеній. «Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, — пишетъ Самаринъ, — я занимался постоянно политической экономіей и поглотилъ до 15 довольно толстыхъ томовъ. Послѣ такого пріема я остаюсь при томъ убѣжденіи, что эта наука (или точнѣе этотъ рядъ выводовъ изъ историческаго развитія народнаго хозяйства на Западѣ) не заслуживаетъ ни того неблаговоленія, съ которымъ, съ нѣкотораго времени , смотрятъ на нее многіе почтенные люди, ни той огромной важности, которую приписываютъ ей тѣ, которые видятъ въ обществѣ компанію акціонеровъ, въ жизни народной торговое предпріятіе, а въ жизни человѣка процессъ пищеваренія. Политическая экономія, въ законныхъ предѣлахъ ея спеціальности, не только не вредна, но, напротивъ, нужна и можетъ быть очень полезна; вольно-же, съ одной стороны, ожидать отъ нея разрѣшенія задачъ, вовсе не входящихъ въ ея кругъ, съ другой, отвергать ее потому, что она не разрѣшаетъ этихъ задачъ или разрѣшаетъ ихъ ошибочно. Что касается до практической ея примѣняемости въ Россіи, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея положеній (нп. о превосходствѣ труда свободнаго передъ трудомъ вынужденнымъ, о выгодѣ свободнаго обмѣна, о вредѣ всякаго искусственнаго возбужденія промышленной дѣятельности и нѣкоторыхъ другихъ), я думаю, что въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, ее должно изучать не съ цѣлью прилагать къ дѣлу совѣты и наставленія, выдаваемые ею за безошибочныя, но для собственнаго своего образованія. Она можетъ направить взглядъ на такія стороны народной жизни, которыя часто ускользаютъ отъ вниманія, расширить кругъ наблюденій, возбудить много важныхъ вопросовъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. — Французскіе и англійскіе экономисты вдоволь насмѣялись надъ ateliers nationaux и прочими затѣями соціалистовъ. Имъ возражали обыкновенно тѣмъ, что человѣкъ трудится по нуждѣ и по охотѣ. Нужда предполагаетъ необходимость собственными средствами обезпечить себя и свое семейство; охота предполагаетъ свободное распоряженіе своими силами и обезпеченіе права собственности на результаты труда. Наше общество восхищалось дѣльностью этихъ возраженій. Но кому же пришло въ голову, что они одинаково подрываютъ ateliers nationaux и крѣпостное состояніе у насъ, что нашъ крестьянинъ обезпеченъ со стороны нужды обязанностью помѣщика кормить его, а сильной охоты къ труду ощущать не можетъ, когда трудомъ его распоряжается другой, нерѣдко простирающій руку и на плоды его трудовъ. Отъ этого происходитъ, что сельская промышленность у насъ

не можетъ развиваться.... — Современная политическая экономія полагаетъ, какъ desideratum, какъ желанную, но недостижимую цѣль, съ одной стороны: la participation du plus grand nombre possible aux bienfaits de la propriété territoriale, съ другой — l'emploi des procédés de la culture en grand. Дѣйствительно на Западѣ, гдѣ развилась такъ исключительно идея личной собственности, не было середины между дробленіемъ земли до безконечности и пролетаріатствомъ. Желанное примиреніе не заключается ли въ общинномъ владѣніи?... — Ограничиваюсь этими примѣрами, полагая, что для Васъ будетъ ясно, какого рода примѣненіе я ожидаю отъ политической экономіи. Вы, я думаю, согласитесь, что изученіе ея съ этой точки зрѣнія, по крайней мѣрѣ, безвредно. Я не жалѣю, что употребилъ на нее полгода.»

2.

Оставалось, при сложившейся уже въ тѣ годы систематической послѣдовательности жизненныхъ усилій и работы Самарина, восполнить пробѣлы реальнаго знанія деревни и ея быта. Но Самаринъ не былъ еще тогда тѣмъ свободнымъ человѣкомъ, какимъ онъ сталъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Надъ нимъ тяготѣла попечительная заботливость имп. Николая, и онъ долго ждалъ, гдѣ будетъ ему предписано продолжать службу. Но случилось такъ, что его послали въ Симбирскъ, въ обстановку свойственной всякому губернскому городу близости къ деревнѣ и ея интересамъ. Попасть въ Симбирскъ было для Самарина огромнымъ наслажденіемъ. Послѣ всѣхъ волненій и борьбы послѣднихъ лѣтъ, безмятежная тишина губернской обстановки, умный и благодушный губернаторъ, при которомъ онъ состоялъ, возможность, тотчасъ-же использованная, проѣхать по близости въ Сызранское имѣніе отца, освобожденіе отъ начинавшей его тяготить нѣжной дружбы московской пріятельницы — Е. А. Свербеевой, все это дало ему давно не испытанный приливъ душевной бодрости и радости жизни. Особенно хороши были шесть дней въ Сызранскомъ уѣздѣ. Уборка хлѣба подходила къ концу. За деревнями строились и росли съ каждымъ часомъ богатые скирды; длинные обозы тянулись по степямъ; ночью табуны лошадей паслись на свободѣ, на поляхъ, и пастухи, подавая другъ другу голосъ, прерывали торжественное молчаніе. Кругомъ залегла настоящая степь. Земли много, земля обильна, и человѣкъ спѣшитъ, какъ будто, собрать эти первые плоды, которыми такъ щедро даритъ его природа, еще не тронутая. Стрепета и куропатки срывались изъ подъ ногъ Самарина, а ружье не поднималось; глазъ только слѣдилъ за ними, а сердце радовалось богатству края и баснословному изобилію дичи.

Мысль Самарина продолжала работать, въ этой новой для

него губернской и деревенской обстановкѣ, надъ крѣпостнымъ правомъ. Въ Васильевскомъ —Сызранскомъ имѣніи, съ которымъ Самаринъ будетъ потомъ такъ тѣсно связанъ, — между охотой и долгими прогулками по полямъ и въ степи онъ велъ длинныя бесѣды съ народомъ о барщинѣ и вольномъ трудѣ, о землѣ и ея свойствахъ и о сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь впечатлѣнія отъ этихъ бесѣдъ были скорѣе радостными, какъ все кругомъ. Но они не закрывали собой окрѣпшаго моральнаго протеста противъ крѣпостной системы, и въ Симбирскѣ, видаясь съ помѣщиками, онъ собиралъ и записывалъ, видимо замышляя большую работу объ окружающей его экономической дѣйствительности, данныя о тяжкихъ послѣдствіяхъ для населенія крѣпостного права, «матеріалы для исторіи мертвящей силы», какъ онъ озаглавилъ папку съ этими замѣтками.

Симбирское пребываніе Самарина продожалось очень коротко, всего два съ половиной мѣсяца, съ конца Августа до начала Ноября 1849 г. Петербургскіе друзья рекомендовали его Кіевскому генералъ-губернатору Бибикову; искавшему начальника канцеляріи, и Самаринъ получилъ предписаніе немедленно выѣхать въ Кіевъ. Довольный Симбирскомъ, онъ не досадывалъ и на новое назначеніе. Въ томъ состояніи душевной бодрости, въ которомъ онъ находился, пребываніе въ Малороссіи казалось ему интереснымъ и заманчивымъ. Въ концѣ 1849 г. онъ былъ уже въ Кіевѣ и пробылъ тамъ, сначала въ качествѣ прикомандированнаго къ генералъ-губернатору чиновника, а потомъ правителя канцеляріи до 1853 г., т. е. почти полныхъ четыре года, съ короткими перерывами служебныхъ отпусковъ и командировокъ, которые возвращали его по временамъ въ Москву и Измалково.

Много лѣтъ спустя Самаринъ писалъ: «Я довольно долго жилъ въ Кіевѣ, кое что могъ высмотрѣть своими глазами, кое что узналъ по служебнымъ моимъ занятіямъ и всею душою привязался къ этой богатой, дивной, но во многихъ отношеніяхъ несчастной сторонѣ». Поставленный, въ силу служебныхъ обязанностей, лицомъ къ лицу со всѣмъ механизмомъ мѣстной жизни, Самаринъ не могъ не чувствовать двухъ, ему особенно тягостныхъ, особенностей тогдашней Малороссіи — гнета польскаго и гнета крѣпостническаго, одновременно падавшаго на русскую народную массу края. Не надо забывать, что Самаринъ жилъ въ западномъ краѣ въ годы до второго польскаго возстанія. когда край въ законѣ, оффиціально, именовался «губерніями, отъ Польши присоединенными» и въ самомъ дѣлѣ сохранялъ еще яркія черты былой общественной гегемоніи польскаго элемента. «А знаете ли вы, что это былъ за порядокъ?» — спрашиваетъ Самаринъ въ тѣхъ же своихъ воспоминаніяхъ 1863 г. и отвѣчаетъ, быть можетъ съ нѣкоторой долей преувеличенія, свойственнаго его оцѣнкамъ во всѣхъ окраинныхъ вопросахъ: «Нѣтъ, кто не видѣлъ Поляка,

эконома или оффиціалиста съ хлыстомъ въ рукѣ, распоряжающагося барщиною на полѣ или на гумнѣ, тотъ не можетъ себѣ его вообразить. Представьте себѣ все полновластіе крѣпостного права, весь его произволъ, но произволъ обдуманный, расчетливый и приправленный безграничнымъ презрѣніемъ *цивилизованнаго, рыцарскаго* племени къ отверженному племени *холоповъ*; прибавьте къ этому тотъ особенный видъ озлобленія, который заражцается въ угнетающемъ, отъ внутренняго и невольнаго сознанія исторической беззаконности его гнета; наконецъ, откиньте всѣ бытовыя условія, которыми у насъ смягчалось крѣпостное право, единство вѣры и языка, нашу добродушную беззаботность, дворянскую лѣнь и т. д., и тогда вы получите понятіе о томъ положеніи, въ которомъ очутились крестьяне»....

Конечно, не такія наблюденія могли прервать нить размышленій Самарина объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Западный край лишь давалъ для нихъ новый метеріалъ, отрицательный и положительный. Бибиковъ настоялъ въ 1848 г. на проведеніи въ краѣ т. наз. инвентарей, системы законнаго и точнаго установленія крестьянскихъ повинностей. Самаринъ съ величайшимъ интересомъ обратился къ изученію этого мѣропріятія, представлявшаго первую попытку русской власти отречься отъ поддержки полноты помѣщичьихъ правъ. Дружба съ нѣсколькими умными и просвѣщенными мѣстными людьми, игравшими крупную роль въ жизни края, Галаганомъ и Тарновскимъ, со скромнымъ, глубокимъ и благороднымъ Кіевскимъ ученымъ экономистомъ Журавскимъ, близость къ Бибикову, умѣвшему вкладывать въ управленіе краемъ разумную и твердую волю и вѣрный взглядъ на мѣстныя общественныя и національныя отношенія, ввели Самарина въ обстановку, въ которой разрѣшался въ краѣ крестьянскій вопросъ. Онъ продолжалъ собирать начатые въ Симбирскѣ матеріалы, постепенно начинавшіе укладываться, какъ опредѣленныя мнѣнія, раньше ему не хватавшія, относительно практическихъ условій разрѣшенія крѣпостного вопроса.

Предпосылкой сложившихся въ Кіевѣ воззрѣній на крѣпостное право и на средства его упраздненія было окончательно созрѣвшее здѣсь у Самарина пониманіе крѣпостной системы, какъ порядка, основной внутренней пружиной котораго является историческое право крестьянъ на землю. «Крестьянинъ — пишетъ Самаринъ въ одной изъ своихъ Кіевскихъ замѣтокъ, служившей критикой нѣкоторыхъ положеній труда его ученаго друга Журавскаго по статистическому описанію Кіевской губерніи, — *долженъ* работать на помѣщика; помѣщикъ *долженъ* надѣломъ земли обезпечить своихъ крестьянъ. Поэтому ихъ взаимныя отношенія должны быть *ненарушимы* и основаны на *справедливости*. Теперь они основаны на произволѣ, почти неограниченномъ одного помѣщика, на насиліи и оттого тягостны для кресть-

янъ. Когда они измѣнятся, вслѣдствіе ли добровольной между ними сдѣлки, или на основаніи нормы, введенной правительствомъ, тогда установится законный порядокъ, вытекающій изъ условій нашего историческаго развитія. Въ основѣ его лежитъ, мнѣ кажется, *понятіе о нераздѣльности земледѣльца съ землею*, понятіе совершенно чуждое Западной Европѣ. Эта *нераздѣльность* проявляется двоякимъ образомъ: *какъ зависимость земледѣльца отъ земли* — крѣпостное право, и *какъ зависимость земли отъ земледѣльца*, т. е. отношеніе обратное, осуществленіе котораго предоставлено будущему».

Отсюда высокая оцѣнка Самаринымъ системы инвентарей. Основная мысль ея заключается именно въ томъ, что въ крѣпостной системѣ признано право крестьянина на опредѣленный земельный надѣлъ, въ соотвѣтствіи съ которымъ устанавливаются его повинности. Въ этомъ направленіи должна идти крестьянская реформа. Центръ ея не въ абстрактномъ провозглашеніи свободы крестьянской личности, а въ возстановленіи историческаго права крестьянина на землю. Въ этомъ смыслѣ переходный и неокончательный характеръ инвентарной системы въ глазахъ Самарина блѣднѣетъ по сравненію съ огромной выгодой правильности основного направленія въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, которое ею намѣчено. Самаринъ заботливо сохраняетъ въ своихъ замѣткахъ положительные отзывы передовыхъ людей края объ инвентаряхъ. Общественное мнѣніе въ Кіевской губерніи, по крайней мѣрѣ просвѣщеннѣйшихъ изъ Русскихъ, рѣшительно въ пользу инвентарей. Всѣ убѣждены въ томъ, что нравственное вліяніе ихъ на народъ было огромно и въ высшей степени благотворно. Народа узнать нельзя, такъ онъ преобразился: онъ ходитъ веселѣе, держитъ прямо голову; по выраженію В. В. Тарновскаго, такъ подняло его вдругъ сознаніе, что у него есть право. «Опытъ сдѣланъ, — кончаетъ Самаринъ свою замѣтку, — и опытъ удался. Огромный переворотъ произошелъ мирно, безъ шума и кровопролитій, которыми насъ пугаютъ недобросовѣстные защитники крѣпостного права».

Работа, лежавшая на Самаринѣ, какъ правителѣ канцеляріи генералъ-губернатора и поглощавшая все его время, не позволяла ему и въ Кіевѣ отдаться цѣликомъ крестьянскому дѣлу. Желаніе отца долгое время мѣшало ему бросить службу, какъ ему хотѣлось. Уже въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Кіевѣ онъ предупреждалъ Ѳедора Васильевича, что уйдетъ со службы, если на него падутъ служебныя обязанности, «которыхъ порядочный человѣкъ не приметъ». Этого не случилось, и, напротивъ того, работа съ Бибиковымъ давала Самарину, сама по себѣ, полное удовлетвореніе. Тѣмъ не менѣе жажда стать свободнымъ человѣкомъ не исчезла. Ѳедоръ Васильевичъ серьезно заболѣлъ въ 1852 г., и ему стало не подъ силу вѣдать крупнымъ Самаринскимъ состояніемъ. Вопросъ объ отставкѣ разрѣшался

такимъ образомъ самъ собой. Въ Декабрѣ 1852 года Самаринъ окончательно покинулъ Кіевъ, а 21 Февраля 1853 г. послѣдовала формальная отставка. Въ концѣ того же года отецъ Самарина скончался. Ю. Ө. присутствовалъ при его смерти. «Батюшка точно удостоился непостыдной, мирной и безмятежной кончины, — писалъ онъ Е. А. Свербеевой, отвѣчая на ея соболѣзнованіе, — но при всемъ моемъ убѣжденіи, что ему лучше на томъ свѣтѣ, чѣмъ здѣсь, страшное дѣйствіе производитъ появленіе смерти. Въ первый разъ человѣкъ умиралъ на моихъ глазахъ...».

Послѣ смерти отца давнее стремленіе узнать подлинный сельскій бытъ могло, наконецъ, осуществиться. Самаринъ уѣхалъ въ доставшееся ему по наслѣдству приволжское Васильевское и взялъ на себя управленіе имъ. Въ позднѣйшіе годы онъ передалъ хозяйство въ этомъ имѣніи брату, Дмитрію Өедоровичу, съ которымъ былъ въ совладѣніи, и можно думать, что самъ онъ едва ли имѣлъ настоящее призваніе стать хозяиномъ. Но теперь управленіе имѣніемъ было ему дорого, какъ возможность изучить крѣпостной порядокъ.

Попавъ въ Васильевское, онъ весь отдался хозяйству, находя занятіе для каждой минуты, съ ранняго утра до поздней ночи. Онъ не воображалъ себѣ, чтобы деревенская жизнь могла быть такъ полна, но такою она для него была, потому что въ сущности все въ ней было ему ново. Онъ живалъ въ деревнѣ и раньше, но не деревенскимъ образомъ жизни. Теперь деревня стала для него предметомъ постояннаго занятія и, ему казалось, цѣлью его жизни.

Самаринъ не могъ подойти къ деревнѣ, какъ простой зритель и изслѣдователь. Онъ постоянно чувствовалъ, что нравственной отвѣтственностью былъ связанъ съ предметомъ своего изученія. Ибо такимъ предметомъ были люди, передъ которыми онъ чувствовалъ себя въ отвѣтѣ. Всякое явленіе въ ихъ бытѣ щемило его совѣсть, и деревня въ цѣломъ производила на него тяжелое, горькое впечатлѣніе. Онъ съ каждымъ днемъ убѣждался, что для того поколѣнія, къ которому онъ принадлежалъ по своимъ лѣтамъ и воспитанію, воспроизведеніе типа «добраго помѣщика» было рѣшительно невозможно. Онъ понималъ, что помѣщикъ, именно какъ помѣщикъ, можетъ сдѣлать много добра, и испытывалъ пріятныя минуты, когда ему удавалось его сдѣлать. Но для того, чтобы успокоиться на этомъ, ему и его поколѣнію не доставало вѣры въ правоту и законность своего помѣщичьяго званія и призванія. Исчезла эта вѣра, родилось сомнѣніе — и выпало изъ рукъ орудіе, которое старикамъ позволяло со спокойною совѣстью и простодушіемъ осуществлять идеалъ добраго барина.

Описывая С. Т. Аксакову всю сложную совокупность этихъ деревенскихъ своихъ переживаній, Самаринъ прибавлялъ: «Общее впечатлѣніе такъ тяжело, что, если бы не надежда на будущее,

если бы не твердое убѣжденіе, что оно еще пока въ нашихъ рукахъ, я бы недѣли не прожилъ въ деревнѣ. Но къ счастью для нашего поколѣнія, что задача его совершенно ясна. Цѣль стоитъ неподвижно, высоко, никакія умствованія не могутъ затемнить ее».

3.

Чувство горечи и моральный протестъ противъ крѣпостной системы находили исходъ въ работѣ надъ большой «запиской» объ упраздненіи крѣпостного права. Она была начата, надо полагать, осенью 1853 г. въ Васильевскомъ, послѣ окончанія полевыхъ работъ, и писалась зимой въ Москвѣ. Къ веснѣ 1854 г. она была дописана, и Самаринъ готовился пустить ее въ обращеніе. Записка не была для него простымъ удовлетвореніемъ теоретической любознательности; она должна была стать опредѣленнымъ практическимъ дѣйствіемъ. Мнѣ уже приходилось отмѣчать, что по условіямъ Николаевскаго царствованія всякая политическая проповѣдь облекалась въ необходимую форму рукописныхъ «записокъ», которыхъ впечатлѣніе измѣрялось не количественнымъ распространеніемъ, а вліяніемъ на тотъ узкій кругъ людей, въ рукахъ которыхъ находились культурныя судьбы Россіи. По мысли Самарина, записка должна была, прежде всего, поступить на судъ его московскаго круга друзей и близкихъ. Вернувшись изъ Кіева, онъ возобновилъ всѣ прерванныя въ 1844 г., съ отъѣздомъ въ Петербургъ, постоянныя и тѣсныя отношенія съ московскимъ литературнымъ и свѣтскимъ міромъ, съ Хомяковымъ и Кирѣевскими, Елагиными и Свербеевыми, Аксаковыми, Погодинымъ и Шевыревымъ, Кошелевымъ и Черкасскимъ и снова пріобщился къ той культурной жизни, которая била ключомъ, вопреки всѣмъ внѣшнимъ условіямъ, въ маленькихъ особнячкахъ московскихъ переулковъ. Все, что думали и дѣлали отдѣльные члены этого круга, поступало въ парламентъ московскихъ гостиныхъ, гдѣ по очереди въ долгіе зимніе вечера горячо обсуждались стихи и проза, критика и исторія, вѣра и политика. Естественно первой мыслью Самарина по окончаніи записки было «подвергнуть ее строгому разбору въ нашемъ кругу», какъ онъ писалъ К. Аксакову, а потомъ уже «пустить въ ходъ». Но обѣ части плана пришлось на время отложить. Записка была дописана ранней весной, когда Самаринъ долженъ былъ торопиться въ Васильевское, а Москва уже начинала пустѣть, потому что почти весь Самаринскій «кругъ» состоялъ изъ помѣщиковъ, тянувшихся на лѣто въ Тульскія, Рязанскія и Орловскія деревни. Только слѣдующей зимой, по возвращеніи изъ деревни, Самаринъ могъ дать ходъ своему труду. Въ дневникѣ сестры К. Аксакова, Вѣры Сергѣевны, записано, какъ въ началѣ Января 1855 г. Самаринъ пріѣхалъ къ нимъ въ подмосковное Абрамцево и читалъ свою

записку. Ея запись немножко наивна, но въ женскомъ отраженіи, не точномъ и поверхностномъ, но выпукломъ и прочувствованномъ, живо переданы первыя впечатлѣнія отъ записки Самарина въ кругу его московскихъ друзей и пріятелей. «6 Января.... Самаринъ пріѣхалъ часа въ три. Константинъ вслѣдъ за нимъ, пошли тотчасъ разговоры. Самаринъ былъ очень простъ, дружественъ. Послѣ обѣда читалъ свой проектъ объ крѣпостномъ правѣ. Это еще не кончено, но написано очень умно, мѣстами прекрасно выражено, но примѣненія къ дѣлу кажутся вовсе неудобоисполнимыми. Это самый затруднительный вопросъ, и врядъ ли можно разрѣшить его на бумагѣ, но необходимо приготовить къ этому неизбѣжному перевороту, а главное убѣдить помѣщиковъ добровольно на него согласиться. Въ настоящую минуту это самый главный и важный вопросъ. Теперь ясно становится, что, покуда народъ не получитъ глазъ и ушей, чтобъ понимать, что около него и съ нимъ дѣлается, то никакого возрожденія Россія ждать не можетъ, а уши и глаза откроются только тогда, когда будетъ онъ освобожденъ отъ рабства, парализующаго его способности, его жизнь и участіе. Но Самаринъ думаетъ его распространить; но это не можетъ пройти даромъ. Негодованіе благороднаго русскаго дворянства изыщетъ всѣ средства, чтобы повредить ему. Не дай Богъ! Послѣ чтенія много говорили и толковали».

Со времени кары за Письма изъ Риги прошло всего около пяти лѣтъ, и опасенія добродушной Вѣры Сергѣевны не были преувеличенными. Крѣпостное право охранялось властями не менѣе строго, чѣмъ балтійскія привилегіи, а записка Самарина, мы увидимъ, его не щадила. Готовясь сдѣлать новый смѣлый жизненный шагъ, Самаринъ не могъ не чувствовать съ особенной горечью тяжелаго гнета Николаевскихъ порядковъ. Онъ переживалъ въ эти годы то, что переживалось всей культурной Россіей, — постепенный ростъ сознанія, что жизнь страны замираетъ и грозитъ погаснуть. Совпадавшая съ его работой надъ запиской Крымская кампанія дѣлала это чувство мертвящаго гнета особенно сильнымъ. Неудачи и пораженія оскорбляли его патріотизмъ, и правительство въ его сознаніи растрачивало въ нихъ остатки своего обаянія, покоившіеся на привычной увѣренности въ его военной и дипломатической мощи. Ни въ какой періодъ своей жизни — кромѣ, можетъ быть, 70-хъ годовъ — Самаринъ не ощущалъ такой потребности протеста и оппозиціи, какъ въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Николая I. Въ Январѣ 1855 г. праздновался столѣтній юбилей университета: Самаринъ, вмѣстѣ съ К. Аксаковымъ, не пошелъ на празднество, потому что «въ него вмѣшалось правительство», въ февралѣ происходили выборы начальника московскаго ополченія, только что призваннаго императорскимъ манифестомъ: Самаринъ, какъ представитель Звенигородскаго уѣзда, страстно агитировалъ на дворянскомъ

собранiи за Ермолова, потому что Ермоловъ былъ кандидатомъ, непрiятнымъ правительству. Въ этихъ мелочахъ сказывалось вообще не свойственная ему потребность къ внѣшнему выраженiю раздраженной досады.

19 Февраля Самаринъ, однимъ изъ первыхъ въ Москвѣ, узналъ о смерти Николая Павловича. Извѣщая Погодина, онъ написалъ ему коротенькую записочку, гдѣ стояло: « Hesterna nocte Imperator defunctus est». Торжественный паѳосъ этой латинской фразы знаменовалъ глубокiй переворотъ, который наступалъ съ окончанiемъ Николаевскаго царствованiя: Самаринъ послѣ памятнаго для него вечера въ кабинетѣ Зимняго дворца непосредственно чувствовалъ — какъ онъ писалъ позднѣе — «строгую и благородную простоту обаятельнаго величiя» личнаго облика Николая, но вмѣстѣ со всей Россiей онъ сознавалъ, что только смерть «Незабвеннаго», какъ Самаринъ, вмѣстѣ съ другими, тогда обозначалъ Николая I, могла снять со страны мертвый грузъ негодной и убийственной правительственной системы. Онъ предчувствовалъ, что, — вопреки недовѣрiю, что внушало все тогда извѣстное въ обществѣ объ Александрѣ II, вопреки мало благопрiятному впечатлѣнiю, которое произвело на Самарина его представленiе Александру-наслѣднику въ Москвѣ послѣ «Писемъ изъ Риги», въ Апрѣлѣ 1849 г., когда тотъ убѣждалъ автора Писемъ влiять въ Москвѣ для искорененiя распространеннаго тамъ духа непрiязни къ нѣмцамъ, — для России съ новымъ царствованiемъ открывается, наконецъ, возможность осуществленiя крестьянской реформы и обновленiя народной жизни, а для него, Самарина, наступаютъ условiя настоящей политической дѣятельности. Въ день присяги онъ вмѣстѣ съ своимъ кружкомъ, вечеромъ, у Кошелева радостно пилъ за здоровье Александра II и за совершенiе имъ великаго дѣла освобожденiя; онъ принималъ дѣятельное участiе въ выработкѣ адреса новому монарху отъ московскаго дворянства и безконечно обсуждалъ съ друзьями всѣ предстоявшiя странѣ возможности. Но, какъ извѣстно, первыя довѣрчивыя надежды на обновленiе мало отвѣчали первымъ шагамъ новаго государя. Общество года на полтора опережало событiя: рутина старыхъ порядковъ продолжала оставаться въ силѣ, особенно подавляя настроенiе, и безъ того омраченное все продолжавшейся неудачной войной. Послѣ первой вспышки бодрыхъ надеждъ, на Самарина нашла полоса мрачнаго отчаянiя, съ которымъ онъ уѣхалъ въ деревню, въ царство все еще не упраздненнаго крѣпостного права. Здѣсь его ждала перемѣна. Въ Iюлѣ 1855 г. призывъ второго ополченiя былъ распространенъ на Поволжье, и Сызранское дворянство избрало его въ капитаны мѣстной ополченской дружины. Онъ не считалъ себя въ правѣ отказаться, хотя нѣсколько братьевъ его были уже на военной службѣ, но безъ всякаго восторга превратился, по словамъ Хомякова, въ «вооруженнаго

гражданина». «Я пріѣхалъ сюда проститься съ своими, — писалъ Самаринъ Е. А. Свербеевой изъ подъ Москвы 20 Сентября 1855 г., — на дняхъ ѣду въ Сызрань набирать ратниковъ, а оттуда къ концу зимы или началу весны, мы должны выступить на Кавказъ, если, если... мало-ли что до весны можетъ случиться такого, что разстроитъ всѣ предположенія. Я засталъ здѣсь сестру и Маменьку въ ужасномъ безпокойствѣ о братѣ Владимірѣ. Дошло извѣстіе, что онъ раненъ на штурмѣ — и только. Наконецъ вчера и сегодня мы получили отъ него два письма довольно успокоительныхъ. Онъ раненъ въ ногу, не тяжело и лежитъ въ Бахчисараѣ. Другой братъ мой Петръ вчера поѣхалъ отъ насъ догонять свой полкъ по Тульскому тракту... Какое странное время. Кого берутъ, кто самъ идетъ, съ кого дерутъ; вездѣ пожертвованія, признаки всеобщаго напряженія и при всемъ этомъ какое то холодное безучастіе къ общественному дѣлу. Это глубокое равнодушіе подъ наружною суетою и заказнымъ одушевленіемъ самый сокрушительный признакъ нашего нравственнаго упадка. Причины его ясны до очевидности, но за то самое сильное воображеніе едва-ли въ состояніи представить себѣ, какимъ путемъ совершится возстановленіе. Едва ли мы увидимъ его. Мы останемся подъ развалинами нашего политическаго величія и нашей военной славы. А тяжело съ нею разставаться!»

Сызранская дружина по неволѣ разсѣяла это мрачное настроеніе. Маленькій городокъ, съ его тишиной, ополченцы, военное начальство и товарищи, во главѣ съ командиромъ дружины Давыдовымъ, «не глупымъ человѣкомъ, благороднымъ и добрымъ малымъ, отставнымъ гвардейцемъ», какъ о немъ отзывался Самаринъ, занятія въ канцеляріи дружины, куда его сначала прикомандировалъ Давыдовъ, а потомъ рота, которой онъ командовалъ, маленькое общество, необыкновенно радушно встрѣтившее Самарина и восторгавшееся его разсказами, его сужденіями и тѣмъ юморомъ, который всегда ключомъ билъ въ Самаринѣ. Со свойственной ему чрезвычайной добросовѣстностью онъ взялся за исполненіе возложенныхъ на него обязанностей въ канцеляріи, и Давыдовъ по вечерамъ находилъ его въ пріютившей послѣднюю, грязной избѣ, тускло освѣщенной тремя сальными огарками, шагающаго взадъ и впередъ, съ необычайнымъ терпѣніемъ диктующаго тремъ, плутовато смотрѣвшимъ на него татарамъ — писарямъ и объясняющаго имъ правила правописанія. Канцелярія брала утро и вечеръ, а все остальное время онъ отдавалъ чтенію и работѣ; когда Давыдовъ далъ ему командовать ротой, строевыя занятія мало измѣнили распредѣленіе его дня.

Самаринъ работалъ, главнымъ образомъ, надъ своей запиской по крестьянскому дѣлу. Онъ совершенно передѣлалъ ее, былъ очень доволенъ, что, проведя всѣ утра на ученіяхъ и вникая по вечерамъ въ тайны ротныхъ построеній, онъ всеже успѣлъ сдѣлать ее,ему казалось, полнѣе и лучше. Въ Январѣ 1856 г. оконча-

тельный текстъ записки былъ установленъ, и Самарина стало тянуть изъ Сызрани. Война кончалась, и выяснилось, что дружина № 270 никуда изъ Сызрани не попадетъ. При самомъ живомъ и добросовѣстномъ вниманіи къ ея интересамъ и нуждамъ — а Самаринъ съ обычной ему горячностью откликался на нихъ, хлопоталъ объ улучшеніи ея снабженія, вступался за честь ополченцевъ въ предназначенномъ къ оглашенію письмѣ по поводу приказа генерала Лидерса, предписывавшаго не «глумиться» надъ ратниками при ихъ включеніи въ регулярныя части», и т. д., — онъ тяготился все не кончавшимся состояніемъ «вооруженнаго гражданина». Письма друзей дѣлались все живѣе, въ Москвѣ и Петербургѣ шли все болѣе и болѣе опредѣленные разговоры объ «эмансипаціи». Еще въ Августѣ предшествующаго года, передъ отъѣздомъ въ Сызрань, Самаринъ велъ, отъ имени своей московской группы, переговоры съ Погодинымъ о передачѣ имъ изданія «Москвитянина», а теперь ему писали, что шли хлопоты, обѣщавшія успѣхъ, о разрѣшеніи Кошелеву издавать «Русскую Бесѣду». Все это вмѣстѣ взятое и въ особенности страстное желаніе поскорѣе пустить въ обращеніе свою записку дѣлали дальнѣйшее сызранское пребываніе невыносимымъ. Съ тоской онъ думалъ о томъ, какъ его московскіе друзья сидятъ у Елагиныхъ или Кирѣевскаго и ведутъ бесѣду по прежнему, а ему приходится учить ополченцевъ и «дѣлать репетиціи, зная напередъ, что представленіе не состоится». Только къ веснѣ пришло освобожденіе, и Самаринъ съ запасомъ бодрости и ощущеніемъ умственнаго голода, вернулся домой, въ Москву.

Москва встрѣтила его съ обычнымъ радушіемъ. Всѣ старые друзья были полны надеждъ на открывавшееся свѣтлое будущее и были счастливы, что въ предстоящей работѣ могутъ расчитывать на живое и непосредственное участіе Самарина. Создавалась, наконецъ, возможность всѣ накопленныя въ тиши Николаевскаго царствованія умственныя богатства, всѣ споры и всѣ сложившіяся въ нихъ убѣжденія вынести на свѣтъ Божій, не считаясь болѣе съ необходимостью торговаться съ цензоромъ о каждой фразѣ. Политика не только не убивала въ Москвѣ первыхъ лѣтъ новаго царствованія общекультурныхъ и философскихъ темъ 40-хъ годовъ, но придавала имъ, какъ будто, новое значеніе, ибо со всѣми размышленіями о роли русскаго народа, русской православной церкви, объ отношеніяхъ къ Западу и т. д. связывалась впервые надежда на предстоящее исцѣленіе всѣхъ золъ реальной Россіи и очищеніе подлиннаго лика русскаго народа и подлиннаго значенія его культурныхъ цѣнностей.

Изъ всѣхъ московскихъ друзей Самаринъ въ эти годы всего ближе къ Хомякову. Ихъ связываетъ и тотъ глубокій отзвукъ, который въ Хомяковѣ находили господствовавшія теперь въ Самаринѣ политическія размышленія и стремленія, и прежніе узы общихъ религіозныхъ и философскихъ интересовъ. Написан-

ныя Хомяковымъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ работы о германской философіи изложены въ формѣ писемъ къ Юрію Самарину и представляютъ собой продолженіе ихъ долгихъ бесѣдъ на эти темы послѣ возвращенія послѣдняго изъ Сызрани. По прежнему, въ этой области Хомяковъ покорялъ Самарина остротой своей отвлеченной мысли и глубиной своей вѣры. Старая, какъ бы, вассальная зависимость Ю. Ѳ. отъ его старшаго друга въ вопросахъ вѣры, оставалась въ силѣ. Но зато Хомяковъ, нѣжно любившій Самарина, открывалъ ему всю полноту самыхъ личныхъ, самыхъ внутреннихъ, своихъ переживаній. Самаринъ не былъ мистикомъ; напротивъ того, разсудочность всего его душевнаго облика закрывала въ немъ ключъ, откуда бьетъ непосредственный религіозный энтузіазмъ и вдохновеніе. Но сила, съ которой этотъ источникъ билъ въ душѣ Хомякова, заражала Самарина и воспитывала въ немъ непреклонную увѣренность въ вѣроисповѣдной и церковной истинѣ. Много лѣтъ спустя, вспоминая Хомякова, Ю. Ѳ. написалъ о немъ и его религіозной жизни страницы, которыя останутся навсегда однимъ изъ лучшихъ памятниковъ русской мистики и которыя нельзя читать безъ внутренняго волненія: такъ ярко и рѣзко врѣзались эти воспоминанія въ сознаніе Самарина. Я имѣю въ виду изумительный «Отрывокъ изъ записокъ», сравнительно недавно обнародованный С. А. Рачинскимъ.

Самаринъ съ радостью наблюдалъ, какую горячую поддержку готовъ былъ оказать Хомяковъ въ его политическихъ интересахъ. Для Хомякова необходимость освобожденія крестьянъ твердо опиралась въ его религіозно-нравственныя концепціи, и это внутреннее единство и стройность всѣхъ его воззрѣній заражали Самарина и сковывали въ одну цѣпь этапы и его собственной умственной жизни.

## 4.

Теперь время познакомиться съ Самаринской запиской, сразу завоевавшей ему мѣсто въ первомъ ряду государственныхъ людей новой Россіи.

Она великолѣпна по своему внѣшнему выполненію. Блескъ таланта политическаго писателя, съ такой силой обнаруженный Самаринымъ въ «Письмахъ изъ Риги», здѣсь достигаетъ полной зрѣлости. Въ ней нѣтъ ни одного лишняго слова, и вмѣстѣ мысль Самарина развита съ исчерпывающей полнотой и всепобѣждающей цѣлостностью и логичностью. Она отточена, какъ острый мечъ, и наноситъ смертельный ударъ. Никакихъ колебаній, ничего не договореннаго. Изумительная внѣшняя стилистическая форма, дѣлающая отдѣльныя части записки по истинѣ классическими образцами русской прозы. «Какъ же относится правительство къ настоящему вопросу? Чего оно хочетъ? Запереться вмѣ-

стѣ съ помѣщиками въ крѣпостномъ правѣ, какъ въ осажденномъ городѣ, держаться въ немъ до послѣдней возможности и, по мѣрѣ усиленія натиска, изобрѣтать новыя оборонительныя средства, снабжать защитниковъ новымъ оружіемъ, или, пріучивъ ихъ заранѣе къ мысли, что на настоящей позиціи нельзя удержаться проложить изъ нея вѣрный исходъ, прежде чѣмъ она будетъ занята съ бою?» Какъ ярокъ и простъ этотъ образъ и какъ врѣзывается въ сознаніе облеченная имъ мысль. Надо перечесть и сравнить произведеніе Самарина съ другими, пущенными въ оборотъ въ тѣ же годы, записками объ освобожденіи крестьянъ даже крупныхъ людей, какъ Кавелинъ, Черкасскій, Кошелевъ, чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить совершенство его формы.

Чтобы понять ея внутреннее построеніе, надо помнить, что она была предназначена служить политическимъ дѣйствіемъ, не научнымъ изысканіемъ, даже не публицистическимъ выступленіемъ. Въ ней все подчинено политической цѣли; записка даетъ то, что было полезно, на взглядъ Самарина, для задачи, которую онъ себѣ ставилъ, и исключено все, что могло затруднить ея достиженіе. Продолжая много думать о юридической природѣ крѣпостного права и, въ частности, о правѣ крестьянъ на землю, и, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся рукописи, дальше развивая въ письменной формѣ когда то столь поразившія Хомякова мысли по этому поводу, онъ въ запискѣ 1856 г. обходитъ эту тему, ибо его цѣль — обосновать необходимость окончательно осудить, какъ невозможную, крѣпостную систему и сдѣлать этотъ выводъ морально и логически обязательнымъ для всѣхъ, прежде всего, для защитниковъ системы; а для такой цѣли преждевременное возбужденіе самаго остраго спора въ дѣлѣ практическаго выполненія реформы только опасно. Той-же политической задачѣ подчинена вся вторая, очень обширная, часть записки, посвященная положительнымъ предложеніямъ Самарина. Требованія Самарина необыкновенно умѣренны и кажутся почти робкими. Но онъ думалъ, что въ ту минуту, когда записка писалась, надо было главнымъ образомъ поставить вопросъ передъ всѣми, какъ неизбѣжный и необходимый, никого не пугая далекими радикальными требованіями. Онъ хорошо знаетъ, что чѣмъ меньше онъ будетъ настаивать на основной и, для него давно ясной, конечной задачѣ освобожденія крестьянъ и передачѣ имъ возможно широкаго земельнаго обезпеченія, тѣмъ легче будетъ провести во всеобщее сознаніе тезисъ, въ ту минуту ему съ практической точки зрѣнія кажущійся наиболѣе важнымъ, тезисъ невозможности крѣпостного «status quo». Своей умѣренностью онъ какъ бы завлекаетъ незамѣтно на путь, который, онъ знаетъ, все равно неизбѣжно ведетъ къ полному освобожденію. Положительная программа второй части записки такова. Въ сознаніи зла крѣпостного права правительство должно принять мѣры противъ всего, что клонится къ его дальнѣйшему развитію.

и облегчить все, что можетъ содѣйствовать его уничтоженію. Съ этой послѣдней цѣлью должны получить дальнѣйшее развитіе существующіе законы о выходѣ изъ крѣпостного права съ тѣмъ, чтобы открылась широкая возможность добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами объ освобожденіи цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ крестьянъ. Самаринъ подчеркиваетъ, что предпочитаетъ путь добровольныхъ сдѣлокъ тому, на который вступило правительство въ западномъ краѣ введеніемъ инвентарей. Инвентари суть контракты, но составленные не сторонами, обязанными ихъ исполнить, а, вмѣсто сторонъ, властью. Противоположность интересовъ сторонъ, не примиренныхъ, а лишь взаимно ограниченныхъ, открываетъ обширное поприще ухищреніямъ, уловкамъ, обидамъ всякаго рода. Только добровольная сдѣлка, предложенная самими сторонами и утвержденная правительствомъ, связываетъ совѣсть, возбуждая сознаніе гражданской свободы и нравственнаго долга. Критика инвентарей, на первый взглядъ противорѣчащая тѣмъ оцѣнкамъ, которыя давалъ имъ Самаринъ въ Кіевскій періодъ своихъ размышленій надъ крѣпостнымъ правомъ, въ его устахъ въ запискѣ 1856 г., конечно, только условна. «Во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, — говоритъ Самаринъ, — мы.. откровенно прибавимъ, что, если бы Провидѣнію угодно было казнить Россію, поразивъ наше правительство неисцѣльнымъ ослѣпленіемъ, а наше дворянство безнадежнымъ упрямствомъ, и если бы затѣмъ намъ предстояло одно изъ двухъ: оставить неприкосновеннымъ крѣпостное право или ввести повсемѣстно инвентари, то, изъ двухъ золъ избирая меньшее, мы, не задумываясь, предпочли бы послѣднее».

Скромность такой положительной программы не должна вводить въ заблужденіе, какъ это случается иногда въ исторической литературѣ. Обстоятельный лѣтописецъ царствованія Александра II, А. А. Корниловъ, полагаетъ, будто она есть результатъ того, что, «авторъ не представлялъ себѣ, чтобы паденіе крѣпостного права могло произойти такъ скоро и радикально, какъ оно совершилось въ дѣйствительности». Дѣло, конечно, не въ этомъ. Реформа осуществлена была скоро и радикально именно потому, что съ первой минуты вопросъ не ставился слишкомъ рѣзко. Расчетъ Самарина былъ въ общемъ правиленъ, и въ той мѣрѣ, въ какой его записка 1856 г. повліяла на ходъ событій, — а мы увидимъ, что она повліяла самымъ серьезнымъ образомъ — это вліяніе оправдывало построеніе, которое онъ ей придавалъ. Но, конечно, это вліяніе объяснялось не только умѣренностью Самаринскихъ требованій, но прежде всего огромной силой доводовъ первой и основной части записки, посвященной характеристикѣ крѣпостной системы.

Самаринъ вложилъ въ эту часть итогъ своихъ многолѣтнихъ работъ и размышленій. Мы знаемъ главные ихъ этапы и остается только добавить, что, составляя записку, онъ ихъ восполнилъ

пристальнымъ изученіемъ воскрешенной въ общей памяти П. Б. Струве старой русской экономической литературы, посвященной крѣпостному хозяйству и крѣпостной агрономіи. Отсюда необыкновенная цѣнность его экономической характеристики крѣпостной системы, до сихъ поръ остающейся неисчерпаннымъ кладомъ интереснѣйшихъ наблюденій надъ до-реформеннымъ русскимъ аграрнымъ строемъ.

«Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, — начинается записка, — а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ... Эта истина, подъ тяжкими ударами судьбы, постепенно проникаетъ въ общественное сознаніе, и оттого въ минуты, подобныя настоящей, охотнѣе, чѣмъ въ спокойное время, выслушивается горькая правда, совѣсть общественная говоритъ громче, больнѣе отзываются старые, запущенные недуги и, казалось бы, въ той же мѣрѣ должна возрастать рѣшимость на всякую жертву для коренного исцѣленія». Внутреннее обновленіе Россіи, въ первую очередь, требуетъ разрѣшенія вопроса о крѣпостномъ правѣ. Онъ долженъ быть поставленъ, не откладывая, ибо разумное его направленіе возможно только до извѣстной поры. Сдавленныя общественныя потребности, встрѣчая отпоръ, уходятъ въ глубь и, дозрѣвая въ тишинѣ и мракѣ, тамъ перерождаются въ темныя страсти, неразумныя, какъ стихійныя силы, и также неодолимыя. Никакая человѣческая сила не можетъ ни сдержать, ни направить взрыва этихъ страстей, и онъ на долго потрясаетъ основы общества. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ еще не вступилъ, по счастью, въ эту стадію своего развитія, но «пора повернуться къ нему лицомъ, назвать его по имени и рѣшиться, наконецъ, произнести во всеуслышаніе то, что давно уже лежитъ у всѣхъ на сердцѣ, какъ опасеніе или надежда, какъ разумное убѣжденіе или какъ темная забота, неотвязчиво насъ преслѣдующая». Вліяніе существующихъ отношеній на помѣщиковъ, вооруженныхъ крѣпостнымъ правомъ, на крестьянъ, связанныхъ имъ, на чиновниковъ, охраняющихъ его, налагаетъ свое клеймо на нравственную физіономію всѣхъ элементовъ русской жизни. Помѣщикъ , не встрѣчая отпора въ равномѣрныхъ правахъ людей, его окружающихъ, ежечасно подвергается искушенію дать волю своему произволу. Народъ покоряется помѣщичьей власти, какъ тяжелой необходимости, какъ насилію, «какъ нѣкогда покорялась Россія владычеству монголовъ въ чаяніи будущаго избавленія». Но эта покорность унижаетъ нравственность человѣка. Она развиваетъ въ крестьянахъ притворство, обманъ и лесть. «Оттого крестьяне почти во всѣхъ обстоятельствахъ жизни обращаются къ своему помѣщику темными сторонами своего характера. Умный крестьянинъ, въ присутствіи своего господина, притворяется дуракомъ, правдивый безсовѣстно лжетъ ему прямо въ глаза, честный обкрадываетъ его и всѣ трое называютъ его своимъ отцомъ».

Правительство, поддерживая крѣпостное право, потворствуетъ неправдѣ всѣхъ русскихъ общественныхъ отношеній. Между тѣмъ русское государство сложилось изъ цѣльнаго вещества дружнымъ усиліемъ всей земли. «Почему 22 милліона подданныхъ, платящихъ государственныя подати, служащихъ государственную службу, поставлены внѣ закона, внѣ прямого отношенія верховной власти, числясь въ государствѣ только по ревизскимъ спискамъ, какъ мертвая принадлежность другого сословія?» Онѣмѣніе одного члена живого государственнаго организма, «наглухо перехваченнаго мертвымъ узломъ крѣпостного права», отзывается разслабленіемъ или судорогами въ государственномъ цѣломъ. Крестьяне, живо ощущая беззаконность своей зависимости отъ помѣщиковъ, ставятъ его въ вину дворянству, которое въ ихъ сознаніи заслонило народъ отъ верховной власти. «Сила историческаго убѣжденія или предчувствія» заставляетъ народъ вѣрить, что верховная власть стоитъ за него и что она давно замышляетъ даровать ему желанную свободу. «Разумно-ли съ нашей стороны желать, чтобы народъ разочаровался? Страшно теперь, когда онъ надѣется; менѣе-ли будетъ страшно, когда въ немъ заморятъ надежду и онъ отчается?» Правительство должно сознавать, насколько опасна была бы гибель въ народѣ его еще не искорененнаго чувства довѣрія къ верховной власти.

«Итакъ, — подводитъ записка политическіе итоги крѣпостной системы, — триста тысячъ помѣщиковъ, не безъ основанія встревоженныхъ ожиданіемъ страшнаго переворота; одиннадцать милліоновъ крѣпостныхъ людей, твердо увѣренныхъ въ существованіи глухого, давнишняго заговора дворянства противъ Царя и народа, и въ тоже время считающихъ себя за одно съ Царемъ въ оборонительномъ заговорѣ противъ ихъ общаго врага, дворянства; законы, въ которыхъ народъ не признаетъ подлиннаго выраженія царской воли; правительство, заподозрѣнное народомъ въ предательствѣ и не внушающее ему никакого довѣрія, — вотъ чѣмъ мы обязаны крѣпостному праву въ отношеніи политическомъ. — Можетъ-ли считать себя безопаснымъ внутри и благоустроеннымъ государство, подъ которое подведенъ этотъ страшный подкопъ? Можетъ ли оно свободно и безтрепетно двигать всѣми въ немъ заключенными силами?»

Не менѣе плачевны результаты крѣпостной системы съ экономической точки зрѣнія. Она нарушаетъ основной законъ производительности труда — его свободу. Этотъ законъ не есть только одно изъ немногихъ безспорныхъ положеній политической экономіи, но давно признанная истина, выведенная изъ наблюденій надъ русскимъ сельскимъ хозяйствомъ. Крестьянинъ лишенъ увѣренности въ спокойномъ обладаніи нажитымъ имъ имуществомъ, и въ тоже время увѣренъ, что зависимость отъ помѣщика страхуетъ его отъ нищеты и голода. При такихъ усло-

віяхъ крѣпостное право имѣетъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ невозможность усовершенствованія русскаго сельскаго хозяйства, ибо хозяйство помѣщика, какъ правильно отмѣчалъ выдающійся теоретикъ сельскохозяйственной промышленности Россіи, Вилькинсъ, всецѣло зависитъ отъ частнаго хозяйства его крестьянъ, а таковое лишено необходимаго стимула развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всякая попытка увеличить доходность сельскаго хозяйства влечетъ за собой усиленіе давленія помѣщика на крѣпостныхъ. Бѣднѣя, помѣщики усиливаютъ предъявляемыя къ крестьянскому труду требованія. Прежде господствовавшая система оброка постепенно переходитъ въ систему барщинныхъ работъ. «Воззрѣніе на крестьянъ, какъ на рабочую силу, замѣняющую оборотный капиталъ, и сознаніе отвѣтственности помѣщика за принадлежащихъ ему людей, ведутъ къ учрежденію надъ ними предупредительной опеки. Опека, единожды допущенная, естественно распространяется; польза ея очевидна, а вредъ ускользаетъ отъ глазъ. Она проникаетъ все глубже и глубже въ домашнее хозяйство крестьянина, связывая его по рукамъ и по ногамъ. На этомъ скатѣ нѣтъ средствъ удержаться; ибо съ одной стороны любовь къ порядку и благоустройству побуждаетъ идти далѣе; съ другой по мѣрѣ ограниченія личной отвѣтственности крестьянина за самаго себя, онъ дѣйствительно утрачиваетъ постепенно способность жить своимъ умомъ. Мало по малу личность его, какъ хозяина и семьянина, теряетъ вмѣстѣ съ естественными своими правами природныя свои способности, низводится на степень какой-то бездушной рабочей единицы и поглощается въ механизмѣ помѣщичьяго хозяйства. — Мы — замѣчаетъ Самаринъ, — не споримъ, что и въ этомъ есть своего рода порядокъ, но не тотъ, который самъ собою образуется при свободномъ развитіи человѣческой природы, а весьма близко подходящій къ тому, о которомъ мечтали западные организаторы труда и прочіе исправители законовъ, предустановленныхъ Творцомъ». Разсматривая главные типы отношеній крѣпостныхъ къ помѣщикамъ — крестьянъ оброчныхъ, издѣльныхъ, дворовыхъ и мѣсячниковъ (крѣпостныхъ рабочихъ, не имѣющихъ своего хозяйства) — записка дѣлаетъ слѣдующій выводъ, который современный экономистъ назвалъ бы, вѣроятно, закономъ развитія, современнаго Самарину, крѣпостного хозяйства: «масса крѣпостного сословія движется послѣдовательно по одному направленію и, должно сознаться, это движеніе совершается не снизу вверхъ, по лѣсницѣ, ведущей отъ рабства къ свободѣ, а сверху внизъ по ступенямъ этой лѣсницы», оброчные крестьяне постепенно превращаются въ издѣльныхъ, а издѣльные переводятся въ дворовые и мѣсячниковъ.

Въ построеніи Самаринской записки за этой характеристикой основной тенденціи или, какъ онъ выражался, «струи» въ развитіи крѣпостного права естественно слѣдовало требованіе, чтобы

правительство, не откладывая, приняло мѣры къ предотвращенію совершающагося ухудшенія положенія крестьянъ, а затѣмъ изложеніе тѣхъ положительныхъ мѣръ для постепеннаго прекращенія крѣпостныхъ отношеній, съ которыми мы уже знакомы. Кончалась записка чрезвычайно характернымъ для Самарина призывомъ къ гласному обсужденію крестьянскаго вопроса. Испытанная имъ кара послѣ «Писемъ изъ Риги» и его первая балтійская борьба на всю жизнь сдѣлали Самарина горячимъ приверженцемъ свободы печати. Къ защитѣ ея онъ постоянно возвращается въ своей публицистикѣ и своихъ политическихъ выступленіяхъ, и можно сказать, что она является кореннымъ устоемъ всей его государственной программы. «Необходимо, — говоритъ Самаринъ, — чтобы заодно съ правительствомъ работало общественное мнѣніе. Одними указами не пересоздать бытовыхъ отношеній двухъ сословій. Нельзя, довольствуясь однимъ безмолвнымъ послушаніемъ, пренебрегать тѣми нравственными преградами желанному преобразованію, которыя противопоставляютъ ему закоренѣлые предразсудки, привычки, обратившіеся въ убѣжденія, превратное пониманіе вопросовъ и, болѣе всего, неопредѣленныя опасенія за будущее, питаемыя таинственностью, ничего добраго не предвѣщающею, которою облечены всѣ дѣйствія правительства, касающіяся крѣпостного права. Нельзя не вѣдать общественнаго мнѣнія, ни упразднить его. Это сила, сила, которой предназначено рости и множиться, и кто не хочетъ искать ея союза, тому предстоитъ нескончаемая съ нею война». Самаринъ ссылается на гласное обсужденіе вопроса о крестьянахъ въ печати и на дворянскихъ собраніяхъ въ прибалтійскомъ краѣ, и добавляетъ: «мы никакъ не видимъ, почему бы одни Остзейскіе дворяне могли казаться достойными содѣйствовать правительству въ тѣхъ же предѣлахъ». Отмѣчу попутно, — но это надо запомнить для пониманія послѣдующаго политическаго развитія Самарина, — что остзейскій прецедентъ какъ разъ не использованъ имъ въ томъ направленіи, которое, казалось, подсказывалось обстановкой: онъ вовсе не требуетъ, чтобы дворянское представительство было привлечено, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ, къ выработкѣ будущей русской крестьянской реформы. Важна гласность, а не представительство.

## 5.

Послѣ странной зимы въ маленькой Сызрани Самаринъ оказался сразу въ атмосферѣ живого и постепенно все повышавшагося настроенія столичнаго города. Его друзья получили, наконецъ, разрѣшеніе издавать «Русскую Бесѣду», и онъ сейчасъ же вошелъ въ кругъ редакціонныхъ заботъ и литературныхъ интересовъ. Въ первой книгѣ «Бесѣды», вышедшей

въ Апрѣлѣ 1856 г., кажется еще до пріѣзда Самарина въ Москву, появилась написанная имъ въ Сызрани статья «Два слова о народности въ наукѣ» — на старую тему споровъ славянофильства и западничества. Она внѣшне мало связана съ его главнымъ интересомъ въ тѣ годы, съ крестьянскимъ дѣломъ, и есть какъ бы актъ его вступленія въ литературное братство «Русской Бесѣды», вкладъ въ общую постройку той «славянской» программы, ради которой журналъ былъ предпринятъ. Статья защищаетъ ту мысль, что наука, «познающая мысль», достигаетъ до полнаго своего развитія только при условіи совокупнаго и сосредоточеннаго участія въ процессѣ познаванія всѣхъ силъ и способностей духа, и что поэтому стихія народности можетъ не играть существенной роли въ способности познавать явленія народной жизни. Но сквозь это, на первый взглядъ, совершенно отвлеченное, разсужденіе, возвращающее насъ къ спорамъ сороковыхъ годовъ, въ Самаринской статьѣ явственно выступаютъ очередные политическіе интересы — все то же освобожденіе крестьянъ. Онъ хочетъ доказать, что будущее рѣшеніе крестьянскаго вопроса въ Россіи должно быть рѣшеніемъ національнымъ и что именно, какъ таковое, оно способно творчески распутать сложнѣйшія задачи политико-экономической теоріи. «Можетъ быть, вопросы объ отношеніи личной свободы къ общественному предустановленному порядку, о соглашеніи выгодъ сосредсточенности поземельнаго владѣнія (la grande propriété) и раздробленія земли на мелкіе участки (la petite propriété) и многіе другіе найдутъ свое рѣшеніе именно у насъ, вслѣдствіе того, что наука найдетъ ихъ въ жизни и взглянетъ на самые вопросы съ новой точки зрѣнія, на которую поставитъ ее народная жизнь. Можетъ быть также, что это мечта; но возможность подобнаго участія въ рѣшеніи поставленныхъ вопросовъ оправдывается прошедшими вѣками. Въ отвѣтъ на міровой запросъ, исторія не приноситъ логической формулы, а выводитъ на сцену новаго дѣятеля, живой бытъ свѣжаго народа и много спустя мысль, воспитанная въ сочувствіи съ нимъ, возводитъ его на степень понятія и переноситъ изъ дѣйствительности въ область науки, какъ законъ». Въ этихъ разсужденіяхъ заглушенная еще цензурнымъ гнетомъ прелюдія будущихъ, такъ занимавшихъ Самарина, споровъ объ общинѣ и о національномъ характерѣ будущей крестьянской реформы. Самаринъ — гораздо меньше его друзей, Хомякова и Кирѣевскаго — склоненъ къ чистымъ спекуляціямъ, и неизмѣнно ему присущій политическій интересъ почти инстинктивно тянетъ старый отвлеченный споръ ближе къ землѣ. При такомъ построеніи писаніе статей для «Русской Бесѣды» и переписка и свиданія по дѣламъ ея изданія, конечно, не отодвигали на второй планъ той главной мысли, съ которой Самаринъ вернулся въ Москву, мысли о своей

запискѣ и о ея распространеніи. Лѣтомъ 1856 г., вскорѣ послѣ возвращенія, онъ съѣздилъ въ Петербургъ и повидалъ тамошнихъ друзей и знакомыхъ, чтобы передать имъ записку, вѣроятно, Карамзиныхъ, Одоевскаго, Н. А. Милютина, Головнина. Не надо говорить, что по пріѣздѣ записка была широко распространена въ Москвѣ. Она была одной изъ первыхъ, по времени своего появленія въ обществѣ, эмансипаціонныхъ записокъ, впослѣдствіи рождавшихся въ очень большомъ числѣ, и уже въ силу этого одного на нее былъ огромный спросъ. Всѣ хотѣли ее достать и прочесть, всѣ ее обсуждали, и имя Самарина было у всѣхъ на устахъ.

Въ Августѣ состоялась коронація Александра II. Москва вступила въ полосу тѣхъ своеобразныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ, полныхъ полу-западнаго и полу-восточнаго блеска, глубокой символики и свѣтской суеты, торжествъ, которыми старая монархія ознаменовывала начало новыхъ царствованій. Самаринъ былъ въ Москвѣ, и цѣликомъ переселившійся туда на коронацію правительственный и придворный Петербургъ, такъ или иначе весь, соціально, опиравшійся на помѣстное землевладѣніе и очень волновавшійся «эмансипаціонными» разговорами, не могъ не интересоваться «краснымъ», но уже въ тѣ годы, лично и по наслышкѣ, всѣмъ импонировавшимъ талантливымъ представителемъ московскаго высшаго дворянскаго слоя. Великая Княгиня Елена Павловна еще въ предшествующемъ году, проводя нѣсколько недѣль въ Москвѣ, со свойственной ей живостью и стремленіемъ ко всему «передовому», просила представить ей всѣхъ выдающихся москвичей, въ томъ числѣ Самарина, К. Аксакова и другихъ. На коронаціи, между выходами, обѣдами, балами и раутами, великая княгиня успѣла опять говорить съ Самаринымъ и просила его составить для нея соображенія о крестьянской реформѣ. Ю. Ѳ. представилъ ей, на нѣсколькихъ страницахъ, повтореніе основныхъ доводовъ своей большой записки, особенно выдвигая необходимость гласности въ крестьянскомъ вопросѣ. Онъ принималъ тогда довольно дѣятельное участіе въ работахъ знаменитаго въ тѣ годы Лебедянскаго сельскохозяйственнаго Общества, въ которомъ принимали участіе всѣ его друзья, въ частности Кошелевъ и Хомяковъ, и, видимо, подъ вліяніемъ этихъ плановъ, высказался въ особенности за разрѣшеніе всѣмъ существовавшимъ въ то время еще въ очень небольшомъ числѣ сельскохозяйственнымъ обществамъ открыть у себя, какъ онъ называлъ, «отдѣленія сельскаго управленія», спеціально для подготовки освобожденія крестьянъ, и предавать гласности ихъ труды внѣ общей цензуры.

Благодаря великой княгинѣ и петербурскимъ друзьямъ записка Самарина уже осенью 1856 г. попала на самые верхи правительственнаго Петербурга. Самаринъ послѣ коронаціи

проѣхалъ въ Васильевское и оттуда писалъ: «моя записка пошла въ ходъ и имѣетъ большой успѣхъ». Въ самомъ дѣлѣ, въ дневникѣ двоюроднаго брата Самарина, Князя Д. А. Оболенскаго, тогда директора канцеляріи морского министерства, человѣка очень близкаго Самарину и умно сочетавшаго связи съ молодой Москвой и бойкую петербургскую административную карьеру, — подъ 8 Октября 1856 г. мы читаемъ: «На прошедшей недѣлѣ великій князь Константинъ Николаевичъ просилъ меня доставить ему записку Самарина о крѣпостномъ состояніи, о которой писалъ ему Головнинъ. Когда я привезъ эту записку великому князю, онъ объявилъ мнѣ, что наканунѣ онъ спрашивалъ государя, читалъ ли онъ записку Самарина о современномъ вопросѣ, т. е о крѣпостномъ состояніи, на что государь ему отвѣчалъ, что нѣтъ, онъ не читалъ, но слышалъ о ней, кажется, отъ Елены Павловны, которая, кажется, хочетъ даже что-то попробовать у себя въ имѣніи ...Я, признаюсь, съ моей стороны употребилъ всѣ мои старанія, дабы отвратить великую княгиню отъ намѣренія подавать государю записку, о которой выше было упомянуто, и возбуждать столь важный вопросъ наканунѣ своего отъѣзда заграницу. Я совѣтовалъ ей не дѣлать этого, вовсе не потому, чтобы я опасался со стороны государя оппозиціи, напротивъ, слова великаго князя испугали меня тѣмъ, что изъ нихъ явно видно, какъ мало онъ приготовилъ все къ уразумѣнію важности этого вопроса и какъ легко имъ кажется попробовать что нибудь сдѣлать, не приготовивъ къ тому ни дѣятелей и не обсудивъ порядочно мѣръ... Добро бы еще самъ государь имѣлъ твердое убѣжденіе и волю, тогда бы онъ могъ заставить дѣйствовать всѣхъ къ одной цѣли или направлять ихъ, но этого нѣтъ. Одно поверхностное чтеніе какой нибудь записки не достаточно для уясненія понятій, когда читающій не подготовленъ ни воспитаніемъ, ни образованіемъ къ пониманію вопросовъ общихъ, административныхъ и тѣсно связанныхъ съ ходомъ всѣхъ дѣлъ внутренняго управленія. Въ одномъ долгомъ разговорѣ съ великой княгиней я настоятельно уговаривалъ ее отложить, до возвращенія, ея намѣреніе подать записку; къ тому времени, я полагалъ, многое перемѣнится, въ особенности въ личномъ составѣ и направленіи духа и способностей новаго правительства... Великая княгиня сказывала мнѣ, что графъ Киселевъ точно такъ же, какъ и я, уговаривалъ ее повременить, но, повидимому, совѣты наши не подѣйствовали, потому что записка подана, принята очень хорошо, но что изъ этого будетъ неизвѣстно. Я убѣжденъ, что кончится ничѣмъ или вздоромъ... Записку Самарина великій князь еще не прочелъ, но, вѣроятно, на дняхъ прочтетъ. Любопытно будетъ знать его образъ мыслей по этому предмету. До сихъ поръ онъ былъ весьма поверхностенъ, но по прочтеніи записки Самарина многое должно будетъ ему уясниться, потому

что онъ въ состоянiи понять и вникнуть вглубь предложеннаго вопроса».

Все характерно въ этомъ разсказѣ: и описанiе путей, которыми влiянiе записки Самарина проникло до Александра II, и изображенiе незрѣлости царившихъ въ Петербургѣ настроенiй, и, болѣе всего, эта боязнь хорошо орiентировавшагося и опытнаго Оболенскаго, какъ бы въ умственныхъ сумеркахъ русскаго политическаго центра яркость записки Самарина не оказалась слишкомъ ослѣпительной. Но Оболенскiй преувеличивалъ. При всемъ своемъ консерватизмѣ и узости умъ Александра II былъ открытъ всѣмъ добрымъ влiянiямъ въ крестьянскомъ вопросѣ, и нѣтъ ровно никакихъ основанiй думать, что чтенiе записки Самарина произвело на него неблагопрiятное впечатлѣнiе. Напротивъ того, несомнѣнно, что именно въ эти зимнiе мѣсяцы 1856-1857 гг., когда Самаринская записка лежала у него на столѣ, въ немъ созрѣвала твердая рѣшимость провести въ жизнь освобожденiе крестьянъ. У насъ нѣтъ данныхъ, чтобы связать впечатлѣнiе, произведенное на него запиской, съ тѣмъ первымъ приступомъ къ обсужденiю реформы, который въ собранiи нѣсколькихъ министровъ и сановниковъ, составившихъ потомъ т. наз. «секретный комитетъ по крестянскому дѣлу», подъ его предсѣдательствомъ, происходило 3 Января 1857 г.; можно только отмѣтить, что въ этомъ собранiи, какъ гласилъ его журналъ, «Его Величество изволилъ объяснить, что въ послѣднее время было представлено много предположенiй о способахъ, посредствомъ коихъ можетъ быть совершено у насъ освобожденiе крѣпостныхъ крестьянъ». Императоръ не назвалъ Самарина, ограничившись приказанiемъ прочесть въ собранiи записку Позена, которая ему была подана нѣсколько позднѣе (18 Декабря 1856 г.) и которую хвалилъ близкiй въ то время Позену и пользовавшiйся большой благосклонностью Александра II Ростовцевъ.

## 6.

Успѣхъ записки, дававшiй Самарину справедливое чувство удовлетворенiя, начавшiяся съ Января 1857 г. правительственныя работы по крестьянской реформѣ, хотя и хранившiяся въ тайнѣ, но проникавшiя въ общество, вызванный ими подъемъ настроенiя кругомъ, все это окончательно поглощаетъ Юрiя Ѳедоровича и приковываетъ его къ крѣпостному дѣлу. Сначала продолжается съ новой энергiей прежняя добровольческая работа, потомъ работа въ учрежденiяхъ, созданныхъ правительствомъ для разработки крестьянскаго положенiя, въ рамкахъ, оффицiально поставленныхъ для такой работы. Въ орбиту послѣдней онъ попадаетъ лѣтомъ 1858 г., а два года,

раздѣляющіе коронацію отъ этого срока, онъ безъ устали выясняетъ себѣ и другимъ теперь уже не столько принципіальную необходимость реформы. сколько ея желательное направленіе. Практическій политикъ по натурѣ, онъ и въ этомъ не можетъ не считаться съ реальными условіями, и для пониманія Самаринской теоріи реформы мы всегда должны помнить минуту, когда онъ ее развиваетъ.

Работа отмѣченныхъ двухъ лѣтъ идетъ въ разныхъ направленіяхъ. Прежде всего, завоеваніе практическаго вліянія на ходъ крестьянскаго дѣла. Самаринъ старается установить связь съ начавшимися правительственными разговорами и сужденіями по реформѣ. Сдѣлать это было сначала не такъ легко. Послѣ коронаціи великая княгиня Елена Павловна, первая установившая точки соприкосновенія между обществомъ и правительственными кругами, уѣхала на продолжительный срокъ заграницу. Заграницей былъ до лѣта 1857 г. и вел. князь Константинъ. Въ секретномъ комитетѣ засѣдали чиновники, въ большинствѣ тщательно отмежевывавшіеся отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія. Правда, и въ этотъ кругъ проникало имя Самарина, но на настоящее вліяніе въ Петербургѣ онъ еще не могъ расчитывать. Въ дневникѣ того же Д. Оболенскаго въ Январѣ отмѣченъ его любопытный разговоръ на завтракѣ у вел. княгини Екатерины Михайловны съ тогдашнимъ шефомъ жандармовъ и членомъ секретнаго комитета Княземъ Долгоруковымъ: тотъ спросилъ Оболенскаго — «Что вы тоже прогрессистъ?», а на отвѣтъ удивленнаго Оболенскаго, что онъ, какъ и всѣ, хочетъ «эмансипаціи», — выразилъ желаніе прочесть записку Самарина и назначилъ Оболенскому день и часъ, чтобы тотъ пріѣхалъ ему ее прочесть. «Ему хочется, — резюмируетъ Оболенскій свое впечатлѣніе, — хотя бы схватить какія нибудь верхушки, чтобы умѣть что нибудь сказать въ комитетѣ». Въ Мартѣ 1857 г. разнесся слухъ, что секретный комитетъ пришелъ къ заключенію о невозможности приступить къ освобожденію крестьянъ. Слухъ произвелъ удручающее впечатлѣніе, и Самаринъ, съ благословенія московскихъ друзей, рѣшилъ съѣздить въ Петербургъ, чтобы постараться сдвинуть дѣло съ мертвой точки. Извѣстіе оказалось не точнымъ: оффиціально комитетъ работалъ. Но впечатлѣнія Самарина все же не были утѣшительными. Онъ писалъ своимъ московскимъ единомышленникамъ: «Вопросъ... составляетъ предметъ всеобщихъ разговоровъ и толковъ; долго онъ колебался въ разныя стороны, но теперь, кажется, попалъ на надежную, очень мнѣ извѣстную колею. Вотъ вамъ въ двухъ словахъ выводъ изъ всего мною слышаннаго. Мы всѣ желаемъ эмансипапаціи, но, разумѣется, нужно, чтобы она совершилась такъ тихо, чтобы ни помѣщики, ни крестьяне о ней не толковали. Надобно приступить къ ней какъ можно скорѣе, хотя само со-

бой разумѣется, что сперва нужно просвѣтить народъ, улучшить полицію и устроить финансы...» А. Оболенскій 15 марта 1857 г. записалъ въ дневникѣ: «Сюда пріѣзжали почти всѣ составители лучшихъ проектовъ, какъ то: Самаринъ, Кошелевъ, Тарновскій и др., всѣ они имѣли свиданія и разговоры съ Ланскимъ, Долгоруковымъ и др. и всѣ они уѣхали, махнувъ рукою, съ полнымъ убѣжденіемъ, что проповѣдуютъ въ пустынѣ. Къ дѣйствительному участію къ разработкѣ вопроса они не приглашены, несмотря на то, что Долгоруковъ увѣрялъ меня... что это непремѣнно такъ будетъ».

Неудовлетворенность Самарина петербургскими впечатлѣніями проистекала въ самомъ дѣлѣ изъ двойного источника. Прежде всего, по существу, ходъ дѣла реформы былъ; конечно, далекъ отъ того, что ему хотѣлось бы видѣть: секретный комитетъ ограничился тѣмъ, что образовалъ изъ трехъ своихъ членовъ комиссію, которая собиралась и разсуждала, но дѣла не подвигала. А затѣмъ Самаринъ убѣдился, что петербурскіе сановники мало склонны дать мѣсто при проведеніи реформы представителямъ передового общественнаго мнѣнія и лично съ нѣкоторой болью долженъ былъ почувствовать, что завоеванное имъ на минуту запискою вліяніе еще не обезпечивало ему права на участіе въ дѣлѣ, которому онъ мечталъ отдаться цѣликомъ и въ которое, онъ сознавалъ, онъ могъ вложить столько силъ и знаній.

Оставалось продолжать начатыя въ Москвѣ работы и на время отказаться отъ мысли вліять на событія. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Августѣ того-же 1857 г., оказалось, что петербурскій курсъ рѣзко измѣнился къ лучшему и что за Самаринымъ признали, наконецъ, и въ Петербургѣ принадлежавшее ему по справедливости мѣсто въ дѣлѣ направленія реформы. Александръ II, вернувшись изъ за границы лѣтомъ 1857 г. привезъ съ собой твердое рѣшеніе довести реформу до конца; съ другой стороны, въ комитетъ былъ назначенъ великій князь Константинъ, человѣкъ живой и смѣлый. Близкіе къ послѣднему люди — Д. Оболенскій и Головнинъ внушили ему, что участіе Самарина въ освобожденіи крестьянъ необходимо. 14 и 17 Августа секретный комитетъ принялъ первыя положительныя рѣшенія по реформѣ, а вслѣдъ затѣмъ великій князь Константинъ вызвалъ въ Петербургъ Самарина. Ему переданы были на изученіе журналъ секретнаго комитета и рядъ бумагъ, которыя къ нему относились, и поручено составить соображенія, которыми въ дальнѣйшихъ работахъ могъ бы руководиться великій князь.

При всей робости первыхъ рѣшеній комитета по крестьянскому дѣлу, получившихъ утвержденіе Александра II 18 Августа 1857 г., Самаринъ долженъ былъ, при ихъ чтеніи, испытать удовлетвореніе. Въ нихъ заключалось прямое и несомнѣн-

ное отраженіе именно его, Самарина, записки. Къ тому времени налицо было уже много другихъ проектовъ и записокъ по крестьянской реформѣ, большей частью шедшихъ гораздо далѣе той положительной программы, которою кончалась записка Самарина. Общественное мнѣніе эту программу къ Августу 1857 г. значительно опередило, и еще въ Мартѣ совсѣмъ не радикальный Погодинъ, лапидарнымъ слогомъ своего дневника, писалъ: «Прочелъ проектъ Самарина. Запоздало». А Кошелевъ, съ которымъ въ эти годы Самаринъ особенно сблизился на почвѣ крестьянскаго вопроса, составилъ и въ началѣ 1857 г. послалъ въ Петербургъ записку, въ которой рѣзко нападалъ на мысль о «постепенности» освобожденія. Прочтя журналъ секретнаго комитета, Самаринъ могъ убѣдиться, что его политическій расчетъ при составленіи записки былъ правильнымъ и что Петербургъ могъ на первый разъ осилить лишь малый пріемъ горькаго для правительственныхъ верховъ лекарства. Комитетъ идетъ въ своемъ планѣ реформы по путямъ, намѣченнымъ запиской Самарина: «въ семъ важн`мъ государственномъ дѣлѣ, думаетъ комитетъ, надо дѣйствовать не вдругъ, а осторожно и благоразумно». На первую очередь онъ ставитъ, какъ и Самаринъ, мѣры «пріуготовительныя»: смягчить и облегчить крѣпостное состояніе, открыть помѣщикамъ всѣ способы и возможность увольнять крестьянъ по взаимнымъ между ними соглашеніямъ, собрать всѣ данныя для мѣръ послѣдующихъ. Потомъ откроется второй періодъ реформы — «переходный»: обращеніе крестьянъ въ лично свободныхъ, но крѣпкихъ землѣ и несущихъ за нее повинности въ отношеніи помѣщиковъ, сельскихъ обывателей, а затѣмъ наступитъ окончательный періодъ: полной свободы. Какъ и Самаринская записка, журналъ придаетъ огромное значеніе всяческому содѣйствію заключенію помѣщиками и крестьянами добровольныхъ сдѣлокъ объ освобожденіи и намѣчаетъ, согласно требованіямъ Самарина, рядъ облегченій, по сравненію съ существующимъ законодательствомъ, въ условіяхъ возникновенія такихъ сдѣлокъ.

Самаринъ понималъ, что въ рѣшеніяхъ 18 Августа важны были не тѣ или другія подробности плана реформы, а принципіальное признаніе, что реформа должна быть начата. Ничего другого онъ не имѣлъ въ виду и въ своей запискѣ. Но теперь, когда первый шагъ былъ сдѣланъ и когда оказалось, что онъ правильно нащупалъ, съ какой стороны надо было вліять на правительство, чтобы сдѣлать для него незамѣтнымъ переходъ отъ стараго къ новому, Самаринъ съ новой энергіей переходитъ къ защитѣ своихъ положительныхъ идеаловъ крестьянской реформы, уже безъ оговорокъ и предосторожностей, а въ полнотѣ и со всѣмъ свойственнымъ его воззрѣніямъ на дѣло радикализмомъ. Таковы представленныя имъ въ Августѣ великому князю Константину четыре записки. Онѣ посвящены централь-

нымъ вопросамъ реформы и развертываютъ совокупность основныхъ воззрѣній Самарина.

Первая записка озаглавлена «О правѣ крестьянъ на землю». Смѣло и откровенно излагаетъ въ ней Самаринъ свою, оставленную сознательно въ сторонѣ при составленіи записки 1856 г., когда-то такъ поразившую Хомякова, доктрину правъ крестьянъ на землю. Она по существу прежняя, но только выражена ярче и яснѣе. «Имѣютъ ли крестьяне право на землю?... Очевидно, что возбуждая этотъ вопросъ, мы должны искать на него отвѣта не въ Сводѣ Законовъ: права, законодательною властью признаннаго и формальнымъ порядкомъ опубликованнаго, крестьяне, конечно, не имѣютъ не только на землю, даже на свою личность; но здѣсь идетъ дѣло объ историческомъ правѣ, которое нельзя ни создать, когда его нѣтъ, ни упразднить, когда оно установилось само собой». Такова характерная для историзма Самарина постановка вопроса. Естественъ и отвѣтъ. Крестьяне имѣютъ историческое право на землю; его можно не видѣть, если становиться только на почву отношеній, существовавшихъ непосредственно передъ прикрѣпленіемъ, но то была эпоха историческаго кризиса; надо обратиться къ предшествующему состоянію, и станетъ яснымъ, что исходной точкой развитія земельныхъ отношеній въ Россіи было свободное фактическое занятіе пустопорожней земли земледѣльцами; возникшія впослѣдствіи вотчинныя права государства, церкви и частныхъ лицъ *не* сталкивались съ этимъ исконнымъ фактическимъ владѣніемъ и его *не отрицали*, а «такъ сказать, воздвигались надъ нимъ»; помѣстная система, подчинившая вотчинниковъ государственной службѣ, вызвала возвышеніе крестьянскихъ повинностей, а это, въ свою очередь, повлекло за собой непрестанный и хаотическій переходъ крестьянъ съ одной земли на другую; земледѣлецъ отвыкалъ отъ земли, терялъ осѣдлость, а народная нравственность, хозяйство частное и государственное шатались въ своихъ основахъ; двумя путями можно было выйти изъ этого хаотическаго броженія: «возстановить прежнее, исконное отношеніе крестьянъ къ землѣ, признать безспорный историческій фактъ владѣнія и возвести его на степень положительнаго права — укрѣпить закономъ землю за крестьянами, или, наоборотъ: прикрѣпить крестьянъ къ землѣ»; интересы помѣщиковъ не могли не перетянуть правительственную политику въ свою сторону, «крестьяне надолго утратили личную свободу, право располагать собою, но этою жертвою спасено было для лучшихъ временъ ихъ право на землю».

Въ свѣтѣ современныхъ научныхъ данныхъ конструкція Самарина не достовѣрна. Масса будущихъ крѣпостныхъ людей садилась въ далекомъ прошломъ на чужую землю, и помѣщичье право на эту послѣднюю вовсе не воздвигалось поверхъ крес-

тьянскаго владѣнія пустопорожними землями. Но въ то время, когда писалась предназначенная для великаго князя записка, прошлое крѣпостного права не было еще достаточно изслѣдовано; первая крупная работа Бѣляева, послѣ которой Самаринъ не могъ бы уже писать то, что онъ излагалъ, составилась изъ статей, появившихся въ «Русской Бесѣдѣ» въ 1859 г., спустя два года послѣ записки и возникшихъ, кстати говоря, надо полагать, по почину того же Самарина. Но дѣло не въ научной цѣнности записки 1857 г. Въ подкупающей стройности своего пониманія прошлыхъ судебъ русскаго крестьянства онъ самъ цѣнилъ не историческую гипотезу а, по его выраженію, «положительный результатъ». Этотъ результатъ таковъ: тяжелое испытаніе крестьянскаго прикрѣпленія утвердило право крестьянъ на владѣніе землею, носящей названіе крестьянской или мірской и составляющей необходимое условіе ихъ матеріальнаго существованія, какъ самостоятельнаго сословія. Отсюда основная, исторіей подсказанная, задача предстоящей реформы: освобождая крестьянина, надо признать и упрочить за нимъ право на землю.

Вторая записка посвящена общинѣ. Самаринъ зналъ, что въ секретномъ комитетѣ шелъ споръ объ общинномъ мірскомъ или о личномъ владѣніи и что болѣе консервативная часть комитета стояла за послѣднее. Дѣло шло объ одной изъ самыхъ дорогихъ Самарину идей, и онъ вкладываетъ въ защиту общины всю силу своей логики. Защита строится, въ первую очередь, на томъ-же историческомъ основаніи. «Въ какой исторіи вычитано, — спрашиваетъ Самаринъ, — что революціонныя начала прививаются къ сельскимъ общинамъ легче, чѣмъ къ отдѣльнымъ личностямъ?» Сельскія и городскія общины въ Россіи спасли въ 1612 г. цѣлость русскаго государства; на западѣ королевская власть обязана своимъ торжествомъ надъ могучими вассалами содѣйствію общинъ. Покушеніе на общину есть покушеніе на завѣщанный исторіей устой народной жизни. «Нельзя не подивиться легкости, съ которою однимъ почеркомъ пера рѣшается вопросъ о господствующей формѣ народнаго быта и дается совѣтъ исключить ее навсегда. Едва-ли въ правильно устроенномъ правительствѣ найдется другой примѣръ подобной законодательной удали». Община цѣнна какъ единица хозяйственная, не какъ единица административная, ибо послѣдняя сама по себѣ только тягость для обывателей. Хозяйственная община даетъ разумную и справедливую основу всему экономическому быту. Благодаря ей, каждый крестьянинъ получаетъ долю въ мірской землѣ, пропорціональную и его рабочимъ силамъ, и его потребностямъ; она устанавливаетъ тотъ предѣлъ дробленія земель, который соотвѣтствуетъ требованіямъ полевого хозяйства. Упразднить общину значитъ разбить и перестроить всѣ деревни и перерѣзать всѣ поля. Если въ бу-

душемъ хозяйственной общинѣ суждено перейти въ личное владѣніе, то этотъ переходъ совершится естественно. «Но если мы легкомысленно потрясемъ ее и самовольно введемъ въ нее стихію личнаго владѣнія, то мы навсегда убьемъ сельскую общину; ибо, разъ распавшись на единицы, она уже никогда не сомкнется опять въ одно цѣлое».

Третья и четвертая записки непосредственно связаны съ тѣми положительными рѣшеніями, которыя заключались въ утвержденномъ 18 Августа журналѣ секретнаго комитета. Обѣ онѣ очень важны для пониманія развитія взглядовъ Самарина на крестьянское освобожденіе. Рѣшенія правительства, мы знаемъ, совпадали съ программой Самаринской записки 1856 г.: они рекомендовали приступить къ освобожденію крестьянъ путемъ добровольныхъ сдѣлокъ. Но для Самарина этотъ, по прежнему кажущійся ему цѣннымъ, приступъ къ освобожденію не долженъ извратить положительныхъ требованій, которыя онъ предъявляетъ къ реформѣ. Одна изъ записокъ представляетъ собой проектъ статей будущаго закона о добровольныхъ сдѣлкахъ, которыя должны опредѣлять ихъ по существу. Основныя требованія — представленіе крестьянамъ земельной осѣдлости и признаніе за нею характера «мірской земли». Другая записка озаглавлена: «Можно ли допустить срочные договоры?», но она шире своего заглавія и является доказательствомъ необходимости властнаго вмѣшательства правительства въ заключеніе сдѣлокъ. «Правительство можетъ дозволить заинтересованнымъ сторонамъ изысканіе способа къ обоюдному ихъ соглашенію, и дай Богъ, чтобы они нашли его; но оно не можетъ предоставить на ихъ волю вступить во взаимное обязательство или разойтись. Тѣмъ или другимъ способомъ, полюбовною ли сдѣлкою или законодательнымъ актомъ, взаимныя права и отношенія сторонъ должны непремѣнно быть установлены, ибо стороны разойтись не могутъ безъ утраты цѣлымъ сословіемъ, можетъ быть, и обоими, самаго существеннаго условія ихъ крѣпости и самобытности. Договоръ въ этомъ случаѣ только по происхожденію и по формѣ своей носитъ характеръ частной сдѣлки, а по существу своему это — актъ законодательный. Съ этой точки зрѣнія безсрочность и ненарушимость его вполнѣ оправдывается». — Слѣдуетъ-ли настаивать на томъ, что только-что воспроизведенныя мысли записки 1857 г. не совпадаютъ съ разсужденіями записки 1856 г. о преимуществѣ добровольныхъ сдѣлокъ надъ инвентарями: рекомендуемыя теперь добровольныя сдѣлки весьма похожи на инвентарную систему. Но это — не внутреннее измѣненіе воззрѣній Самарина, а лишь новое построеніе политической аргументаціи. Обстановка позволяетъ говорить по новому, и Самаринъ спѣшитъ изложить весь свой взглядъ.

Пріѣздъ Самарина въ Петербургъ въ Августѣ 1857 г. имѣлъ

для него большое значеніе. Я отмѣчалъ уже, какое впечатлѣніе производилъ Самаринъ вездѣ, гдѣ онъ появлялся. Сохранился относящійся къ этому времени разсказъ о появленіи Самарина на петербурскомъ горизонтѣ, написанный знаменитымъ впослѣдствіи Кн. В. П. Мещерскимъ, которому можно отказать во всемъ что угодно, но не въ умѣ и не въ умѣніи разбираться въ людяхъ. «Съ Самаринымъ въ эту зиму, — пишетъ Мещерскій, — я встрѣчался уже какъ взрослый, въ гостинной Князя Д А. Оболенскаго; до того я встрѣчался съ нимъ въ своей семьѣ, гдѣ онъ издавна былъ, какъ родной, но тогда я былъ мальчикъ и ребенокъ и не удостаивался его вниманія. Ю. Ѳ. Самаринъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ умныхъ русскихъ людей: подобнаго ему я послѣ никогда не встрѣчалъ. Съ очень умнымъ открытымъ лицомъ, въ которомъ выразительные, полные мысли глаза соединялись съ улыбкой, принимавшею самыя разнообразныя впечатлѣнія, съ прямымъ носомъ, внизу котораго ноздри расширялись всякій разъ, когда онъ говорилъ съ увлеченіемъ и жаромъ, Самаринъ производилъ сразу впечатлѣніе на того, кто съ нимъ встрѣчался. Семья его была старинная московская дворянская семья и отецъ, и мать пользовались необыкновеннымъ уваженіемъ всей Москвы и странная вещь: любимый этими родителями сынъ, самъ ихъ нѣжно любившій — Ю. Ѳ. Самаринъ уже со студенческой скамьи считался по мысли и по духу революціонеромъ въ своей семьѣ. Это революціонерство заключалось въ томъ, что своимъ очень тонкимъ и сильно ѣдкимъ умомъ онъ пользовался съ самой молодости, чтобы осмѣивать и денигрировать все то, что ему въ людяхъ и строѣ жизни не нравилось. . Его умъ, прежде всего требовавшій свободы, роднился съ московскими славянофилами только потому, что въ нихъ было много духовной свободы, но въ то же время всѣмъ своимъ существомъ онъ жилъ гораздо болѣе въ современной политической жизни. Затѣмъ изъ перваго же свиданія съ Ю. Ѳ. Самаринымъ я убѣдился, что онъ не любитъ дворянства: почему онъ его не любилъ, я никогда ни послѣ не могъ узнать, ибо самъ онъ давалъ своею, такъ сказать, жизнью всякому право видѣть и признавать въ немъ только дворянина. Потомъ, когда началась горячка работъ по крестьянскому дѣлу, я понялъ, что это враждебное къ дворянству чувство въ Самаринѣ съиграло свою роковую роль въ разработкѣ крестьянскаго вопроса. Роль эта заключалась въ томъ обаяніи и въ томъ вліяніи, какіе имѣлъ Самаринъ между дѣятелями по крестьянскому вопросу... Для большинства ихъ Самаринъ былъ учитель съ огромнымъ авторитетомъ, котораго они не только чтили, но и боялись. И вотъ подъ этимъ обаяніемъ Самаринскаго ума, его духа, такъ сказать, велось крестьянское дѣло и велось именно въ духѣ какого то партійнаго недовѣрія къ дворянскому сословію».

Откинувъ подробности, связанныя съ особенностями личности автора этихъ строкъ, мы получаемъ яркій отзвукъ положенія, занятаго Самаринымъ осенью 1857 г. Въ глазахъ той части Петербурга, которая стояла за крестьянскую реформу, Самаринъ дѣлается общепризнаннымъ вождемъ не-чиновной передовой Россіи, первымъ ея авторитетомъ по крестьянскому дѣлу. Отнынѣ къ нему обращаются всякій разъ, какъ признается нужнымъ знать внѣ-правительственное мнѣніе по тому или другому вопросу, возникающему по подготовкѣ реформы. Его имя фигурируетъ въ первомъ ряду людей, которые должны быть привлечены, по мнѣнію передового Петербурга, къ разработкѣ самой реформы, когда до нее дойдетъ все еще колебавшееся правительство. Въ свою очередь, для своего московскаго круга и для мѣстныхъ людей, сочувствовавшихъ освобожденію, въ Россіи — Самаринъ становится выразителемъ въ Петербургѣ общихъ чаяній и ожиданій.

Совершенно естественно Самаринъ долженъ былъ цѣнить завоеванное имъ положеніе и цѣнилъ его. Оно открывало ему надежду принять непосредственное участіе въ предстоящей правительственной работѣ по освобожденію и вліять на нее. А это, всѣ послѣдніе годы, составляло его главный помыселъ. Онъ относился съ большой бережностью къ своему положенію «общественнаго эксперта» и готовъ былъ ради него итти на нѣкоторыя жертвы даже въ своей независимости, которая всегда была для него такъ дорога. Въ концѣ Декабря 1857 г., послѣ выхода въ свѣтъ рескрипта генералъ-губернатору Назимову, о которомъ рѣчь впереди, Погодинъ и пріѣхавшій изъ Петербурга Кавелинъ хлопотали объ устройствѣ, въ ознаменованіе событія, торжественнаго политическаго обѣда. Былъ, конечно, званъ и Самаринъ, но онъ уклонился и такъ мотивировалъ свой отказъ: «Я отказался рѣшительно отъ всякаго участія въ манифестаціи, которую считаю вредною, несвоевременною, отъ которой не можетъ быть никакой пользы, а можетъ произойти большой вредъ для дѣла. Я знаю, какъ это будетъ перетолковано и иду на все. Пусть думаютъ, что хотятъ. Недалеко то время, когда каждому дастся возможность заявить свое убѣжденіе не количествомъ налитыхъ и разбитыхъ рюмокъ, не звонкими фразами, а дѣломъ»; затѣмъ слѣдовало и личное поясненіе:.. «отступаться отъ вчерашняго соборнаго (—вмѣстѣ съ Самаринымъ отказались Аксаковъ и Кошелевъ —) постановленія нѣтъ никакихъ причинъ, по крайней мѣрѣ лично, для меня. *Лично* никто ничѣмъ не рискуетъ; въ этомъ убѣждены Кавелинъ, Катковъ и мы всѣ; слѣдовательно, отказываясь отъ участія, мы никого не выдаемъ. Если могутъ быть непріятныя, личныя послѣдствія для кого нибудь, такъ именно только для насъ помѣщиковъ; а именно вотъ какія: можетъ быть въ Комитетѣ согласились бы выслушать мнѣніе Кошелева или мое;

если жъ мы явимся на обѣдѣ, то наши бритые заткнутъ намъ глотку. Всѣ въ одинъ голосъ закричатъ: «Что васъ слушать, вы не наши, вы такіе и сякіе» и т. д.

7.

Очень характерно для политическаго мышленія Самарина и существенно для его послѣдующей политической дѣятельности, что такое участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса законодательнымъ путемъ рисовалось ему отнюдь не въ видѣ формальнаго «представительства» отъ русскихъ мѣстныхъ группъ и интересовъ. Онъ зналъ, что многими въ Петербургѣ ставился вопросъ именно въ такомъ формальномъ представительствѣ, о томъ, чтобы связать съ крестьянской реформой нѣкоторую программу «конституціонныхъ» — конечно, пока довольно зачаточныхъ — требованій. Эта мысль не находила себѣ въ Самаринѣ никакого отклика, и онъ представлялъ себѣ свое участіе въ крестьянскомъ законодательствѣ внѣ всякой мысли «конституціоннаго» порядка.

«Конституціонная» постановка крестьянскаго вопроса — повторяю, въ формѣ очень еще скромной — сложилось въ первые годы царствованія имп. Александра II въ совершенно своеобразныхъ условіяхъ. Въ началѣ 1857 гг., когда созрѣло рѣшеніе приступить къ освобожденію крестьянъ, естественно приходилось опредѣлить тотъ путь, которымъ реформа будетъ проведена, и, прежде всего, рѣшить, будетъ ли привлечено къ ея разработкѣ дворянство. Сразу обнаружилось два теченія: одно — за такое привлеченіе, другое — противъ. Первый оффиціальный споръ объ этомъ происходилъ въ уже упоминавшейся «приготовительной комиссіи» изъ трехъ членовъ секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу, комиссіи, выдѣленной изъ состава комитета во второмъ его засѣданіи 17 Января для составленія проекта реформы. Въ «приготовительную комиссію» вошли Князь П. П. Гагаринъ, Баронъ М. А. Корфъ и Я. И. Ростовцевъ, люди весьма различнаго склада и разныхъ стремленій. Гагаринъ былъ типъ стараго, умнаго и опытнаго консерватора Николаевскаго времени, относившійся къ мысли объ «эмансипаціи» чрезвычайно враждебно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не склонный опираться, въ своей оппозиціи, на дворянство и полагавшійся, цѣликомъ и исключительно, на правительственную мудрость и старую бюрократическую традицію. Корфъ былъ балтійцемъ, и ужъ въ силу этого одного для него мысль объ обращеніи къ дворянству при разрѣшеніи вопроса должна была быть и привычной, и привлекательной; къ реформѣ онъ относился, какъ къ политической необходимости и, конечно, не связывалъ съ мыслью о привлеченіи дворянства тайной на-

дежды найти въ немъ точку опоры для предотвращенія крестьянскаго освобожденія. Ростовцевъ дѣлалъ карьеру на освобожденіи крестьянъ и, больше всего, думалъ о томъ, какъ-бы стать во главѣ дѣла реформы: съ этой точки зрѣнія участіе въ разрѣшеніи вопроса дворянства его мало интересовало. Во второмъ засѣданіи подготовительной комиссіи (19 марта) Корфъ выступилъ со своимъ предложеніемъ образовать для обсужденія крестьянскаго вопроса комитетъ въ каждой губерніи; Гагаринъ возражалъ рѣшительно и рѣзко, убѣжденный, что предложеніе носитъ «зажигательный характеръ» (proposition incendiaire), и вопросъ остался открытымъ. Черезъ мѣсяцъ, въ засѣданіи комиссіи 14 Апрѣля, Корфъ опять вернулся къ своему предложенію и снова встрѣтилъ возраженія Гагарина. «Неужели-же во всѣхъ странахъ, — записалъ вечеромъ въ своемъ дневникѣ Гагаринъ, которому мерещились генеральные штаты, — суждено повторять однѣ и тѣже ошибки?», Какъ уже упоминалось, работы секретнаго комитета подвигались впередъ очень медленно, такъ что общее собраніе совсѣмъ не засѣдало между Январемъ и Августомъ, и споръ о губернскихъ комитетахъ оставался не разрѣшеннымъ. Когда въ Августѣ Александръ II приказалъ ускорить работу, и состоялись засѣданія секретнаго комитета, приведшія къ рѣшеніямъ 18 Августа 1857 г., въ которыхъ русское правительство, въ первый разъ, сказало, что его цѣлью было сдѣлать крестьянъ въ Россіи «людьми совершенно свободными», — мысль Корфа нашла себѣ новаго защитника въ лицѣ вел. кн. Константина Николаевича, но и съ его поддержкой не была принята. Государственный секретарь Бутковъ, составляя журналъ засѣданія, по принятой тогда и долго державшейся методѣ сглаживанія всѣхъ угловъ преній канцелярскою, безличной и безцвѣтной, фразою ,свелъ весь этотъ споръ къ такому пункту постановленій комитета: «Разрѣшить Министерству (Внутреннихъ Дѣлъ) требовать не только свѣдѣнія, но *даже* мнѣнія, мысли и предположенія отъ Губернскихъ Начальствъ: Губернаторовъ и Предводителей, отъ опытныхъ помѣщиковъ и вообще отъ всѣхъ тѣхъ, практическія свѣдѣнія коихъ могутъ быть полезны не только для опредѣленія главныхъ началъ, но и для указанія подробностей переходныхъ мѣръ, съ тѣмъ только, чтобы Министерство дѣйствовало при этомъ со всевозможною осторожностію и благоразуміемъ».

Обстоятельства сложились однако такъ, что принятое рѣшеніе обойтись безъ дворянства при проведеніи реформы, такъ глубоко затрогивавшей его права, интересы, самое его существованіе, очень скоро измѣнилось. Въ Петербургъ пріѣхалъ Виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ ходатайство дворянскихъ предводителей трехъ литовскихъ губерній объ освобожденіи мѣстныхъ крестьянъ отъ крѣпостной

зависимости, съ сохраненіемъ правъ помѣщиковъ на землю, и объ образованіи въ этихъ губерніяхъ комитетовъ для выработки соотвѣтствующихъ проектовъ. Польское дворянство Западной Россіи, жившее въ условіяхъ большей близости къ Европѣ, въ сосѣдствѣ съ Польшей и прибалтійскимъ краемъ, гдѣ крѣпостного права не существовало, брало на себя починъ требованій, которыя не приходили въ голову дворянскимъ корпораціямъ остальной Россіи, пассивно и опасливо прислушивавшимся къ глухимъ толкамъ объ освобожденіи крестьянъ и недовѣрчиво смотрѣвшимъ на вышедшихъ изъ его рядовъ отдѣльныхъ смѣлыхъ поборниковъ реформы, Самарина, Кошелева, Кавелина. Литовское дворянство, напротивъ того, очевидно, считало, что, взявъ въ свои руки неизбѣжное преобразованіе, оно съумѣетъ отстоять свои интересы. Въ томъ настроеніи, въ которомъ былъ Александръ II, Назимовъ долженъ былъ встрѣтить полное сочувствіе. Секретный комитетъ, куда вопросъ былъ переданъ, не могъ уже остаться на принятомъ полтора мѣсяца передъ тѣмъ рѣшеніи ограничиться порученіемъ министерству внутреннихъ дѣлъ со всевозможной осторожностью и благоразуміемъ собирать мнѣнія предводителей и опытныхъ сельскихъ хозяевъ, и въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, въ первой половинѣ ноября, выработалъ извѣстный рескриптъ виленскому генералъ-губернатору, въ которомъ литовскому дворянству разрѣшалось образовать выборные, съ участіемъ правительственныхъ представителей, комитеты для обсужденія крестьянской реформы.

Рескриптъ Назимову, который былъ тогда же обнародованъ, заключалъ въ себѣ, казалось, съ точки зрѣнія русскаго помѣщичьяго класса, почти равнявшагося въ тѣ времена всему русскому культурному обществу, большую политическую цѣнность: реформа такого громаднаго для него значенія получала начало осуществленія съ привлеченіемъ къ ея разработкѣ его организованнаго представительства. Я уже не говорю о дальнѣйшихъ политическихъ перспективахъ, которыя открывались такимъ прецедентомъ. На самомъ дѣлѣ, однако, эта сторона рескрипта 20 ноября 1857 г. въ общественномъ сознаніи отразилась очень мало. Большинство, боявшееся реформы, прочитало въ немъ только угрозу для своихъ правъ на крестьянъ, талантливые вожди меньшинства во главѣ съ Самаринымъ — только шагъ по существу въ направленіи осуществленія своихъ идеаловъ по крестьянскому вопросу. Ни первые не увидѣли въ рескриптѣ указанія на пути обороны своихъ правъ и своихъ интересовъ, ни вторые — средства добиться вліянія на дѣло реформы.

Юрій Самаринъ, за осеннее свое пребываніе въ Петербургѣ, составляя свои записки по крестьянскому дѣлу, совсѣмъ не останавливается на вопросѣ объ участіи въ предсто-

ящей законодательной реформѣ выборныхъ представителей: вопросъ существа реформы для него неизмѣримо важнѣе формальныхъ условій ея осуществленія.

Если тѣмъ не менѣе были созданы губернскіе комитеты, то только потому, что правительство почти насильственно навязало ихъ русскому обществу. Началось съ Петербурскаго дворянства. Оно возбудило вопросъ объ образованіи дворянскихъ уѣздныхъ комитетовъ для составленія положенія о «вотчинномъ управленіи помѣщичьихъ крестьянъ», безъ всякаго намека на освобожденіе. Ходатайство было внесено въ секретный комитетъ, который, по забавнымъ словамъ журнала, «разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что вышеозначенные проекты... развивая съ большою подробностію и опредѣлительностію существующія постановленія о крѣпостныхъ людяхъ, *не вполнѣ* соотвѣтствуютъ общимъ видамъ правительства; *оно желаетъ не сохраненія* въ прежней силѣ крѣпостного состоянія, *а прекращенія* онаго». Вмѣсто кодификаціи крѣпостныхъ правъ Петербургскому дворянству было предложено заняться ихъ упраздненіемъ, а для того образовать комитетъ по образцу литовскаго. Второй губернскій комитетъ образовался, такимъ образомъ, путемъ этой любопытной правительственной передержки, вопреки желанію заинтересованныхъ общественныхъ круговъ.

На другія губерніи было оказано прямое давленіе. Ланской циркулярно сообщилъ рескриптъ Назимову губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства «для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы двроянство этихъ губерній изъявило подобное же желаніе». По тогдашнимъ нравамъ такое обращеніе приближалось къ предписанію, и оно такъ было понято и губернаторами, и предводителями. Одинъ изъ участниковъ перваго дворянскаго собранія, возбудившаго вопросъ о созданіи губернскаго комитета — Нижегородскаго. описываетъ воздѣйствіе рескрипта слѣдующимь образомъ:
«Мысль о выраженіи предъ государемъ желанія освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости высказали всѣ и никто. Всѣ — какъ подданные самодержца и никто — по убѣжденію». Имѣющіяся данныя о нижегородскомъ дворянствѣ заставляютъ признать это описаніе слишкомъ суммарнымъ. Среди дворянства были защитники освобожденія. Но, въ общемъ, нижегородское дворянство, конечно, больше слушалось предписаній изъ Петербурга, поддержанныхъ губернаторомъ, чѣмъ сознательно и искренно стремилось обезпечить за собой право быть представленнымъ при выработкѣ закона объ освобожденіи крестьянъ. Получивъ нижегородское обращеніе, Александръ II написалъ — «Полагаю приличнымъ изъявить дворянству Нижегородской губерніи рескриптомъ мое удовольствіе за первый данный примѣръ готовности по сему важному дѣлу»,

а старый Князь Гагаринъ занесъ въ свой дневникъ — «Le Gouvernement de Nijni vient de s'exécuter..»

Самаринъ относился съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ дворянскому представительству въ дѣлѣ крестьянской реформы. Онъ не поѣхалъ въ Самару — съ которой потомъ такъ тѣсно будетъ связана его работа по крестьянскому дѣлу — на дворянское собраніе, которое состоялось въ Январѣ 1858 г., чтобы просить правительство объ образованіи комитета по образцу другихъ губерній, а передъ дворянскимъ собраніемъ въ Москвѣ для выбора членовъ комитета писалъ Головнину въ Петербургъ 8 февраля: «Вотъ коли хотите мелочной, но по моему, многозначительный признакъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано объявленіе о приглашеніи дворянъ на съѣздъ къ 15 Февраля для выбора депутатовъ въ комитетъ объ измѣненіи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Мы уже не рѣшаемся повторить употребленнаго въ рескриптахъ выраженія объ улучшеніи быта; оно, повидимому, слишкомъ обязательно, слишкомъ связываетъ. «Московскія Вѣдомости» читаются всѣми и вездѣ. Всѣ прочли въ рескриптахъ, что государь призвалъ дворянъ къ обсужденію вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ, а теперь прочтутъ, что дворяне собираются разсуждать объ измѣненіи этого быта. Что это значитъ? Выводъ сдѣлать не трудно».

Но, такъ или иначе, крестьянскую реформу направили въ русло губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, и чтобы работать, надо было въ нихъ участвовать. Самаринъ взялъ предложенный ему Самарскимъ губернаторомъ К. К. Гротомъ постъ члена отъ правительства въ Самарскомъ комитетѣ и лѣтомъ 1858 г. выѣхалъ изъ Москвы въ Самару. Принявъ должность члена отъ правительства и нисколько не заботясь о томъ, чтобы попасть по выборамъ въ какой нибудь изъ дворянскихъ комитетовъ тѣхъ нѣсколькихъ губерній, съ которыми онъ былъ связанъ, благодаря своимъ имѣніямъ, Самаринъ чувствовалъ, что первое положеніе, несравненно больше, чѣмъ второе, обезпечитъ свободу въ отстаиваніи того пониманія реформы, на которомъ онъ стоялъ.

## 8.

Отъѣздъ въ Самару происходилъ въ самый разгаръ въ полномъ смыслѣ слова кипучей дѣятельности, которая наполняетъ собой разсматриваемый періодъ жизни Самарина. 1857 и 1858 годы были особенно оживлены въ Москвѣ, и это, прежде всего, отражалось на литературѣ. Рождались новые журналы, вся Москва съ жадностью читала и обсуждала приносившіяся ими литературныя и политическія новинки. Какъ бы отдавая дань прошлому, Самаринъ, прежде всего, продолжалъ свои писанія на тему о народности и спорилъ съ Чичеринымъ и Со-

ловьевымъ. Въ этихъ статьяхъ, появившихся въ «Русской Бесѣдѣ» Кошелева въ 1857 и 1858 гг., нѣтъ ничего новаго по сравненію съ написаннымъ въ Сызрани разсужденіемъ «Два слова о народности въ наукѣ». Тотъ-же національный «прагматизмъ», только по другому поводу и въ другой связи. Въ статьѣ «Объ историческихъ трудахъ г. Чичерина» — по поводу его «Опытовъ» и «Областныхъ учрежденій» — много тонкихъ критическихъ замѣчаній, значеніе которыхъ, пожалуй, до сихъ поръ не вполнѣ исчерпано. «Въ концѣ своей книги о русской администраціи г. Чичеринъ сводитъ итогъ своихъ розысканій, — пишетъ Самаринъ, — и передъ читателемъ является длинный перечень всего не оказавшагося въ наличности. Отсутствіе союзнаго духа, отсутствіе систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ и юридическаго сознанія въ народѣ, отсутствіе общихъ соображеній, отсутствіе теоретическаго образованія и еще нѣсколько другихъ отсутствій, удалось отмѣтить г. Чичерину на перекличкѣ учрежденій до-петровской Руси. Такъ что же наконецъ въ ней присутствовало? Вѣдь жизнь народа не можетъ наполняться тѣмъ, чего въ ней нѣтъ или чего мы въ ней не нашли. Должны же мы допустить въ ней и положительное содержаніе, да и самое множество дѣйствительно или мнимо отсутствующихъ въ ней началъ можетъ быть понято только, какъ признакъ рѣшительнаго преобладанія какихъ либо другихъ творческихъ силъ.» — Но и въ этихъ статьяхъ Самарина на отвлеченную тему, какъ и раньше, пробивается господствующій въ немъ политическій интересъ, и онѣ служатъ выраженіемъ владѣвшей имъ мечты, что русское разрѣшеніе крестьянскаго вопроса станетъ цѣннымъ вкладомъ въ соціальный опытъ человѣчества.

Вторая тема писаній Самарина за это время можетъ показаться неожиданной. Это — Пруссія эпохи Штейна и Гарденберга. Историческіе интересы у Самарина стараго происхожденія, и они съ университетской скамьи и до самой смерти не покидали его. Но какъ все въ его жизни, и они были подчинены его политикѣ. Политика объясняетъ и происхожденіе этой, оставшейся у Самарина на всю жизнь, склонности къ изученію Пруссіи послѣ Іены. Глубоко переживъ испытанія Крымской кампаніи, онъ черпалъ изъ прусской исторіи указаннаго періода утѣшительныя и полныя надеждъ аналогіи. Внѣшняя катастрофа, и ея исцѣленіе внутренними преобразованіями — таковъ ясный смыслъ этой аналогіи. Въ первой книгѣ «Руской Бесѣды» за 1857 г. появился Самаринскій разборъ книги флигель-адъютанта Графа Николая Орлова — впослѣдствіи выдающагося русскаго дипломата Князя Н. А. Орлова — «Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году». Отзывъ объ этой книгѣ есть для Самарина поводъ обра-

титься къ русскому обществу въ формѣ какъ бы исторической притчи, чтобы сказать, не считаясь съ тяжелымъ цензурнымъ гнетомъ, какъ долженъ дѣйствовать великій народъ въ годины катастрофъ. Для Самарина причина катастрофы лежала въ томъ, что прусское государственное управленіе наканунѣ Іены пріобрѣло отвлеченно-бюрократическій характеръ к. — уйдя отъ живого дѣла и мысли, уединилось въ бумажной дѣятельности, оно исчерпывало живые народные соки, ихъ не восполняя, а общество отъ вынужденнаго бездѣйствія переходило къ безучастію, потомъ къ равнодушію и, наконецъ, къ безплодной хулѣ на правительство; внизу царило крѣпостное право, обрекавшее на полный застой народныя силы; средневѣковыя учрежденія порождали систему частнаго произвола и разновластія. При такомъ состояніи страны оказалось, что съ потерею двухъ сраженій исчезло всякое сопротивленіе, не дрогнула земля, когда погибла ея военная слава, и народъ поспѣшно склонился подъ чужеземное иго; «земля не заступилась за государство и не дала отъ себя отпора». Въ старой системѣ не было мѣста здоровой общественной критикѣ. «Но гдѣ лишается законныхъ правъ своихъ критика слова, — продолжаетъ Самаринъ, — тамъ мститъ за нее неотразимая критика событій, и эту критику самодовольная, самоувѣренная ослѣпленная Пруссія должна была принять изъ рукъ надменнаго побѣдителя, однимъ ударомъ посрамившаго ея военную славу. Никогда цѣлая нація не испытывала такого полнаго и неожиданнаго разочарованія, и, къ чести Пруссіи, мы должны прибавить,и никогда нація не извлекала для себя столько внутренней пользы изъ общаго горя. Пруссія не искала себѣ оправданія и не старалась уйти отъ собственнаго суда надъ собой. Она осушила горькую чашу политическаго униженія, не подслащая ея, и, съ полнымъ сознаніемъ своей слабости, своихъ ошибокъ и своей испорченности, приступила къ трудному подвигу самоисправленія».

Статья о книгѣ Орлова или, точнѣе, по поводу книги Орлова, была результатомъ первыхъ чтеній Самарина по прусской исторіи и, прежде всего, извѣстной біографіи Штейна, написанной Перцомъ. По намекамъ, разсѣяннымъ въ статьѣ, видно, что въ исторіи возрожденія Пруссіи послѣ Іены, Самарина, прежде всего, занимала прусская крестьянская реформа. Именно она дѣлала аналогію съ русскими условіями особенно яркой, а вмѣстѣ съ тѣмъ вводила Самарина въ кругъ техническихъ законодательныхъ подробностей дѣла освобожденія крестьянъ на Западѣ, подробностей, къ которымъ онъ чувствовалъ все больше и больше интереса по мѣрѣ того, какъ приближалась законодательная разработка крестьянской реформы въ Россіи. Продолжая свои чтенія, онъ выписалъ всю наличную нѣмецкую литературу, посвященную крестьянскому законодательству Штейна и Гар-

денберга и осенью 1857 г., по возвращенiи изъ поѣздки въ Петербургъ, съ огромнымъ пакетомъ книгъ отправился въ Васильевское писать назрѣвшую большую работу объ освобожденiи крестьянъ въ Пруссiи. Въ одинъ изъ долгихъ осеннихъ вечеровъ за письменнымъ столомъ въ своемъ деревенскомъ домѣ, Самаринъ писалъ находившейся въ Римѣ своей прiятельницѣ, княгинѣ Е. А. Черкасской, женѣ его друга и будущаго соратника кн. В. А. Черкасскаго, что увлеченъ бiографiей Штейна — дѣло шло все о той же книгѣ Перца, — что давно не читалъ ничего «so aufregent und so aufrichtend» и что «она точно писана про насъ, именно для нашего положенiя»; мысль его невольно переносилась въ письмѣ на русскiя аналогiи, и онъ прибавлялъ, переходя на французскiй языкъ: «Ce qu'il y a de plus triste, c'est qu'on semble ne pas comprendre, qu'un échec politique, comme celui que nous avons subi, et que nous subissons encore, oblige à entrer franchement dans la voie du progrès à l'intérieur, qu'il ne s'agit pas seulement de réparer quelques injustices criantes, ou de distribuer quelques aumones, mais bien d'éveiller toutes les forces productives du pays, les forces morales et intellectuelles, comme les forces matérielles, en abolissant le servage (казенное и помѣщичье крѣпостное право), en rendant la parole à l'église, en donnant une base plus large à l'enseignement public, en réformant notre système d'impôt personnel et notre mode de recrutement».

Писавшаяся почти цѣлый годъ работа, которой Самаринъ далъ заглавiе «Упраздненiе крѣпостного права и устройство отношенiй между помѣщиками и крестьянами въ Пруссiи», была напечатана въ новомъ Кошелевскомъ журналѣ, спецiально посвященномъ крестьянскому дѣлу, «Сельское Благоустройство» въ теченiе 1858 г. Если отзывъ о книгѣ Орлова — блестящая страница публицистики Самарина, только облеченной, на этотъ разъ, въ формы историческихъ тезисовъ, то работа его объ упраздненiи крѣпостного права въ Пруссiи есть подлинная историческая монографiя, высокой научной цѣнности. Какъ таковая, она до сихъ поръ сохраняетъ свое значенiе, и, сопоставляя ея содержанiе съ новѣйшимъ классическимъ трудомъ Кнаппа объ освобожденiи прусскихъ крестьянъ, проникаешься глубокимъ уваженiемъ къ точности и богатству знанiй и глубинѣ выводовъ, собранныхъ и сдѣланныхъ болѣе полувѣка тому назадъ, — и не германскимъ университетскимъ профессоромъ, а русскимъ помѣщикомъ и политическимъ дѣятелемъ, среди множества другихъ дѣль и заботъ.

Было бы безцѣльно пересказывать содержанiе монографiи Самарина. Это значило бы уйти въ исторiю Пруссiи и прервать нить моего разсказа. Достаточно сдѣлать одно общее замѣчанiе. При всей своей подлинной научности, монографiя Самарина остается, прежде всего, историческимъ поученiемъ, расчитаннымъ на русскаго читателя anno 1858. Когда Самаринъ разсказываетъ,

напримѣръ, о законодательныхъ мѣрахъ прусскихъ королей XVIII вѣка, направленныхъ на огражденіе неприкосновенности крестьянской земли, и добавляетъ, что въ результатѣ этихъ мѣръ создалось положеніе для обѣихъ сторонъ — помѣщиковъ и крестьянъ — тягостное, но зато уравновѣшивавшее два права, одинаково существенныхъ и законныхъ, помѣщичье право вотчинной собственности и крестьянское право обезпеченнаго пользованія, — онъ, очевидно, доказываетъ русскій политическій тезисъ. Или когда онъ излагаетъ волненія прусскихъ крестьянъ въ 1848 г. и говоритъ, что конституціонный вопросъ, выдвинутый революціоннымъ движеніемъ, оставлялъ равнодушнымъ простой народъ, но послѣдній былъ увлеченъ не причиной волненій, а самымъ волненіемъ, которое расшевелило его и породило острое движеніе, направленное противъ помѣщиковъ, настолько опасное, что помѣщики вынуждены были потребовать отъ правительства немедленныхъ мѣръ по завершенію выкупной операціи, — онъ обращается къ русскому дворянству, приглашая его взвѣсить послѣдствія его оппозиціи разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Еще примѣръ. Я не нахожу у Кнаппа слѣдующей характеристики положенія крѣпостныхъ крестьянъ наканунѣ первыхъ прусскихъ реформъ, характеристики, которая кажется мнѣ въ достаточной мѣрѣ обоснованной у Самарина и которая безспорно подсказана ему живыми русскими наблюденіями: «Крѣпостное право въ началѣ XVIII вѣка видимо для всѣхъ клонилось къ упадку, и, какъ это бываетъ всегда при разложеніи общественныхъ отношеній, утратившихъ свою жизненность, старина одновременно нарушалась подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ на нее воззрѣній. Сословіе, находившее свою выгоду въ ея поддержаніи, но сознававшее внутренно ея непрочность, цѣплялось за нее всѣми силами, наскоро выжимая послѣдній сокъ изъ перезрѣлаго плода... Но пока отсталое большинство дворянскаго сословія подвигало безсознательно разложеніе крѣпостныхъ отношеній тѣмъ самымъ, что доводило ихъ до послѣднихъ крайностей, дальновидные люди помышляли уже о томъ, какъ бы добровольнымъ пожертвованіемъ предупредить опасный кризисъ и ускорить мирное осуществленіе другого порядка вещей, не только лучшаго въ нравственномъ отношеніи, но и болѣе выгоднаго». Развѣ эти положенія не кажутся цѣликомъ взятыми изъ круга доводовъ Самаринской записки 1856 г.?

Число такихъ иллюстрацій чисто практическихъ русскихъ задачъ въ монографіи объ упраздненіи крѣпостного права въ Пруссіи можно было бы увеличить сколько угодно. Эти практическія задачи не портятъ Самаринскаго изложенія, ибо со свойственной ему умственной дисциплиной онъ не позволяетъ себѣ подгонять историческіе факты подъ политическіе тезисы; но несомнѣнно наличностью ихъ объяснялось то сильное впечатлѣніе, которое произвела въ Россіи его монографія. У насъ рядъ

свидѣтельствъ объ этомъ впечатлѣніи, и статьи Самарина на самомъ дѣлѣ стали тѣмъ, чѣмъ они должны были быть въ мысли автора, новымъ вкладомъ въ развитіе дѣла освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Рядъ другихъ статей былъ написанъ имъ въ 1857 и 1858 гг. и прямо на темы крестьянской реформы въ Россіи. Статьи эти въ извѣстной мѣрѣ параллельны его политическимъ дѣйствіямъ въ эти годы и должны были закрѣплять въ общественномъ мнѣніи положенія, которыя онъ проводилъ въ Петербургѣ Въ тѣхъ-же двухъ первыхъ книгахъ «Сельскаго Благоустройства», въ которыхъ была напечатана монографія о прусской реформѣ, Самаринъ открылъ серію статей подъ общимъ заглавіемъ «О теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ отношеніяхъ юридическомъ и хозяйственномъ», въ которой, по его мысли, подлежали освѣщенію всѣ основные вопросы освобожденія. Серія начиналась статьей о крестьянской землѣ, представлявшей воспроизведеніе, съ несущественными передѣлками, его записки о правѣ крестьянъ на землю, которая была представлена великому князю Константину Николаевичу. Вторая статья «О неизбѣжности переходнаго состоянія» очень существенна для развитія взглядовъ Самарина и для опредѣленія основного направленія его будущей практической дѣятельности. Въ рескриптѣ виленскому генералъ-губернатору, представлявшему, въ моментъ написанія статьи, изложеніе правительственной программы по крестьянскому дѣлу, переходъ къ освобожденію крестьянъ рисовался какъ постепенный — черезъ періодъ инвентарей, мысль, какъ извѣстно, сохранившаяся въ силѣ и по акту 19 Февраля. Самаринъ считаетъ этотъ путь цѣлесообразнымъ, но съ оговоркой. Онъ боится, какъ бы рамки рескрипта не послужили поводомъ къ формальному ограниченію свободы сужденій по крестьянскому вопросу, и начинаетъ съ утвержденія, что рескриптъ есть нѣкоторый m i n i m u m и что при его развитіи допустима полная свобода, въ томъ числѣ и положительное рѣшеніе о непосредственномъ переходѣ отъ крѣпостного права къ безусловной свободѣ. Но по существу этотъ непосредственный переходъ онъ отвергаетъ, и по очень характернымъ для него основаніямъ. Ему кажется, что переходный періодъ въ дѣлѣ освобожденія лучше охранитъ крестьянское право на землю. На время этого періода будетъ опредѣлена земля, поступающая въ пользованіе крестьянъ за соотвѣтствующую сумму повинностей, опредѣлена на основаніи существующаго факта пользованія. Рескриптъ требуетъ улучшенія быта крестьянъ и въ переходномъ періодѣ: такому улучшенію противорѣчило бы сокращеніе площади крестьянской земли, между тѣмъ какъ при немедленномъ освобожденіи возникала бы опасность, что за него крестьянамъ придется поступиться частью земли, находящейся въ ихъ пользованіи. Конечно, переходный періодъ будетъ тягостнымъ, и

тягостнымъ, прежде всего, для помѣщиковъ, но на послѣднихъ лежитъ тяжелый долгъ помочь крѣпостнымъ выработать изъ себя полноправныхъ гражданъ. Не буду упоминать другихъ, техническихъ по содержанію доводовъ противъ немедленнаго освобожденія — трудности выкупной операціи, трудности сразу наладить безъ барщины помѣщичье хозяйство и т. д., — эти доводы имѣютъ меньшее значеніе для характеристики воззрѣній Самарина. Но то основное, что пишетъ Самаринъ въ пользу переходныхъ мѣръ, представляетъ его коренное мнѣніе по крестьянскому дѣлу, отъ котораго онъ не отступилъ до конца работъ по составленію акта 19 Февраля. — Третья статья разсматриваемой серіи «Объ усадьбахъ» касается, ставившагося тогда правительствомъ самостоятельно, вопроса о выкупѣ крестьянами ихъ осѣдлости, не ожидая выкупа будущихъ надѣловъ. Самаринъ рѣшительно противъ обязательности отдѣльнаго выкупа усадебъ, ибо въ немъ онъ видитъ опасность для коренной задачи реформы — обезпеченія крестьянъ землей: онъ предпочитаетъ, чтобы усадьбы остались на переходный періодъ въ пользованіи крестьянъ, какъ и остальная земля, и чтобы ихъ скудныя средства не тратились на преждевременный выкупъ усадебной осѣдлости, которая не есть доходная статья, а необходимое условіе существованія крестьянъ. — За этими тремя статьями должны были слѣдовать другія по всѣмъ главнымъ вопросамъ реформы, но цензурныя условія были еще настолько тяжелы, что Самаринъ вынужденъ былъ отказаться отъ ихъ продолженія; едва-едва удалось добиться разрѣшенія напечатать статью объ усадьбахъ, казалось, достаточно скромную по своему содержанію. Какъ бы то ни было, серія — «О теперешнемъ и будущемъ устройствѣ» свидѣтельствовала, что къ началу 1858 г. у Самарина окончательно созрѣлъ положительный планъ освобожденія, и въ самомъ дѣлѣ еще до отъѣзда въ самарскій губернскій комитетъ, на оффиціальный запросъ своего пріятеля временъ сызранскаго ополченія, сызранскаго уѣзднаго предводителя дворянства, П. А. Бестужева, относительно его мнѣній по крестьянской реформѣ, онъ въ Маѣ 1858 г. могъ уже съ полной точностью и конкретностью изложить свою программу. Она такова. Крѣпостной порядокъ долженъ уступить свое мѣсто порядку временно-обязанныхъ отношеній, если говорить терминомъ акта 19 Февраля, или системѣ «регулированія», если брать терминъ изучавшихся Самаринымъ прусскихъ образцовъ. Эти переходныя отношенія должны заключаться въ томъ, что крестьянамъ передается въ пользованіе земля въ количествѣ, соотвѣтствующемъ обычной для данной мѣстности нормѣ. За эту землю онъ отбываетъ барщину въ размѣрѣ, уменьшенномъ сравнительно съ барщиной крѣпостной; — въ этомъ ея уменьшеніи предписанное правительствомъ улучшеніе его быта. Одновременно съ барщиною устанавливается размѣръ оброка, которымъ крестьянинъ въ

любое время въ правѣ замѣнить барщину, подъ условіемъ уплаты его за годъ впередъ. Если у крестьянъ въ фактическомъ пользованіи больше земли, чѣмъ указываетъ норма, то излишекъ они могутъ удержать за собой подъ условіемъ дополнительныхъ повинностей. Система Самарина въ общемъ необыкновенно проста и по тому времени необыкновенно радикальна, ибо въ ней переходными мѣрами незамѣтно предрѣшалось отчужденіе всей обрабатывавшейся крестьянами помѣщичьей земли въ пользу крестьянъ. Построенное Самаринымъ «историческое право» крестьянина на землю получало реальное и весьма суровое для помѣщичьей собственности воплощеніе.

Наконецъ, въ этотъ періодъ жизни Самарина написаны его статьи объ общинѣ. Онѣ развиваютъ тотъ-же тезисъ, что онъ изложилъ въ одной изъ записокъ, представленныхъ великому князю Константину Николаевичу, но съ полнотой, которой не было въ этой запискѣ. Споръ объ общинѣ, который велся въ тогдашней литературѣ, — утверждалъ Самаринъ, — носилъ академическій характеръ, и представители противоположныхъ воззрѣній обмѣнивались аргументами, почерпнутыми изъ западныхъ книгъ. Между тѣмъ въ вопросѣ объ общинѣ западъ готовъ выслушать русскую экспертизу, которая одна можетъ покоиться на непосредственномъ изученіи живого общественнаго явленія. Эту живую и реальную общину Самаринъ и стремится понять и оцѣнить. Для него русская поземельная община есть система, сочетающая въ себѣ три элемента: общиннаго владѣнія, совокупнаго пользованія и личнаго пользованія. Мірская община, какъ коллективная единица, владѣетъ всей землей и опредѣляетъ способы пользованія ею; часть земли идетъ въ совокупное пользованіе всѣхъ членовъ общины — выгонъ, пастбище, лѣсъ, другая часть передается въ личное, срочное или безсрочное, пользованіе отдѣльныхъ членовъ общины — поля; здѣсь каждый членъ общины является самостоятельнымъ хозяиномъ. Благодаря такому сочетанію каждому крестьянину предоставлена справедливая возможность обезпечить свое существованіе личными усиліями. Достигается это посредствомъ передѣла общинной земли по тягламъ. Для Самарина система тяголъ есть «полнѣйшее и самое характерное проявленіе нашего сельскохозяйственнаго быта». Вотъ въ чемъ она заключается. Одинаково несправедливо было бы дѣлить землю только между взрослыми работниками, ибо тогда не получили бы обезпеченія всѣ члены общины — не работники, или распредѣлять ее между всѣми наличными душами, ибо тогда во многихъ случаяхъ землю некому было бы обработать. Русскій народъ разрѣшилъ трудность цѣлесообразнаго раздѣла земли — путемъ надѣленія ею особыхъ единицъ, выражающихъ одновременно и сумму физическихъ потребностей, и сумму рабочей силы. Эта единица есть тягло, группа работниковъ и потребителей, колеблющаяся въ предѣлахъ

отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 душъ. Между этими единицами дѣлится вся мірская земля, предназначенная для личнаго пользованія, и между ними-же распредѣляются всѣ повинности. Число тяголъ въ каждой общинѣ зависитъ отъ того, какъ по мѣстнымъ условіямъ опредѣляется минимумъ земли, на которомъ можетъ быть построено одно самостоятельное хозяйство. Каждый крестьянскій дворъ получаетъ столько земли, сколько тяголъ онъ собой представляетъ. Нужно-ли, — заключаетъ Самаринъ свою «теорію тягловаго надѣла», — теперь подробно развивать глубокую разумность и выгоду тягловаго надѣла? Мнѣ кажется онѣ очевидны, и потому достаточно на нихъ указать. — Пропорціональность надѣла сырымъ матеріаломъ, землею, къ рабочимъ силамъ, нуждамъ и тягостямъ удовлетворяетъ требованіямъ справедливости и обезпечиваетъ общее благосостояніе. Не посягая на продукты свободнаго труда, эта система, косвеннымъ образомъ, предупреждаетъ вредныя крайности въ распредѣленіи общественнаго богатства. Земля не можетъ достаться въ руки того, кто въ ней не нуждается или не способенъ ею воспользоваться и наоборотъ: тотъ, кому она нужна, и кто обладаетъ средствами, потребными на ея оплодотвореніе, не можетъ быть вынужденъ затратить свой капиталъ на пріобрѣтеніе права на землю или принять на себя тяжелый, часто неоплатный долгъ. Вотъ почему народъ нашъ такъ дорожитъ общиннымъ владѣніемъ; и народъ нашъ правъ».

Такимъ образомъ община для Самарина есть, прежде всего, форма разрѣшенія соціальнаго вопроса, русское національное воплощеніе началъ общественной справедливости. Онъ нашелъ въ ней то, что напряженно искалъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, послѣ чтенія Лоренца Штейна и особенно послѣ 1848 г., соціальный вопросъ сталъ передъ нимъ во весь свой ростъ. Но Самаринъ не былъ утопистомъ по своей методѣ. Онъ не былъ способенъ увлекаться соціалистическими абстракціями и въ той-же статьѣ высокомѣрно отвергаетъ аргументацію Чернышевскаго въ защиту общины. Онъ цѣнилъ общину, потому что она ему представлялась, въ изложенной конструкціи, безспорной реальностью русскаго хозяйственнаго быта. Но тотъ же реализмъ не позволялъ ему закрывать глаза и на невыгоды общиннаго владѣнія. Онъ хорошо сознавалъ, что передѣлы земли вредны для улучшенія земледѣлія и что зажиточные и исправные крестьяне являются противниками общиннаго владѣнія. Ему ясно однако, что невыгоды общиннаго землепользованія не перевѣшиваютъ пока ея выгодныхъ сторонъ и что ради этихъ невыгодъ община не можетъ быть разрушена. Но онъ не хочетъ предрѣшать будущее и готовъ допустить, что со временемъ рѣшеніе вопроса объ общинѣ будетъ инымъ, чѣмъ въ ту минуту, что онъ пишетъ.

Всѣ эти положенія изложены въ статьѣ «О поземельномъ общинномъ владѣніи», появившейся въ началѣ 1858 г. Двѣ дру-

гія статьи, написанныя въ томъ-же году, носятъ полемическій характеръ. Онѣ направлены противъ статей, появившихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ которыхъ забытые теперь авторы — Бутовскій и Ивановъ — развивали положенія классическаго западноевропейскаго экономическаго либерализма о достоинствахъ личнаго права собственности. Для Самарина вся эта школа западныхъ экономистовъ была давно превзойденной точкой зрѣнія. Чтеніе Листа, которому Самаринъ съ талантливой прозорливостью отводитъ выдающееся мѣсто въ экономической теоріи, окончательно укрѣпило его старый протестъ противъ экономическихъ классиковъ. Въ изложеніи Бутовскаго и С. Иванова мысли послѣднихъ не могутъ поколебать коренного убѣжденія Самарина, что община съ тягловымъ передѣломъ представляетъ собой ключъ къ разрѣшенію проблемы бѣдности въ будущей русской освобожденной деревнѣ. Свою конструкцію общины Самаринъ сохранилъ неприкосновенной до времени работъ по составленію крестьянскаго положенія, и Самарскій проектъ положенія объ освобожденіи крестьянъ, мы увидимъ, былъ попыткой законодательнаго воплощенія того, что онъ называлъ своей «теоріей тягловаго надѣла».

---

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

---

# Крестьянская реформа.

1858—1863.

1.

Вооруженный огромными знаніями и многолѣтними размышленіями, съ готовымъ планомъ реформы въ головѣ, Самаринъ пріѣхалъ лѣтомъ 1858 г. въ Самару и очутился въ средѣ губернскаго комитета, составленнаго изъ представителей болѣе или менѣе захолустнаго дворянства отдаленной, еще мало населенной, восточной русской окрайны, людей мало подготовленныхъ, въ массѣ, къ предстоявшей работѣ, весьма среднихъ по своимъ дарованіямъ, ничѣмъ не вооруженныхъ, кромѣ инстинктивнаго стремленія защитить свои права и свои интересы въ качествѣ собственниковъ той земли, за счетъ которой долженъ былъ осуществляться Самаринскій идеалъ соціальной справедливости. Среди четырнадцати дворянскихъ депутатовъ, съ которыми Самаринъ провелъ цѣлый годъ въ непрерывной работѣ, ему удалось найти только двухъ, сразу же признавшихъ его своимъ вождемъ и слѣдовавшихъ за нимъ безусловно и во всемъ. Кромѣ этихъ двухъ вѣрныхъ и искреннихъ соратниковъ, скромныхъ провинціальныхъ защитниковъ освобожденія крестьянъ на основахъ широкой справедливости и самоотверженнаго отреченія отъ помѣщичьяго интереса, — Д. Н. Рычкова изъ Бугульмы и А. А. Шишкова изъ Бузулука, къ которымъ частью примыкали игравшіе довольно видную роль въ комитетѣ братья И. Д. и А. Д. Лазаревы, владѣльцы разоренныхъ крестьянскихъ деревень Ставропольскаго и Новоузеньскаго уѣздовъ, мечтавшіе о полученіи выкупныхъ платежей и видѣвшіе въ освобожденіи крестьянъ средство улучшить свои собственныя разстроенныя дѣла, — весь остальной составъ комитета совсѣмъ не склоненъ былъ къ самоотреченію и жертвѣ. Онъ встрѣтилъ Самарина — взгляды котораго были хорошо извѣстны всей Россіи — съ понятнымъ чувствомъ недовѣрія и недоброжелательства. И если тѣмъ не менѣе сотрудничество съ нимъ оказалось возможнымъ и въ концѣ концовъ, кромѣ эпизодическихъ конфликтовъ, расхожденіе защитниковъ правъ дворянства и поборниковъ крестьянскихъ инте

ресовъ оказалось довольно скромнымъ, — то это объяснялось общими условіями, въ которыхъ правительствомъ поставлена была работа губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу.

Петербургъ, рѣшившись, послѣ долгихъ колебаній, привлечь дворянское представительство къ дѣлу реформы, обставилъ его работу самой суровой опекой. Нельзя сказать, чтобы эта опека была результатомъ ясной и опредѣленной программы крестьянской реформы, ради охраны которой противъ покушеній непосредственно заинтересованныхъ для этихъ послѣднихъ создавали препоны и ограниченія. Скорѣе, правительственная опека была выраженіемъ недовѣрія ко всякой внѣ-правительственной работѣ, привычнаго чувства бюрократическаго превосходства и бюрократической монополіи. Какъ бы то ни было, ко времени открытія губернскихъ комитетовъ, они оказались снабженными множествомъ правительственныхъ указаній и инструкцій, нагроможденыхъ въ нѣсколько рядовъ. Внизу лежалъ рескриптъ 20 Ноября 1857 г., впервые данный Назимову, а затѣмъ переписывавшійся при образованіи всякаго новаго губернскаго комитета. Рескриптъ для Самары былъ датированъ 9 Марта 1858 г. и предписывалъ Оренбургскому и Самарскому генералъ-губернатору Катенину открыть губернскій комитетъ, а комитету принять къ руководству «главныя основанія» реформы, выраженныя въ трехъ слѣдующихъ пунктахъ, которые надо воспроизвести, ибо иначе мы не поймемъ работъ Самарскаго комитета и участіе въ нихъ Самарина: «1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику. 2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и 3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ». Надъ этимъ первымъ слоемъ указаній проходилъ второй, съ меньшимъ формальнымъ авторитетомъ, — циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, толковавшій «главныя основанія» рескрипта. Наконецъ, поверхъ этихъ двухъ актовъ была положена еще и «программа» занятій губернскаго комитета, въ которой ставились всѣ подлежавшіе рѣшенію вопросы и предписывалось заняться именно ими. Весь этотъ грузъ правительственныхъ указаній, наложенный на комитеты, дѣлалъ свободу движеній для нихъ чрезвычайно затруднительной.

Какъ долженъ былъ относиться Самаринъ къ этому грузу?

Несмотря на то, что онъ не принималъ прямого участія въ выработкѣ актовъ, указывавшихъ дорогу губернскихъ комитетовъ, — кромѣ замѣчаній на одинъ изъ раннихъ проектовъ «программы» для дѣятельности комитетовъ, представленныхъ имъ по просьбѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина, — онъ вполнѣ раздѣлялъ основныя линіи, по которымъ развивался правительственный планъ; и онъ могъ думать, что, вѣроятно, косвенно, черезъ великаго князя Константина Николаевича, его записки 1857 г. не остались безъ вліянія на выработку этого плана. Правительственный планъ стоялъ, какъ и Самаринъ, на точкѣ зрѣнія переходнаго состоянія между крѣпостнымъ правомъ и полной свободой крестьянъ. Торжественно провозглашая право собственности помѣщиковъ на всю землю, онъ на дѣлѣ такъ же, какъ Самаринъ, устанавливалъ передачу крестьянамъ въ переходный періодъ въ пользованіе, за повинности, части этой помѣщичьей земли; рескриптъ объ этомъ умалчивалъ, но циркуляръ Ланского добавлялъ — отведенная крестьянамъ земля должна была оставаться въ крестьянскомъ пользованіи постоянно. Размѣръ отводимой крестьянамъ земли въ рескриптѣ опредѣлялся нѣсколько неясными словами: «надлежащее для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ количество», а циркуляръ добавлялъ, что это количество должно соотвѣтствовать мѣстнымъ обычаямъ. Рескриптъ не упоминалъ, должна-ли земля перейти къ крестьянскимъ общинамъ или отдѣльнымъ крестьянамъ, но зато циркуляръ — опять-таки въ полномъ согласіи съ воззрѣніями Самарина — разъяснялъ, что тамъ, гдѣ существовало общинное устройство, оно не должно было нарушаться. И рескриптъ, и циркуляръ стояли, наконецъ, на томъ, что крестьяне должны составить сельскія общества: правда, добавлено было о вотчинной полиціи помѣщиковъ, но и Самаринъ въ извѣстныхъ предѣлахъ считалъ ее неизбѣжной въ переходномъ періодѣ. Ко всему этому «программа» для занятій губернскихъ комитетовъ добавляла, по существу чрезвычайно узкій, обязательный перечень вопросовъ, на которые требовалось отвѣтить, перечень, не позволявшій комитетамъ свернуть въ сторону отъ данныхъ имъ въ рескриптѣ и циркулярѣ наставленій и поставить вопросъ о реформѣ посвоему, во всей его широтѣ. Механически, любая сумма отвѣтовъ на систему изложенныхъ въ программѣ вопросовъ давала не самостоятельное построеніе, а варіантъ на тему правительственныхъ взглядовъ.

Самаринъ пріѣхалъ въ Самару въ Іюнѣ 1858 г., а открытіе комитета состоялось 25 Сентября. За эти мѣсяцы онъ осмотрѣлся, выяснилъ настроеніе своихъ будущихъ товарищей по комитету и намѣтилъ себѣ дорогу въ предстоявшей работѣ. Она подсказывалась отношеніемъ его къ существу правительственной программы реформы и его основнымъ настроеніемъ въ вопросѣ о

дворянскомъ представительствѣ по крестьянскому дѣлу. Ему было совершенно ясно, что спасти правильныя по его мнѣнію рѣшенія можно было, только заставивъ большинство комитета, враждебное реформѣ, склониться передъ правительственными указаніями и инструкціями. Правительство было право, и формальная свобода въ защитѣ дворянскихъ правъ и интересовъ ничего не говорила Самарину.

18 Іюля 1858 г., въ письмѣ къ Кошелеву, онъ такъ опредѣлялъ свою тактику: «...я понялъ совершенно ясно, что, какъ ни слаба программа, но голосъ нашъ въ комитетѣ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе только въ томъ случаѣ, когда мы будемъ крѣпко за нее держаться и какъ можно меньше отъ нея отступать. Вести одновременно споръ съ дворянствомъ и правительствомъ, я считаю дѣломъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, въ Самарскомъ комитетѣ, оно не по силамъ. Я понимаю, что соблазнительна мысль — на первыхъ же порахъ поставить себя такъ: «господа, я не стряпчій и не адвокатъ правительства, я не стою за програму, я такой же помѣщикъ, какъ и вы, я готовъ съ вами вмѣстѣ и за одно искать лучшаго для насъ разрѣшенія», но думаю, что это ошибка; дворянство обрадуется уступкѣ, завтра потребуетъ другой, на третій день — третьей, а вамъ ни іоты не уступитъ. — Поэтому я рѣшился настаивать, чтобы въ порядкѣ занятій и въ самомъ существѣ дѣла комитетъ держался программы, по крайней мѣрѣ, сколько возможно. Мнѣ кажется, что какова бы она ни была, въ рамки ея можно втиснуть если не все желанное, то, по крайней мѣрѣ, все необходимое на первое время и достаточное для опредѣленія дальнѣйшихъ мѣръ».

Какъ только губернскій комитетъ открылъ свои дѣйствія и занялся составленіемъ устава о внутреннемъ своемъ порядкѣ, Самаринъ выступилъ со своимъ тактическимъ планомъ. Онъ предложилъ внести въ уставъ параграфъ такого содержанія: «Такъ какъ начала, изложенныя въ Высочайшемъ рескриптѣ, безусловно обязательны и цѣль комитета заключается въ изысканіи средствъ къ ихъ исполненію, то, если во время совѣщаній кто либо изъ Членовъ отступитъ отъ разсматриваемаго предмета, или войдетъ въ обсужденіе вопроса уже рѣшеннаго Высочайшимъ рескриптомъ, Предсѣдатель, во избѣжаніе напрасной потери времени, имѣетъ просить говорящаго обратиться къ сущности предмета и не выходить изъ предѣловъ Высочайшаго рескрипта». Предложеніе Самарина сразу же давало опредѣленное направленіе всей дѣятельности, предстоявшей комитету, и естественно оно вызвало цѣлую бурю. Но дворянская оппозиція въ тѣ годы, какъ впрочемъ и позднѣе, не отличалась въ Россіи особенной смѣлостью, и отвергнуть параграфъ, приглашавшій подчиниться высочайшему рескрипту, у комитета не хватило духу. § 10 былъ принятъ. Въ Самаринскомъ предложеніи не было рѣчи объ обязательности циркуляра Ланского и «программы»:

но предлагать первое, значило сразу обострить отношенія въ комитетѣ и, вѣроятно, рисковать отрицательнымъ рѣшеніемъ, а предлагать второе было излишнимь, такъ какъ по высочайшему повелѣнію работы комитета и безъ того должны были слѣдовать въ порядкѣ вопросовъ программы.

Принявъ уставъ, комитетъ перешелъ къ обсужденію программы. Въ ней заключалось десять главъ, обнимавшихъ множество частныхъ, вытекавшихъ изъ общаго правительственнаго плана освобожденія, вопросовъ и, въ сущности, ни одного вопроса принципіальнаго: сначала говорилось о переходѣ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанное и предписывалось включить въ разрабатывавшееся комитетомъ положеніе правила о прекращеніи личнаго крѣпостного права, о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ лично и по имуществу всѣхъ правъ другихъ податныхъ состояній и о перечисленіи всѣхъ этихъ правъ по своду законовъ, о наименованіи впредь крестьянъ срочно обязанными; потомъ предлагалось опредѣлить сущность срочно-обязаннаго положенія — объ оставленіи крестьянъ крѣпкими землѣ, о переходѣ въ другія сословія, объ оставленіи повинностей въ пользу помѣщиковъ и т. д.; затѣмъ такимъ-же порядкомъ и съ такими же подробностями должны были получить характеристику права помѣщиковъ на землю, усадебное устройство крестьянъ, надѣлъ, повинности, устройство дворовыхъ, образованіе сельскихъ обществъ, полицейскія права помѣщиковъ и порядокъ введенія новаго порядка въ дѣйствіе. По этимъ пунктамъ программы, переходя отъ одной главы къ другой и отъ одного вопроса къ слѣдующему, Самарскій комитетъ и двигался въ теченіе девяти мѣсяцевъ, что шли его работы. Понятно, борьба, которая была неминуемой въ комитетѣ въ виду присутствія въ немъ Самарина, съ одной стороны, и крѣпостнически настроенныхъ помѣщиковъ, съ другой, получила чрезвычайно узкіе предѣлы. Въ самыя острыя минуты ея споръ всегда шелъ о частностяхъ, иногда существеннаго практическаго значенія, но рѣдко возвышавшихъ пренія до принципіальной высоты.

Къ открытію работъ Самаринъ приготовилъ для себя проектъ положенія о крестьянахъ по системѣ программы. Это, вмѣстѣ со всѣми данными и дарованіями, которыми онъ располагалъ, дало ему сразу особое положеніе въ комитетѣ. Онъ немедленно сдѣлался его главной дѣловой силой. Были цѣлыя главы положенія, принятаго комитетомъ, которыя цѣликомъ писались Самаринымъ и почти безъ поправокъ голосовались присутствіемъ. Такъ шло особенно въ послѣднихъ стадіяхъ работъ комитета, который не поспѣлъ закончить составленіе проекта въ положенный шестимѣсячный срокъ, исходатайствовалъ продленіе работъ на два мѣсяца, но и эту отсрочку нарушилъ. Къ такимъ, цѣликомъ Самаринскимъ, главамъ проекта относятся три послѣднія: VIII. Образованіе сельскихъ обществъ,

IX. Права и отношенія помѣщиковъ и X. Порядокъ и способы исполненія новаго Положенія. VIII-ая и IX-ая главы даютъ описаніе будущаго сельскаго самоуправленія. Самаринъ считаетъ, что въ основу этого самоуправленія должна была быть положена община хозяйственная — та живая мелкая единица, на которую онъ возлагалъ всегда большія надежды. Хозяйственная община должна стать общиной административной: для того она надѣляется органами власти — сельской сходкой, сельскимъ старостой и старшинскимъ судомъ. Волости Самаринъ не признаетъ. Сельское общество должно пользоваться всевозможной свободой и внѣ всякаго посторонняго вмѣшательства вѣдать весь крестьянскій бытъ. Поэтому помѣщикъ не получаетъ въ отношеніи общества правъ начальника. Его полицейскія права ограничены тѣмъ, что необходимо для обезпеченія исполненія крестьянами своихъ въ отношеніи къ нему обязанностей по срочно-обязанному положенію. Все это — мысли, которымъ Самаринъ остался вѣренъ до конца своихъ дней, всегда защищая полную свободу крестьянскаго самоуправленія. Но и въ главахъ проекта, обсуждавшихся въ начальныхъ стадіяхъ работъ комитета и не цѣликомъ Самаринскихъ, множество статей перенесены прямо изъ его рукописи и носятъ печать его воззрѣній. Однако по этимъ главамъ дѣло шло не такъ гладко, какъ по перечисленнымъ тремъ послѣднимъ. Самарскимъ помѣщикамъ было болѣе или менѣе безразлично, какъ устроится сельское самоуправленіе и какова будетъ внѣшняя процедура составленія уставныхъ грамотъ, но когда дѣло шло о крестьянскихъ усадьбахъ, о надѣлѣ крестьянъ, о крестьянскихъ повинностяхъ, о дворовыхъ и т. д., каждое слово взвѣшивалось на вѣсахъ помѣщичьяго права и помѣщичьяго интереса.j

Самаринъ не былъ склоненъ къ компромиссамъ; напротивъ того, онъ смѣло, рѣшительно и страстно гнулъ свою линію, не жалѣлъ своихъ діалектическихъ способностей и не церемонился съ правой частью комитета. Во главѣ консерваторовъ стоялъ, какъ призванный ихъ вождь въ Самарѣ, бугурусланскій уѣздный предводитель дворянства, отставной штабсъ-ротмистръ И. П. Рычковъ, однофамилецъ союзника Ю. Ѳ. въ комитетѣ, старый уже человѣкъ, съ трудомъ мирившійся съ предстоявшей реформой. На него направлены быыли стрѣлы Самарина въ первую очередь. Самаринъ предложилъ, чтобы помѣщикамъ было воспрещено переводить дворовыхъ въ крестьяне — шло обсужденіе II главы программы «Сущность срочно-обязаннаго положенія». Рычковъ возражалъ, ссылаясь на свою опытность стараго помѣщика и утверждая, что дворовые — тѣ же крестьяне и что злоупотребленій быть не можетъ. Вотъ часть возраженій Самарина: «г. Рычковъ ставитъ мнѣ въ вину, будто бы я упустилъ изъ виду, что дворовые люди не всѣ состоятъ изъ камердинеровъ и музыкантовъ и что, вѣроятно, мнѣ неизвѣстно, что въ Самарской

губерніи много такихъ помѣщиковъ, которые сами не носятъ фраковъ и весьма рѣдко пьютъ чай.... Но я утверждалъ и утверждаю теперь, вопреки 26-ти лѣтней опытности моего почтеннаго возражателя, что не только изъ камердинеровъ и музыкантовъ, но точно также изъ фельдшеровъ, писарей, ключниковъ, кучеровъ, сортировщиковъ, слесарей, печниковъ, ткачей, нарядчиковъ и т. д нельзя сдѣлать пахарей и что всемогущество помѣщика никакъ не произведетъ переворота въ привычкахъ человѣка, котораго вся жизнь протекла въ занятіяхъ, ничего общаго не имѣющихъ съ пахотою, бороньбою и жнитвомъ. Извѣстно ли мнѣ или нѣтъ про существованіе бѣдныхъ помѣщиковъ, этотъ вопросъ, кажется, никого интересовать не можетъ и къ дѣлу не относится. Если г. Рычковъ предполагаетъ, что человѣкъ, не носящій фрака и не пьющій чаю, по этому одному годится въ пахари, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить, что и тѣ бѣдные помѣщики, которыхъ онъ имѣлъ въ виду, могли бы безъ особеннаго труда взяться за плугъ и соху; но это едва ли справедливо...» и т. д., и т. д. Можно себѣ представить, какъ такая полемика дѣйствовала на мало привычныхъ къ преніямъ степныхъ помѣщиковъ. Нѣсколько разъ дѣло доходило до прямыхъ столкновеній. Одно изъ нихъ описано Самаринымъ въ письмѣ 26 Октября 1858 г. къ Кошелеву и Черкасскому, которымъ онъ періодически сообщалъ о ходѣ работъ своего комитета: «Глава консерваторовъ Рычковъ — дѣло шло, въ засѣданіи 23 Октября, о сущности срочно-обязаннаго положенія — предложилъ десять дополнительныхъ статей, которыя всѣ были забаллотированы, по моимъ возраженіямъ, большинствомъ восьми голосовъ противъ семи. Засѣданіе кончалось. Въ эту минуту нашъ производитель дѣлъ, очень молодой человѣкъ, наклонившись къ моему сосѣду, сказалъ ему шопотомъ нѣсколько словъ и, между прочимъ, назвалъ предложенія консерваторовъ глупостями. Это слово подхватилъ одинъ изъ нихъ и повторилъ его во всеуслышаніе. Производитель дѣлъ не отрекся. Тогда поднялась буря... Однако, до рукопашной не дошло. Само собою разумѣется, что по совѣту губернатора засѣданія отложены, чтобы дать время страстямъ улечься. Между тѣмъ Р. вызвалъ циркулярнымъ письмомъ изъ Бугурусланскаго уѣзда 20 человѣкъ помѣщиковъ для интимидаціи комитета. Начались собранія по домамъ, стачки; появились подметныя письма съ угрозами. Наконецъ посланы и приняты были два вызова». Попечительный и ведшій «либеральную» линію генералъ-губернаторъ Катенинъ, разсказывая, въ оффиціальномъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ, о происшедшихъ этомъ и другихъ столкновеніяхъ въ Самарскомъ комитетѣ, добавлялъ: «по моему убѣжденію я не могу не сочувствовать членамъ первой партіи, въ числѣ коихъ занимаетъ первое мѣсто колл. сов. Самаринъ, человѣкъ весьма образованный и основательно подготовившійся къ сужденіямъ о крестьянскомъ вопросѣ;

это, такъ сказать, осязательное превосходство его, внутренно сознаваемое членами второй партіи, служитъ причиною нѣкоторыхъ неумѣстныхъ со стороны ихъ выходокъ, оправдываемыхъ отчасти слабостью, сродною болѣе или менѣе многимъ, чье страдаетъ самолюбіе. Я принялъ мѣры, чтобы внушить г. Самарину необходимость беречь по возможности самолюбіе тѣхъ, которые невольно вынуждены признать его превосходство» (13 Ноября 1857 г.).

Такъ или иначе, но столкновенія улаживались и работа продолжалась. Возможно, что Самаринъ почувствовалъ правильность діагноза Катенина, а И. П. Рычковъ — непосильность борьбы съ Самаринымъ. Съ теченіемъ времени оппозицію Самарину стали представлять болѣе молодые элементы комитета, съ меньшимъ темпераментомъ, чѣмъ старый Рычковъ, но съ большей грамотностью, большей умѣренностью и лучшимъ образованіемъ. Во второй періодъ работы такимъ предводителемъ болѣе правыхъ элементовъ комитета сталъ Б. П. Обуховъ, будущій Самарскій губернскій предводитель, губернаторъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, человѣкъ, съ которымъ Самарину пришлось еще нѣсколько разъ, въ разные періоды своей жизни, сталкиваться и всегда спорить.

Было бы утомительнымъ и безполезнымъ слѣдить за каждымъ шагомъ Самарскаго комитета, за спорами, предложеніями и контръ-предложеніями по безконечному множеству всякаго рода частностей. Самарскій проектъ положенія былъ однимъ изъ многихъ десятковъ комитетскихъ проектовъ при разсмотрѣніи крестьянской реформы въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, и онъ вліялъ на ихъ работы только въ той мѣрѣ, въ какой воззрѣнія проекта представлялъ Самаринъ. Такимъ образомъ и объективно Самарскій проектъ положенія о крестьянахъ вѣситъ только, какъ часть біографіи Самарина и какъ этапъ въ развитіи его мыслей по крестьянскому дѣлу. Въ этомъ отношеніи важны, конечно, не детали, безслѣдно исчезнувшіе въ послѣдующихъ стадіяхъ исторіи акта 19 Февраля, а то новое, что по крупнымъ вопросамъ реформы Самаринъ извлекъ изъ своей работы въ Самарскомъ комитетѣ. Въ общемъ и цѣломъ онъ остался вѣренъ своимъ прежнимъ построеніямъ, и составленныя имъ статьи проекта представляли собой только частные выводы изъ намъ извѣстныхъ предпосылокъ. Но было два крупныхъ вопроса, въ которыхъ именно въ Самарѣ Ю. Ѳ. пришлось окончательно опредѣлить свои воззрѣнія. Первый вопросъ касался пріемовъ опредѣленія крестьянскихъ надѣловъ и повинностей, второй — выкупа и окончательной ликвидаціи срочно-обязанныхъ отношеній. Оба вопроса имѣли, понятно, громадное практическое значеніе, и своимъ непосредственнымъ отраженіемъ на помѣщичьемъ правѣ и интересѣ вызывали въ Самарскомъ комитетѣ усиленное вниманіе и борьбу, въ особенности, конечно, первый,

обсужденіе котораго въ Февралѣ и Мартѣ 1859 г. привело снова къ рѣзкимъ конфликтамъ. «Чуть-чуть не довелось мнѣ, — писалъ Самаринъ Черкасскому 25 Марта, — подставить лба одному изъ членовъ, который осмѣлился сказать предсѣдателю въ комитетѣ, что нѣкоторые члены (т. е. я и Рычковъ) пользуются его покровительствомъ. Я его тутъ же оборвалъ какъ слѣдуетъ, а прочіе члены заставили его извиниться. Я отвѣчалъ ему: que jamais l' injure ne monterait jusqu'à la hauteur de mon dédain...»

Въ вопросѣ о надѣлѣ и повинностяхъ правительственная программа по крестьянскому дѣлу не имѣла достаточной опредѣленности; съ другой стороны, и Самаринъ представлялъ себѣ дѣло далеко не такъ ясно. Между тѣмъ было несомнѣнно, что жизненный узелъ всей реформы лежитъ здѣсь. Исходной точкой всѣ въ комитетѣ, какъ и Самаринъ, считали опредѣленіе надѣла соотвѣтственно существующему размѣру крестьянской земли. Но въ приложеніи этого общаго мнѣнія возникали трудности.

Для того, чтобы вывести средніе фактическіе размѣры крестьянскихъ участковъ требовались статистическія данныя. Уѣздами были, на основаніи представленныхъ помѣщиками описаній имѣній, сдѣланы своды, на основаніи которыхъ большинство и полагало вывести норму надѣла. Самаринъ еще въ началѣ работъ комитета почувствовалъ, что уѣздные своды могутъ оказаться неточными, и настоялъ на томъ, чтобы подлинныя описанія имѣній были сохранены при дѣлахъ комитета. Когда дѣло подошло къ установленію надѣловъ, онъ обратился къ уѣзднымъ сводамъ и къ ужасу своему убѣдился, что они составлены крайне небрежно, и ими рѣшительно нельзя воспользоваться. Онъ заявилъ объ этомъ комитету и принялся по подлиннымъ описаніямъ исправлять своды. Описаній оказалось до 800. «Работа дьявольская, — писалъ Самаринъ Кошелеву 1 Марта 1859 г., — отъ которой у меня преждевременно посѣдѣли волосы. Вы и Черкасскій, при прочтеніи моего письма, разумѣется пожатіемъ плечъ выразите сожалѣніе о моемъ рвеніи, которое вамъ покажется совершенно излишнимъ, но выслушайте до конца. Этою работою (не забуду ее по гробъ) мнѣ удалось доказать, что во всѣхъ представленныхъ выводахъ надѣлъ у крестьянъ уменьшенъ гдѣ на 1½, гдѣ на 2, а гдѣ и на 4 десятины на тягло. Разумѣется полнаго надѣла мнѣ не дадутъ, но все же я навѣрное натяну гдѣ одну, а гдѣ и три десятины». Споръ о размѣрахъ надѣла тянулся въ теченіе ряда засѣданій, и, несмотря на всю произведенную Самаринымъ огромную работу и на элементарность возраженій его противниковъ, онъ не успѣлъ въ защитѣ выведенныхъ имъ нормъ. Главнымъ образомъ именно это разногласіе побудило Самарина и двухъ его союзниковъ, Рычкова и Шишкова, въ концѣ занятій комитета представить отъ имени меньшинства свой проектъ положенія.

Но въ этихъ предѣлахъ разногласія и трудности были фактическими, зависѣли отъ того, присчитывать или нѣтъ въ томъ или другомъ уѣздѣ то или другое имѣніе съ большимъ надѣломъ, при выведеніи средней, отъ того, какъ опредѣлить нормальный укосъ травы съ луговой десятины, и проч. Гораздо болѣе сложнымъ по существу былъ вопросъ о соотношеніи надѣла и повинностей крестьянъ въ отношеніи помѣщиковъ на срочно-обязанный періодъ; впереди уже мелькалъ выкупъ повинностей, а слѣдовательно размѣромъ послѣднихъ долженъ былъ, въ конечномъ счетѣ, опредѣлиться, сколько получатъ помѣщики за уступавшуюся крестьянамъ землю. Самарину пришлось здѣсь впервые поставить себѣ и разрѣшить вопросъ, можетъ ли размѣръ повинностей быть поставленъ въ зависимость отъ цѣнности предоставлявшихся крестьянамъ надѣловъ. Мысли по этому поводу , съ которыми Самаринъ приступилъ къ дѣлу, поскольку онѣ выражены, напримѣръ, въ предшествующемъ маѣ мѣсяцѣ въ письмѣ Сызранскому предводителю дворянства Бестужеву, о которомъ я упоминалъ, были болѣе или менѣе случайными: барщина ему рисовалась уменьшенной сравнительно съ законными тремя днями имп. Павла, а оброкъ — соотвѣтствующимъ средней наемной платѣ за десятину. Когда комитетъ подошелъ къ опредѣленію барщины и оброка, въ его распоряженіи еще не было цифръ земельнаго надѣла, которыя были установлены только позднѣе, и онъ, не ожидая опредѣленія надѣла, поступилъ болѣе или менѣе ощупью, не задаваясь цѣлью соразмѣрять повинности съ надѣломъ, какъ на то указывала правительственная программа. Въ засѣданіи 19 Января 1859 г. Самаринъ провелъ опредѣленіе барщины въ два дня конныхъ мужскихъ и два дня пѣшихъ женскихъ съ тягла, норму, которую онъ считалъ правильною еще въ письмѣ къ Бестужеву, а въ засѣданіи 28 Января, вопреки его мнѣнію, послѣ долгихъ споровъ оброкъ былъ опредѣленъ съ тягла въ 22 рубля за землю и 6 рублей за усадьбу, между тѣмъ какъ Самаринъ настаивалъ на общемъ оброкѣ въ 23 рубля. Но обѣ нормы были выведены на глазъ, безъ всякой связи съ неизвѣстной еще комитету величиной надѣла. Казалось, трудно было представить себѣ пріемъ менѣе раціональный и менѣе логичный. Но Самаринъ, обдумывая, во время преній, принципіальную сторону дѣла и, быть можетъ, опасаясь, какъ бы комитетъ не отказался отъ разъ принятаго рѣшенія, благопріятнаго, въ общемъ, для крестьянъ, пришелъ къ тому выводу, что именно тотъ путь, которымъ шелъ комитетъ при опредѣленіи повинностей, былъ по существу правильнымъ. Въ представленномъ имъ комитету, по поводу одного частнаго разногласія, въ засѣданіи 3 Февраля мнѣніи, онъ, въ первый разъ, намѣтилъ оправданіе произвольности опредѣленія комитетомъ повинностей, оправданіе, которое, кажется, для самого комитета было неожиданностью. «Мы собраны не для того, — писалъ Самаринъ, — чтобы составить

кадастръ, оцѣнить землю, оцѣнить повинности и ввести уравнительное отношенiе надѣла къ повинностямъ, каковы бы ни были послѣдствiя этой операцiи для помѣщиковъ и для крестьянъ. Задача наша гораздо проще и, смѣю думать, гораздо важнѣе въ отношенiи политическомъ и общественномъ. Намъ предстоитъ улучшить бытъ крестьянъ на столько, на сколько это возможно безъ разоренiя помѣщиковъ. Теперь спрашивается: совмѣстно-ли съ этою цѣлью увеличенiе существовавшей доселѣ повинности безъ увеличенiя надѣла, или уменьшенiе надѣла безъ уменьшенiя повинности». Позднѣе при составленiи проекта меньшинства, въ объяснительной запискѣ къ нему, онъ развилъ эти первые намеки въ цѣлостную и очень остроумную систему. Онъ разсуждаетъ такъ. «Частныя повинности, крестьянами отбываемыя въ пользу помѣщика, представляютъ вознагражденiе за отведенную имъ землю, изъ чего вытекаетъ, что цѣнность сихъ повинностей какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ должна соотвѣтствовать въ точности цѣнности крестьянской земли. Повидимому, не можетъ быть другого основанiя для опредѣленiя мѣры повинности. Не оспаривая его справедливости, мы однако же не могли принять его по нижеслѣдующимъ причинамъ. — Если бы дѣло шло объ установленiи новыхъ, еще не существующихъ на практикѣ хозяйственныхъ отношенiй между двумя, другъ отъ друга совершенно независимыми и въ первый разъ встрѣчающимися сословiями, изъ которыхъ одно предъявляетъ на землю право вотчинной собственности, а другое желаетъ прiобрѣсти право пользоваться ею, то нѣтъ сомнѣнiя, что условiя сдачи никакимъ инымъ способомъ опредѣлены бы быть не могли, какъ только сравнительною оцѣнкою земли, съ одной стороны, денегъ, труда или произведенiй, съ другой. Но вовсе не таково теперешнее отношенiе помѣщиковъ къ крестьянамъ; эти два сословiя издавна сжились вмѣстѣ; ихъ взаимные интересы тѣсно переплелись, за ними лежитъ цѣлое историческое прошедшее, которымъ обусловливается настоящее ихъ положенiе и котораго нельзя не принять во вниманiе при опредѣленiи ихъ будущности. Намъ предстоитъ теперь разрѣшенiе *не ариѳметической задачи регулированiя, а соцiальнаго вопроса первой величины: улучшить бытъ крестьянъ, не разоряя помѣщиковъ*. Если ни то, ни другое сословiе не можетъ быть принесено въ жертву и если нельзя предложить имъ разойтись въ разныя стороны, то остается принять за основанiе, при опредѣленiи обязательныхъ ихъ отношенiй другъ къ другу, обоюдныя ихъ потребности, иными словами: ариѳметическiе выводы подчинить условiямъ соцiальной сдѣлки, для обѣихъ сторонъ безобидной... По всѣмъ изложеннымъ причинамъ мы должны были отказаться отъ мысли привести крестьянскiя повинности въ точную соразмѣрность съ цѣнностью земли. Въ представляемомъ нами проектѣ, размѣръ обязательнаго труда и денежной повинности выражаетъ не оброчную плату за нормальный на-

дѣлъ, а *крайній предѣлъ пожертвованія со стороны помѣщиковъ на улучшеніе быта крестьянъ.»* — Въ частности въ этихъ соображеніяхъ лежитъ для Самарина объясненіе, почему разъ опредѣленная повинность должна оставаться неизмѣнной: поставленная въ зависимость отъ цѣнности земли, она подлежала бы, при возвышеніи таковой, измѣненію, т. наз. переоброчкѣ.

Если «историческое право крестьянъ на землю», построенное Самаринымъ, было первымъ его подкопомъ подъ вотчинное право помѣщиковъ, то теорія произвольности отношенія между надѣломъ и повинностями дѣлало вторую, не менѣе опасную, брешь въ осаждавшейся имъ съ такимъ энтузіазмомъ крѣпости. Кажется, комитетъ не оцѣнивалъ принципіальной разрушительности Самаринской теоріи: онъ отстаивалъ интересы землевладѣльцевъ торговлей о лишнемъ рублѣ оброка и о лишнемъ днѣ барщины. Но Самаринъ понималъ, что дѣлалъ. Въ письмѣ къ старому другу, А. О. Смирновой, написанномъ 13 Марта 1859 г., онъ говоритъ, что потери помѣщиковъ будутъ огромны и что большинство этого даже не понимаетъ, и прибавляетъ: «но удовлетворится-ли народъ нашими пожертвованіями? Подойдутъ ли они хоть близко къ его надеждамъ? — вотъ вопросъ, который торчитъ у меня въ мозгу какъ осиновый колъ, и котораго я не могу себѣ разрѣшить, потому что я просто неглупый малый, а не геніальный человѣкъ съ даромъ историческаго предвидѣнія». Мы знаемъ теперь, въ свѣтѣ полувѣкового опыта русской исторіи, отвѣтъ на тотъ вопросъ, который задавалъ себѣ Самаринъ, разрушая сферу частныхъ правъ русскаго землевладѣльческаго сословія.

Можетъ быть, именно въ сознаніи тяжелыхъ жертвъ, которыя несли на алтарь его общественнаго идеала люди его соціальнаго круга, Самаринъ крайне сдержанно относился къ мысли о выкупѣ земли и повинностей. Мысль о немедленномъ выкупѣ, какъ обязательной ликвидаціи денежной сдѣлкой срочно-обязанныхъ отношеній, въ то время все больше и больше выдвигалась въ общественномъ мнѣніи и искренними сторонниками реформы, и, главное, помѣщиками, мирившимися съ ней и стремившимися, по крайней мѣрѣ, извлечь изъ нея немедленную денежную пользу. Въ Самарскомъ комитетѣ за нее выступилъ одинъ изъ уже упоминавшихся «эмансипаторовъ» по неволѣ, братьевъ Лазаревыхъ, представителей лѣваго крыла комитета; консервативная часть комитета была въ первую минуту настроена, напротивъ, враждебно къ мысли открыть широкую возможность выкупа, и Самаринъ немедленно поддержалъ своихъ обычныхъ противниковъ. Онъ продолжалъ стоять на этомъ до конца работъ комитета. Въ написанномъ имъ проектѣ положенія о крестьянахъ выкупъ поставленъ въ гораздо болѣе узкіе предѣлы, чѣмъ въ проектѣ большинства, которое постепенно успѣло измѣнить своему первоначальному настроенію: по его проекту выкупъ необязателенъ; онъ

составляетъ лишь право, притомъ цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ, а не отдѣльныхъ крестьянъ, долженъ распространяться непремѣнно на всю крестьянскую землю имѣнія и допустимъ только послѣ перехода общества отъ барщины на оброкъ. Такимъ образомъ Самаринъ въ этомъ вопросѣ не измѣнилъ своему старому пониманію реформы: онъ продолжалъ вѣрить въ цѣлесообразность переходнаго періода въ дѣлѣ освобожденія и не желалъ — искусственно, какъ ему казалось, — ускорять его окончаніе. Самаринъ много думалъ объ этомъ вопросѣ въ послѣдніе мѣсяцы. Его возраженія противъ обязательнаго и немедленнаго выкупа изложены вкратцѣ — въ объяснительной запискѣ къ проекту меньшинства комитета и подробно — въ появившейся тогда въ «Сельскомъ Благоустройствѣ» перепискѣ съ «Самарскимъ помѣщикомъ» — П. А. Булгаковымъ, очень извѣстнымъ въ то время дѣятелемъ, бывшимъ губернаторомъ, директоромъ провіантскаго департамента военнаго министерства, оказавшимъ огромныя услуги русской арміи во время Крымской кампаніи, богатымъ помѣщикомъ и честнѣйшимъ человѣкомъ, который пробылъ нѣкоторое время въ Самарѣ въ разгаръ споровъ о выкупѣ. «Кромѣ неотъемлемаго пользованія землею, — разсуждаетъ Самаринъ въ объяснительной запискѣ къ проекту меньшинства, — мы предоставили крестьянамъ право выкупить ее въ полную собственность; но мы не могли вмѣнить имъ выкупа въ обязанность: во первыхъ, потому, что крестьянскій оборотный капиталъ, чрезвычайно еще скудный, уменьшился бы ко вреду земледѣлія на всю сумму, ежегодно отчисляемую на вознагражденіе помѣщиковъ; во вторыхъ, потому, что количество земли, дѣйствительно потребное крестьянамъ, обозначится не прежде, какъ по истеченіи переходнаго состоянія, когда крестьяне получатъ право свободнаго выхода изъ имѣній». Въ «Замѣчаніяхъ на предположеніе Самарскаго помѣщика (Булгакова) о выкупѣ крестьянской земли» эти доводы развиты глубже и подробнѣе. Отсрочка выкупа выгодна для крестьянъ. Повинность, которая должна быть предметомъ выкупа, неизмѣнна, а цѣны на землю ростутъ, слѣдовательно, отсрочка выкупной операціи означаетъ, что крестьяне заплатятъ за землю дешевле, чѣмъ если бы выкупъ былъ произведенъ немедленно. Оставаясь въ рукахъ крестьянина, деньги, которыя могутъ пойти на выкупъ. принесутъ большій доходъ, чѣмъ если бы, путемъ выкупа, они перешли помѣщику. Наконецъ, — и этотъ доводъ, не вполнѣ ясный въ изложеніи объяснительной записки, очень интересенъ для общей характеристики реформы 19 Февраля, — «въ настоящее время все сельское народонаселеніе наше привинчено къ землѣ крѣпостнымъ правомъ, и мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобъ это народонаселеніе было повсемѣстно распредѣлено сообразно съ выгодами и потребностями самихъ жителей. Есть не мало такихъ неблагодарныхъ мѣстностей, гдѣ крестьяне тратятъ время и труды на землю един-

ственно потому, что они къ ней прикованы; при свободѣ передвиженія, многіе изъ нихъ перешли бы частью въ города, частью въ сосѣднія губерніи. Прежде, чѣмъ наступитъ эта свобода и обнаружится само собою, гдѣ именно и сколько земли крестьяне пожелаютъ оставить за собою, едва ли можно обязывать ихъ къ выкупу. Рѣшившись на это теперь, мы въ иныхъ мѣстностяхъ принудили бы ихъ затратить часть своего капитала непроизводительнымъ образомъ, на пріобрѣтеніе ненужной земли. Сохрани насъ Богъ отъ пролетаріата, но желаніе оградить отъ него Россію не должно переходить въ другую крайность: не надо насильно навязывать земли, не справляясь съ условіями жителей».

Таковы новые доводы, главнымъ образомъ экономическіе, заставлявшіе Самарина относиться по прежнему отрицательно къ той обязательности выкупа, на который понемногу стали сходиться самыя разнообразныя теченія русской жизни. Его не смущало, что, высказываясь противъ выкупа, онъ высказывался противъ немедленнаго полнаго и окончательнаго освобожденія. Цѣной улучшенія условій реформы онъ готовъ былъ платить за ея постепенность. Своеобразное сочетаніе въ воззрѣніяхъ Самарина самаго яркаго радикализма съ самымъ настойчивымъ консерватизмомъ сказалось вновь въ этой его основной общей оговоркѣ къ реформѣ.

2.

Пока шли работы комитета, въ Самару проникали изъ Петербурга довольно смутныя извѣстія о томъ, что творилось въ крестьянскомъ дѣлѣ въ правительственныхъ кругахъ. Въ Ноябрѣ дошли извѣстныя заграничныя письма генералъ-адъютанта Ростовцова къ Александру II, съ изложеніемъ его весьма курьезныхъ мыслей о предстоявшей реформѣ. Они повергли Самарина въ горестное изумленіе. «Боже, въ какія руки попадутъ наши работы», — писалъ онъ Черкасскому въ Тулу. Въ самомъ дѣлѣ, письма свидѣтельствовали о большомъ убожествѣ мыслей Ростовцова; но Самаринъ не зналъ, что, несмотря на то, ихъ появленіе было добрымъ знакомъ. Ростовцовъ открыто становился въ нихъ на путь реформы и связывалъ съ ней все свое честолюбіе, а это, при завѣдомомъ его вліяніи на императора и при его свойствахъ лукаваго царедворца, знаменовало собой рѣшительный шагъ впередъ и начало настоящаго движенія реформы. Въ Февралѣ Ростовцевъ, вмѣстѣ съ Ланскимъ, провелъ указъ объ образованіи редакціонныхъ комиссій, куда должны были поступить всѣ губернскіе проекты для обработки передъ ихъ внесеніемъ въ секретный комитетъ, получившій къ тому времени названіе главнаго комитета, и затѣмъ сдѣлался предсѣдателемъ этихъ комиссій. Редакціонныя комиссіи — ихъ предполагалось двѣ, но на дѣлѣ онѣ функціонировали слитно, хотя по традиціи множествен-

ное число осталось общеупотребительнымъ — должны были, по мысли Ростовцова, включить въ свой составъ, кромѣ чиновниковъ, еще «членовъ — экспертовъ», тѣхъ «опытныхъ помѣщиковъ», объ обращеніи къ которымъ говорилось съ самаго начала правительственныхъ сужденій по крестьянскому вопросу. 22 Марта 1859 г. Самаринъ совершенно неожиданно получилъ два письма — оффиціальное приглашеніе Ростовцова, какъ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій, войти въ нихъ въ качествѣ такого эксперта, и частное письмо Милютина, убѣждавшее его принять приглашеніе. Письмо Милютина несло съ собой атмосферу хорошо знакомой Самарину «большой политики» Петербурга, но съ новыми вѣяніями широкихъ надеждъ и широкихъ плановъ. «Въ дополненіе къ оффиціальному приглашенію..., — писалъ Милютинъ, — мнѣ поручено обратить къ Вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостью исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что Вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна были преданы всей душой... Могу Васъ вполнѣ увѣрить, что основанія для работы широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостного узла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода, вѣроятно, будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому намъ нельзя отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни...». Самаринъ сейчасъ-же принялъ приглашеніе. Когда письмо Ростовцова пришло въ Самару, засѣданія редакціонныхъ коммиссій уже начались, и Самаринъ зналъ, что тамъ, а не въ Самарѣ, идетъ настоящая работа по дорогому ему дѣлу. Но свойственная ему выдержка не позволила бросить Самарскій комитетъ. Черезъ К. К. Грота онъ просилъ разрѣшенія Ростовцова остаться до конца Мая въ Самарѣ, чтобы закончить писаніе проекта меньшинства: онъ зналъ, что безъ него его вѣрные Рычковъ и Шишковъ не справятся съ этой задачей. Гротъ, искренній защитникъ реформы, всей душой слѣдившій за комитетской работой и оказывавшій въ ней неизмѣнную поддержку Самарину, считалъ успѣшное завершеніе этой работы какъ бы вопросомъ чести своей, какъ Самарскаго губернатора, самымъ настойчивымъ образомъ просилъ удовлетворить ходатайство Самарина, и Ростовцовъ далъ свое согласіе. Среди весеннихъ напряженныхъ занятій въ Самарскомъ комитетѣ, провѣряя статистическія данныя и формулируя статьи и мотивы своего проекта, Самаринъ мысленно уже переносился въ Петербургъ. Черкасскій, который былъ тоже назначенъ членомъ-экспертомъ, попалъ туда раньше Самарина и всячески его торопилъ съ пріѣздомъ, разсказывая о ходѣ засѣданій въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Только въ концѣ Мая удалось вырваться изъ Самары; пробывъ нѣсколько дней въ деревнѣ, куда ему нужно было по срочнымъ дѣламъ, Самаринъ сѣлъ на пароходъ, и 3 Іюня

1859 г. входилъ въ палатку въ саду на дачѣ Ростовцова на Каменномъ островy, гдѣ засѣдала редакціонная комиссія. Ростовцовъ, успѣвшій превратиться къ тому времени въ самаго горячаго «эмансипатора», всецѣло усвоившій себѣ оцѣнки и настроенія передового Петербурга и хорошо знавшій репутацію Самарина, съ подчеркнутой радостью всталъ ему навстрѣчу и привѣтствовалъ: — «будьте желаннымъ у насъ».

Самаринъ долженъ былъ чувствовать себя въ редакціонныхъ комиссіяхъ совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ чувствовалъ себя въ Самарскомъ комитетѣ. Вмѣсто плохо скрытой враждебности, здѣсь большинство окружало его самой горячей симпатіей и заранѣе готово было признавать его однимъ изъ своихъ вождей. И вмѣстѣ съ тѣмъ это дружественное настроеніе исходило отъ группы людей, въ которой было собрано, можетъ быть, все, что было лучшаго тогда въ Россіи, — цвѣтъ петербургскаго либеральнаго чиновничества и рядъ выдающихся провинціальныхъ дѣятелей. Для Самарина это были, большей частью, старые друзья и знакомые. Съ Милютинымъ и Арапетовымъ онъ былъ друженъ еще въ періодъ своей петербургской службы въ серединѣ сороковыхъ годовъ, Черкасскій былъ самымъ близкимъ и единомышленнымъ человѣкомъ, съ Галаганомъ и Тарновскимъ онъ постоянно и дружески видался въ Кіевѣ, съ Татариновымъ сошелся за короткое пребываніе въ Симбирскѣ, съ Булгаковымъ — только-что въ Самарѣ; болѣе или менѣе новые для него люди — Соловьевъ, Петръ Семеновъ, Заблоцкій-Десятовскій, Голицынъ и рядъ другихъ — готовы были, какъ и Ростовцовъ, принять его съ распростертыми объятіями. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь, въ редакціонныхъ комиссіяхъ, за нимъ уже не было монополіи знаній и мыслей по крестьянскому дѣлу. Уровень работы былъ неизмѣримо выше, и складывавшіеся результаты ея неизмѣримо крѣпче, чѣмъ въ Самарѣ. Самаринъ сразу понялъ, что всей своей концепціи реформы ему здѣсь провести не удастся, что ему придется дѣлать въ настоящемъ смыслѣ слова общее дѣло, въ которое онъ внесетъ свою долю, какъ другіе внесутъ свою.

Когда Самаринъ появился въ редакціонныхъ комиссіяхъ, ея работы были уже значительно подвинуты впередъ. Шло обсужденіе вопроса о крестьянскомъ самоуправленіи, и здѣсь сразу же, въ томъ самомъ первомъ засѣданіи общаго присутствія комиссій, на которомъ онъ появился, онъ столкнулся съ тѣмъ, что пониманіе большинства не всегда совпадаетъ съ его пониманіемъ. Проектъ былъ построенъ на признаніи отдѣльности административной и хозяйственной единицъ крестьянскаго самоуправленія: создавалась волость и волостное административно-полицейское управленіе. Для Самарина это было коренной ошибкой. Онъ спросилъ разрѣшенія Ростовцова представить возраженія на докладъ Административнаго Отдѣленія по этому поводу, уже обсуждавшійся общимъ присутствіемъ, и поставилъ вопросъ:

чѣмъ опредѣляется въ сущности юридическая или административная единица общественнаго устройства крестьянъ? Онъ сказалъ, что не понимаетъ юридическаго положенія, отдѣльнаго отъ хозяйственнаго быта. Отдѣленіе хозяйственной единицы отъ административной на практикѣ совершенно невозможно, по неразрывной связи интересовъ, сопряженныхъ съ общиннымъ владѣніемъ землей, въ Россіи почти повсемѣстно существующимъ, и тѣхъ обязанностей крестьянъ къ правительству, которыя находятся въ прямомъ отношеніи къ этому владѣнію. Общинное устройство прочно и обладаетъ высокими качествами, обнаруживающими всѣ особенности русской народности. «Вы навязываете народу — говорилъ онъ — такую насильственную правительственную форму въ волостномъ управленіи, въ которой крестьяне вовсе не поймутъ ни вашего учрежденія, ни того, что вы отъ нихъ требуете, и примутъ на себя предписанныя вами обязанности, какъ тяжелую для нихъ повинность. Они совсѣмъ не будутъ интересоваться этимъ управленіемъ». — Вопросъ былъ однако предрѣшенъ, и Ростовцовъ любезной фразой прекратилъ пренія по рѣчи Самарина: «Я буду просить Васъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ Ю. Ѳ., — еще ближе ознакомиться со всѣми предшествовавшими трудами комиссій, такъ какъ, по моему мнѣнію, наши мысли во многомъ сходятся съ Вашими воззрѣніями».

Этотъ споръ происходилъ въ засѣданіи 3 Іюня 1859 г., а въ засѣданіи 18 Іюня подошли къ болѣе еще основному вопросу реформы — къ опредѣленію надѣла, и Самаринъ снова разошелся съ той группой большинства комиссій, къ которой онъ естественно принадлежалъ. Проектъ Хозяйственнаго Отдѣленія принималъ за основаніе существующій надѣлъ, однако съ установленіемъ максимума и минимума отдаваемой крестьянамъ земли, для огражденія интересовъ помѣщиковъ и интересовъ крестьянъ. Самаринъ возражалъ, развивая мысль, что существующій надѣлъ не есть случайность, а фактъ историческій, имѣющій огромное значеніе въ жизни русскаго крестьянства и что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ допускать ни наибольшаго, ни наименьшаго размѣра надѣла и въ особенности никакой отрѣзки земли у крестьянъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи 20 Іюня онъ опять энергично боролся противъ отрѣзки. Онъ говорилъ: «Хозяйственное Отдѣленіе исходитъ изъ существующаго начала: у крестьянъ остается все, что было, по старому. Но правительство задало комиссіямъ задачу улучшить ихъ бытъ. Этого не должно терять изъ виду, и поэтому въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, гдѣ положеніе крестьянъ было очень стѣснительно, необходимо изъ владѣнія помѣщика дополнить то, чего у нихъ не достаетъ; но ни въ коемъ случаѣ никакой клочекъ земли у крестьянъ отнять быть не можетъ, потому что тогда ихъ бытъ ухудшился бы несомнѣнно, а это уже не соотвѣтствовало бы цѣли реформы... Я остаюсь при своемъ мнѣніи, уже высказанномъ въ Хозяйственномъ От-

дѣленіи, что не нужно вовсе установлять наибольшаго размѣра надѣла». Несмотря на эти возраженія, минимумъ и максимумъ были приняты.

Разногласія настолько огорчили и встревожили Самарина, что онъ совсѣмъ ,было, рѣшился отказаться отъ участія въ редакціонныхъ комиссіяхъ и остался только по настоятельнымъ просьбамъ друзей. Впрочемъ его колебанія должны были естественно исчезать по мѣрѣ того, какъ онъ ближе входилъ въ работу и начиналъ на нее вліять. Изъ трехъ отдѣленій, на которыя распадались редакціонныя комиссіи, Самаринъ записался въ Хозяйственное и Административное — Юридическое его интересовало меньше, — и цѣлыя ночи проводилъ на дачѣ министра внутреннихъ дѣлъ на Аптекарскомъ острову, гдѣ жилъ предсѣдатель хозяйственнаго отдѣленія Милютинъ, въ жаркихъ спорахъ по поводу составлявшихся отдѣленіемъ докладовъ общему присутствію. Изъ центральныхъ вопросовъ реформы, которыя не прошли отдѣленій до пріѣзда Самарина въ Петербургъ, за нимъ былъ оставленъ, чрезвычайно его занимавшій еще и въ Самарѣ, вопросъ объ опредѣленіи крестьянскихъ повинностей. Онъ тотчасъ же взялся за составленіе доклада по этому вопросу. Этотъ докладъ Хозяйственнаго Отдѣленія № 5 весь написанъ имъ, и въ ряду многочисленныхъ другихъ документовъ редакціонныхъ коммиссій рѣзко выдѣляется совершенствомъ своего внѣшняго изложенія: въ комиссіяхъ были другіе, кромѣ Самарина, талантливые политики, но не было другого талантливаго писателя. Въ рамкахъ установившейся формы казенныхъ «представленій» уложенъ блестящій очеркъ по экономической политикѣ. Основная мысль доклада намъ уже знакома: повинности подлежатъ опредѣленію согласно существующему факту, внѣ всякой зависимости отъ опредѣленія стоимости земли и труда. Это положеніе изложено въ докладѣ № 5, которому, послѣ превращенія его въ часть акта 19 Февраля и осуществленія выкупной операціи на основаніи размѣра повинностей, суждено было съиграть такую роль въ экономическихъ судьбахъ Россіи, слѣдующимъ образомъ. «По внимательномъ разсмотрѣніи проектовъ тѣхъ изъ губернскихъ комитетовъ, — пишетъ Самаринъ, — которые руководились первыми двумя системами (системы, покоившіяся на опредѣленіи соотношенія цѣнностей земли и труда), Хозяйственное Отдѣленіе, съ своей стороны, не можетъ не замѣтить, что почти во всѣхъ предположеніяхъ, основанныхъ на болѣе или менѣе подробныхъ вычисленіяхъ, существующій фактъ, потребности помѣщиковъ, нужда, средства и ожиданія крестьянъ, сознательно или невольно, не только принимались въ соображеніе, но служили окончательною повѣркою, послѣ которой первоначальные выводы, по видимому, основанные на строгой справедливости и на неопровержимыхъ данныхъ, подвергались часто весьма значительнымъ измѣненіямъ. Одного этого опыта,

котораго важности нельзя отвергнуть, было бы почти достаточно, чтобы привести къ убѣжденію, что точное соразмѣреніе повинностей, возлагаемыхъ на крестьянъ, съ ихъ надѣломъ, на основаніи какого бы то ни было выведеннаго или предустановленнаго отношенія цѣнности земли къ цѣнности труда, представляется въ настоящее время задачею неразрѣшимою. Кромѣ того это убѣжденіе подкрѣпляется слѣдующими соображеніями. Во первыхъ, засвидѣтельствованная многими комитетами скудность и недостаточность доступныхъ числовыхъ данныхъ отнимаетъ всякую надежду извлечь изъ нихъ достовѣрные выводы. Во вторыхъ, эти выводы, какъ бы точны ни были, не могли бы служить нормами для опредѣленія будущихъ обязанностей крестьянъ и правъ помѣщиковъ, потому что въ настоящее время запросъ на землю и на трудъ, количество земли и масса труда, находящіяся въ обращеніи, цѣны на землю и на трудъ, находятся въ прямой зависимости отъ крѣпостного права и неминуемо должны измѣниться съ его упраздненіемъ... Самый, такъ называемый, вольный трудъ поступаетъ въ обращеніе на условіяхъ сходныхъ съ тѣми, при которыхъ является на рынокъ товаръ, оплаченный таможенной пошлиною. Наконецъ, нельзя упустить изъ виду, что строгое примѣненіе системъ, которымъ слѣдовали комитеты, отнесенные къ двумъ первымъ категоріямъ, могло бы, во многихъ случаяхъ, отклонить отъ главной цѣли правительства въ предстоящемъ устройствѣ хозяйственнаго быта помѣщичьихъ крестьянъ и привести къ результатамъ, вовсе не соотвѣтствующимъ всеобщему ожиданію... Если бы было принято за правило, при опредѣленіи будущихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, доискиваться повсемѣстнаго уравненія цѣнности повинностей съ цѣнностью надѣла, или подводить надѣлъ и повинности подъ какое бы то ни было предустановленное отношеніе, то въ иныхъ мѣстностяхъ, конечно, ограниченныхъ, довелось бы, можетъ быть, увеличить тягости, лежащія на крестьянахъ, въ большей же части случаевъ, наоборотъ, помѣщики не выдержали бы крутого экономическаго кризиса, и вообще потери послѣднихъ разложились бы крайне неравномѣрно. Такой результатъ, конечно, не соотвѣтствовалъ бы цѣли преобразованія, ибо самые существенные интересы двухъ сословій были бы принесены въ жертву неосуществимому желанію уравнять величины, между собою несоизмѣримыя».

Докладъ Самарина былъ утвержденъ общимъ присутствіемъ 18 Іюля, и Ю. Ѳ. тотчасъ-же принялся за слѣдующій, не менѣе важный по своему существу, — «объ общихъ свойствахъ повинностей, опредѣленіи хозяйственной единицы, служащей для исчисленія повинностей и способѣ ихъ разверстанія»: въ немъ онъ долженъ былъ доказывать тезисъ, существенно дополнявшій докладъ № 5, — неизмѣнность повинностей. Готовясь къ нему вмѣстѣ съ П. П. Семеновымъ, Самаринъ продолжалъ участвовать

въ засѣданіяхъ двухъ своихъ отдѣленій и общаго присутствія, усиленно изучая и исправляя доклады своихъ товарищей. Въ самый разгаръ этой работы, онъ почувствовалъ себя плохо. Работа стала подвигаться туго. Въ первую минуту онъ ощущалъ зародышъ болѣзни, который никакъ опредѣлить себѣ не могъ, но черезъ нѣсколько дней, 5 Августа, у него сдѣлался такой мозговой приливъ, что онъ боялся сойти съ ума. Сильное кровопусканіе, лѣкарства и заботы друзей — главнымъ образомъ Черкасскаго, который его горячо любилъ и ухаживалъ за нимъ, по словамъ Ю. Ѳ. въ письмѣ къ матери, «какъ братъ», отвратили катастрофу, которой боялись. На нѣкоторое время Самаринъ почувствовалъ себя лучше. Черкасскіе перевезли его на Каменный островъ, на дачу великой княгини Елены Павловны, гдѣ они жили, и онъ продолжалъ ходить въ засѣданія, даже принимать участіе въ спорахъ. Но улучшеніе продолжалось недолго, и 12 Сентября 1859 г. Самаринъ, чувствовавшій себя совсѣмъ больнымъ, по совѣту врачей, уѣхалъ заграницу, не успѣвъ даже изложить вполнѣ обдуманнаго имъ доклада о «свойствахъ повинностей» и другихъ работъ, которыми онъ былъ занятъ.

Такъ прервалось участіе Самарина въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Онъ вынужденъ былъ уѣхать въ ту минуту, когда, какъ разъ, начинали развертываться событія, имѣвшія не малое значеніе для исторіи крестьянской реформы и, можно смѣло сказать, для общей исторіи Россіи. Къ концу Августа въ Петербургъ съѣхались дворянскіе представители, чтобы участвовать въ обсужденіи крестьянскаго дѣла, и рѣшался вопросъ, какое мѣсто должно быть отведено представительству русскаго помѣстнаго класса въ дѣйствіи государственной машины имперіи.

Съ крайней неохотой пойдя на созданіе первыхъ органовъ своего представительства — губернскіе комитеты, дворянство теперь рѣзко измѣнило свое настроеніе и связывало съ появленіемъ своимъ въ Петербургѣ большія надежды, притомъ надежды по своему существу уже конституціоннаго порядка, въ смыслѣ нѣкотораго раздѣла власти и вліянія между всероссійскимъ представительствомъ и правительствомъ или, какъ тогда говорилось, «бюрократіей».

3.

Починъ этихъ «конституціонныхъ» требованій исходилъ отъ круговъ одновременно близкихъ и далекихъ Самарину, отъ помѣстнаго дворянства. Созданіе губернскихъ комитетовъ и вызовъ представителей ихъ въ Петербургъ естественно порождали ожиданіе, что правительство Александра II стремится, въ государственной реформѣ коренной важности, считаться съ мнѣніемъ дворянства и работать съ нимъ рука объ руку. Столь же естественно тѣ элементы помѣстнаго дворянства, которые стремились отстоять глубоко затронутые реформой свои интересы и подходили къ крестьянской реформѣ не какъ къ огромному

опыту государственнаго соціальнаго законодательства, а какъ къ разграниченію правъ, своихъ и крестьянскихъ, связывали со своимъ участіемъ въ законодательной реформѣ надежду на возможность защищать передъ правительствомъ то, что они считали своимъ интересомъ и своимъ правомъ. Юрій Самаринъ и тогда, и всю жизнь считалъ себя земскимъ человѣкомъ, и былъ таковымъ, и въ этомъ смыслѣ былъ тѣсно связанъ съ помѣстнымъ дворянствомъ. Но, мы знаемъ, онъ былъ строгъ и суровъ къ своему общественному кругу. Онъ требовалъ отъ него принятія чистой точки зрѣнія «улучшенія крестьянскаго быта», какъ тогда говорилось, и полнаго отказа отъ точки зрѣнія разграниченія правъ и интересовъ. Всякое иное теченіе въ помѣстномъ дворянствѣ было для него проявленіемъ ненавистнаго «барства», крѣпостничества. Этотъ привкусъ онъ особенно остро ощущалъ, встрѣчаясь съ тѣми конституціонными теченіями, которыя начали слагаться въ связи съ привлеченіемъ дворянства къ крестьянской реформѣ. И въ этомъ отношеніи онъ сходился съ передовыми дѣятелями того времени. Какъ и они, дворянскому конституціонализму онъ противопоставлялъ соціальную монархію, и для него не было спору о выборѣ между ними.

Первое столкновеніе двухъ настроеній происходило въ тотъ моментъ, когда въ Петербургъ собрались т. наз. депутаты перваго призыва, представители губернскихъ комитетовъ, ранѣе другихъ закончившихъ свои проекты. Чрезвычайно характерны для точекъ зрѣнія группы людей, окружавшихъ Самарина, соображенія, которыя, въ предвидѣніи появленія депутатовъ докладывалъ Александру II Ланской. Докладъ былъ писанъ Милютинымъ и заключалъ въ себѣ, конечно, именно его, а не Ланского мысли.

«Въ заключеніе, обращаясь къ предстоящему прибытію избранныхъ Комитетами членовъ, я признаю священнымъ долгомъ, — писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ перомъ и разумомъ Николая Милютина — выразить, что... каждый изъ членовъ ѣдетъ съ намѣреніемъ поддержать и если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго напраленія выразятъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ Комитетахъ, не слились бы въ единомысленныя и не образовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самаго начала должно быть положительно устранено. Согласно Высочайшаго

Вашего Величества повелѣнія избранные Комитетами члены вызываются «для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть». Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы, не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные Комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ либо законодательныхъ вопросовъ, или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовью, съ какими оно произнесено Вами для блага современниковъ и потомства». (Августъ 1859 г.)

Быть можетъ, въ оттѣнкахъ, мысли Самарина и не совпадали съ тѣмъ, что было написано во всеподданѣйшемъ докладѣ Ланского: ему, вѣроятно, были чужды элементы нѣкотораго бюрократическаго самодовольства этой записки. Но несомнѣнно враждебное отношеніе къ первымъ, показывавшимся на свѣтъ Божій, росткамъ конституціонныхъ стремленій, опиравшееся на идею свободно творящей соціальную справедливость монархіи, было общимъ для Самарина и его бюрократическаго друга. Во всякомъ случаѣ Самаринъ принялъ дѣятельное участіе въ секретномъ совѣщаніи группы членовъ редакціонныхъ комиссій, которое собрано было Милютинымъ съ благословенія Ростовцова, чтобы составить такую инструкцію для депутатовъ, которая въ корнѣ пресѣкла бы въ нихъ всякія претензіи на образованіе «разноцвѣтныхъ партій, гибельныхъ какъ для правительства, такъ и для народа».

На совѣщаніе, состоявшееся 10 Августа 1859 г., былъ собранъ весь цвѣтъ редакціонной комиссіи: Н. Милютинъ, Черкасскій, Як. Соловьевъ, Жуковскій, Петръ Семеновъ и Самаринъ. Предсѣдательствовавшій Милютинъ поставилъ вопросъ: «можно ли допустить соединеніе депутатовъ съ членами комиссіи въ такое общее собраніе, въ которомъ всѣ 90 депутатовъ перваго призыва были бы равноправными членами комиссіи?». Самаринъ и всѣ остальные собравшіеся, дали рѣшительный отрицательный отвѣтъ: такой парламентъ (слово это, впрочемъ, не произносилось, но было, очевидно, на умѣ у всѣхъ) казался присутствующимъ «крушеніемъ всего дѣла». Со всей свойственной ему страстностью, Милютинъ шелъ дальше и предложилъ поставить депутатамъ лишь нѣкоторое число опредѣленныхъ вопросовъ, связанныхъ съ реформой, не допуская ихъ до обсужденія всѣхъ остальныхъ, и, кромѣ того, вообще не допускать общихъ собраній

депутатовъ. Послѣдній запретъ показался Самарину чрезмѣрнымъ. Со свойственнымъ ему внутреннимъ тактомъ и глубокимъ либерализмомъ онъ не считалъ возможнымъ идти такъ далеко, какъ Милютинъ. Но какъ интересны его возраженія, записанныя тогда же П. Семеновымъ: «Нельзя стѣснять свободу мнѣній и сужденій представителей того сословія, которому, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ добровольный починъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ... Въ концѣ концовъ, во всякомъ случаѣ послѣднее слово остается за правительствомъ, которое ни въ какомъ случаѣ не приметъ хотя бы и коллективнаго предположенія представителей одного сословія въ дѣлѣ, касающемся всего русскаго государства и народа, интересы безправныхъ сословій котораго правительство представляетъ». Милютинъ, Соловьевъ и Жуковскій горячо оспаривали и эту уступку, и въ концѣ концовъ въ инструкціи было изображено, что депутаты, отдѣльно по губерніямъ, призваны давать лишь отвѣты на частные, имъ предложенные, вопросы.

Самаринъ, несмотря на отдѣльныя возраженія, былъ, конечно, совершенно солидаренъ съ общимъ духомъ инструкціи. Это чувствуется въ каждой строкѣ его, очень милаго и забавнаго, описанія перваго собранія депутатовъ, которое состоялось подъ предсѣдательствомъ Ростовцова 25 Августа 1859 г. въ большой залѣ меньшиковскаго дома и на которомъ собравшимся со всѣхъ концовъ Россіи «депутатамъ» была прочтена пресловутая инструкція (въ письмѣ къ Княгинѣ Черкасской 26 Августа): «... Когда всѣ разсѣлись и водворилось молчаніе, Яковъ Ивановичъ мигнулъ Семенову, который всталъ и, безъ всякихъ предисловій, прочелъ Высочайше утвержденную инструкцію, опредѣлившую цѣль призыва и кругъ дѣйствія депутатовъ; затѣмъ, безъ перемежки, были прочтены всѣ вопросы (числомъ около 30), на которые они должны изготовить отвѣты. — Не знаю, извѣстно ли Вамъ, что этою инструкціею значеніе депутатовъ умалено и обрѣзано до нельзя. Въ двухъ словахъ содержаніе ея можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: вы больше ничего какъ ходячія справочныя книги; о чемъ васъ спросятъ, на то и отвѣчайте, но отъ участія въ совѣщаніяхъ вы избавляетесь. Любопытно было во время чтенія наблюдать за различными проявленіями разочарованія на лицахъ депутатовъ. У кого судорожно сжимались губы, у другого лицо вытягивалось въ аршинъ, а выпученные глаза устремлялись на предсѣдателя, третій злобно косился на обѣ стороны. М. П. Позенъ, наклонивъ на сторону голову съ насмѣшливой улыбкой, исподлобья заглядывалъ на нѣкоторыхъ изъ нашихъ. Вся физіономія его выражала вотъ что: хотя вся штука направлена противъ меня, но какъ старый и опытный грѣховодникъ и мастеръ по этого рода дѣламъ, я не могу не сознаться, что для перваго опыта вы повели дѣло не дурно. — Когда чтеніе кончилось, Яковъ Ивановичъ всталъ и съ видимымъ

волненіемъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ нѣсколько словъ: «Господа, Государь Императоръ надѣется» и т. д. Затѣмъ всѣ разбрелись безъ закуски. — Итакъ все обошлось благополучно. Со стороны депутатовъ молчаніе ни на минуту не прерывалось, и спава Богу. Если бы одинъ изъ нихъ вымолвилъ хоть слово, предложилъ бы хоть одинъ вопросъ, то, судя по смущенію, худо затаенному на нашей сторонѣ, завязавшееся объясненіе можетъ быть повело бы къ цѣлому ряду неожиданныхъ уступокъ. Heureusement qu' ils avaient encore plus peur de nous que nous n' avions peur d' eux».

Сквозь юморъ этого описанія чувствуется совершенное равнодушіе Самарина къ участи той идеи, которую представляли депутаты такъ называемаго перваго приглашенія. Во всякомъ случаѣ не предстоявшая въ Петербургѣ борьба вокругъ этой идеи и не желаніе принять въ ней участіе на сторонѣ депутатовъ заставляли Самарина огорчаться вынужденному отъѣзду заграницу, а невозможность продолжать работу надъ выработкой крестьянскаго положенія въ нѣдрахъ той «бюрократіи», противъ которой шла волна новаго дворянско-конституціоннаго настроенія. Борьба впрочемъ, какъ извѣстно, была короткой: нѣсколько проектовъ адреса, записки протеста и полемическія брошюры заграницей, выговоры черезъ губернаторовъ и чествованіе въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ депутатовъ, получившихъ выговоры, а по существу готовность депутатовъ уступить и подчиниться инструкціи Ник. Милютина и Князя Черкасскаго.

Но вся эта полемика происходила пока Самаринъ странствовалъ заграницей. Это былъ первый его, послѣ ранняго дѣтства, выѣздъ за предѣлы Россіи. Позднѣе заграничныя путешествія сдѣлались для него постоянной и настоятельной потребностью, и это первое соприкосновеніе съ западноевропейскимъ культурнымъ міромъ, съ которымъ онъ былъ такъ своеобразно связанъ всю жизнь, представляетъ любопытную подробность всей умственной фигуры Самарина.

## 4.

Первый мѣсяцъ пребыванія заграницей Самаринъ провелъ въ Германіи, въ Вюрцбургѣ, лѣчась виноградомъ. Осмотрѣвъ всѣ церкви, замки и монастыри, онъ въ продолженіи трехъ недѣль съ утра до вечера бродилъ по городу и окрестнымъ деревнямъ, съ ихъ домами, крытыми черепицей, посреди виноградниковъ. Ему было любопытно вникнуть въ подробности домашней жизни, семейный и хозяйственный бытъ впервые наблюдавшейся имъ чужой страны. Онъ дружился съ ремесленниками и крестьянами изъ окрестныхъ деревень, у которыхъ не разъ бывалъ въ гостяхъ. Ихъ домашній бытъ поразилъ его съ перваго взгляда своею проч-

ностью и какой-то строгой опредѣленностью во всѣхъ подробностяхъ. Каждый, наблюдалъ Самаринъ, выработалъ себѣ здѣсь цѣлый сводъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, о принятомъ для него образѣ жизни, о той степени благосостоянія, о тѣхъ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ, которыя ему доступны. Всѣ потребности въ точности соразмѣрены съ средними средствами и заключены въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые никогда не переступаются. Малѣйшее нарушеніе этихъ всѣми подразумѣваемыхъ кодексовъ общежитія немедленно казнится общественнымъ мнѣніемъ. Отсюда какая-то странная, для Самарина неожиданная, ограниченность въ понятіяхъ и требованіяхъ. Онъ чувствовалъ, что общество, въ которомъ все такъ прочно обжилось на своемъ мѣстѣ, рѣшительно не способно обновиться съ верху до низу. Отъ быта Самаринъ перешелъ къ учрежденіямъ, закупилъ законодательные сборники и комментаріи по тѣмъ областямъ государственной жизни, которыя его интересовали, знакомился съ дѣятельностью мѣстныхъ органовъ власти и самоуправленія, и тотъ-же духъ дисциплины и разграниченнаго порядка, добросовѣстной точности и узкой опредѣленности поразилъ Самарина. Впечатлѣніе было глубоко, и весь этотъ строй пришелся ему необыкновенно по душѣ. Самаринъ боролся съ нѣмецкимъ элементомъ въ Россіи въ эпоху Писемъ изъ Риги, и ему предстояло въ будущемъ возобновить эту кампанію съ еще большей рѣзкостью и ожесточеніемъ. И несмотря на это, Германія, такая, какой онъ ее узналъ осенью 1859 г., была для него родственна и близка по духу. Онъ былъ человѣкомъ глубокой внутренней дисциплины и сильной воли. Попадая въ Германію или изучая германскія учрежденія, онъ чувствовалъ себя въ атмосферѣ, которая давала ему то, чего ему такъ не хватало въ родной странѣ.

Изъ Вюрцбурга Самаринъ проѣхалъ въ Италію. Былъ самый разгаръ Risorgimento, и, проѣзжая изъ Милана въ Венецію, онъ видѣлъ въ одинъ день три арміи, утромъ французскую, въ полдень — сардинскую, а вечеромъ австрійскую. Жизнь била ключомъ, и Самаринъ невольно уносился мыслью въ далекую Россію: «Нельзя не позавидовать народу, которому далась же, наконецъ, историческая минута, вызывающая къ полному проявленію всего, что накопилось у него на душѣ. Каково же тѣмъ, кому приходится цѣлый вѣкъ утѣшаться мыслью, что, хотя все, что у нихъ по виду дрябло, безцвѣтно и мертво, но зато на какой то неизвѣданной глубинѣ, за тремя замками и пятью затворами, сидятъ до поры до времени какія то невѣдомыя силы, приберегаемыя судьбою для неразгаданнаго призванія. Надобно видѣть восходъ и закатъ солнца на Адріатическомъ морѣ, чтобы понять, что у насъ оно какъ будто нехотя выглядываетъ и потомъ прячется; стоитъ взглянуть на Италію въ настоящую минуту, чтобы почувствовать вдругъ разницу между полнотою народной жизни, и полусномъ...».

5

Съ обновленными силами Самаринъ вернулся 2 Декабря 1859 г. въ Петербургъ. 5 Декабря онъ — уже на засѣданіи общаго присутствія редакціонныхъ комиссій въ оживленномъ спорѣ, по дополнительному докладу хозяйственнаго отдѣленія, о томъ, какіе луга должны входить въ крестьянскій надѣлъ.

Къ возвращенію Самарина работы редакціонныхъ комиссій вступили въ новый фазисъ. Основные принципіальные вопросы были рѣшены и шла работа провѣрочная. Просматривались проекты нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ, опоздавшіе къ началу занятій комиссій, и по нимъ представлялись т. наз. дополнительные доклады, большей частью оставлявшіе въ полной неприкосновенности положенія, на которыхъ комиссіи остановились въ первый періодъ работъ. Изъ-за поздняго пріѣзда Самарина, ему досталось сравнительно мало работы по непосредственному составленію этихъ дополнительныхъ докладовъ; онъ участвовалъ, главнымъ образомъ, въ ихъ предварительномъ разсмотрѣніи въ отдѣленіяхъ и окончательномъ — въ общемъ собраніи. Понятно, что въ этой стадіи Самаринъ не могъ вновь подымать своихъ первоначальныхъ коренныхъ разногласій съ большинствомъ, и то, что онъ теперь вкладывалъ въ работу, было, главнымъ образомъ, защитой тѣхъ или иныхъ подробностей осуществленія реформы, казавшихся ему правильными, то есть отвѣчавшихъ, по его мнѣнію, интересамъ крестьянства. Короткій діалогъ между Самаринымъ и предсѣдательствовавшимъ въ комиссіяхъ во время болѣзни Ростовцова П. А. Булгаковымъ можетъ иллюстрировать общій тонъ и манеру этой защиты. Въ засѣданіи 7 Января 1860 г., обсуждался дополнительный докладъ хозяйственнаго отдѣленія объ отводѣ надѣла и обмѣнѣ земель. Въ одной изъ статей проекта перечислялись — довольно узко — условія, при которыхъ помѣщикъ могъ требовать при надѣлѣ новаго разграниченія крестьянской и помѣщичьей земель; Булгаковъ предложилъ опустить статью и сдѣлать право помѣщика безусловнымъ, утверждая, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣщикъ прикупитъ землю для того, чтобы ее дать крестьянамъ въ обмѣнъ на существующій надѣлъ. Самаринъ возразилъ: «Вы... требуете того, чего нѣтъ. Этого невозможно допустить. Наши положенія должны быть примѣнены къ тому, что есть, застать или захватить все, какъ оно существовало, потому что вездѣ мы беремъ существующій фактъ. Помѣщику безъ того ужъ предоставляются здѣсь огромныя выгоды и преимущества передъ крестьянами. Надѣльная земля — ихъ, а вы предоставляете одному помѣщику право требовать разграниченія и выбирать ее, гдѣ угодно. Вы дѣлаете *экспропріацію*». Какъ ни авторитетенъ былъ Самаринъ въ комиссіяхъ и какъ ни стремился Булгаковъ идти съ большинствомъ, онъ всетаки не могъ не замѣтить, — конечно,

не безъ основанія съ точки зрѣнія тогдашняго права: «... вы забываете, что эта земля прежде всего всетаки собственность помѣщика. Какая же тутъ экспропріація?»

Въ первый періодъ занятій редакціонныхъ комиссій, до болѣзни, Самаринъ, мы видѣли, былъ недоволенъ рѣшеніями, которыя были приняты въ отношеніи крестьянскаго самоуправленія. Мысль о томъ, что въ редакціонной комиссіи можетъ пострадать община, смущала его и заграницей, и онъ, давъ себѣ зарокъ не думать о работѣ комиссій, всетаки не могъ удержаться и въ письмѣ къ Милютину убѣждалъ его не допускать покушеній на дорогое ему учрежденіе. Очень вліятельный въ комиссіи голосъ Черкасскаго былъ скорѣе враждебенъ общинѣ, такъ что въ этомъ отношеніи опасенія Самарина могли имѣть нѣкоторыя основанія. Теперь основы крестьянскаго самоуправленія и сохраненіе общиннаго устройства уже не составляли болѣе вопроса, но болѣзненная чувствительность Самарина ко всему, что касалось этой темы, продолжала оставаться прежней. Для него всякая регламентація и всякое вмѣшательство правительства въ жизнь самоуправляющихся крестьянскихъ общинъ и въ дѣятельность ихъ властей казались совершенно недопустимыми. Онъ горячо отстаивалъ, чтобы на крестьянскихъ властей не накладывалось общеполицейскихъ функцій, чтобы крестьянскій судъ не подчинялся общимъ судебнымъ мѣстамъ и началамъ общаго процесса, и т. д. Когда добросовѣстнѣйшій юристъ редакціонныхъ комиссій, М. Н. Любощинскій, настаивалъ, напримѣръ, на томъ, чтобы въ законѣ указано было, что волостной судъ долженъ выслушивать обѣ стороны, утверждая, что это принципъ, который составляетъ азбуку гражданскаго производства, Самаринъ возсталъ противъ этого , говоря, что провозглашеніе этого начала косвенно приводитъ къ возстановленію, по счастью, отвергнутаго комиссіями, права апелляціи на крестьянскій судъ въ общія судебныя мѣста. Юриспруденція его коллеги внушала Самарину истинный ужасъ, и за завтракомъ передъ засѣданіемъ въ сборномъ залѣ I кадетскаго корпуса, гдѣ зимой собиралось общее присутствіе, онъ шутливо доказывалъ Любощинскому, что послѣдній — истинный революціонеръ, потому что отстаиваетъ юридическія теоріи въ то время, какъ фактъ не выноситъ теорій, что онъ ломаетъ существующее и что лишенъ консервативнаго умѣнія уступать силѣ вещей.

Одинъ самостоятельный большой докладъ успѣлъ выпасть на долю Самарина въ этотъ періодъ дѣятельности комиссій, и то — только потому, что самая необходимость этого доклада выяснилась уже послѣ возвращенія его изъ-заграницы. Распространеніе общаго, писавшагося комиссіями, крестьянскаго положенія на западныя окраины имперіи вызывало рядъ коренныхъ оговорокъ, вслѣдствіе особенностей мѣстнаго правопорядка и, прежде всего, существованія тамъ инвентарей. Когда въ пер-

вый разъ вопросы, связанные съ юго-западнымъ краемъ, были затронуты въ общемъ присутствіи, Самаринъ обнаружилъ глубокое знаніе тамошнихъ условій, и принятое въ концѣ Декабря рѣшеніе выдѣлить эту окрайну въ особый докладъ, силой вещей, равнялось порученію его Самарину. Его докладъ, озаглавленный «Особыя правила о надѣлѣ крестьянъ, о пользованіи отведенною имъ землею и о повинностяхъ, ими отбываемыхъ, въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской», представлялъ крупную по своимъ размѣрамъ и по своей сложности работу; Самаринъ занятъ былъ ею въ теченіе Января и Февраля 1860 г. Ему выпало на долю завершить ту работу, по улучшенію быта западно-русскихъ крестьянъ, которую въ сороковыхъ годахъ началъ Бибиковъ своими инвентарями, и которой онъ такъ интересовался во время своего пребыванія въ Кіевѣ. Основная мысль доклада, изъ котораго потомъ цѣликомъ вытекло вошедшее въ актъ 19 Февраля «Мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской», заключается въ использованіи, при освобожденіи крестьянъ, всѣхъ выгодъ системы инвентарей. Кіевская «общая комиссія», которая по рескрипту была образована изъ представителей трехъ губернскихъ комитетовъ и состояла главнымъ образомъ изъ польскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ предоставленномъ въ редакціонныя комиссіи проектѣ крестьянскаго положенія, стояла на томъ, что инвентарная система подлежитъ исправленію въ одной изъ самыхъ важныхъ своихъ особенностей. До введенія инвентарей политика большинства помѣщиковъ края сводилась къ тому, что въ рукахъ сильныхъ крестьянъ сосредоточивались сравнительно крупные участки съ соотвѣтственнымъ возвышеніемъ повинностей. По инвентарнымъ правиламъ 1848 г., построеннымъ на записи въ инвентари существовавшихъ размѣровъ крестьянской земли, эти сравнительно большія крестьянскія владѣнія были освящены, причемъ повинности были построены по единообразнымъ нормамъ: для нормальныхъ малыхъ участковъ, т. наз. пѣшихъ, въ одной суммѣ барщины, для двойныхъ, т. наз. конныхъ, въ другой, наконецъ, для самыхъ крупныхъ въ соотвѣтствіи съ размѣромъ земли, по опредѣленію инвентаря. Такимъ образомъ рядомъ съ обычнымъ малымъ, т. наз. пѣшимъ, надѣломъ создавались обязательные для помѣщиковъ крупные надѣлы — конные и превышавшіе конные, а повинности стали неподвижными. Кіевская общая комиссія построила свой проектъ на признаніи за крестьянами права лишь на пѣшій надѣлъ, утверждая, съ одной стороны, что инвентари разрушили соразмѣрность повинностей съ надѣлами, служившую основой всей системы крупныхъ крестьянскихъ участковъ, и, съ другой стороны, что въ интересахъ края необходимо сохраненіе крупнаго помѣщичьяго хозяйства, для чего, цѣною уменьшенія повинностей, слѣдуетъ при-

держаться при надѣленіи крестьянъ землею нормы размѣра пѣшихъ участковъ, достаточныхъ для обезпеченія существенныхъ потребностей крестьянъ.

Докладъ Самарина исходитъ изъ совершенно иного пониманія аграрныхъ отношеній юго-западнаго края. До-инвентарная система не представляется ему царствомъ экономической гармоніи въ противоположность системѣ инвентарной. Онъ сомнѣвается въ томъ, чтобы до инвентарей существовала повсемѣстная соразмѣрность крестьянскихъ надѣловъ съ средствами каждаго хозяйства и съ повинностями, падавшими на крестьянъ. Если даже инвентари нарушили — Самаринъ готовъ это допустить — правильное соотношеніе надѣловъ и повинностей, то изъ этого слѣдуетъ лишь, что надо исправить размѣры повинностей. Устраненіе недостатковъ учета послѣднихъ въ правилахъ 1848 г. не только не повлечетъ за собой противорѣчія съ основными началами всей инвентарной системы, но составитъ лишь дальнѣйшее правильное развитіе ихъ основной мысли. Значительный тяглый дворъ не только никогда не почитался въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ экономическимъ явленіемъ неестественнымъ и несообразнымъ съ условіями края, но, совершенно наоборотъ, принимался всегда за образецъ крестьянскаго хозяйства. Инвентарныя правила ошибочнымъ опредѣленіемъ повинностей, падавшихъ на конный надѣлъ по сравненію съ надѣломъ пѣшимъ, вызвали сокращеніе числа болѣе крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, но это послужило къ явному ущербу земледѣльческаго развитія края. Задача предстоящей реформы, по мнѣнію Самарина, заключается въ томъ, чтобы возстановить и сохранить крупное крестьянское землевладѣніе, само собой разумѣется, въ условіяхъ, при которыхъ повинности не оказывали бы искусственнаго давленія на сокращеніе крупныхъ участковъ. Изъ этого основного заданія Самаринымъ выводится слѣдующая остроумная система освобожденія крестьянъ въ юго-западномъ краѣ: надѣлъ крестьянъ распадается на коренной и на дополнительный; коренной надѣлъ соотвѣтствуетъ пѣшимъ участкамъ инвентарныхъ правилъ, и принятіе его крестьянами обязательно, дополнительный надѣлъ соотвѣтствуетъ всей остальной землѣ, которая находилась въ пользованіи крестьянъ при введеніи въ дѣйствіе инвентарныхъ правилъ 1848 г.; отъ этого дополнительнаго надѣла, являющагося, — въ этомъ характерная особенность всей Самаринской системы, — не фактическимъ надѣломъ въ моментъ освобожденія, а надѣломъ 1848 г., возстанавливаемымъ въ интересахъ крестьянъ, съ признаніемъ такимъ образомъ за всѣмъ закономъ нѣкоторой обратной силы, — крестьяне могутъ отказаться, если пожелаютъ; повинности коренного надѣла и повинности надѣла дополнительнаго должны находиться въ строгомъ между собой соотвѣтствіи, путемъ помноженія единицы повинностей коренного, пѣшаго надѣла на пропорціональное

отношеніе размѣра дополнительныхъ участковъ къ размѣру коренныхъ.

Система Самарина была принята, и можно смѣло сказать, что именно онъ спасъ крупное крестьянское землевладѣніе юго-западнаго края.

Другая коренная особенность аграрныхъ условій Кіевскаго генералъ-губернаторства, съ которой Самаринъ встрѣтился при разработкѣ своего доклада, — отсутствіе въ краѣ общиннаго порядка, — ставила передъ нимъ вопросъ, близко затрогивавшій всю его общественную философію. Онъ вѣрилъ въ общину, какъ наиболѣе совершенную форму разрѣшенія соціальнаго вопроса, и можно было бы ожидать, что онъ будетъ стремиться навязать ее и русскому юго-западу. Въ инвентарныхъ правилахъ 1848 г. заключался, какъ бы, нѣкоторый намекъ на общинную идею и для этого края. «Вся земля, находящаяся нынѣ въ пользованіи крестьянъ и подробно означенная въ инвентарѣ, — гласилъ § I правилъ 29 Декабря 1848 г., — должна, *какъ мірская*, оставаться у нихъ безъ всякаго измѣненія». Какъ ни ярки и ни опредѣленны были симпатіи Самарина къ общинному землевладѣнію, его отвращеніе къ «революціоннымъ» методамъ въ законодательствѣ, къ методамъ, всегда претившаго его коренному «историзму» навязыванія жизни того, чего она не знаетъ, спасли его отъ разрушенія личнаго крестьянскаго землевладѣнія въ юго-западномъ краѣ. Но онъ все же частично использовалъ, при разрѣшеніи тамъ крестьянскаго вопроса, свою общинную идею, въ предѣлахъ, которые не нарушали, по его мнѣнію, основъ мѣстнаго хозяйственнаго быта: формула инвентарныхъ правилъ: «мірская земля» давала ему формальное къ тому основаніе. Мѣстные проекты, признавая необходимымъ сохранить обычное наслѣдственное подворное пользованіе участками, исходили изъ того, что, при освобожденіи, земля должна отводиться каждому крестьянину порознь. Самаринъ защищаетъ другую систему. «Устраненіе сельскаго общества, пишетъ онъ, отъ всякаго участія въ распоряженіи землею произошло отъ опасенія нарушить обычное право наслѣдственнаго, подворнаго пользованія и подать поводъ къ установленію срочныхъ передѣловъ; но это опасеніе едва ли справедливо: участокъ, доставшійся хозяину по приговору общества, можетъ пребывать въ потомственномъ, ненарушимомъ пользованіи его дома или семьи, до тѣхъ поръ, пока всѣ условія пользованія исполняются имъ въ точности; нужно только, чтобы въ случаѣ упраздненія этого пользованія участокъ, оставшійся безъ хозяина, возвращался во временное распоряженіе общества, которое лучше всѣхъ разсудитъ, кому изъ его членовъ онъ необходимѣе, кто имъ лучше воспользуется». Поэтому земля, входящая въ надѣлъ, должна оставаться «мірской землей», и поступать къ крестьянскому обществу, которое должно передавать ее въ наслѣдственное подворное пользованіе

своихъ членовъ, съ правомъ общества распоряжаться участками, остающимися праздными, до сдачи ихъ новымъ хозяевамъ. Такимъ образомъ общинная форма служитъ здѣсь, по проекту Самарина, въ сущности лишь средствомъ обезпеченія неприкосновенности земельнаго фонда крестьянства, не устраняя обычнаго права личнаго и наслѣдственнаго обладанія отдѣльныхъ крестьянъ своими участками. И соотвѣтственно этому, по проекту Самарина, въ юго-западныхъ губерніяхъ нѣтъ и круговой поруки, къ которой онъ, какъ къ органической части общинной системы, относился тогда вообще съ большимъ сочувствіемъ.

Докладъ о Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ дѣлаетъ величайшую честь серьезной вдумчивости, гибкости мысли и реализму Самарина: онъ открываетъ юго-западному крестьянству совсѣмъ иные пути развитія, чѣмъ тѣ, которые составляли его идеалъ для крестьянства Великороссіи: — здѣсь община, передѣлы, уравнительность пользованія, тамъ личная собственность, право наслѣдованія, крупное крестьянское хозяйство. Соблазнъ универсальнаго примѣненія его коренныхъ воззрѣній на крестьянскій вопросъ былъ великъ, но Самаринъ мудро преклонился передъ противоположными указаніями жизненныхъ данныхъ.

Въ открывшійся съ возвращеніемъ изъ заграницы періодъ участія Самарина въ работахъ редакціонныхъ комиссій онъ совершенно слился съ тѣмъ общимъ дѣломъ, которое вмѣстѣ съ другими онъ дѣлалъ. Тѣсная дружба съ Черкасскимъ и Милютинымъ, самыя дружественныя отношенія съ большинствомъ другихъ членовъ комиссій крѣпли съ каждымъ мѣсяцемъ, поддерживаемыя сознаніемъ громаднаго значенія дѣла, общимъ подъемомъ общественнаго настроенія Петербурга въ эти годы, наконецъ, постояннымъ общеніемъ внѣ засѣданій съ кружкомъ привлекательныхъ, молодыхъ, культурныхъ и свѣтскихъ женщинъ, который сложился у женъ участниковъ комиссій, съ М. А. Милютиной и Княгиней Е. А. Черкасской во главѣ. Когда въ концѣ Апрѣля 1860 г. въ Петербургъ прибыли представители губернскихъ комитетовъ второго приглашенія, Самаринъ принялъ самое дѣятельное участіе въ защитѣ передъ ними проектовъ, выработанныхъ общими усиліями редакціонныхъ комиссій. Согласно инструкціи депутаты отъ каждой губерніи вызывались отдѣльно въ общее присутствіе редакціонныхъ комиссій и на одного изъ членовъ возлагалось отвѣчать на ихъ критическія замѣчанія по поводу проектовъ. Эти обязанности spokesman'a коммиссій, по очереди, несли Самаринъ, Черкасскій, Петръ Семеновъ, Тарновскій. Самарину досталась львиная доля полемики, и онъ обнаружилъ въ ней свой блестящій талантъ полемиста. Началось съ депутатовъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Въ письмѣ къ Кошелеву, котораго Ростовцовъ, въ свое время, не рѣшился позвать въ редакціонныя комиссіи изъ-за его репутаціи крайняго и который былъ въ числѣ депута-

товъ перваго призыва и принималъ самое дѣятельное участіе въ происходившей во время заграничнаго пребыванія Самарина борьбѣ съ «бюрократами» редакціонныхъ комиссій, письмѣ, написанномъ на слѣдующій день послѣ объясненій съ депутатами трехъ юго-западныхъ губерній, 29 Апрѣля 1860 г., Самаринъ разсказываетъ: «Депутаты второго призыва настрочили не меньше вашего; но они въ тысячу разъ хуже васъ: c'est beaucoup dire! Ихъ замѣчанія пересыпаны прямыми обвиненіями въ коммунизмѣ и въ скрытомъ желаніи, раздраживъ дворянство, лишить престолъ его опоры. Третьяго дня начались въ комиссіи словесные диспуты съ депутатами. Прежде всѣхъ вызваны были три депутата отъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Я былъ назначенъ оппонентомъ отъ комиссіи. Диспутъ продолжался два дня отъ часу до пяти часовъ, и нашъ предсѣдатель, видимо, держалъ сторону нашихъ противниковъ. Послѣдніе обнаружили крайнее, желчное раздраженіе. Споръ безпрестанно переходилъ въ заподозриваніе нашихъ намѣреній и въ прямое обвиненіе въ подлогахъ, въ искаженіяхъ и т. п. Мнѣ стоило неимовѣрнаго труда выдержать хладнокровіе». Если въ этомъ спорѣ съ юго-западными депутатами Самаринъ защищалъ ту часть работъ редакціонныхъ комиссій, которая была почти исключительно его личнымъ дѣломъ, то въ «диспутѣ», который ему былъ порученъ съ Самарскимъ депутатомъ Обуховымъ (засѣданіе общаго присутствія 2 Мая 1860 г.) и депутатами Оренбургской губерніи (засѣданіе 4 Мая 1860 г.), онъ защищалъ коллективную работу редакціонныхъ комиссій, и защищалъ съ тою же твердостью и увѣренностью, что и свою собственную работу.

Тяжеловѣсный Панинъ, смѣнившій въ началѣ 1860 г. на предсѣдательскомъ креслѣ комиссій Ростовцова, не позволялъ развернуть «диспуты» слишкомъ широко и устранялъ отъ обсужденія всѣ принципіальные вопросы. Онъ несомнѣнно импонировалъ провинціальнымъ депутатамъ, и они подчинились его указаніямъ. Поэтому пренія носили болѣе или менѣе техническій характеръ, затрогивая, главнымъ образомъ, частности. Но и въ этихъ рамкахъ Самаринъ проявлялъ необыкновенную находчивость и умѣлость. Особенно характерны его объясненія съ Б. П. Обуховымъ, его Самарскимъ товарищемъ по губернскому комитету. Попавъ въ Петербургъ, въ ту атмосферу дворянской оппозиціи редакціоннымъ комиссіямъ, которую принесли съ собой депутаты второго приглашенія, Обуховъ построилъ свои возраженія, совершенно не считаясь съ проектомъ большинства Самарскаго комитета, который онъ подписалъ. Самаринъ шагъ за шагомъ опровергалъ его возраженія правилами Самарскаго проекта; Обуховъ пытался спасти свои доводы, указывая, что обстоятельства измѣнились и что удовлетворительное въ общей системѣ самарскаго проекта — неудовлетворительно въ системѣ редакціонныхъ комиссій. Самаринъ немедленно перевелъ свои

возраженія на эту линію и безъ труда съ наглядностью доказалъ, что опроверженія его противника одинаково противорѣчатъ обѣимъ системамъ. Бѣдный Обуховъ, робѣвшій и не успѣвшій еще въ тѣ годы пріобрѣсть самоувѣренность, которой позднѣе въ немъ было совершенно достаточно, вышелъ изъ засѣданія разбитый по всей линіи.

Депутаты второго приглашенія внесли въ работы редакціонныхъ комиссій нѣкоторое внѣшнее разнообразіе, но по существу ихъ появленіе мало отразилось на общемъ ходѣ дѣла. Лѣто прошло въ обсужденіи докладовъ отдѣленій по отзывамъ депутатовъ обоихъ приглашеній; изъ нихъ докладъ по Кіевскому генералъ-губернаторству былъ составленъ Самаринымъ. Этотъ докладъ — огромная работа, занимающая около 150 печатныхъ страницъ и шагъ за шагомъ опровергающая замѣчанія тѣхъ трехъ представителей губернскихъ комитетовъ, съ которыми Самаринъ спорилъ въ концѣ Апрѣля въ общемъ присутствіи комиссіи. Какъ все, что писалъ Самаринъ для редакціонныхъ комиссій, этотъ докладъ безукоризненъ по своей логикѣ и по своему изложенію, но онъ не прибавляетъ ничего новаго къ первоначальному основному построенію будущихъ аграрныхъ условій въ Юго-западномъ краѣ, которое я описалъ выше. — 11 Іюля 1860 г. было выбрано кодификаціонное отдѣленіе, которое должно было свести въ единый законопроектъ «заключенія» принятыхъ общимъ присутствіемъ отдѣленскихъ докладовъ. Самаринъ естественно оказался въ числѣ ея членовъ, и на его долю выпала кодификація положенія для Кіевскаго генералъ-губернаторства и положенія о дворовыхъ людяхъ. Работы редакціонныхъ комиссій подходили къ концу; въ кодификаціонномъ отдѣленіи снимались тѣ лѣса, при помощи которыхъ воздвигалось зданіе реформы 19 Февраля, и все ея значеніе выступило передъ составителями положенія. «Да, любезная Александра Осиповна, — писалъ Самаринъ, 15 Сентября 1860 г., А. О. Смирновой, — всѣ наши лучшія надежды оправдаются, нашъ болѣзненный скептицизмъ будетъ осрамленъ, и тогда намъ останется сложить руки крестъ-на-крестъ и сказать: Нынѣ отпущаеши раба твоего».

10 Октября 1860 г. редакціонныя комиссіи были закрыты. Самарину суждено было въ запискѣ 1854 — 1856 гг. произнести первое смѣлое слово въ процессѣ реальнаго приступа къ осуществленію реформы и ему же выпало на долю сказать заключительное слово въ главной стадіи работъ по этому осуществленію — въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Еще лѣтомъ ему поручено было составить краткую объяснительную записку къ проекту крестьянскаго положенія. Послѣднее засѣданіе было посвящено ей. Передъ тѣмъ въ комиссіяхъ возникъ острый конфликтъ, въ которомъ Самаринъ особенно дѣятельнаго участія не принималъ, съ однимъ изъ членовъ меньшинства, Булыгинымъ, пред-

ставлявшимъ вѣдомство М. Н. Муравьева, и атмосфера комиссій, какъ это часто бываетъ подъ конецъ продолжительной коллективной работы, была полна электричества. Предсѣдательствовавшій въ послѣднемъ засѣданіи Булгаковъ поторопился приступить къ чтенію Самаринской объяснительной записки, и одинъ изъ свидѣтелей такъ передаетъ намъ впечатлѣніе, произведенное ею. «Чтеніе записки Самарина, лучше всякихъ разсужденій, произвело успокоительное дѣйствіе на собраніе: краткая, сжатая, ясная и сильная по мысли и выраженію, она представила все дѣло освобожденія крестьянъ съ обезпеченіемъ ихъ землею, которою они всегда пользовались, будучи съ нею нераздѣльны, въ такомъ величественномъ видѣ, что отречься отъ этого великаго и святого дѣла, въ которомъ не было дано мѣста ни враждѣ, ни злобѣ, ни помысламъ о земныхъ интересахъ, казалось невозможнымъ. И дѣйствительно, когда предсѣдательствующій пригласилъ желающихъ подписать объяснительную записку Самарина, долженствующую быть поданною отъ ихъ имени, то Булыгинъ быстро поднялся къ столу и подписалъ записку, не измѣнивъ окончательно великому дѣлу и не руководясь уже такъ же, какъ и другой представитель министерства государственныхъ имуществъ Н. Н. Павловъ, мнѣніемъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находилась его участь». Послѣ подписанія составленной Ю. Ѳ. Самаринымъ записки, сдѣлавшейся вступительной запиской общаго собранія редакціонныхъ коммиссій при представленіи въ главный комитетъ законопроекта объ освобожденіи крестьянъ, прочтено было слѣдующее предложеніе предсѣдателя комиссій графа Панина: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ закрыть редакціонныя коммиссіи 10 числа сего Октября и передать всѣ неоконченныя работы въ вѣдѣніе и распоряженіе государственнаго секретаря. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть объявить коммиссіямъ и ихъ канцеляріи высочайшее благоволеніе за неутомимые и усердные ихъ труды...».

Записка дѣйствительно великолѣпна. Въ ней выражена вся сущность того, что за долгіе годы Самаринъ думалъ и дѣлалъ по крестьянскому дѣлу. Въ основныхъ линіяхъ крестьянская реформа 19 Февраля была осуществленіемъ именно Самаринской ея концепціи, и въ этомъ смыслѣ записка не только заключительный аккордъ работъ редакціонныхъ комиссій, но заключительный аккордъ личной дѣятельности Самарина за 1848-1860 гг. Онъ начинаетъ указаніемъ условій крестьянскаго прикрѣпленія. Земледѣлецъ сдѣлался, какъ бы, принадлежностью земли и вмѣстѣ съ нею собственностью землевладѣльца. Народъ покорно подчинился новому положенію, но вынесъ глубокое убѣжденіе, что земля составляетъ коренное условіе его существованія. Отрѣшиться отъ этой исторической основы народнаго быта невозможно, и даровать крестьянамъ личную свободу безъ

прочнаго обезпеченія ихъ землею значило бы пожертвовать единственнымъ положительнымъ результатомъ, купленнымъ двухъ съ половиной вѣковымъ испытаніемъ. Россія при осуществленіи крестьянской реформы имѣла передъ собой весь опытъ западныхъ странъ и свой собственный опытъ на западныхъ окрайнахъ. Поэтому она можетъ, не отказываясь отъ разумной послѣдовательности въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія, сразу же намѣтить конечную точку, къ которой она приведетъ, последовательными этапами, свое крестьянство. Въ этомъ отличіе русской реформы отъ реформы въ другихъ странахъ: Россіи дано «обнять сразу весь предстоящій путь, отъ перваго приступа къ дѣлу до полнаго прекращенія обязательныхъ отношеній посредствомъ выкупа земли». Эта основная черта русской реформы представляетъ собой громадное благо. Видя передъ собой конечную цѣль, крестьянинъ, путемъ упорнаго труда и строгой бережливости, приблизитъ ея осуществленіе. Пробужденныя силы народа получатъ правильное направленіе, и опасность потрясеній будетъ избѣгнута. Поэтому постепенность освобожденія есть необходимое условіе правильнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса не только въ интересахъ помѣщиковъ, но и въ интересахъ народа. Редакціонныя коммиссіи, открывая широкую возможность немедленныхъ добровольныхъ соглашеній о выкупѣ, отвергли обязательность выкупа, какъ нарушеніе необходимой постепенности реформы. Но уже нынѣ основныя ея требованія, связанныя съ коренными интересами многомилліонной крестьянской массы, выполнены. Крестьяне получаютъ личную свободу, обезпеченіе своего хозяйственнаго быта и широкое самоуправленіе. Въ частности, обезпеченіе хозяйственнаго быта достигается, въ проектѣ положенія, не путемъ «проведенія какой либо отвлеченной теоріи, основанной на математическомъ отношеніи исчисленныхъ потребностей крестьянъ къ производительности почвы и цѣнности земли къ цѣнности денегъ или труда», а путемъ признанія руководящаго значенія за вѣковымъ опытомъ, только очищеннымъ отъ всякихъ случайностей, — посредствомъ опредѣленія надѣла и повинностей согласно существующему факту. «Таковы начала, — заключаетъ Самаринъ объяснительную записку, — которыми руководились Коммиссіи. Онѣ старались развить ихъ въ своихъ проектахъ, со строгою послѣдовательностію примѣняя общія основанія къ разнообразнымъ условіямъ сельскаго быта въ различныхъ мѣстностяхъ. Нынѣ, послѣ девятнадцати-мѣсячныхъ трудовъ, подробно изучивъ не только проекты губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, но и множество частныхъ мнѣній, поступившихъ по настоящему дѣлу, выслушавъ и тщательно взвѣсивъ всѣ указанія и отзывы вызванныхъ отъ губернскихъ комитетовъ членовъ, наконецъ, провѣривъ свои предположенія многочисленными данными, доставленными преимущественно самими помѣщиками о состояніи ихъ имѣній,

— Коммиссіи утвердились еще болѣе въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что лишь при общемъ сохраненіи всѣхъ изъясненныхъ началъ, положенныхъ въ основаніе крестьянскаго дѣла Державною волею Государя Императора, предстоящій Россіи благодѣтельный переворотъ совершится согласно съ коренными историческими основами народной жизни и принесетъ всѣ ожидаемые отъ него благіе плоды».

6.

Послѣднія строки объяснительной записки, призывавшія сохранить основы, принятыя комиссіями, передавали нѣкоторую тревогу Самарина за судьбу выработанныхъ комиссіями проектовъ въ теченіе предстоявшей стадіи обсужденія реформы въ главномъ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ. Несмотря на то, что дѣло переходило на сановно-бюрократическія высоты тогдашняго Петербурга, по привычкѣ отмежевывавшіяся отъ остального міра, всѣми наиболѣе активными членами редакціонныхъ коммиссій было принято рѣшеніе остаться въ центрѣ до конца разсмотрѣнія проекта. Въ лицѣ вел. князя Константина Николаевича, Блудова, Ланского и Чевкина въ главномъ комитетѣ нашлись союзники, готовые поддерживать проектъ, и надо было, хотя бы и въ скромной роли суфлера, помочь имъ въ защитѣ принятыхъ въ проектѣ основаній. Маленькая группа членовъ редакціонныхъ коммиссій постоянно собиралась, распредѣляла между собой составленіе записокъ по разногласіямъ, возникавшимъ въ главномъ комитетѣ, докладывала ихъ великому князю. Въ нее входили, кромѣ Самарина, Милютинъ, Черкасскій, Соловьевъ, П. Семеновъ, Домонтовичъ, Жуковскій. Сохранилось нѣсколько такихъ записокъ, исходившихъ отъ маленькаго кружка неоффиціальныхъ опекуновъ реформы. Изъ нихъ Самаринымъ составлена, кромѣ нѣсколькихъ менѣе значительныхъ, большая записка противъ князя П. П. Гагарина. Это былъ самый умный и наилучше подготовленный противникъ проектовъ редакціонныхъ коммиссій, правда, не пользовавшійся еще въ тѣ годы, по независимости своего характера и опредѣленности своей консервативной репутаціи, большимъ вліяніемъ, но все-же заставлявшій всѣхъ считаться со своимъ опытомъ и своими юридическими дарованіями. Записка Самарина имѣла поэтому большое практическое значеніе, и она несомнѣнно достигла своей цѣли, ибо въ журналѣ главнаго комитета опроверженіе предложеній Гагарина отъ имени большинства комитета все написано словами Самаринскихъ соображеній. По содержанію записка не представляетъ въ настоящее время интереса, ибо особое мнѣніе Гагарина, которому она посвящена, нимало не отразилось на крестьянской реформѣ и задумано было, отъ начала

до конца, несомнѣнно неудачно. 14 Января 1861 г. кончилось прохожденіе проектовъ черезъ главный комитетъ, 28 Января дѣло перешло въ общее собраніе государственнаго совѣта и тамъ было завершено 17 Февраля. Покончивъ затѣмъ съ послѣднимъ порученіемъ, которое на него выпало, — составленіемъ проекта манифеста 19 Февраля, и оставшись имъ весьма недоволенъ — ему дѣйствительно не удалось попасть въ искусственно-торжественный тонъ такого рода актовъ, — Самаринъ въ началѣ Февраля уѣхалъ изъ Петербурга, сначала въ Москву, а потомъ въ Самару и въ деревню. Послѣ почти трехъ лѣтъ, посвященныхъ обдумыванію и составленію законодательныхъ текстовъ и объясненій къ нимъ, Самарина тянуло скорѣе попасть на мѣста и воочію слѣдить за примѣненіемъ закона, въ который вложено было столько его личнаго творчества.

Несмотря на всю свою нелюбовь къ службѣ и на продолжавшіеся приступы болѣзни, Самаринъ рѣшился вступить въ составъ открывавшихся актомъ 19 Февраля учрежденій по приведенію въ дѣйствіе реформы. Онъ выбралъ должность члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Самарѣ. По закону къ предметамъ вѣдомства губернскаго присутствія принадлежали, во первыхъ, жалобы на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ, во вторыхъ, дѣла по добровольнымъ между помѣщиками и крестьянами соглашеніямъ и, въ третьихъ, особо указанныя въ положеніяхъ о крестьянахъ распорядительныя дѣйствія. Такимъ образомъ присутствіе стояло въ центрѣ всей работы по приведенію въ дѣйствіе крестьянскаго положенія, а завѣдываніе дѣломъ добровольныхъ соглашеній помѣщиковъ и крестьянъ сосредоточивало въ его рукахъ отвѣтственность за ближайшія судьбы окончательной ликвидаціи крѣпостного права. Въ составъ губернскаго присутствія входили, кромѣ нѣкоторыхъ губернскихъ властей, члены по выборамъ, и члены по назначенію отъ правительства изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Самаринъ такъ-же, какъ въ 1858 г., безъ всякихъ колебаній взялъ должность члена по назначенію.

Ему хотѣлось попасть на мѣста къ моменту оглашенія новаго положенія. «Я поскакалъ въ деревню, — пишетъ онъ изъ Самары князю Черкасскому 23 Марта 1861 г., — въ надеждѣ, что тамъ услышу манифестъ въ церкви посреди своихъ. Но вышло иначе. Я прожилъ въ деревнѣ четыре дня, но въ этотъ срокъ манифестъ не дошелъ до священника, а долѣе я оставаться не могъ ради распутицы и спѣшныхъ занятій по губернскому присутствію. Такимъ образомъ я не слыхалъ манифеста. Минута, которая такъ долго меня занимала, отъ которой я ожидалъ такой полноты живыхъ ощущеній, пронеслась мимо меня. Я помню, что въ дѣтствѣ я не могъ удерживать слезъ, когда гувернеръ уводилъ меня наверхъ въ темные, будничные покои въ то самое время, когда въ пріемные дни внизу зажигались свѣчи, принаряжалась

прислуга, гостинныя принимали праздничный видъ и раздавался стукъ первой подъѣзжавшей къ крыльцу кареты. Впослѣдствіи судьба постоянно исправляла при мнѣ ту же должность губернера».

Попавъ въ Самару, Ю. Ѳ. тотчасъ-же со свойственнымъ ему одушевленіемъ принялся за дѣла губернскаго присутствія. Онъ нащелъ атмосферу Самары иной, чѣмъ она была два года передъ тѣмъ, во время работъ губернскаго комитета. Отсталые консерваторы, которые въ то время были вожаками, теперь сошли со сцены. Въ присутствіе отъ дворянства были избраны Сосновскій и Тургеневъ, которые оба искренно поддерживали реформу въ губернскомъ комитетѣ, первый какъ его постоянный членъ, а второй какъ приглашенный экспертъ. Вторымъ членомъ по назначенію былъ вѣрный Д. Н. Рычковъ. Открывалась возможность спокойной работы, безъ той постоянной борьбы, которая такъ отравляла губернскій комитетъ 1858-1859 гг. Это новое настроеніе охватило и Самарина: его боевой натурѣ не было повода проявиться. Самаринъ считалъ, что, разъ реформа проведена въ жизнь и проведена, на его оцѣнку, вполнѣ удовлетворительно для обѣихъ сторонъ, и для дворянства, и для крестьянъ, то ея примѣненіе должно было осуществляться съ полнымъ безпристрастіемъ и полной объективностью. «Вражда къ дворянству», которую отмѣчалъ въ Самаринѣ кн. В. П. Мещерскій и которая, и въ годы подготовки реформы, и часто позднѣе, дѣйствительно руководила Самаринымъ, какъ обратная сторона его преданности народнымъ интересамъ, теперь смѣнилась стремленіемъ помочь дворянству согласовать свои интересы съ интересами крестьянъ. Политика Самарина нашла себѣ отзвукъ, и Самарское дворянство прониклось къ нему полнымъ довѣріемъ уже въ первые мѣсяцы его работы въ губернскомъ присутствіи. И Ю. Ѳ. высоко цѣнилъ и это довѣріе, и все новое настроеніе окружавшей его среды. Всего лучше сказалось это чувство въ очень извѣстномъ и дѣйствительно очень характерномъ для Самарина эпизодѣ отказа его отъ пожалованнаго ему ордена. Панинъ, совсѣмъ не раздѣлявшій воззрѣній Самарина, но, какъ всѣ, кто съ нимъ соприкасался, проникшійся къ нему глубокимъ уваженіемъ и цѣнившій въ немъ человѣка своего круга, 7 мая 1861 г. испросилъ высочайшее повелѣніе о награжденіи его орденомъ Владиміра III ст., казавшимся, очевидно, посѣдѣлому въ приказахъ Панину достойнымъ увѣнчаніемъ «одного изъ главныхъ и усерднѣйшихъ, по словамъ его всеподданнѣйшаго доклада, дѣятелей редакціонныхъ коммиссій». По полученіи ордена и письма Панина, которое орденъ сопровождало, Самаринъ отвѣтилъ такъ (привожу это не обнародованное письмо полностью): «Милостивый Государь, Графъ Викторъ Никитичъ, Начальникъ Самарской губерніи передалъ мнѣ присланные ему на мое имя знаки ордена Святого Равноапостольнаго

Князя Владиміра 3-ей степени и конвертъ, содержащій въ себѣ грамоту на упомянутый орденъ и письмо отъ 27 прошлаго Мая, коимъ Ваше Сіятельство изволили меня почтить. Обдумавъ зрѣло послѣдствія этой награды въ теперешнемъ моемъ положеніи, я пришелъ къ убѣжденію, что мнѣ нельзя принять ея, и потому я считаю себя обязаннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство позволить мнѣ, съ полной откровенностью, высказать тѣ причины, по которымъ я рѣшился отъ нея отказаться. — Всѣмъ извѣстно, что члены отъ Правительства Губернскихъ Комитетовъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые впослѣдствіи вызваны были въ Редакціонныя Коммиссіи, невольно навлекли на себя нерасположеніе большинства дворянства. Не трудно было предвидѣть, что неизбѣжное столкновеніе мнѣній въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ подастъ поводъ къ несправедливымъ нареканіямъ и къ заподозриванію самыхъ намѣреній. Вступая въ Комитетъ или Коммиссіи, всякій зналъ напередъ, чему онъ подвергается и готовился перенести терпѣливо эти временныя непріятности; въ то же время если не всѣ, то многіе, въ томъ числѣ и я, надѣялись, что, благодаря совершенно независимому положенію, которымъ пользовались члены отъ Правительства и члены-эксперты, ихъ нельзя будетъ заподозрить ни въ угожденіи Правительству, ни въ желаніи выслужиться. Эта надежда оправдалась. Не разъ, въ минуты крайняго раздраженія, зарождались обвиненія въ отступничествѣ отъ сословныхъ интересовъ дворянства, расчитанномъ на желаніи отличиться и получить награду; но оно падало само собою, потому что Правительство не давало ему пищи и не на что было указать. Я желалъ бы и впредь оставаться въ этомъ отношеніи неуязвимымъ. — Съ обнародованіемъ Положенія раздраженіе, сопровождавшее обсужденіе крестьянскаго вопроса, видимо стало утихать, и недавняя разсылка медалей всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ, безъ различія мнѣній и направленій, уравняло всѣхъ и, такъ сказать , закрѣпило примиреніе въ общемъ чувствѣ благоговѣйной признательности. Но да позволено мнѣ будетъ засвидѣтельствовать, какъ эксперту, въ дѣлѣ касающемся моего личнаго положенія, что это счастливое настроеніе непремѣнно нарушится всякимъ знакомъ отличія, пожалованнымъ тому или другому лицу, избранному изъ многихъ за его образъ мыслей или за его труды; ибо подобная награда, выдѣляя одного изъ ряда его товарищей и сотрудниковъ, указывая на него, какъ на лицо, въ особенности угодившее Правительству, не можетъ не оживить еще свѣжихъ воспоминаній о недавнихъ, раздражительныхъ столкновеніяхъ. У насъ теперь одно желаніе: покончить съ этими воспоминаніями и не переносить ихъ въ новую жизнь. — Если бы съ закрытіемъ Редакціонныхъ Коммиссій прекратилось мое пассивное участіе въ преобразованіи крестьянскаго быта, я бы

и не подумалъ останавливаться на ожидаемыхъ мною толкахъ, но я удостоился назначенія отъ Правительства въ Губернское Присутствіе и дорожу этимъ мѣстомъ. Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, нуженъ примирительный образъ дѣйствія, а гдѣ дѣло идетъ о примиреніи и соглашеніи, гдѣ предстоитъ каждому дѣйствовать своимъ лицомъ на другія личности, я не считаю себя въ правѣ пренебрегать даже предубѣжденіями той среды, въ которой я поставленъ. Напротивъ, я обязанъ отклонить отъ себя все то, что, не принося никакой пользы дѣлу, могло бы послужить поводомъ къ подозрѣніямъ и помѣшать мнѣ заслужить довѣренность мѣстнаго дворянскаго общества. — Знаю, напередъ, что, отказываясь отъ пожалованной мнѣ награды, я подвергаю себя другому подозрѣнію въ дерзкомъ желаніи высказать пренебреженіе къ знакамъ отличія. — Какъ ни чужда мнѣ подобная мысль, но противъ этого обвиненія я ничѣмъ себя оградить не могу. Отдавая себя на судъ Вашего Сіятельства, я позволю себѣ только прибавить, что, удостоившись назначенія отъ Правительства, я не могу дѣйствовать иначе, какъ по крайнему моему убѣжденію и считаю себя обязаннымъ высказывать мое убѣжденіе поскольку оно касается дѣла, которому я служу. Единственная моя цѣль: предупредить все то, что могло бы ухудшить настоящее мое положеніе, при которомъ я могу надѣяться принести дѣлу посильную пользу. — Возвращая при семъ присланные мнѣ орденскіе знаки и грамоту, съ глубочайшимъ почтеніемъ и полною преданностью имѣю честь быть — Вашего Сіятельства — покорнѣйшій слуга — Юрій Самаринъ. — Самара, Іюня 15-го 1861.»

Сама по себѣ предстоявшая Самарину въ губернскомъ присутствіи работа по приведенію въ дѣйствіе, въ духѣ «мира и соглашенія», новаго крестьянскаго положенія, состояла изъ частностей и мелочей. Только въ началѣ работъ присутствія — и совсѣмъ изрѣдка, позднѣе — приходилось составлять болѣе общія указанія и инструкціи мировымъ посредникамъ по примѣненію положенія, надо было выработать формы уставныхъ грамотъ, въ которыхъ должны были устанавливаться новыя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, составить проектъ урочнаго положенія о порядкѣ отбыванія барщинныхъ работъ временно-обязанными крестьянами, распоряжаться открытіемъ волостныхъ и сельскихъ обществъ, потомъ устанавливать образъ дѣйствій посредниковъ при отказѣ крестьянъ принимать составленныя уставныя грамоты и т. д. Все это очень занимало Самарина: онъ переписывался по возникавшимъ вопросамъ со своими товарищами по редакціоннымъ коммиссіямъ , работавшими на мѣстахъ и въ центрѣ, обдумывалъ всѣ подробности, совѣтовался съ мировыми посредниками. Но такой, болѣе принципіальной, работы было сравнительно немного. Главное, съ чѣмъ приходилось имѣть дѣло, было составленіе уставныхъ грамотъ по каждому

изъ имѣній губерніи. Какъ только началось приведеніе въ дѣйствіе положенія, губернское присутствіе — очевидно, по почину всегда необыкновенно аккуратнаго и добросовѣстнаго Ю. Ѳ., — приняло за правило всѣ безъ исключенія уставныя грамоты, въ томъ числѣ и тѣ, которыя присылались не на утвержденіе, а на храненіе, подвергать самой внимательной и точной провѣркѣ и немедленно требовать исправленія всѣхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ ошибокъ и недостатковъ, которые въ нихъ оказывались, не выжидая жалобъ. Работа эта, по отзыву Самарина, «мелочная и утомительная», и къ тому-же не составлявшая обязанности присутствія, была необыкновенно полезна, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Изъ сотенъ, прошедшихъ черезъ руки Самарина за два года до участія въ губернскомъ присутствіи, уставныхъ грамотъ, Самаринъ — взявшій на себя, какъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ губернскомъ комитетѣ, львиную долю работы, — убѣждался, что обѣ стороны, почти въ одинаковой степени, были неспособны справиться самостоятельно съ правильнымъ размежеваніемъ своихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Черезъ полтора года послѣ утвержденія акта 19 Февраля Самаринъ съ нѣкоторымъ ужасомъ разсказывалъ находившемуся заграницей Н. А. Милютину, что многіе дворяне и такъ не прочли положенія (17 Августа 1862 г.). — «Барская лѣнь и боязнь труда, — писалъ онъ другому пріятелю нѣсколько ранѣе, — иногда возвышаются до героическаго самоотверженія. Я часто вспоминаю разсказъ про того человѣка, который застрѣлился изъ страха дуэли» (Черкасскому, 29 Ноября 1861 г.). Если къ лѣни и барству одной стороны прибавить подозрительность и недовѣрчивость къ власти и къ дворянамъ другой стороны, то станетъ понятнымъ, почему составленіе уставныхъ грамотъ давало столько хлопотъ губернскому присутствію.

Но не работа въ присутствіи, — съ какимъ бы интересомъ къ ней ни относился Самаринъ (сохранилось письмо его къ Самарскому губернскому прокурору А. К. Жизневскому, въ которомъ, принося повинную по поводу какихъ-то словъ, сказанныхъ ему въ присутствіи, Самаринъ пишетъ: «я часто во зло употребляю терпѣніе и снисходительность моихъ товарищей по присутствію, я бываю жолченъ и раздражителенъ, спорю, отстаиваю свое мнѣніе и уступаю не такъ, какъ бы слѣдовало») — составляла сама по себѣ центръ умственной жизни Ю. Ѳ. за эти годы пребыванія въ Самарѣ. Его въ первую очередь занимали наблюденія надъ окружающимъ міромъ крестьянскихъ деревень и помѣщичьихъ усадебъ и надъ совершавшимся на его глазахъ великимъ переворотомъ въ его жизненномъ строѣ. Онъ провѣрялъ на этихъ наблюденіяхъ себя и свою дѣятельность по выработкѣ крестьянскихъ положеній. Письма къ друзьямъ и двѣ замѣчательныхъ статьи, напечатанныхъ въ «Днѣ» И. С. Аксакова въ Февралѣ 1862 г. подъ заглавіемъ — «Отвѣтъ на статьи Д. Ѳ. Самарина»,

статьи, подписанныя за него, во избѣжаніе родственной полемики въ печати, Д. Н. Рычковымъ, — даютъ возможность слѣдить за этими наблюденіями и за тѣми выводами изъ нихъ, которые онъ дѣлалъ.

Часть этихъ впечатлѣній опредѣленно радостно отзывалась въ душѣ Самарина. «Народъ нравственно выпрямился и переродился», пишетъ онъ Черкасскому 29 Ноября 1861 г. «Народъ... преобразился съ ногъ до головы, — читаемъ мы въ письмѣ къ Милютину 19 Мая 1861 г. Положеніе развязало ему языкъ, разбило узкій кругъ мыслей, въ которомъ народъ, какъ заколдованный, безцѣльно вращался, не имѣя выхода изъ своего положенія. Его рѣчь, его манеры, его походка, — все измѣнилось. Уже сейчасъ вчерашній крѣпостной выше казеннаго крестьянина, конечно, не въ экономическомъ отношеніи, но какъ гражданинъ, знающій, что у него есть права, которые онъ долженъ и можетъ защищать».

Открытіе волостныхъ и сельскихъ обществъ, на ускореніи котораго Самаринъ всячески настаивалъ въ началѣ работъ губернскаго присутствія, давало въ его глазахъ наглядное подтвержденіе того новаго настроенія крестьянства, которое онъ съ такой радостью наблюдалъ. «Основываясь на представленіи трехъ предводителей, — пишетъ Самаринъ А. Н. Татаринову, 3 Мая 1861 г., — мы взяли на себя немедленно приступить къ открытію сельскихъ и волостныхъ обществъ, чтобы положить конецъ существующему безначалію и поставить, на мѣстахъ, начальниковъ, отвѣтственныхъ за крестьянъ и за которыхъ сами крестьяне сознавали бы себя нравственно отвѣтственными; это уже исполнено по Самарскому уѣзду и приводится въ дѣйствіе по Ставропольскому. Послѣдствія были самыя благопріятныя. Порядокъ водворился, повинности отбываются лучше. Учрежденіе обществъ крестьянами повсемѣстно было принято къ сердцу, и они выбрали положительно лучшихъ людей». Черезъ четыре мѣсяца, когда картина новаго крестьянскаго самоуправленія раскрылась еще шире, Самаринъ такъ передаетъ Кошелеву свои выводы: «Лучшее, что мы сдѣлали, безъ всякаго сомнѣнія, это — немедленное и единовременное открытіе сельскихъ и волостныхъ обществъ.... Частные промахи искупаются съ избыткомъ огромною пользою. Чтобъ объяснить ее въ двухъ словахъ, я разскажу Вамъ одинъ случай. — Тому назадъ дней десять къ намъ явился прямо въ Присутствіе бурмистръ изъ Новоузенскаго уѣзда. Надобно Вамъ сказать, что этотъ уѣздъ и Николаевскій, вмѣстѣ взятые, вдвое болѣе Баваріи, оба находятся въ завѣдываніи одного предводителя, притомъ больного человѣка; мировыхъ посредниковъ взять рѣшительно неоткуда. Поэтому тамъ поневолѣ замедлилось открытіе сельскихъ обществъ и волостей. Вышереченный бурмистръ помолился на икону (зерцала у насъ нѣтъ), поклонился на всѣ три стороны и заговорилъ такъ: «Отцы

мои! сжальтесь: силъ моихъ не стало, совсѣмъ отъ рукъ отбились, не идутъ на работу, да и только. Кланяешься имъ, а они только рыло ворочаютъ, вздумаешь пристращать, а они огрызаются. Ужъ терпѣлъ я, терпѣлъ, да невмоготу стало» и т. д. — Чего жъ ты просишь? — «Да ужъ будьте милостивы, прикажите волость открыть и старшину выбрать». Мы переглянулись и стали допрашивать далѣе: да на что тебѣ волость? вѣдь не легче будетъ: пожалуй, и волостного слушаться не будутъ. «Какъ же можно. Волостного то? нѣтъ ужъ тутъ, значитъ, имъ повадки не будетъ. Ужъ волостной что прикажетъ, нельзя не исполнить. Мы вонъ видѣли въ Николаевскомъ уѣздѣ: какъ гдѣ поставили старшинъ, такъ сейчасъ пошли на работу и деньги внесли, что изъ конторы израсходованы на стороннихъ пахарей съ весны». Это сущая правда. Признаюсь Вамъ, меня даже иногда пугаетъ рѣшительность, съ которою новоизбранные старшины заступились за угнетенныхъ помѣщиковъ, и усердіе, съ которыми они выполняютъ требованія правительства. Соблазнъ власти великъ. Имъ *лестно* стать на ея сторонѣ и пріобщиться къ нашему кругу. До сихъ поръ ихъ нельзя еще ни въ чемъ обвинить. Въ каждомъ ихъ словѣ и дѣйствіи видно страстное желаніе уразумѣть Положеніе и выполнить его съ буквальною точностью; все это прекрасно, а между тѣмъ опасность предусматривается. Нѣкоторые пятидесятилѣтніе старшины стали учиться грамотѣ.» (29 Іюня 1861 г.)

Начинавшаяся жизнь крестьянскаго самоуправленія развивалась на глазахъ Самарина такъ складно, что въ немъ совершенно исчезло его старое предубѣжденіе противъ волостной,въ противоположность сельской, организаціи. Онъ призналъ его теперь своей грубой ошибкой. Опытъ убѣдилъ его, что въ тѣсныхъ предѣлахъ сельскаго общества не улеглось бы броженіе умовъ, что для безпристрастнаго разрѣшенія хозяйственныхъ вопросовъ, нужно было открыть именно высшую и именно крестьянскую общественную среду, въ которой, по разнопомѣстности ея состава, сглаживались бы рѣзкія противоположности частныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Онъ зналъ теперь, что волости, волостные суды, волостные старшины были необходимы и принесли огромную пользу.

Болѣе смутны и болѣе сложны были Самаринскія впечатлѣнія отъ чисто хозяйственной стороны акта 19 Февраля въ его жизненномъ приложеніи. Вѣрное основной мысли Самарина, крестьянское положеніе, какъ извѣстно, стояло на томъ, что съ введеніемъ его въ дѣйствіе открывается переходный періодъ временно-обязанныхъ отношеній. Безъ согласія помѣщика, крестьяне въ теченіе двухъ лѣтъ не могли переходить съ барщины на оброкъ, а выкупъ надѣльной земли при содѣйствіи правительства былъ дозволенъ только крестьянамъ состоящимъ на оброкѣ; такимъ образомъ немедленная ликвидація старыхъ хозяйственныхъ связей помѣщика и крестьянина была принудительно от-

срочена. Естественно, что центромъ всѣхъ деревенскихъ интересовъ въ первый моментъ послѣ освобожденія стала именно жизненная конструкція этихъ «временно-обязанныхъ» отношеній. Самаринъ продолжалъ вѣрить въ огромное воспитательное значеніе переходнаго періода въ жизни освобожденнаго крестьянства. Въ письмѣ къ Черкасскому, написанномъ 29 Ноября 1861 г., онъ утверждаетъ, что изъ девятимѣсячнаго испытанія актъ 19 Февраля вышелъ оправданнымъ и что въ условіяхъ происшедшей, первой послѣ Петровской реформы, прямой встрѣчи двухъ другъ отъ друга отнынѣ независимыхъ сословій лежали условія, необыкновенно благопріятныя для гражданскаго воспитанія крестьянъ. «Оно началось съ борьбы, съ тяжбы, продолжается благодаря этой борьбѣ, которую можно вести съ другимъ сословіемъ... Вотъ огромное историческое значеніе срочно-обязательныхъ отношеній. Не будь ихъ, число *казенныхъ* крестьянъ умножилось бы на 11 милліоновъ — и только. Свободныхъ крестьянъ всетаки бы не было. Правда, мы, помѣщики, служимъ теперь оселкомъ, для полировки крестьянъ; они шлифуются о наши бока. Тяжело, но неизбѣжно».

Однако, не сознаніе «историческаго значенія» временно-обязанныхъ отношеній составляло, конечно, содержаніе переживаній самарскихъ мужиковъ и самарскихъ помѣщиковъ. Прежде всего, крестьянство. Его отношеніе къ акту 19 февраля всего больше интересовало Самарина, и Самаринское описаніе настроеній крестьянской массы послѣ 19 февраля глубоко и проницательно. Я приведу ее въ двухъ варіантахъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга полугодомъ, изъ которыхъ первый ярко передаетъ непосредственныя конкретныя впечатлѣнія, а второй поднятъ до высотъ отвлеченной исторической формулы. Въ письмѣ къ Кошелеву 29 Іюня 1861 г., на которое я уже ссылался, мы читаемъ: «Со дня обнародованія манифеста, народъ пережилъ два періода и теперь вступилъ въ третій. Первый періодъ я назову періодомъ тупого недоумѣнія и грустнаго разочарованія. Это была пора сумасбродныхъ толковъ, нелѣпыхъ ожиданій, Богъ вѣдаетъ откуда всплывшихъ историческихъ воспоминаній и *угрозъ*, впрочемъ, далеко не искреннихъ, а такъ, пущенныхъ на вѣтеръ. Пьянства не было. Затѣмъ началась пора самыхъ разнообразныхъ попытокъ и опытовъ, посредствомъ которыхъ народъ старался на практикѣ извѣдать предѣлы отведеннаго ему простора. Безграмотному люду нужно было узнать, до какой степени можно теперь безнаказанно не слушаться приказчиковъ, грубить нарядчикамъ, не выходить на работу и дразнить помѣщиковъ. Народъ началъ расправлять свои усталые члены и потягиваться во всѣ стороны, но какъ скоро онъ ударялся объ стѣну, такъ онъ немедленно убиралъ свои раскинутыя руки и ноги. Встрѣтивъ отпоръ, онъ зарубилъ себѣ на память: А! значитъ далеко зашелъ, этого

нельзя. Согласитесь, это больше ничего, какъ своего рода процессъ чтенія Положенія... Наконецъ, народъ убѣдился, что до поры до времени той вольности, которой онъ ожидалъ, съ даровой, *выслуженной* землею ему не дано, что два года нужно поработать и обождать. Двугодичный срокъ глубоко засѣлъ въ умахъ. Крестьяне еще далеко не отреклись отъ своихъ надеждъ, но они отсрочили ихъ на два года, а между тѣмъ они очень охотно и не морщась принимаютъ всѣ тѣ права и льготы, которыя имъ дарованы съ перваго дня. Значитъ Положеніе *принято*...». А вотъ второй варіантъ того же описанія въ статьѣ за подписью Д. Н. Рычкова въ газетѣ «День», въ Февралѣ слѣдующаго года. «Сколько я могу судить по моимъ наблюденіямъ, взглядъ народа на поземельныя отношенія есть не что иное, какъ живое воспоминаніе о тѣхъ историческихъ условіяхъ, среди которыхъ установилось крѣпостное состояніе. Минута закрѣпленія была началомъ того громаднаго переворота въ нашей исторіи, котораго прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ было устраненіе народа, или низведеніе живого историческаго дѣятеля на степень историческаго вещества. Съ тѣхъ поръ народъ погрузился въ историческій сонъ; исторія проходила мимо него, опоражнивая его карманы, высасывая изъ него кровь, перебрасывая его со стороны на сторону; но самъ онъ не принималъ въ ней живого и сознательнаго участія. Она для него не существовала. Теперь — народъ пробуждается, протираетъ глаза, припоминаетъ, что съ нимъ было, и естественно — первое его слово прямо обращается къ той минутѣ, давно прошедшей, которая предшествовала его двухвѣковому забытью. Онъ вступаетъ во вторую половину XIX вѣка съ кристализованными понятіями XVII в. *о служебно-помѣстномъ характерѣ помѣстнаго землевладѣнія* и прямо примѣняетъ ихъ къ настоящему своему положенію. Первое его слово: мірскую то землю кажись я *выслужилъ*. Если бы онъ зналъ исторію, какъ знаемъ ее мы, онъ обратился бы къ намъ съ такою рѣчью: «Земля была вамъ дана, чтобы вы съ нея отбывали царскую службу. Такъ прослужило у васъ не одно поколѣніе и вотъ, наконецъ, вы себѣ землю выслужили; стала она ваша крѣпостная, хоть служи, не служи, а все земля ваша и ни повинности, ни выкупа съ васъ никто не беретъ. Какъ есть выслужили. Служили и мы вашей братьѣ, вѣкъ ли, два ли, а можетъ и больше; служили и въ зной и морозъ, серпомъ и косою, служили пѣшую и конную службу — теперь и наше время пришло. Увольняетъ насъ Царь отъ службы. Будетъ , молъ, православный народъ, послужилъ ты на своемъ вѣку довольно и выслужилъ ты себѣ мірскую землю трудомъ и потомъ; кормись съ нея во вѣки вѣчные. Такъ то». Вы понимаете, что вся сила этого представленія заключается въ мысли *о необходимости и законности повторенія затверженной формулы и примѣненія ея къ условіямъ, сверху до низу измѣнившимся*. Но очень бы ошиблись тѣ, которые пришли бы къ заклю-

ченію, что изъ этого взгляда истекаютъ *всѣ* современныя явленія, вызванныя настоящей реформой, и что *всѣ* сужденія крестьянъ о ней суть только выводы изъ этого основного понятія. Я сказалъ, что историческія воспоминанія — *первое* слово пробудившагося народа, и повторяю: *первое*, но отнюдь не *послѣднее*. Рядомъ съ воззрѣніемъ, которое есть какъ бы выводъ изъ историческихъ данныхъ, слагается другое воззрѣніе, возникающее *изъ живого сравненія чисто практическихъ ощущеній нынѣшняго быта съ вчерашнимъ*. Народъ не задается вопросами о томъ: что это рента или оброкъ, барщина или плата за землю? Вотчинный начальникъ или баринъ? Выборный или чиновникъ? Онъ просто вдумывается въ цѣлую совокупность условій и отношеній, опредѣленныхъ царскимъ указомъ, и сравниваетъ ихъ съ прежними условіями и отношеніями, чтобы окончательно уяснить себѣ, легче ли стало противъ прежняго и насколько... «Все Положеніе не годится и мы ничего не подпишемъ» — это своимъ чередомъ — «а ну-ка теперь давай расчитывать!» И тутъ выступаетъ наружу неподкупный здравый смыслъ, зоркость, проницательность, изворотливость и находчивость, такъ часто ставящіе насъ въ тупикъ... Вотъ къ чему сводятся мои наблюденія: въ народныхъ толкахъ и сужденіяхъ о новомъ положеніи обозначаются *два воззрѣнія*: одно истекаетъ изъ историческаго *воспоминанія*, другое изъ *чисто практической оцѣнки* условій новаго быта; теперь оба эти воззрѣнія сталкиваются и скрещиваются, но *первое постепенно вытѣсняется вторымъ* и мало по малу перерабатывается подъ его вліяніемъ.»

Въ конечномъ счетѣ настроеніе крестьянской массы оказывалось, въ глазахъ Самарина, въ общемъ удовлетворительнымъ для осуществленія реформы въ томъ видѣ, какъ она была задумана. Въ отчаяніе приводило Самарина дворянство — теперь не своимъ крѣпостничествомъ, а своей слабостью и неспособностью вложить энергію въ дѣло выполненія ложившейся на него въ срочно-обязанный періодъ задачи. «Дворяне, — разсказываетъ онъ въ письмѣ къ Черкасскому 29 Ноября 1861 г., — просятъ принудительнаго перевода на оброкъ, принудительнаго выкупа — всего, что угодно, лишь бы скорѣе развязаться безъ хлопотъ. Барская лѣнь и боязнь труда иногда возвышаются до героическаго самоотверженія». При такомъ стремленіи трудно было внушить дворянству пониманіе воспитательнаго значенія переходнаго періода, которое было у Самарина.

Правительство, въ лицѣ близкаго дворянству новаго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, впрочемъ, облегчило трудную задачу построенія временно-обязанныхъ отношеній. 27 Іюня 1862 г. послѣдовалъ законъ — мало извѣстный, но по существу заслуживающій въ исторической памяти стоять рядомъ съ положеніями 19 Февраля — о распространеніи правительственнаго содѣйствія выкупу надѣловъ на крестьянъ, состоявшихъ на

барщинѣ. Создавалось механическая ликвидація переходнаго періода сохраненной по акту 19 Февраля части крѣпостного строя. Самаринъ былъ естественно недоволенъ этой мѣрой. Извѣстіе, что законъ будетъ изданъ, привезъ въ Самару замѣнившій Катенина, новый генералъ-губернаторъ Безакъ въ Маѣ 1862 г. Самаринъ увидѣлъ въ немъ только признакъ лихорадочнаго метанія и безпомощности правительства. Новый актъ для него знаменовалъ подрывъ правительственнаго авторитета на мѣстахъ; какъ нарочно, нашли нужнымъ вмѣшаться въ дѣло, когда оно пошло было на ладъ само собою. «Я всѣми мѣрами возставалъ, — оцѣнивалъ Самаринъ новый законъ въ письмѣ къ Черкасскому 27 Августа 1862 г., — противъ новаго положенія о выкупѣ..., потому что оно преждевременно... Я вижу тутъ искусственный перерывъ органическаго процесса, завязавшагося при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Беременная женщина стонетъ и мечется, но кто вздумаетъ, изъ состраданія, ускорить роды, тотъ получитъ выкидышъ, вмѣсто здороваго ребенка».

Вѣрный разъ выбранной линіи, Самаринъ сохранилъ до конца своего пребыванія въ Самарѣ вполнѣ дружественныя отношенія съ мѣстнымъ дворянствомъ. Оно чествовало его обѣдомъ и горячими рѣчами передъ его отъѣздомъ, собрало деньги на стипендіи его имени, словомъ всячески выражало ему признательное вниманіе и симпатію. Самаринъ совершенно искренно радовался этому искупленію всей вражды 1858 — 1859 гг. Но въ душѣ онъ уносилъ съ собой изъ Самары глубокое убѣжденіе въ безсиліи и неспособности къ дѣлу верховъ русскаго общества, въ его «застоѣ, лѣни, дряблости, вялости, отсутствіи костей и мускуловъ». Это чувство — именно потому, что въ самомъ Самаринѣ были «кости и мускулы» — не только не вызывало въ немъ желанія уйти и замкнуться внѣ убогой русской мѣстной жизни, но, напротивъ того, какъ бы закаляло его волю и его твердую рѣшимость отдать себя въ будущемъ строительству этой жизни. «Теперь нужны не зодчіе, а каменщики; не планы сочинять, а кирпичи класть», — писалъ онъ Н. А. Милютину черезъ мѣсяцъ послѣ своего отъѣзда изъ Самары, въ Іюнѣ 1863 г.

---

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

---

# Польская миссія.

1863 — 1864.

I.

Самаринъ, какъ и вся Россія, былъ глубоко захваченъ польскимъ возстаніемъ 1863 г. Въ монотонной работѣ крестьянскаго присутствія и тихой жизни Самары извѣстія о вспыхнувшемъ въ концѣ Января движеніи и о вмѣшательствѣ европейской дипломатіи воспринимались особенно ярко, а открыто написанный на знамени возставшихъ лозунгъ возстановленія исторической Польши воскрешалъ старыя размышленія Самарина о судьбѣ русскихъ окраинъ и русскомъ государственномъ единствѣ, отодвинутыя на второй планъ въ годы крестьянской реформы. Въ Апрѣлѣ предводители дворянства обратились къ Самарину съ просьбой составить всеподданнѣйшій адресъ Самарскаго дворянства по поводу возстанія, и Самаринъ вложилъ въ него всю полноту переживавшихся имъ чувствъ. «Несмотря на скудость доходящихъ до насъ изъ за границы извѣстій, русское сердце давно почуяло, что новая туча надвигается на насъ съ Запада»; стремясь ослабить и унизить «неразгаданную ими Россію» западные политики задумали «наше домашнее дѣло поднять на степень обще-европейскаго вопроса». Но недруги ошибутся въ расчетахъ. «Пусть на бумагѣ и въ рѣчахъ сочиняютъ небывалую исторію, переименовываютъ цѣлыя племена и отписываютъ къ Польшѣ половину Россіи: земля русская заявитъ свое единство». И въ концѣ адреса славянскія ноты: «Мы не потребуемъ отплаты за разсчитанныя оскорбленія и за невинную, коварно-пролитую кровь, но сбережемъ для лучшихъ временъ сознаніе нашего племенного родства съ поляками. Пусть знаютъ они, что не мы обрадуемъ враговъ славянскаго міра отреченіемъ отъ увѣренности, что рано или поздно благодушіе побѣдитъ озлобленіе, улягутся предубѣжденія и примиренные поляки протянутъ намъ братскую руку».

Въ письмѣ къ И. П. Арапетову отъ 26 Апрѣля 1863 г. ярко выразилось все, что перечувствовалъ Самаринъ при извѣстіяхъ о польскомъ возстаніи и дипломатической кампаніи про-

тивъ Россіи. Письмо это не обнародовано и заслуживаетъ воспроизведенія полностью. «Любезнѣйшій Иванъ Павловичъ, — пишетъ Самаринъ, — теперь, конечно, не время писать длинныя письма; но Вы не можете себѣ представить, до какой степени невыносимо въ настоящую минуту жить въ глуши. Положеніе таково, что приходится желать войны, какъ бы мы ни были неподготовлены къ ней. Послѣдствія самой несчасной войны, при неравныхъ силахъ, не могутъ быть хуже тѣхъ условій, съ которыми связано соблюденіе мира во что бы ни стало. Тутъ поднятъ вопросъ не только государственный, но земскій и, если ужъ непремѣнно нужно произносить это слово — вопросъ династическій. Въ моихъ понятіяхъ, война дѣло рѣшенное, а при предстоящей такой войнѣ роль каждаго, способнаго поднять ружье, ясна. Всѣ ждутъ ополченія или чего нибудь въ этомъ родѣ. Собственно по этому-то поводу я къ Вамъ и пишу. Въ настоящее время, здѣсь въ губерніи настроеніе такозо, что лучшіе люди изъ дворянства и купечества (изъ молодого) по первому призыву пойдутъ съ радостью въ волонтеры. Я говорю о тѣхъ, которыхъ я знаю, съ которыми я говорилъ. Конечно, ихъ немного, какихъ нибудь человѣкъ восемь или десять: но это цвѣтъ губерніи: предводители, посредники, богатѣйшіе изъ купцовъ. Есть поводъ думать, что за ними потянутся другіе. Разумѣется, все это даже не капля, а еще меньше капли; но дѣло въ томъ, что въ этой былинкѣ заключается хорошая *закваска*. Маленькая артель охотниковъ можетъ раздвинуться и принять въ свой составъ цѣлое губернское ополченіе. Капля можетъ окрасить всю безцвѣтную массу. Образовать хорошіе кадры — это, мнѣ кажется, единственное средство предупредить повтореніе тѣхъ пошлостей, гадостей и гнусностей, которыми запятнали себя всѣ ополченія въ прошлую войну. По моему мнѣнію, слѣдовало бы, когда дойдетъ до того: во-первыхъ, вызвать *охотниковъ* изъ *всѣхъ сословій безъ различій* для образованія изъ нихъ вольныхъ стрѣлковыхъ ротъ. Принимать ихъ всѣхъ совершенно на одинаковыхъ правахъ (это необходимо) и не такъ, чтобы коллежскихъ совѣтниковъ переименовывать въ ротныхъ командировъ. Во-вторыхъ, единовременно открыть пожертвованія для содержанія вольныхъ ротъ или артелей и для ихъ вооруженія. Въ третьихъ, каждой изъ нихъ дать по возможности самостоятельное устройство, въ хозяйственномъ и дисциплинарномъ отношеніи, между прочимъ — право исключать изъ среды своей недостойныхъ, право вербовать новыхъ охотниковъ и т. д. Обучить охотниковъ стрѣльбѣ и необходимымъ маневрамъ, можно, кажется, довольно скоро, если взяться за дѣло съ толкомъ. Повторяю опять — все это мелочь; но когда противъ насъ пущены въ ходъ всѣ средства передней пропаганды, мнѣ кажется, ничѣмъ пренебрегать не должно. Движеніе, охватившее теперь всю Польшу, тоже началось съ

мелочей; одинъ подбивалъ другого, двое вербовали третьяго, мало по мало накоплялась шайка или, какъ нынче говорятъ, — *банда*, за нею другая и т. д. Наше правительство находится въ такомъ положенiи, что оно можетъ легко усвоить себѣ весь механизмъ революцiонной пропаганды, ни мало, ни на волосъ не теряя власти. Напротивъ, если оно съ перепугу или въ видѣ задабриванiя вздумаетъ съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться властью, оно выпуститъ изъ своихъ рукъ тотъ рычагъ, которымъ оно теперь еще можетъ поднять всю землю. Разумѣется, я пишу наугадъ, не зная ровно ничего; но мнѣ не хотѣлось бы сидѣть на мѣстѣ, сложивъ руки. Здѣсь въ крошечномъ, микроскопическомъ кружкѣ, я имѣю нѣкоторое влiянiе — вчера подписанъ единогласно собравшимися дворянами не пошлый адресъ, мною написанный. Мнѣ удалось убѣдить здѣшняго батальоннаго командира, чтобъ онъ допустилъ насъ (человѣкъ шесть) участвовать вмѣстѣ съ солдатами въ ученiи цѣльной стрѣльбѣ. Публики, вѣроятно, наберется довольно. Я прошу только *намека*. Что дѣлать? Къ чему готовиться и готовить другихъ? Вы, именно Вы, по Вашимъ связямъ можете мнѣ дать этотъ намекъ. Вы знаете меня не со вчерашняго дня и потому нѣтъ надобности увѣрять Васъ, что я буду держать про себя, чего разглашать не нужно. Еще одно слово. Когда же, наконецъ, развяжутъ языкъ Аксакову и Дню? Не пускаю въ ходъ другихъ соображенiй, неужели правительство не убѣдится, наконецъ, что очень выгодно имѣть при себѣ людей не подкупленныхъ, не безстрастныхъ, отъ которыхъ бы можно было отречься, если они черезчуръ заврутся, какъ отступился Наполеонъ отъ своего двоюроднаго братца, имъ же спущеннаго съ цѣпи. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не Сѣверная же Почта съ ея величавымъ безстрастiемъ, англiйскими прiемами и самодѣльнымъ языкомъ, во всякомъ случаѣ не русскимъ, расшевелитъ умы и возбудитъ энергiю въ обществѣ. Завтра, здѣшнее депутатское собранiе, по порученiю дворянства, подпишетъ приглашенiе всѣмъ Самарцамъ, пребывающимъ заграницей, вернуться домой. Мнѣ поручено написать. Статья Касьянова въ Днѣ сдѣлала свое дѣло. — Дружески Васъ обнимаю. Ю. Самаринъ. P. S. Передайте мой дружескiй поклонъ друзьямъ и въ особенности Дмитрiю Алексѣевичу Милютину. Когда Вы ждете Николая Милютина?»

При такомъ настроенiи, несмотря на всю его выдержку, сидѣть за Волгой, когда съ Запада, казалось, шла гроза, Самарину было невыносимо, и онъ торопливо заканчивалъ дѣла присутствiя, чтобы поскорѣе попасть въ Москву. Еще въ Апрѣлѣ изъ Самары онъ послалъ въ «День» свою первую статью по польскому вопросу, и теперь его страстно тянуло спять оказаться въ центрѣ и принять непосредственное участiе въ начавшейся вокругъ польскихъ дѣлъ борьбѣ. Изъ Самары онъ

проѣхалъ въ Москву, а оттуда въ Петербургъ. Недѣля, проведенная въ Іюлѣ 1863 г. въ Петербургѣ, съ друзьями временъ редакціонной коммиссіи, оставила въ немъ смѣшанное чувство. Онъ пришелъ къ выводу, что собственно въ Петербургѣ ему дѣлать было нечего. Сравнительно съ 1859 и 1860 гг., обстановка тамъ дѣйствительно измѣнилась. У власти стояли новые люди: вмѣсто назначеннаго сенаторомъ и отдыхавшаго за-границей Милютина внутренними дѣлами вѣдалъ Валуевъ, который всегда былъ Самарину весьма непріятенъ; Ростовцовъ былъ въ могилѣ, Панинъ ушелъ изъ министерства юстиціи; великій князь Константинъ Николаевичъ былъ намѣстникомъ въ Варшавѣ; оставалась вел. княгиня Елена Павловна, начинавшая, впрочемъ, утрачивать свое прежнее положеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Самаринъ почувствовалъ, какъ привыкли прислушиваться къ его голосу и какое значеніе придавалось его мнѣнію и его публицистикѣ. Вернувшись къ матери въ подмосковную (Рожественно Серпуховскаго у.), онъ, подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, съ особеннымъ воодушевленіемъ взялся за перо, и къ Сентябрю были готовы три большихъ статьи, частью посвященныхъ непосредственно польскому дѣлу, частью съ нимъ связанныхъ.

Въ этой серіи статей, помѣщенныхъ въ 1863 г. въ «Днѣ», мысль Самарина развита во всей полнотѣ. Послѣ пяти лѣтъ большей частью довольно конкретныхъ размышленій надъ довольно конкретными вопросами, Самаринъ особенно охотно вернулся къ основнымъ началамъ своей политической философіи, чтобы въ нихъ найти мѣрило оцѣнокъ въ польскомъ вопросѣ.

Опять на очереди споръ западничества и славянофильства. Въ большой статьѣ подъ заглавіемъ «По поводу мнѣнія Русскаго Вѣстника о занятіяхъ философіей, о народныхъ началахъ и объ отношеніи ихъ къ цивилизаціи» («День», 7 Сентября) Самаринъ опровергаетъ, въ самомъ дѣлѣ довольно комичную по своей «западнической» запальчивости, замѣтку тогда «либеральнаго» Катковскаго журнала. Не стоитъ вспоминать подробностей полемики: Русскій Вѣстникъ отвѣчалъ Страхову, а Страховъ, по поводу польскихъ дѣлъ, противопоставилъ Россію Западу; намъ пришлось бы уклониться далеко въ сторону, если бы мы взялись за разборъ всего этого сцѣпленія забытыхъ статей. Въ существѣ дѣла, споръ вызванъ былъ порожденнымъ польскимъ возстаніемъ и нѣсколько наивнымъ стремленіемъ части русскаго общества противопоставить нежданному дипломатическому походу Европы громкое заявленіе солидарности обновленной Россіи съ Западомъ и западнымъ, какъ тогда говорили, «прогрессомъ». Всѣ положительные выводы статьи Самарина направлены противъ этого настроенія. Приливъ «западничества» по поводу польскихъ дѣлъ

заставляетъ его вновь провозгласить свой національный тезисъ. Онъ выраженъ такъ: «Всякое творчество, личное и народное, всякое движеніе впередъ предполагаетъ непремѣнно вѣру въ силы, еще не проявленныя, именно вѣру, то есть живое извѣщеніе чаемаго, способность предчувствовать будущій фактъ, въ тѣхъ внутреннихъ побужденіяхъ, которыя должны въ немъ выразиться. Поэтому когда русскіе цивилизованные люди, съ самодовольной улыбкой искушенной мудрости, говорятъ: «да гдѣ же эти пресловутыя народныя начала, покажите ихъ, дайте ощупать и взвѣсить, тогда и мы охотно имъ повѣримъ»— они этимъ заявляютъ только свою неспособность къ участію въ народномъ творчествѣ и добровольно, какъ бы выписываясь изъ среды своего народа, становятся къ нему въ отношеніи стороннихъ зрителей. Тѣ также не откажутся отъ признанія, когда все будетъ высказано, проявлено и доказано».

Таковъ основной источникъ національизма Самарина. Для него значеніе и цѣнность Россіи не измѣряется степенью усвоенія ею «такъ называемой общей цивилизаціи». Различіе между Россіей и Западомъ не количественно, а качественно. Напрасно «Русскій Вѣстникъ» пытается доказать, что въ польскомъ вопросѣ конфликтъ вызванъ подкупомъ европейской журналистики и неосмысленными притязаніями поляковъ. Напротивъ того, конфликтъ носитъ органическій характеръ. Какъ только въ эпоху Крымской войны Россія сдѣлала попытку вести на Востокѣ національную политику, вся Европа ополчилась на нее, вопреки увѣреніямъ дипломатіи, что она необходима въ системѣ Европейскаго равновѣсія. Въ польскомъ вопросѣ повторяется тоже самое. Притязанія поляковъ не случайны. Они вытекли изъ исторической роли Польши, какъ передовой дружины латинства въ восточной Европѣ.

«Не согласится ли Русскій Вѣстникъ признать, — пишетъ Самаринъ, во-первыхъ, что между Россіею, землею, населенною Славянскимъ племенемъ, землею православною, имѣвшею свою особенную историческую судьбу, и всѣми Латино-Германскими и католико-протестантскими землями существуетъ разница болѣе существенная, болѣе глубокая, чѣмъ та, которая усматривается при сравненіи этихъ земель между собою или съ Польшею; во вторыхъ, что во всемъ, что обусловливается въ жизни началами религіознымъ, политическимъ и племеннымъ, Россія должна развиваться самобытно, и хотя бы результаты, къ которымъ она придетъ, расходились далеко съ результатами развитія народовъ Западныхъ, однако, мы этимъ нисколько не должны смущаться; въ третьихъ, наконецъ, что заимствованіе должно ограничиться тою областью, которая относится индиферентно къ этимъ кореннымъ началамъ, то есть областью фактическаго знанія, внѣшняго опыта и матеріальныхъ усовершенствованій».

Школа Хомякова цѣликомъ видна на этихъ предпосылкахъ Самаринской оцѣнки политическаго положенія 1863 г. Польскій вопросъ для него, прежде всего, столкновеніе западнаго латинства и русскаго православія. Въ статьѣ, посланной въ «День» изъ Самары ранней весной 1863 г. и отражающей на себѣ невольное упрощеніе всякаго вопроса, вызываемое отдаленностью впечатлѣній, это пониманіе польскихъ дѣлъ выражено особенно рѣзко, и, надо сказать, безъ чувства мѣры. Самаринъ назвалъ статью «Какъ относится къ намъ Римская Церковь?» (День, II Мая) и утверждалъ въ ней, что польскія событія сорвали маску съ римской церкви въ ея отношеніяхъ къ Россіи; дѣлавшіяся раньше попытки сближенія съ русскимъ народомъ кончены, ибо католичество открыто приняло участіе во всѣхъ преступленіяхъ, которыми запятнала себя возставшая Польша. «Изъ густого лѣса пробирается въ деревню... банда инсургентовъ. Впереди всѣхъ ѣдетъ ксендзъ. Не болѣе какъ часъ тому назадъ, онъ, можетъ быть, приносилъ на алтарѣ безкровную жертву. Въ одной его рукѣ остался крестъ, а въ другой... чтобы вы думали? Уже не Петровъ ли мечъ, не символъ ли духовной власти? Нѣтъ, этотъ мечъ, дававшій нѣкогда размахи на всю вселенную, давно уже выпалъ изъ одряхлѣвшей руки. Онъ сданъ въ арсеналъ, и, вмѣсто меча, въ рукѣ служителя Латинской церкви шестиствольный револьверъ. Гдѣ не беретъ слово, тамъ возьметъ пуля и пробьетъ насквозь неподдающійся увѣщанію черепъ, будь онъ мужской или женскій. Передъ судомъ церкви вѣдь всѣ равны». Эти, звучащія почти кощунственно, слова не вяжутся съ высокими примирительными тонами, которыми кончался составленный Самаринымъ всеподданнѣйшій адресъ Самарскаго дворянства. Но мы не разъ еще встрѣтимъ въ жизни Самарины минуты, когда политическая страсть ослѣпляетъ коренной либерализмъ его воззрѣній и его политической дѣятельности.

Въ статьѣ «Современный объемъ польскаго вопроса», написанной лѣтомъ въ Рожественѣ и напечатанной въ «Днѣ» 21 Сентября, тоже основное пониманіе польскаго вопроса, какъ борьбы двухъ религіозныхъ стихій, выражено Самаринымъ уже несравненно глубже и лучше, чѣмъ въ страстныхъ и поверхностныхъ формулахъ перваго, весенняго, его выступленія въ печати по польскому дѣлу. Здѣсь на лицо тщательно продуманная оцѣнка событій и зрѣлыя указанія о путяхъ разрѣшенія вопроса. Мысли Самарина высказаны наканунѣ его привлеченія къ активной государственной работѣ въ царствѣ и служатъ такимъ образомъ какъ бы напутствіемъ къ этой работѣ. Больше того: въ нихъ зерно политики не одного Самарина и его друзей, но и послѣдующихъ поколѣній русскихъ оффиціальныхъ дѣятелей въ Польшѣ, вплоть до начала міровой войны.

Польскій вопросъ слагается, думаетъ Самаринъ, изъ трехъ по существу различныхъ вопросовъ: о полякахъ, какъ вѣтви сла-

вянскаго племени, о Польшѣ, какъ самостоятельномъ государствѣ, и о полонизмѣ, какъ особомъ просвѣтительномъ началѣ, представляющемъ латинство среди славянскаго міра. Политика поляковъ заключается въ отождествленіи этихъ трехъ началъ, русская политика должна заключаться въ ихъ разъединеніи.

Для Самарина не составляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что поляки, обладающіе всѣми условіями «народной личности», имѣютъ право на свободное проявленіе народной жизни — свободу вѣроисповѣданія, народный языкъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, своеобразіе гражданскаго быта. Но отсюда не слѣдуетъ, говоритъ Самаринъ, что Польша необходимо должна составлять особое государство. Національность сама по себѣ еще не оправдываетъ притязанія на политическую самостоятельность; съ другой стороны, не всякое сложившееся государство должно быть обликомъ непремѣнно одной народности. Поэтому вопросъ о польскомъ государствѣ долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса о польской національности. Первый вопросъ рѣшенъ отрицательно совокупностью условій историческаго развитія Польши.

Польское государство, въ глазахъ Самарина, погибло потому, что оно было носителемъ полонизма, воинствующихъ католическихъ началъ. Въ угоду латинству Польша пожертвовала національными, славянскими, элементами своей природы, латинство привило ей неестественную борьбу съ остальнымъ славянствомъ, которая привела къ гибели польскую государственность. Въ этомъ трагизмъ ея исторіи. «Во имя своей народности она требуетъ для себя политическаго господства надъ другими, равноправными съ нею народностями и оправдываетъ это притязаніе обѣтомъ — служить просвѣтительному началу, которое сгубило и губитъ ея внутреннюю жизнь».

Конфликтъ между Россіей и полонизмомъ такъ глубокъ, что тщетны, думаетъ Самаринъ, надежды найти немедленное окончательное рѣшеніе польскаго вопроса. Полное примиреніе поляковъ съ русскими не есть «дѣло рѣшительно и навсегда невозможное», но оно совершится только тогда, когда Польша отречется отъ роли передового борца за латинство противъ другихъ славянъ, а это наступитъ не скоро. Сейчасъ надо рѣшать польскій вопросъ не съ точки зрѣнія отдаленныхъ перспективъ будущаго внутренняго русско-польскаго мира, а съ точки зрѣнія наличныхъ русскихъ интересовъ, держась въ предѣлахъ политически и нравственно-возможнаго.

Программа реальнаго рѣшенія польскаго вопроса рисуется Самарину въ слѣдующихъ основныхъ чертахъ. Надо, прежде всего, подавить возстаніе самыми дѣйствительными мѣрами, военной диктатурой и улучшеніемъ положенія крестьянъ. Затѣмъ надо локализировать вопросъ о Польшѣ въ предѣлахъ царства и для того «подрѣзать въ Западныхъ губерніяхъ и на Украйнѣ всѣ корни полонизма и обезпечить тамъ преобладаніе русской и право-

славной стихіи надъ латино-польскою». Завоевавъ Польшу и взявъ въ свои руки рѣшеніе судьбы царства, Россія можетъ выбрать одинъ изъ двухъ — единственно возможныхъ по мнѣнію Самарина — путей: или нераздѣльное сочетаніе Польши съ Россіей безспорнымъ утвержденіемъ русской власти въ краѣ или полное отреченіе России отъ Царства. Сейчасъ второй путь практически невозможенъ, и надо идти первымъ путемъ. Промежуточныя рѣшенія, раздѣльность подъ скиптеромъ одной династіи, административная автономія, и т. д., осуждены опытомъ и въ будущемъ не должны повторяться. Въ этомъ отрицаніи всякихъ формулъ польской автономіи въ составѣ русскаго государства и предпочтеніи имъ открытаго отказа отъ Польши Самаринъ вѣренъ традиціямъ русскаго консерватизма. Еще Николай I высказывалъ эту мысль, а наканунѣ возстановленія польской независимости во время міровой войны ея держались, вопреки представителямъ русскаго либерализма, наиболѣе правые элементы русской высшей бюрократіи.

## 2.

Когда въ умѣ Самарина, въ деревенской тиши, слагались всѣ эти положенія, онъ былъ далекъ отъ мысли, что очень скоро ему придется принять живое и непосредственное участіе въ направленіи польскихъ дѣлъ.

Мы видѣли, что одной изъ первоочередныхъ мѣръ въ Польшѣ Самаринъ считалъ крестьянскую реформу. Въ этомъ мнѣніи онъ не былъ одинокъ. Напротивъ того, сознаніе необходимости пересмотра польскаго крестьянскаго законодательства было тогда въ русскихъ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ всеобщимъ. Осуществленіе такой реформы не могло обойтись безъ Самарина. Въ концѣ Августа 1863 г. В. А. Арцимовичъ, пріѣхавшій въ Москву, чтобы проститься съ семьей передъ отъѣздомъ въ Польшу, куда его посылалъ Александръ II въ качествѣ будущаго начальника польскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, телеграммой вызвалъ Самарина изъ деревни, прося совѣта по крестьянскому дѣлу въ Польшѣ. Это первое обращеніе за его помощью застало Самарина готовымъ къ активному участію въ польскихъ дѣлахъ. Всѣ его размышленія послѣдніе мѣсяцы вращались вокругъ Польши, и онъ переживалъ приливъ энергіи и бодрости, тяготѣніе къ большимъ политическимъ вопросамъ и большой политической дѣятельности послѣ мелочей Самарской работы. Онъ тотчасъ же откликнулся на приглашеніе Арцимовича и выѣхалъ въ Москву. Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ о бесѣдахъ его съ Арцимовичемъ между 2 и 7 Сентября, но составленная послѣднимъ за эти дни записка по польскимъ дѣламъ, носящая явные слѣды вліянія мыслей Самарина, обнаруживаетъ, что въ крестьянской реформѣ по образцу русской, даже съ такими

ея подробностями, какъ община и крестьянское самоуправленіе, Самаринъ видѣлъ лучшее средство возстановленія русской власти въ царствѣ и борьбы съ враждебными стихіями польской жизни.

Свиданіе съ Арцимовичемъ еще усилило дѣятельное настроеніе Самарина. Не возвращаясь въ деревню, онъ изъ Москвы выѣхалъ 7 Сентября въ одномъ вагонѣ съ Арцимовичемъ въ Петербургъ. Цѣлью поѣздки было свиданіе съ возвращавшимся изъ за границы Н. А. Милютинымъ, но за ней — можетъ быть, не высказанное даже самому себѣ — желаніе быть тамъ, гдѣ въ эту минуту назрѣвали поворотныя рѣшенія по польскому вопросу.

Попавъ къ Милютинымъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ продолжавшихся въ поѣздѣ горячихъ бесѣдъ съ Арцимовичемъ, Самаринъ оказался лицомъ къ лицу съ предложеніемъ немедленно ѣхать въ Варшаву. Милютинъ былъ вызванъ въ Царское тотчасъ послѣ своего пріѣзда, 31 Августа, и получилъ предложеніе Государя взять на себя миссію въ Польшу: онъ не далъ отвѣта и колебался. Самаринъ засталъ своего друга въ этомъ настроеніи. Милютинъ, только что отправившій ему, разошедшуюся съ нимъ въ дорогѣ, настоятельную просьбу пріѣхать, необыкновенно обрадовался Ю. Ѳ. Возбужденный всѣми своими размышленіями о Польшѣ и любимыми воспоминаніями о крестьянской реформѣ, Самаринъ убѣдилъ Милютина принять предложеніе Александра II, и самъ выразилъ въ принципѣ готовность его сопровождать. Было рѣшено обратиться и къ Черкасскому и возстановить тріумвиратъ редакціонной комиссіи. Самарина немного смущало только отношеніе къ поѣздкѣ его матери ,наслышавшейся всѣхъ ужасовъ, которые печатались въ теченіе года о польскомъ возстаніи. Вернувшись въ Москву послѣ трехдневныхъ совѣщаній съ Милютинымъ, онъ успѣлъ успокоить Софію Юрьевну и въ послѣднихъ числахъ Сентября былъ снова, на этотъ разъ одновременно съ Черкасскимъ, въ Петербургѣ. 8 Октября вмѣстѣ съ Милютинымъ, Черкасскимъ, Петерсономъ и Протоповымъ, онъ выѣхалъ въ Варшаву.

Высочайшее повелѣніе о миссіи Н. А. Милютина указывало, что она должна была ознакомиться съ дѣлами царства польскаго и, изучивъ на мѣстѣ положеніе тамошняго гражданскаго управленія, составить ближайшія соображенія о мѣрахъ къ успокоенію края и дальнѣйшемъ его устройствѣ; крестьянское дѣло отмѣчалось, какъ предметъ, требующій особеннаго вниманія и изслѣдованія. Такимъ образомъ предстояла широкая анкета, которая должна была закончиться составленіемъ законопроектовъ о преобразованіи всѣхъ частей управленія Польши. Задача огромная, неизбѣжно растянувшаяся на нѣсколько лѣтъ. Самаринъ принялъ участіе только въ начальной стадіи этой работы, отъ Октября 1863 г. по Апрѣль слѣдующаго года. Но именно за это время совершена была центральная часть работы и намѣчены всѣ ея отправ-

ныя точки. Собственно, главная работа пала даже не на весь этотъ періодъ, а на тѣ нѣсколько недѣль, которыя Милютинъ и его спутники провели въ Польшѣ въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1863 г., Въ этомъ смыслѣ Самаринъ, несмотря на свой ранній выходъ изъ состава миссіи Милютина — оффиціально въ Апрѣлѣ, а фактически уже въ Январѣ 1864 г., — былъ однимъ изъ трехъ равноправныхъ авторовъ польской реформы послѣ Январскаго возстанія. Опредѣлить точную долю вліянія собственно Самарина на выработку основаній реформы, по сравненію съ долей Милютина и Черкасскаго, можно только гипотетически. Работа была дѣйствительно общей. Каждый вопросъ обсуждался сообща, и рѣшенія выносились по общему соглашенію. Самое писаніе соображеній и проектовъ было естественно распредѣлено между отдѣльными участниками миссіи: въ этомъ распредѣленіи на долю Самарина выпала центральная часть — аграрная реформа. Но это распредѣленіе писанія еще не знаменовало собой распредѣленія истиннаго авторства.

Изъ членовъ тріумвирата Самаринъ обладалъ, конечно, наибольшимъ запасомъ собственно творческихъ силъ и способностей и наиболѣе глубоко обдумалъ польское дѣло. Милютинъ и Черкасскій въ гораздо меньшей степени были теоретиками реформы, нежели ея практиками: первый внесъ въ нее привычную ему государственную технику, безъ которой нѣтъ вообще государственной работы, свое умѣніе поставить и рѣшить законодательный вопросъ, свой огромный и выдающійся опытъ просвѣщеннаго бюрократа, второй — неуклонность и послѣдовательность своего практическаго мышленія, огромный дѣловой инстинктъ, духъ организаціи. Но настоящимъ вдохновителемъ политики, созданной миссіей Н. Милютина, былъ Юрій Самаринъ. Сознаніе, что на его долю выпадаетъ опредѣляющимъ образомъ вліять на характеръ будущихъ реформъ въ Польшѣ, сыграло немалую роль въ самомъ его рѣшеніи поѣхать съ Милютинымъ.

Политика, намѣченная миссіей, сложилась частью подъ вліяніемъ идей, которыя Самаринъ и его друзья привезли съ собой изъ Россіи, частью изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя они вынесли на мѣстѣ. Съ огромнымъ напряженіемъ силъ и труда, то и другое было ими переработано въ короткій срокъ ихъ перваго пребыванія въ царствѣ польскомъ въ стройную политическую конструкцію, результатъ единаго усилія мысли, не подвергшійся всѣмъ мытарствамъ и всѣмъ выгодамъ и невыгодамъ длительной поготовки по правилу: семь разъ отмѣрь... Будущее Польши здѣсь было отрѣзано отъ его прошлаго заразъ, однимъ взмахомъ, послѣ одной примѣрки.

Первымъ соприкосновеніемъ съ реальностью польскаго вопроса послѣ выѣзда тріумвирата изъ Петербурга было ихъ трехдневное свиданіе по дорогѣ, въ Вильнѣ, съ М. Н. Муравьевымъ. Линія, которую усвоилъ себѣ этотъ послѣдній въ качествѣ гене-

ралъ-губернатора западнаго края, соотвѣтствовала воззрѣніямъ Самарина и его друзей. Они всѣ были давно убѣждены, что только диктатура можетъ вывести русскую власть на правильный путь въ польскомъ вопросѣ. Разговоры съ Муравьевымъ, къ которому они привыкли со временъ крестьянской реформы относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, произвели на нихъ самое благопріятное впечатлѣніе. Муравьевъ стоялъ за самое широкое покровительство крестьянскимъ интересамъ противъ польскаго помѣщичьяго класса, и въ этомъ отношеніи программа, которую онъ развивалъ своимъ прежнимъ противникамъ, представляла для нихъ какъ бы нравственную побѣду надъ прежнимъ Муравьевымъ временъ редакціонной коммиссіи. Виленскія совѣщанія еще тверже укрѣпили ихъ въ мысли, что крестьянскій вопросъ стоитъ въ центрѣ всѣхъ `другихъ польскихъ вопросовъ. Пріѣхавъ въ Варшаву 12 Октября, миссія черезъ недѣлю выѣхала оттуда, чтобы собственными глазами взглянуть на польскую деревню. Еще подъ Москвой Самаринъ мечталъ обойти весь польскій край въ хвостѣ подвижныхъ колоннъ, высмотрѣть положеніе дѣлъ и вынести наглядное представленіе о положеніи сельскаго класса. Поѣздка вглубь страны, предпринятая, надо полагать, по почину Самарина, была построена по плану гораздо болѣе скромному. Въ ночь на 20-ое Октября Милютинъ, Самаринъ, Черкасскій и Арцимовичъ по Варшаво-Вѣнской желѣзной дорогѣ отправились на станцію Роговъ, оттуда рано утромъ въ двухъ коляскахъ по шоссе проѣхали около 40 верстъ до Лодзи, тамъ переночевали и на слѣдующее утро снова въ коляскахъ отправились черезъ Ржовъ и Тушинъ, сдѣлавъ опять около 40 верстъ по шоссе до ст. Бабы, гдѣ сѣли въ поѣздъ, — Милютинъ, чтобы вернуться въ Варшаву, а Самаринъ, Арцимовичъ и Черкасскій ,чтобы черезъ Піотрковъ и Ченстоховъ доѣхать по австрійской границы; выйдя въ Домбровѣ, они на лошадяхъ по шоссе и проселками проѣхали еще около 60 верстъ на Славковъ, Олькушъ и Огродзенецъ и выѣхали на ст. Лазы Варшаво-Вѣнской желѣзной дороги, откуда къ 25 Октября вернулись въ Варшаву.

Поѣздка была необыкновенно интересна. Въ составленномъ Самаринымъ отчетѣ о ней, о которомъ рѣчь впереди, сохранилось прелестное описаніе общаго фона, на которомъ складывались собранныя имъ впечатлѣнія. «Для взгляда и слуха, привыкшаго къ нашей великороссійской обстановкѣ, все почти было ново. Тщательно выравненныя поля, болѣе похожія на наши подмосковныя огороды; почти совершенное отсутствіе кустарныхъ зарослей и выгоновъ: иногда, въ узкой низменности, на маломъ клокѣ земли, пасущаяся пара коровъ и непремѣнно къ нимъ приставленная для караула дѣвочка, въ дали, на самомъ лучшемъ мѣстѣ, бѣлѣющійся господскій домъ или хуторъ и кругомъ кирпичныя фольварочныя строенія; дорога къ нимъ, обсаженная пирамидальными тополями; въ сторонѣ, убогая, небольшая, деревня, съ тѣсными,

скудными надворными строеніями и мрачнымъ костеломъ, или разбросанныя на большомъ пространствѣ одинокія усадьбы колонистовъ, съ разведенными при нихъ садами; мѣстечки, не похожія ни на селенія, ни на города, а скорѣе на предмѣстья не существующихъ городовъ, съ безчисленнымъ множествомъ шинковъ и съ выбѣгавшими поглазѣть на проѣзжихъ суетливыми жидами, степенными нѣмцами и оборванными, подозрительнаго вида шляхтичами; за селеніями и мѣстечками тщательно расчищенные хвойные лѣса и вырубленныя вновь по обѣимъ сторонамъ дороги просѣки съ еще не выбранными, сваленными въ кучу деревьями; вдали синѣющіе отроги Карпатскихъ горъ; на станціяхъ выстроенные на платформахъ неподвижные взводы пѣхоты и около нихъ толкотня всякаго рода людей и хлопотливая бѣготня безчисленнаго множества начальствующихъ лицъ; по дорогѣ, своротившая въ сторону жидовская громадная фура, до верху нагруженная грязными тюфяками и множествомъ рыжихъ и черныхъ жидятъ; усатый панъ въ легкой бричкѣ и рядомъ съ нимъ сидящая въ глубокомъ траурѣ пани, принимающая насъ по конвою за арестованныхъ патріотовъ и мимоѣздомъ бросающая намъ сочувственный привѣтъ; худощавая фигура ксендза въ длиннополомъ сюртукѣ, изъ подлобья высматривающаго, что дѣлается по сторонамъ: разнообразные типы военныхъ начальниковъ, ихъ живые разсказы и поразительное отсутствіе всякаго согласія и единства въ ихъ дѣйствіяхъ и понятіяхъ, выходящихъ изъ круга военныхъ операцій; наконецъ самая обстановка нашего путешествія: конвой линейцевъ въ бараньихъ шапкахъ, съ закинутыми на спину винтовками, плавно несущихся на кавказскихъ иноходцахъ, веселый и бодрый видъ пѣхоты, — этой неутомимой пѣхоты, почти не отстающей отъ кавалеріи, солдатскія пѣсни и солдатскій заразительный смѣхъ; кое гдѣ, въ рядахъ, заломленныя на бекрень красныя конфедератки, отбитыя у повстанцевъ, — все это и многое другое, какъ движущаяся панорама, пронеслась мимо насъ во время этой достопамятной для насъ поѣздки».

Самарину и его спутникамъ казалось, что за эти дни имъ удалось непосредственно нащупать пульсъ польской крестьянской жизни. Они останавливались въ деревняхъ и мѣстечкахъ, собирали крестьянъ, разспрашивали ихъ. Откровенность выслушанныхъ заявленій ихъ удивила: они думали найти болѣе забитую массу. Но по существу всѣ тѣ мысли, что они извлекли изъ чтенія казенныхъ бумагъ и книгъ, когда готовились къ поѣздкѣ, въ ихъ глазахъ полностью подтверждались соприкосновеніемъ съ дѣйствительностью. Законныя права крестьянъ на землю повергались, по объясненію крестьянъ, систематическому урѣзыванію со стороны шляхты. Находившееся въ ея рукахъ мѣстное управленіе служило лишь средствомъ угнетенія крестьянской массы. Несмотря на щедрость обѣщаній революціоннаго жонда, крестьяне смотрѣли на революціонное движеніе какъ на чуждую имъ шля-

жетскую затѣю, смутно ожидая удовлетворенія своихъ нуждъ отъ верховной власти. Когда Самаринъ и его спутники говорили на сходахъ, что царь не забылъ крестьянъ и они должны терпѣливо ждать отъ него милостей, не приставая къ его врагамъ, имъ каждый разъ представлялось, что сходы выслушивали эти рѣчи съ жадностью и трогательнымъ сочувствіемъ, какъ оправданіе ихъ собственныхъ, смутныхъ и самимъ себѣ не уясненныхъ чаяній.

Какъ часто у Самарина, глубокая вѣра въ великую и благодѣтельную миссію русской власти сталкивалась и здѣсь съ горькимъ чувствомъ, что представители этой власти не на высотѣ своего призванія. За дни поѣздки ему пришлось, выполняя порученіе Милютина, имѣть рѣзкое объясненіе съ командиромъ одного изъ крупныхъ русскихъ военныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ западной Польшѣ, своимъ отдаленнымъ родственникомъ, генераломъ Княземъ Витгенштейномъ, образъ дѣйствія котораго въ отношеніи крестьянскаго населенія края отражалъ на себѣ русскія крѣпостническія тенденціи. Самаринъ убѣдился, какъ далеки отъ его программы широкой соціальной реформы въ царствѣ польскомъ даже несшіе на своихъ плечахъ всю тяжесть вооруженной борьбы съ инсургентами русскіе военные элементы.

Диссонансы выступили гораздо ярче въ Варшавѣ, по возвращеніи изъ объѣзда. Бодрый и въ общемъ очень довольный своимъ странствованіемъ по польской деревнѣ, тріумвиратъ, водворившись въ Брюлевскомъ дворцѣ, весь отдался работѣ. Съ утра до поздней ночи, почти не отходя отъ письменнаго стола, члены Милютинской миссіи выслушивали доклады мѣстныхъ чиновниковъ, читали переписку, составляли отчетъ о поѣздкѣ, соображенія о будущей реформѣ и статьи будущихъ законопроектовъ. Ихъ охватила здѣсь тяжелая атмосфера, въ которой жило царство польское въ эпоху январскаго возстанія. Собственно повстанческое движеніе кончалось, но тотъ психологическій кризисъ, выраженіемъ котораго служило движеніе, не былъ еще пережитъ. Январское возстаніе было дѣломъ крайнихъ польскихъ партій, къ которымъ примкнули бѣлые, потому что въ тѣ времена для поляка колебанія въ выборѣ между «Москвою» и борьбою съ «Москвой», какова бы ни была эта борьба, и какими бы группами она не велась, быть не могло. Лишенное организаціи, раздираемое внутренними распрями, возстаніе держалось ненавистью къ русскимъ, а эта ненависть рождала терроръ, анархическій и по существу безсильный, но отравлявшій всю страну и парализовавшій ея нормальную жизнь. Польская бюрократія, управлявшая царствомъ во времена Паскевича и маркиза Вѣлепольскаго, съ которой въ Варшавѣ пришлось имѣть дѣло Милютину и его товарищамъ, не могла быть искренней въ своихъ отношеніяхъ къ русской власти: окруженная ненавистью общества,ноа,

въ свою очередь, въ душѣ ненавидѣла русскихъ пришельцевъ. Среди крестьянъ Піотркова и Олькуша гнетъ этого настроенія могъ не чувствоваться, но въ Варшавѣ онъ долженъ былъ насквозь пронизывать атмосферу Брюлевскаго дворца. Милютинъ, Самаринъ и Черкасскій не были людьми, которыхъ могла смутить эта атмосфера. Въ каждомъ изъ нихъ лежалъ темпераментъ политическаго борца, энергія котораго лишь закаляется противодѣйствіемъ. Милютинъ жаловался въ письмѣ къ женѣ, что имъ съ каждымъ днемъ тошнѣе обстановка Варшавы, но это лишь ускоряло ихъ работу и заставляло глубже вѣрить въ необходимость коренного преобразованія общественнаго уклада Польши.

Первой работой тріумвирата по возвращеніи въ Варшаву было составленіе отчета о поѣздкѣ. Милютинъ придавалъ ему большое значеніе. Д. А. Милютинъ обѣщался представить отчетъ Александру II, и написанный блестящимъ перомъ Самарина, безъ всякой оффиціальности, какъ простое изложеніе путевыхъ впечатлѣній, этотъ первый документъ миссіи долженъ былъ напередъ подготовить благопріятное отношеніе монарха къ будущей программѣ польскихъ реформъ. Покончивъ 1 ноября съ отчетомъ, миссія перешла къ писанію соображеній, а затѣмъ и текста законопроектовъ по крестьянскому дѣлу. Не довѣряя окружающему варшавскому чиновничеству, въ лучшемъ случаѣ проявлявшему совершенное равнодушіе къ широкимъ планамъ друзей, члены миссіи Милютина дѣлали все сами. Новость для каждаго изъ нихъ польскихъ права и факта, при такомъ ихъ рѣшеніи обходиться собственными средствами, дѣлала работу особенно нервной. Дойдя до полнаго изнеможенія, они успѣли закончить дѣло ко второй половинѣ Ноября. 26 Ноября миссія была уже въ Петербургѣ, съ готовымъ проектомъ крестьянской реформы въ царствѣ польскомъ.

Въ основаніи его лежала мысль о политической обязательности для русской власти въ Польшѣ немедленно провести широкое соціальное преобразованіе. Она выливалась въ двухъ главныхъ положеніяхъ привезенныхъ Милютинымъ въ Петербургъ проектовъ: измѣненіи собственно аграрныхъ отношеній и преобразованіи крестьянскаго управленія. Польскій крестьянинъ долженъ былъ получить землю и власть на мѣстахъ.

Благодаря наличности Самаринскаго отчета о поѣздкѣ, мы въ состояніи точно установить генезисъ обоихъ основоположеній реформы. Но чтобы сдѣлать его вполнѣ понятнымъ, необходимо въ двухъ словахъ остановиться на томъ, какіе земельные порядки застали въ Польшѣ Милютинъ и его сотрудники

Польскіе крестьяне были лично свободны со временъ герцогства варшавскаго. Законодательство эпохи Наполеона стояло на томъ, что земля, на которой сидѣли крестьяне, принад-

лежала помѣщикамъ и что отношенія между крестьянами и помѣщиками должны всецѣло подчиниться цивильному кодексу, договору найма и аренды. Въ связи съ аграрнымъ движеніемъ въ Галиціи, Николай I издалъ въ 1846 г. законъ, — «большую хартію польскаго крестьянства», какъ его называлъ Ю. Ѳ. —, по которому всѣ, фактически владѣвшіе не менѣе, какъ тремя моргами ($1\frac{1}{2}$ дес.) земли, крестьяне получали право на будущее время пользоваться своими участками, подъ условіемъ исправленія связанныхъ съ этимъ пользованіемъ существующихъ повинностей. Крестьяне могли добровольно покинуть свои участки, но освободившіеся такимъ образомъ «пустки», не должны были обращаться въ составъ помѣщичьей фольварочной земли, а подлежали новой сдачѣ крестьянамъ. Природа созданнаго закономъ 1846 г. права крестьянъ на землю не была точно опредѣлена. По существу это былъ родъ эмфитевтическаго права на основаніи status quo 1846 г. Перемѣна сравнительно съ идеями кодекса Наполеона была, конечно, огромною. Свободный договоръ помѣщика-землевладѣльца съ безземельнымъ хлопомъ уступилъ мѣсто безсрочной ихъ взаимной другъ отъ друга зависимости, обусловленной возведеніемъ факта 1846 г. въ права и обязанности неразрывно связанныхъ между собой сторонъ. Фактъ земельныхъ отношеній 1846 г. въ принципѣ освящался на будущее время полностью, однако съ провѣркою состава крестьянскихъ повинностей, ибо законъ предусматривалъ отмѣну особымъ регламентомъ (онъ изданъ былъ въ концѣ того-же года княземъ-намѣстникомъ) всѣхъ тѣхъ типовъ повинностей крестьянъ въ отношеніи помѣщиковъ, которыя не имѣли титула въ законѣ. Таковыхъ оказалось и было отмѣнено въ общей сложности цѣлыхъ 121. Законъ 1846 г. былъ огромнымъ благомъ для крестьянъ. Если онъ не коснулся владѣльцевъ мелкихъ, менѣе 3 морговъ, крестьянскихъ участковъ и крестьянъ безземельныхъ, то все же для массы польскаго крестьянства онъ создалъ, какъ бы изъ ничего, ихъ право на землю. Актъ 1846 г. не давалъ всеже принципіальнаго и окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Обусловленныя повинностями, права крестьянъ на землю заново создавали, если не крѣпостную ихъ зависимость, то во всякомъ случаѣ, неразрывную связь, съ помѣщикомъ. Правда, законъ предвидѣлъ частичную реформу, въ будущемъ, этихъ крѣпкихъ взаимоотношеній, возлагая на органы управленіе содѣйствіе заключенію между помѣщиками и крестьянами контрактовъ о превращеніи одной изъ формъ существовавшихъ повинностей — паньщизны въ другую — чиншъ (барщины въ оброкъ). Но, во первыхъ, послѣ 1846 г. польской администраціей ничего сдѣлано не было, чтобы привести въ исполненіе эту часть закона, а, во вторыхъ, чиншъ былъ всеже формой зависимости.

Вь такомъ видѣ крестьянскій правопорядокъ царства

польскаго просуществовалъ до годовъ политической смуты. Всѣми въ Польшѣ сознавалось, что реформа необходима. Но администрація и руководящіе верхи польскаго общества первоначально нащупывали возможность отдѣлаться паллiативомъ, въ принципѣ намѣченнымъ, но не осуществленнымъ закономъ 1846 г., превращеніемъ паньщизны въ чиншъ. Таковъ законъ 1858 г. о добровольномъ очиншевеніи, таковы проекты съигравшаго такую роль въ исторіи польскаго движенія землевладѣльческаго общества въ Варшавѣ, руководимаго Андреемъ Замойскимъ, таковы частныя попытки отдѣльныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Маркизъ Вѣлепольскій, подъ вліяніемъ усилившейся смуты въ краѣ и неизбѣжнаго отраженія русской крестьянской реформы на польскомъ крестьянствѣ, въ годы своего управленія Польшей, сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ на пути реформы. Законъ 1861 г. сдѣлалъ обязательнымъ, по требованію крестьянина, переходъ отъ паньщизны на окупъ — денежный оброкъ, а законъ 1862 г. устанавливалъ систему обязательнаго постепеннаго пересмотра всѣхъ существовавшихъ повинностей и замѣны ихъ, на основаніи указанныхъ въ немъ нормальныхъ оцѣнокъ, постоянной рентою въ пользу землевладѣльца за наслѣдственное пользованіе землей. Путемъ медленнаго процесса законы Вѣлепольскаго должны были создать такія взаимоотношенія между крестьянами и помѣщиками, при которыхъ сдѣлался бы возможнымъ выкупъ земельныхъ рентъ, предварительно пересмотрѣнныхъ — по принципамъ, клонившимся къ выгодѣ помѣщичьяго класса.

Но событія не ждали. Возстаніе, руководимое польскими радикалами, сразу же порвало съ осторожными мѣропріятіями конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Мечтая привлечь на свою сторону крестьянскую массу, революціонный жондъ въ самомъ началѣ возстанія издалъ «декретъ», въ которомъ было — въ явномъ противорѣчіи съ истиной — сказано, что крестьянская реформа не могла быть доселѣ осуществлена въ Польшѣ изъ-за препятствій со стороны «наѣзднаго правительства», — такъ на жаргонѣ декретовъ жонда всегда означалось русское правительство, — но что отнынѣ всякая земельная осѣдлость, которою каждый хозяинъ доселѣ владѣлъ за барщину, чиншъ или по другимъ основаніямъ, дѣлается исключительною и наслѣдственною собственностью владѣльца, безъ всякихъ обязанностей, даней, барщины или чинша, помѣщики-же вознаграждаются изъ народныхъ фондовъ. Въ условіяхъ минуты этотъ «декретъ» 22 Января 1863 г. не только не могъ быть осуществленъ, но даже частью не дошелъ до крестьянской массы, такъ что жонду приходилось постоянно напоминать своимъ агентамъ о необходимости его широкаго распространенія. Однако, подъ вліяніемъ ли смутныхъ слуховъ или въ общемъ замѣшательствѣ, вызванномъ возстаніемъ

въ большинствѣ мѣстъ края исправленіе крестьянами повинностей въ пользу помѣщиковъ фактически пріостановились. При всей своей суммарности декретъ революціоннаго жонда вскрывалъ глубокую ненормальность аграрныхъ отношеній въ царствѣ польскомъ и настоятельность прекратить экономическую и правовую зависимость крестьянъ отъ пана.

Столь же яснымъ образомъ требовала реформы и другая сторона крестьянскаго быта — мѣстное управленіе. Отъ Наполеоновскаго времени край получилъ низшую административную единицу — коммуну и коммунальнаго мэра — войта. Но войтъ, по дѣйствовавшему въ краѣ законодательству временъ конгрессовой Польши (законъ 1818 г.), обязательно назначался изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и коммуны превращались въ мельчайшія единицы — вотчины, находившіяся подъ властью или непосредстенно помѣщика, или-же его замѣстителя изъ конторы имѣнія — т. н. оффиціалиста. Вѣлепольскій наканунѣ своего ухода успѣлъ разработать проектъ реформы, основанный на мысли о превращеніи вотчинныхъ коммунъ въ подлинныя единицы мѣстнаго самоуправленія, всесословнаго, но цензового, но проектъ его, за совершимися перемѣнами въ общей русской политикѣ въ царствѣ, не былъ утвержденъ.

Самаринскій отчетъ о поѣздкѣ въ польскую деревню не даетъ никакихъ догматическихъ описаній состоянія польскаго крестьянскаго быта. Онъ построенъ, какъ безъискуственная запись непосредственныхъ наблюденій на мѣстахъ. Но самымъ подборомъ этихъ данныхъ онъ ясно доказывалъ, въ какомъ направленіи работала мысль Самарина и его спутниковъ при постепенномъ ознакомленіи съ положеніемъ крестьянъ. Весь узелъ современнаго польскаго вопроса, пишетъ Самаринъ, въ томъ, какъ отнесся народъ къ борьбѣ правительства «не съ польскою націею, какъ думаютъ многіе, а съ уродливымъ сочетаніемъ революціоннаго одушевленія и іезуитскаго лукавства». Рядъ собранныхъ на мѣстахъ фактовъ убѣждаетъ его, что своими обѣщаніями жондъ умѣлъ затронуть въ крестьянахъ чувствительную струну. Тѣмъ не менѣе крестьяне не довѣряютъ безличному правительству и сомнѣваются въ прочности обѣщаній и распоряженій, исходящихъ отъ людей, которые прячутся въ лѣсахъ и убѣгаютъ при видѣ казаковъ. Удовлетворенія земельныхъ нуждъ крестьяне ждутъ отъ законной власти. Ихъ волнуетъ мысль, заставятъ-ли ихъ снова платить чиншъ и идти на барщину и подвергнутся-ли они снова злоупотребленіямъ пановъ — владѣльцевъ земли, на которой они сидятъ. Изъ разсказовъ крестьянъ слѣдуетъ, что на практикѣ законъ 1846 г. подвергается постояннымъ нарушеніямъ со стороны помѣщиковъ къ ихъ ущербу. Такъ образовавшіеся пустки дробятся, чтобы изъять ихъ изъ подъ дѣйствія правила о трехморговой нормѣ; неправильности допущенныя

при составленіи престаціонныхъ табелей (уставныя грамоты польскаго закона) въ опредѣленіи размѣровъ крестьянскаго владѣнія, служатъ основаніемъ, подъ предлогомъ провѣрки ихъ, къ уменьшенію крестьянскихъ участковъ; крестьяне вынуждаются къ обмѣну хорошихъ участковъ на плохіе. При замѣнѣ паньщизны окупомъ, помѣщики лишаютъ крестьянъ пользованія сервитутами въ лѣсахъ имѣнія; отмѣненные закономъ повинности — т. наз. даремщины, продолжаютъ взиматься; окупъ и чиншъ опредѣлены слишкомъ высоко и непосильны для крестьянъ. Но еще хуже положеніе крестьянъ низшихъ разрядовъ, не владѣющихъ тремя моргами и оставленныхъ закономъ безъ всякаго покровительства, т. наз. огородниковъ и коморниковъ.

Наблюденія на мѣстѣ убѣждаютъ, продолжаетъ Самаринъ, переходя къ вопросу о власти на мѣстахъ, что польскіе крестьяне обладаютъ всѣми условіями, нужными для самостоятельнаго завѣдованія своими общественными дѣлами. Между тѣмъ въ царствѣ нѣтъ сельскихъ обществъ; есть только отдѣльныя личности, живущія вмѣстѣ въ деревняхъ, но не связанныя между собой никакой организаціей. Каждый крестьянинъ стоитъ изолированно передъ помѣщикомъ — войтомъ. Благодаря своимъ правамъ на замѣщеніе должности войта, шляхта отдѣлила крестьянскую массу отъ государственной власти. Полицейская власть помѣщика или его ставленника служитъ лишь какъ бы подбивкою сословнымъ, шляхетскимъ и имущественнымъ землевладѣльческимъ интересамъ.

Незамѣтно въ Самаринскомъ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ намѣчена цѣлая программа. Надо покончить съ неразмежеванностью крестьянскихъ и владѣльческихъ правъ на землю; надо вернуть крестьянамъ все неправильно ими утраченное и, въ первую голову, сервитуты; надо дать землю всѣмъ разрядамъ крестьянъ, — таковы главныя положенія земельнаго преобразованія; надо создать крестьянскій міръ и дать ему самоуправленіе — таково требованіе переустройства административнаго.

## 3.

Привезенная Милютинымъ и его друзьями изъ Варшавы, развивавшая эти основныя мысли, подробная программа состояла изъ четырехъ готовыхъ законопроектовъ съ объяснительными записками къ нимъ: объ устройствѣ сельскихъ гминъ, о хозяйственномъ устройствѣ крестьянъ, о выкупномъ банкѣ и о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ положеній о крестьянахъ. Главное политическое значеніе имѣли проекты объ устройствѣ быта крестьянъ и о гминѣ. Соображенія по первому изъ нихъ представляли трудъ, главнымъ образомъ, Самарина,

а соображенія по проекту о гминахъ, повидимому, главнымъ образомъ Черкасскаго. Но коллективность авторства всей реформы и уже отмѣченная роль Самарина въ ея возникновеніи позволяютъ считать обѣ работы частью Самаринской біографіи.

Общая разъяснительная записка къ проекту объ устройствѣ крестьянскаго быта построена по излюбленному Самаринымъ плану широкихъ историческихъ обобщеній, изъ которыхъ вытекаетъ, естественно и почти незамѣтно, ясный и опредѣленный политическій тезисъ. Являясь однимъ изъ самыхъ блестящихъ писаній Самарина, она до сихъ поръ сохранила, даже если признать ея тенденціозность въ отдѣльныхъ подробностяхъ, значеніе лучшей изъ существующихъ въ литературѣ работы по исторіи крестьянскаго строя въ Польшѣ, и очень жаль, что она не издана и доступна только при архивныхъ изысканіяхъ.

Исторія крестьянъ въ Польшѣ сходствуетъ, думаетъ Самаринъ, съ общей исторіей крестьянъ на Западѣ. Постепенно, но неудержимо масса крестьянства отъ первоначальной свободы и безотчетнаго пользованія землею, пришла къ тройственной зависимости отъ помѣщика, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ право на личность крестьянина, право на землю, имъ занятую, и право патримоніальной надъ нимъ юрисдикціи. Но въ отличіе отъ другихъ странъ, въ Польшѣ крестьянинъ не нашелъ въ себѣ заступника въ высшей власти. Власть совмѣщала въ себѣ здѣсь самую дикую неурядицу ничѣмъ не сдержанныхъ стремленій крайняго демократизма съ суровымъ и безграничнымъ пренебреженіемъ крайняго аристократизма къ низшимъ классамъ. Но всеже старое законодательство не отрицало, что крестьянинъ, исправно отбывающій повинности, не можетъ быть произвольно оторванъ отъ земли. Наполеоновское законодательство было въ этомъ смыслѣ полнымъ разрывомъ съ прошедшимъ. «Все то, чего законъ еще не признавалъ, но что, такъ сказать, просилось въ законъ и держалось силою обычая» — право крестьянъ на землю было въ угоду отвлеченной идеологіи однимъ почеркомъ пера вычеркнуто изъ исторіи. Подъ вліяніемъ идеи невмѣшательства въ свободную и благодѣтельную игру экономическихъ силъ русскій законодатель, не заботился о крестьянахъ вплоть до указа 1846 г. Этотъ послѣдній по цѣли и по существу для Самарина есть «лучшій памятникъ русскаго вліянія въ Варшавѣ». Польская администрація, подъ давленіемъ шляхетства, исказила указъ въ его примѣненіи. Цѣлью закона было облегчить переходъ отъ барщины къ чиншу. Крестьяне болѣе всего цѣнили въ немъ именно эту задачу, какъ залогъ будущаго полнаго освобожденія. Но именно въ этомъ направленіи польская администрація ничего не сдѣлала. Законъ 1858 г. о добровольномъ очиншеваніи остался вообще мертвой буквой, а, поскольку былъ использованъ

помѣщиками, то только чтобы завершить устройство фольварочнаго хозяйства за счетъ крестьянъ. Законы эпохи Вѣлепольскаго «теряютъ характеръ послѣдовательныхъ и исподволь заготовленныхъ мѣръ, и принимаютъ, вмѣсто сего, видъ отрывочныхъ явленій, вызываемыхъ, каждый разъ, неотразимо напирающимъ ходомъ событій». Самаринъ готовъ признать добрыя намѣренія Вѣлепольскаго. «Предоставленный личнымъ своимъ побужденіямъ Маркизъ Віелопольскій, быть можетъ, рѣшился бы составить новое положеніе на основаніяхъ, болѣе льготныхъ для крестьянъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно полагать, судя по нѣкоторымъ о томъ показаніямъ лицъ, знакомыхъ съ ходомъ тогдашняго управленія. Но встрѣченная имъ общая въ Варшавѣ оппозиція не позволила ему обнаружить такое расположеніе, если даже оно дѣйствительно таилось». Ко второму изъ законовъ, проведенныхъ Вѣлепольскимъ, закону 1862 г. объ обязательномъ очиншевеніи, Самаринъ относится съ суровой критикой. Въ немъ, по его мнѣнію, наглядно выразилось ничѣмъ не сдержанная забота о выгодахъ помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ.

Задача русской политики въ земельномъ вопросѣ ясно вытекаетъ изъ этого пониманія прошлыхъ судебъ польскаго крестьянства. Правительство должно взять на себя, наконецъ, окончательную ликвидацію всей системы зависимыхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Ближайшее направленіе, въ которомъ должна идти реформа, заключается въ безусловномъ признаніи правъ на землю всѣхъ разрядовъ польскаго крестьянства, съ одновременнымъ исправленіемъ всего того, что въ нарушеніе интересовъ крестьянства совершилось послѣ закона 1846 г., вопреки его духу и цѣли. Земельный проектъ миссіи Милютина рисуется поэтому въ слѣдующихъ основныхъ чертахъ. Земли, состоящія въ пользованіи крестьянъ, вмѣстѣ съ постройками и инвентаремъ, поступаютъ въ ихъ полную собственность, притомъ какъ подходящія, такъ и неподходящія подъ дѣйствіе указа 1846 г., въ томъ числѣ и усадьбы, заключающія менѣе трехъ морговъ. Такимъ образомъ, по образцу реформы 1846 г., въ основу кладется status quo времени изданія новаго положенія, съ той однако коренной разницей, что фактическое крестьянское владѣніе превращается здѣсь уже не въ условное право пользованія за повинности, а въ чистое право собственности. Владѣльцы вознаграждаются при помощи выкупной операціи. Этого мало. Крестьянамъ предоставляется въ теченіе опредѣленнаго срока право, во первыхъ, пріобрѣсти и тѣ участки, которыми они пользовались до изданія указа 1846 г., хотя бы эти участки находились впустѣ или поступили въ непосредственное распоряженіе владѣльца безъ обмѣна на другія, и, во вторыхъ, вернуть себѣ прежнія свои участки, если они были обмѣнены ими на дворовыя земли

послѣ указа 1846 г. въ противность закону. Такъ должны быть исправлены злоупотребленія, о которыхъ Самаринъ писалъ въ своемъ отчетѣ объ октябрьской поѣздкѣ. Разъ пріобрѣтенные крестьянами участки должны, по проекту, навсегда оставаться въ крестьянскихъ рукахъ: брать ихъ въ залогъ или пріобрѣтать въ собственность могутъ только крестьяне. Не забыты и сервитуты. Крестьяне, и по пріобрѣтеніи ими въ собственность своихъ земельныхъ участковъ, должны сохранить право на тѣ угодья (сервитуты), которыми они пользуются, во время изданія закона, на основаніи престаціонныхъ табелей, контрактовъ, словесныхъ условій или по обычаю, какъ то: право на полученіе строевого лѣса, дровъ, на сборъ сушника, валежника, листьевъ для подстилки, на пастбище въ господскихъ лѣсахъ и на дворовыхъ или фольварочныхъ земляхъ. И здѣсь права крестьянъ, утраченныя, вопреки закону, послѣ 1846 г., возстанавливаются такими, какъ они существовали въ 1846 г. Составители проекта, стремясь, по выраженію одного изъ историковъ реформы (Евг. Карцева) «сколь возможно шире раскинуть сѣть крестьянскихъ сервитутовъ во владѣльческихъ имѣніяхъ», все же чувствовали, что создаютъ систему отношеній, чрезвычайно тягостныхъ для помѣщичьяго хозяйства, и предполагали изданіе въ будущемъ закона о выкупѣ сервитутовъ.

Самаринъ не былъ доктринеромъ, и всякое насиліе надъ жизнью во имя отвлеченнаго принципа ему претило. Уѣзжая въ Польшу съ мыслью создать тамъ столь дорогую ему земельную общину и еще въ отчетѣ о поѣздкѣ выразивъ свое сочувствіе общиннымъ началамъ, онъ такъ же, какъ въ юго-западномъ положеніи 1861 г., не сдѣлалъ попытки въ земельномъ проектѣ привить этотъ чуждый краю порядокъ. Проектъ стоялъ, открыто и опредѣленно, на переходѣ крестьянскихъ участковъ въ личную собственность владѣльцевъ. Земельная община лишь осторожно и слабо намѣчена въ двухъ частныхъ отношеніяхъ, имѣвшихъ совершенно второстепенное значеніе: по проекту, сельскимъ обществамъ принадлежитъ право охоты и рыбной ловли и право пропинаціи на крестьянскихъ земляхъ.

Больше доктринерства въ проектѣ о сельскихъ гминахъ: въ немъ чувствуется упорство и недостатки гибкости, столь свойственныя Черкасскому. Исходной точкой зрѣнія при построеніи гмины проектъ миссіи считаетъ упраздненіе патримоніальнаго характера сельскаго управленія, но практическій къ тому путь онъ видитъ не во всесословной въ собственномъ смыслѣ слова общинѣ, съ привлеченіемъ всѣхъ наличныхъ интеллигентныхъ силъ, какъ строилъ гмину въ своемъ проектѣ Маркизъ Вѣлепольскій, а въ передачѣ всего вліянія на мѣстахъ крестьянской массѣ подъ строгой опекой русской администраціи. Гминное управленіе состоитъ изъ двухъ этажей: сельскаго общества и сельской гмины; первое составляется исключительно изъ крестьянъ и имѣетъ

довольно узкую компетенцію, въ соотвѣтствіи съ отсутствіемъ по проектамъ поземельной общинности; второе составляется изъ «домохозяевъ», т. е. опять-таки крестьянъ и помѣщиковъ, съ равнымъ правомъ голоса для тѣхъ и другихъ и съ устраненіемъ всѣхъ другихъ элементовъ, живущихъ въ деревнѣ, въ частности духовенства; эта «двухсословная», по выраженію Спасовича, гмина и является центромъ мѣстнаго управленія. Надъ нею тяготѣетъ суровая опека администраціи.

Чрезвычайно важной съ практической точки зрѣнія чертою всей задуманной реформы, чертою, имѣвшей очень важныя послѣдствія, является образованіе, по проектамъ, спеціальнаго аппарата для проведенія реформы въ жизнь. При томъ недовѣріи къ мѣстному чиновнику, которымъ прониклись Милютинъ и его друзья, была понятной ихъ мысль передать дѣло реформы въ руки новыхъ, ad hoc образованныхъ учрежденій, въ которыхъ поляковъ устраняли. На верху долженъ стоять Учредительный Комитетъ, направляющій все дѣло, въ каждой губерніи отъ одной до четырехъ коммиссій по крестьянскимъ дѣламъ, въ каждомъ участкѣ — участковый коммиссаръ. Они ликвидируютъ отношенія между помѣщиками и крестьянами, а потомъ опекаютъ послѣднихъ.

4.

Вылившіеся въ разсмотрѣнныхъ проектахъ результаты миссіи Ник. Милютина нуждались въ общемъ политическомъ комментаріи. Такимъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, представленный Милютинымъ Александру II 21 Декабря 1863 г. Судя по манерѣ, написанный не Самаринымъ, этотъ докладъ такъ же, какъ и проекты, былъ выраженіемъ общихъ воззрѣній Милютина, Самарина и Черкасскаго и вводитъ насъ въ самую сердцевину политической программы, намѣченной тріумвиратомъ въ долгіе часы напряженной работы въ Брюлевскомъ дворцѣ въ Варшавѣ.

«Вся общественная жизнь въ царствѣ, гласитъ докладъ, потрясена нынѣ до глубины основаній. Революціонный терроръ успѣлъ укрѣпиться и владычествуетъ почти безгранично, надъ умами населенія, искусно и безсовѣстно пользуясь тѣми бродячими элементами, которые, быть можетъ, нигдѣ не получили такого непомѣрнаго развитія, какъ въ Польшѣ...». «Молодое поколѣніе, зараженное самыми разрушительными и несбыточными теоріями, завладѣло общественной мыслью... Латинская церковь... вступила въ тѣсный союзъ съ крайними революціонерами... Всѣ страдаютъ, всѣ вопіютъ, и никто не сознаетъ въ себѣ довольно нравственной силы, чтобы дать честный отпоръ беззаконію и собраться около знамени гражданскаго порядка». Первая задача русскаго правительства — возстановленіе закон-

ной власти. Только тогда откроется возможность приступить къ органическому врачеванію общественныхъ недуговъ, издавна зародившихся въ этой несчастной странѣ. Къ числу такихъ органическихъ мѣръ принадлежитъ безспорно окончательное устройство земледѣльческаго сословія — этой прочной основы государственнаго порядка...». Настоятельность крестьянской реформы вытекаетъ изъ созданной возстаніемъ обстановки, выразившейся въ деревнѣ полнымъ прекращеніемъ, подъ вліяніемъ событій, крестьянскихъ повинностей. «Народъ, хотя и не довѣряетъ прочности такого небывалаго порядка вещей, но видимо смущается и недоумѣваетъ, привыкая постепенно и безсознательно къ такому льготному положенію. Самое простое благоразуміе требуетъ, чтобы правительство высказало, наконецъ, свое рѣшительное слово и — такъ или иначе — положило конецъ опасному недоумѣнію». Реформа должна устранить вліяніе шляхты, и, мало того, она должна быть проведена безъ всякаго участія поляковъ. «При настоящемъ ненормальномъ положеніи царства, нельзя и помышлять о пріобрѣтеніи такихъ дѣятелей изъ среды туземцевъ, а потому очевидная надобность вынуждаетъ обратиться къ пособію природныхъ русскихъ... Если съ Божіею помощью и при твердой и неуклонной послѣдовательности въ дѣйствіяхъ правительства благополучно завершится эта первая коренная реформа, то можно ожидать постепеннаго обновленія всего гражданскаго быта въ Польшѣ. Во всякомъ случаѣ, введеніе новаго консервативнаго элемента въ польское общество должно нѣсколько укрощать или хотя сглаживать тѣ невоздержанные порывы, которые доселѣ постоянно парализовали всякое разумное управленіе въ краѣ. Только по мѣрѣ развитія этихъ началъ общественнаго порядка, можно будетъ вводить и расширять тѣ учрежденія, которыхъ требуетъ современное настроеніе всего европейскаго общества, причемъ однако же необходимо полное и безусловное соглашеніе ихъ съ учрежденіями прочихъ частей имперіи. До тѣхъ поръ тщетно было бы искать разрѣшенія польскаго вопроса въ какихъ бы то ни было политическихъ комбинаціяхъ, столь явно обнаружившихъ доселѣ свою политическую несостоятельность».

Все, что было сказано въ докладѣ Милютина, стало программой русской политики въ Польшѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Но если докладъ открываетъ завѣсу будущаго, то онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяетъ установить и истинный генезисъ этой программы. Докладъ въ своемъ существѣ повторяетъ то, что задумалъ Самаринъ, когда лѣтомъ 1863 г. въ Рожественѣ писалъ свою руководящую статью по польскому вопросу. Юрій Самаринъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, предуказалъ впередъ на полвѣка историческіе пути Россіи и Польши, со всѣми многообразными и громадными по своему значенію послѣдствіями новой политики для обѣихъ странъ и для всей Европы.

5.

Когда опредѣлилось, что, вопреки опасеніямъ тріумвирата, привезенные имъ изъ Варшавы проекты встрѣчаютъ сочувствіе Александра II и имѣютъ всѣ шансы пройти, Юрій Самаринъ могъ по справедливости считать, что задача, которую онъ себѣ ставилъ, соглашаясь ѣхать съ Милютинымъ, выполнена. Мысль снова оказаться въ Польшѣ его не соблазняла, и онъ слишкомъ дорожилъ своей свободой, чтобы продолжать оставаться на службѣ. Милютинъ, докладывая Александру II 25 Декабря 1863 г., что только благодаря познаніямъ, опытности и самоотверженію Самарина и Черкасскаго, спеціально и исключительно занимавшимися обработкой проектовъ, онъ могъ окончить дѣло въ такой короткій срокъ, долженъ былъ одновременно сказать государю, что Самаринъ боленъ и проситъ его освободить отъ дальнѣйшаго участія въ польскомъ дѣлѣ. Самаринъ дѣйствительно чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ, и доктора посылали его на долгій срокъ заграницу. Въ концѣ Декабря онъ уѣхалъ въ Москву. Но ему не удалось тогда-же покончить съ польскими дѣлами. Въ началѣ 1864 г. онъ былъ вызванъ Милютинымъ въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ комитетѣ, образованномъ для разсмотрѣнія проектовъ польской крестьянской реформы. Засѣданія комитета происходили 9, 14, 16, 22, 26 и 30 Января и 8 Февраля. Основы реформы были приняты комитетомъ безъ измѣненій по существу. Только въ одномъ важномъ пунктѣ комитетъ исправилъ предположенія миссіи Милютина, пойдя еще дальше въ поддержкѣ крестьянскихъ интересовъ, чѣмъ шли составители проектовъ. По образцу русской крестьянской реформы, выкупъ крестьянскихъ повинностей въ Польшѣ долженъ былъ, по проектамъ, совершиться путемъ возложенія на крестьянъ довольно низко исчисленныхъ выкупныхъ платежей. Въ комитетѣ предсѣдателемъ его кн. П. П. Гагаринымъ былъ возбужденъ вопросъ, не лучше ли вмѣсто такой системы, принять вознагражденіе помѣщиковъ на счетъ казны, изыскавъ для того необходимыя средства: говорилось, что, въ виду ненормальнаго положенія дѣлъ въ царствѣ, желательно обставить крестьянскую реформу такъ, чтобы въ положеніи крестьянъ наступило немедленное улучшеніе; между тѣмъ система выкупныхъ платежей требовала сложной работы по опредѣленію ихъ для каждаго имѣнія, что задержало бы ликвидацію стараго порядка. Милютинъ не только не возражалъ противъ такой поправки, но горячо къ ней присоединился, и въ законѣ выкупная операція была построена такъ, какъ было предложено Гагаринымъ: на крестьянъ для усиленія средствъ казны была наложена поземельная подать, независимая отъ опредѣленія цѣны ихъ повинностей, а съ помѣщиками казна расплатилась, на довольно невыгодныхъ для нихъ основаніяхъ, изъ своихъ рессурсовъ.

Юрій Самаринъ присутствовалъ только на первыхъ засѣданіяхъ Комитета и въ концѣ Января снова уѣхалъ въ Москву. 19 Февраля 1864 г. проекты были утверждены Александромъ II и стали закономъ. Дѣло, въ которое такъ вѣрилъ Самаринъ, совершилось. При всѣхъ ея недостаткахъ, польская крестьянская реформа 1864 г., въ главной ея части, къ которой Самаринъ больше всего приложилъ свою руку, — въ поземельномъ устройствѣ польскихъ крестьянъ, — была безспорно крупнымъ историческимъ дѣломъ. Не оправдали себя лишь отдѣльныя подробности этой части реформы. Сервитуты на много десятилѣтій отравили хозяйственную жизнь края, искусственно понижая уровень агрономической культуры не только фольварковъ, но и крестьянскихъ земель, ибо крестьяне, вмѣсто того, чтобы развивать травосѣяніе, долгое время довольствовались скудными кормами въ портившихся ими помѣщичьихъ лѣсахъ и лугахъ. Безцѣльными препонами для правильнаго хозяйственнаго развитія оказались и всѣ правила относительно ограниченія крестьянъ въ правѣ свободнаго распоряженія своими участками и ихъ залога. Но центральная задача поземельной реформы — созданіе крѣпкаго крестьянства была сполна достигнута. Принесенныя помѣщичьимъ классомъ жертвы, цѣной которыхъ достигнута была эта задача, искупили прошлые грѣхи шляхетской политики. Черезъ полстолѣтія выдающійся польскій политическій дѣятель давалъ такую оцѣнку послѣдствій крестьянской реформы: «реформа, являвшаяся актомъ меттерниховской политики и вслѣдствіе способа ея проведенія съ самаго начала оцѣненная дворянствомъ какъ несправедливость, стала благодѣяніемъ для края; она создала здоровый и многочисленный крестьянскій слой на крѣпкой экономической основѣ, предназначенный служить элементомъ равновѣсія общественныхъ отношеній въ краѣ» (Романъ Дмовскій).

Гораздо хуже стояло дѣло съ административной частью реформы. Двусословная гмина функціонировала неудовлетворительно и не дала добрыхъ плодовъ. Доза чисто политическихъ цѣлей въ ея образованіи оказалась слишкомъ большой. Такова же вынесенная исторіей оцѣнка и всей, собственно, политической, стороны реформы 1864 г., какъ цѣлаго. Въ добромъ и зломъ она одинаково не достигала того нравственнаго завоеванія Россіею польскаго крестьянства, о которомъ думали ея творцы. Она была огромнымъ благомъ для польскаго народа, но благомъ этимъ воспользовалась Польша, а не Россія.

Пріѣхавъ въ Москву въ Февралѣ 1864 г., Самаринъ внѣшне покончилъ съ польскими дѣлами. Онъ написалъ здѣсь двѣ небольшія статьи въ «Днѣ» по крестьянскому вопросу уже въ Россіи и готовился къ продолжительному заграничному путешествію. По настоятельной просьбѣ Милютина, вернувшагося въ Польшу въ качествѣ предсѣдателя учредительнаго комитета,

по дорогѣ заграницу онъ на нѣкоторое время остановился въ Варшавѣ, но лишь мимоѣздомъ, и въ концѣ Апрѣля былъ уже въ Вѣнѣ. Само собой разумѣется, живой интересъ къ польскому дѣлу не могъ быть вычеркнутъ въ Самаринѣ прекращеніемъ оффиціальныхъ польскихъ занятій. Въ перепискѣ съ близкими за время заграничнаго пребыванія, продолжавшагося почти годъ, онъ, то и дѣло, возвращается къ Польшѣ; Польша же служитъ лѣтомъ 1864 г. одной изъ главныхъ темъ его споровъ съ Герценомъ въ Лондонѣ, о которыхъ я буду говорить ниже. Но теперь главный предметъ размышленій Самарина не отдѣльныя и конкретныя задачи русской политики въ царствѣ польскомъ, а польскій вопросъ въ его принципіальной постановкѣ, какъ столкновеніе стихій католичества и православія. Впечатлѣнія, собранныя въ Варшавѣ, не только не ослабили, но рѣзко обострили этотъ исходный пунктъ Самаринскихъ мыслей, нашедшій такое яркое выраженіе въ его первыхъ статьяхъ по польскому дѣлу. Польша вернула Самарина къ его старымъ богословскимъ интересамъ временъ изученія Ст. Яворскаго и Ѳ. Прокоповича и споровъ и бесѣдъ съ Хомяковымъ о православной церкви. Но и въ другомъ отношеніи польская миссія съиграла громадную роль въ жизни Самарина, воскресивъ въ немъ его старыя размышленія по вопросамъ русской окраинной политики. Онъ началъ думать о нихъ въ Ригѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ, а потомъ въ Кіевѣ въ началѣ пятидесятыхъ, но позднѣе, цѣликомъ уйдя въ крестьянское дѣло, онъ лишь изрѣдко мысленно къ нимъ возвращался. Теперь онъ понялъ ту основную истину, что русскій политическій дѣятель неминуемо осужденъ всегда возвращаться къ судьбамъ того пояса народностей и земель на западномъ рубежѣ Россіи, съ которыми, на горе или на счастье, исторія связала судьбы русскаго народа.

---

## ГЛАВА ПЯТАЯ.

# Политика послѣднихъ лѣтъ.

1864-1876.

1.

Соціальная реформа въ Польшѣ есть послѣдній крупный государственный актъ, въ осуществленіи котораго Самаринъ принялъ непосредственное участіе. Преобразовательная волна начала царствованія шла на убыль. Земство и новый судъ завершали собой оборудованіе страны на новыхъ началахъ, и запасъ преобразовательной энергіи былъ исчерпанъ. Странѣ предстояло организоваться, какъ бы извнутри, въ тѣхъ новыхъ формахъ жизни, которыя были созданы.

Объективный ходъ вещей совершенно совпадалъ съ тѣмъ, что субъективно переживалось Самаринымъ и что онъ выразилъ въ словахъ своего письма къ Милютину 1863 г. — «теперь нужны не зодчіе. а каменщики». Разбираясь въ хаосѣ общественныхъ настроеній, порожденномъ новыми формами жизни страны, Самаринъ совершенно сознательно считалъ дѣло законодательнаго обновленія Россіи, въ основномъ, законченнымъ и съ досадой смотрѣлъ на неуравновѣшенность настроеній окружавшаго его общественнаго міра.

Намъ надо на минуту вернуться нѣсколько назадъ , къ 1862 г. чтобы понять политику Самарина за десятилѣтіе между концомъ его польской миссіи и его смертью. — 1862-ой годъ можно было бы назвать — конечно, не безъ нѣкотораго преувеличенія и болѣе или менѣе условно — годомъ перваго конституціоннаго кризиса новой Россіи, и положеніе, занятое тогда Самаринымъ, имѣетъ значеніе для всей его послѣдующей дѣятельности.

Требованія, которыя нашли себѣ выраженіе въ запискахъ, брошюрахъ и адресахъ времени редакціонныхъ комиссій и которыя сводились къ тому, чтобы дворянству дано было право принять участіе въ разработкѣ реформы, не могли быть и не были исчерпаны. Напротивъ того, послѣ 1861 г. реальность наступившей огромной перемѣны въ условіяхъ существованія высшаго культурнаго слоя русскаго народа несомнѣнно давала настроеніямъ 1858 — 1859 гг. еще болѣе прочное основаніе.

Весь этотъ верхній слой былъ выбитъ изъ колеи. Освобожденіе крестьянъ лишало его чего-то большаго, чѣмъ просто правъ или выгодъ, оно лишало его быта. Если рядовые его представители воспринимали это лишеніе болѣе или менѣе пассивно, отдаваясь ежедневнымъ заботамъ по ликвидаціи старыхъ отношеній и по приспособленію себя къ новымъ условіямъ, то среди сознательнаго меньшинства неминуемо наступалъ глубокій моральный кризисъ. До освобожденія крестьянъ конституціонныя стремленія были, прежде всего, попыткой отстоять свое право передъ законодателемъ, который считалъ себя призваннымъ творить соціальную справедливость, не считаясь съ этимъ правомъ. Теперь въ конституціонныхъ формулахъ искали выхода изъ крушенія стараго быта также и тѣ группы, которыя принимали основанія освобожденія крестьянъ, установленныя 19 Февраля. Иванъ Аксаковъ, близкій настроеніямъ помѣщичьей Россіи по всему своему жизненному укладу и тѣсно связанный съ лучшимъ, что въ ней было, со свойственной ему яркостью и впечатлительностью, передаетъ въ своихъ статьяхъ конца 1861 и начала 1862 гг. то, что переживалось послѣ освобожденія.

«Такъ называемое крестьянское дѣло — писалъ онъ 2 Декабря 1861 г. въ «Днѣ» — есть въ тоже время и дворянское дѣло: оно въ равной степени затронуло интересы крестьянъ и помѣщиковъ, оно сдвинуло оба сословія съ ихъ вѣкового подножія. Едва ли движеніе одного не находится въ обратномъ отношеніи къ движенію другого, — но, какъ бы то ни было, несомнѣнно, что все наше дворянство чувствуетъ въ настоящую минуту невольную потребность отдать себѣ отчетъ въ своемъ современномъ призваніи и значеніи...» «Дворянамъ необходимо,— добавляетъ онъ въ статьѣ 9 Декабря, — опредѣлить себѣ самимъ, что они такое, и чѣмъ могутъ быть, пристроить себя, отыскать себѣ почву и фундаментъ общественный».

И тотъ же И. Аксаковъ давалъ на эти вопросы характерный для переживавшихся сознательнымъ большинствомъ дворянства настроеній, характерный особенно, быть можетъ, своей нѣкоторой расплывчатостью и туманностью , отвѣтъ: «...распущенная дружина возвращается домой, *въ земство*, и вноситъ въ него новые элементы...» (День, 2 Декабря 1861 г.,)

Аксакову рисовалась картина — имѣвшая громадный успѣхъ и произведшая громадное впечатлѣніе — торжественнаго отказа дворянскихъ обществъ всей Россіи отъ сословныхъ привилегій и торжественнаго заявленія о готовности слиться съ остальными сословіями страны въ единомъ земствѣ. Въ статьѣ 6 Января 1862 г. въ томъ же «Днѣ» — дата должна быть отмѣчена, ибо она есть исходный пунктъ возобновившагося конституціоннаго движенія — подъ заглавіемъ «О самоуничтоженіи дворянства какъ сословія», Аксаковъ предлагаетъ свой проектъ соотвѣтствующаго выступленія всѣхъ дворянскихъ собраній Россіи. Онъ полагалъ,

что всѣ эти собранія должны, передъ лицомъ всей Россіи, совершить актъ уничтоженія дворянства, просить о распространеніи своихъ правъ на всѣ остальныя сословія и тѣмъ достигнуть нравственнаго единства и цѣльности русской земли. Аксаковъ не говорилъ, въ какихъ организаціонныхъ и правовыхъ формулахъ выльются эти «единство и цѣльность» и чѣмъ будетъ то «земство», о которомъ онъ мечталъ. Но практика не была вообще сильной стороной способностей И. С. Аксакова, и дальнѣйшее развитіе его мысли повторить въ Россіи знаменитую ночь французской конституанты выпало на долю тѣхъ группъ дворянства, которыя подхватили пылъ и настроеніе его статей.

Что дворянству предстояло принять какія то рѣшенія, было ясно и правительству. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, имя котораго мы здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ въ исторіи русскаго конституціонализма, циркулярно поручилъ дворянскимъ собраніямъ обсудить нѣкоторые вопросы, вытекавшіе изъ освобожденія крестьянъ: большей частью это были вопросы спеціальные, но одинъ носилъ болѣе общій характеръ — о пересмотрѣ дѣйствующаго нынѣ устава о службѣ по выборамъ. Пользуясь этимъ молчаливымъ благословеніемъ Валуева, дворянскія собранія начала 1862 г. одно за другимъ обращались къ правительству съ программой политическихъ реформъ. Нѣкоторыя изъ этихъ обращеній непосредственно вытекали изъ призыва Аксакова.

Дворянское собраніе сосѣдней съ Москвой Твери 4 Февраля 1862 г. огромнымъ большинствомъ голосовъ приняло постановленіе, въ которомъ, прежде всего, провело подсказанное Аксаковымъ торжественное «отреченіе» отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій и дѣлало тотъ положительный выводъ, котораго не было у Аксакова. «Осуществленіе... реформъ невозможно путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь; предполагая даже полную готовность правительства произвести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти изъ самого народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. Посему дворянство не обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій».

Таковъ былъ. политически самый лѣвый, отзвукъ настроеній 1861 — 1862 гг. Подчеркнутая рѣзкость постановленія — «несостоятельность» правительства въ дѣлѣ проведенія реформъ тотчасъ послѣ 19 Февраля, было выраженіемъ, конечно, пара-

доксальнымъ — свидѣтельствовала, какъ и вся обстановка Тверского собранія, о нѣкоторомъ юношескомъ задорѣ группировавшихся вокругъ совсѣмъ молодого еще предводителя тверскихъ дворянъ Унковскаго.

Лучшимъ выраженіемъ требованій дворянскаго «центра» въ тѣже годы можетъ служить публицистика стараго пріятеля и единомышленника Самарина — А. И. Кошелева. Кошелевъ былъ человѣкомъ себѣ на умѣ, нѣсколько грубоватымъ и примитивнымъ по своему мышленію, но во всякомъ случаѣ житейски опытнымъ и зрѣлымъ. Въ самомъ началѣ 1862 г. онъ обнародовалъ въ Берлинѣ большую политическую брошюру подъ заглавіемъ: «Какой исходъ для Россіи изъ ея нынѣшняго положенія?» Повторивъ Аксаковскій призывъ къ дворянству «совершить подвигъ великій», «сойти съ пьедестала привилегированнаго сословія и пригласить лицъ изъ другихъ сословій стать въ его ряды», Кошелевъ спрашиваетъ себя: «Неужели дворянство согласится оставаться въ нынѣшнемъ своемъ положеніи — быть чѣмъ то и вмѣстѣ съ тѣмъ не быть ничѣмъ». «Мы отдѣльно слабы, ничтожны, мы пользуемся мнимыми привилегіями, платя за нихъ цѣною дѣйствительныхъ правъ, коихъ мы лишены;.. пока мы останемся чѣмъ-то особеннымъ, мы будемъ только покорными слугами не Царя, не отечества, а всѣмъ намъ равно ненавистной бюрократіи, и... только соединеніемъ съ народомъ мы можемъ пріобрѣсти значеніе въ государствѣ...». Это подсказываетъ Кошелеву его главное требованіе — созыва народнаго представительства. «Созваніе Земской Думы въ Москвѣ въ сердцѣ Россіи, поодаль отъ бюрократическаго центра, есть, по нашему крайнему разумѣнію, единственный путь къ разрѣшенію великихъ задачъ, нашему времени указанныхъ».

Кошелевъ довольно точно объясняетъ, что въ его представленіи есть Земская дума. Прежде всего — и въ этомъ цѣликомъ классическая доктрина К. Аксакова — земская дума не должна ограничивать «самодержавія». — «Что это Парламентъ? Конституція? Ни то ни другое», говорится въ его брошюрѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ томъ же 1862 г. осенью Кошелевъ написалъ и напечаталъ опять въ Германіи вторую брошюру, которая должна была пояснить первую, — «Конституція, самодержавіе и земская дума». Въ ней онъ подробно — въ согласіи съ классическимъ славянофильствомъ — разсказываетъ, «какъ можно подать голосъ противъ конституціи и за самодержавіе». Зато компетенція Земской Думы рисуется Кошелеву весьма широкой: ей надо передать «тѣ существенныя дѣла, коихъ рѣшеніе для Россіи необходимо». И еще любопытная черта Кошелевскаго политическаго замысла: безъ конституціи и съ самодержавіемъ, онъ стоитъ почти-что на точкѣ зрѣнія отвѣтственнаго министерства. Изъ выдвинувшихся членовъ думы, по его мнѣнію, должно составлять «министерство единомысленное, цѣльное, знающее

нужды и желанія Россіи и внушающее ей полное довѣріе», думское министерство должно придти на смѣну бюрократамъ, столь ненавистнымъ живой части дворянства въ тѣ годы.

Изъ общаго источника неудовлетворенныхъ настроеній 1861 и 1862 гг. вышло, наконецъ, и третье теченіе: чисто дворянскій варіантъ ранняго русскаго конституціонализма. Онъ характерно представленъ большинствомъ московскаго дворянскаго собранія въ началѣ 1862 г. Объ этомъ собраніи одинъ изъ близкихъ наблюдателей, тотъ же Кошелевъ, писалъ Ю. Ѳ. въ Самару: «Вообразите, какой саладъ или масседуанъ: ярые аристократы, бары прежнихъ временъ, англійскіе аристократы, нѣмецкіе аристократы, либералы, демократы, демагоги и проч. и проч. — все это споритъ, горячится, и никто ничего не переварилъ... Однимъ словомъ ералашъ страшнѣйшій: кто желаетъ сдѣлать дворянство замкнутымъ сословіемъ...; другой требуетъ отмѣны вовсе дворянства и переименованія его въ землевладѣльцевъ; третій кричитъ — нѣтъ, мы ничего рѣшать не можемъ — давай намъ земскій соборъ — выборныхъ отъ всѣхъ сословій. Иные хотятъ, чтобъ имъ сейчасъ вынули изъ печи готовую конституцію, приправленную судомъ присяжныхъ, свободою книгопечатанія и пр. пр.» (17 Декабря 1861 г.). Но на этомъ нѣсколько хаотическомъ фонѣ, живо описанномъ Кошелевымъ, въ концѣ концовъ, выдѣлилось и восторжествовало теченіе, представленное Ник. Безобразовымъ. 197 голосами противъ 161 московскимъ собраніемъ въ Январѣ 1862 г. было принято внесенное имъ предложеніе просить государя «всемилостивѣйше дозволить дворянству избрать изъ своей среды уполномоченныхъ, отъ каждой губерніи по два, съ возложеніемъ на нихъ обязанности исправить новое Положеніе о помѣстныхъ крестьянахъ» и «дозволить симъ уполномоченнымъ дворянамъ собраться въ одной изъ столицъ, въ видѣ Общаго или Государственнаго Дворянскаго Собранія».

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ, какъ глубоко было захвачено общественное настроеніе конституціонными требованіями въ годы послѣ манифеста 19 Февраля. Если эти требованія не нашли себѣ въ ту минуту осуществленія, то въ этомъ не повиненъ стоявшій тогда во главѣ внутренняго управленія Валуевъ. На смѣну воинствующаго отрицанія Н. Милютина Валуевъ принесъ въ отношеніи конституціонныхъ требованій настроеніе благожелательнаго нейтралитета, если не болѣе, — что, при тогдашнемъ огромномъ вліяніи правительства на весь обиходъ страны, имѣло огромное значеніе.

Самаринъ не только не былъ захваченъ новымъ настроеніемъ, но сразу-же занялъ рѣзко враждебное къ нему положеніе. Со всей силой глубокой моральной увѣренности и во всеоружіи сложившагося публицистическаго таланта, онъ смѣло выступилъ лидеромъ противниковъ конституціонной программы. Цензурныя условія того времени были еще таковы, что обсужденіе вопроса

во всей его полнотѣ въ печати не могло имѣть мѣста. Аксаковскій «День», къ которому Самаринъ былъ тогда очень близокъ, могъ позволить себѣ затрогивать вопросъ только мимоходомъ, но напечатать манифестъ Юрія Самарина противъ конституціонныхъ требованій Аксаковъ не рѣшился. Онъ былъ распространенъ такъ, какъ оглашены были въ свое время Письма изъ Риги и Записка объ освобожденіи крестьянъ — путемъ распространенія копій: общественное мнѣніе еще не отвыкло тогда съ особеннымъ интересомъ слѣдить за рукописной политической полемикой.

Еще раньше написанія своего манифеста, въ статьѣ «Изъ Самары», напечатанной въ «Днѣ» 18 Марта 1862 г., Самаринъ высказывалъ практическую, не принципіальную, часть своихъ доводовъ противъ созыва земскаго представительства. Ссылаясь на неаккуратное осуществленіе мѣстными людьми своихъ правъ по проведенію въ жизнь крестьянской реформы, онъ писалъ: «... нѣтъ, не вѣрится, чтобы была готовность трудиться, дѣйствительно и серьезно потрудиться на общерусскомъ дѣлѣ, когда мы равнодушны къ дѣлу мѣстному, губернскому; не вѣрится, чтобъ были на готовѣ для дѣла губернскаго, когда для дѣла уѣзднаго не хочется запречь саней и проѣхать тридцать верстъ на морозѣ... Наша современная дѣятельность не только не переливаетъ черезъ края, въ которыхъ она заключена, а совершенно наоборотъ, далеко еще не наполнила отведеннаго ей простора». Конституціонныя требованія для Самарина — или «ребячество», или — эта оцѣнка особенно для него характерна — «полусознательная сдѣлка съ совѣстью, упрекающею насъ въ распущенности и лѣни».

Не попавшій въ печать Самаринскій протестъ 1862 г. противъ «требованій конституціи» звучитъ еще строже и суровѣе. Всякая попытка ограничить верховную власть, думаетъ Самаринъ, есть дѣло безумное, потому что оно невозможно, а если бы оно было возможно, то оно было бы бѣдствіемъ и преступленіемъ противъ народа. Сочувствіе народа электрическимъ токомъ тянетъ прямо къ царю, черезъ всѣ посредствующія сословія, учрежденія, общественные слои. Между народомъ и царемъ заключенъ не высказанный, а всѣми понимаемый союзъ для взаимной защиты. Если имъ доведется вмѣстѣ начать борьбу противъ политическихъ притязаній посредствующихъ элементовъ русской жизни, то этимъ элементамъ суждено погибнуть. Правда, можно, создавая представительство, сдѣлать попытку обойтись безъ народа или его обмануть. Но безнадежность такихъ замысловъ доказана русской исторіей. «Анна Іоанновна подписала подвернутую ей конституцію и на другой день изорвала ее въ клочки, а люди, въ то время стоявшіе за конституцію, были покрупнѣе нынѣшнихъ; закалъ былъ надежнѣе. Это они доказали въ ссылкѣ. Былъ и другой примѣръ: 14 Декабря обманомъ ввели на

Дворцовую площадь два гвардейскихъ полка. Что-же изъ этого вышло?....»

Но если бы даже конституція была въ Россіи осуществлена, то она всеже оставалась бы зломъ и ложью. Зломъ, потому что усилила бы централизацію. «Петербургъ, центръ самодержавія, тяжелъ для Россіи; Петербургъ, центръ конституціоннаго правительства, задавилъ бы ее окончательно». Ложью — потому что народная масса оставалась бы внѣ новой государственной организаціи. «Народной конституціи у насъ пока еще быть не можетъ, а конституція не народная, т. е. господство меньшинства, дѣйствующаго безъ довѣренности отъ имени большинства, есть ложь и обманъ».

Самаринскій протестъ лишенъ всякой тѣни политической метафизики. Для него «самодержавіе» не есть догматъ. «Мы не признаемъ выработанной западной схоластикой и нашимъ духовенствомъ повторяемой съ чужого слова теоріи de jure divino. Утверждать, что въ силу Божественнаго закона верховная государственная власть принадлежитъ какой-бы то ни было династіи, по праву ей прирожденному, что цѣлый народъ отданъ Богомъ въ крѣпостную собственность одному лицу или роду — мы считаемъ богохульствомъ... Спаситель и апостолы создали Церковь и дали человѣчеству ученіе объ отношеніи человѣка къ Богу; но они не создавали государственныхъ формъ и не писали конституцій». Каждый народъ выбираетъ себѣ политическую форму по своимъ потребностямъ; если въ Россіи должна сохраняться неограниченная монархія, то потому, что, по глубокому убѣжденію Самарина, въ этомъ заключается потребность страны. Его выводы — выводы трезваго политика, чуждаго всякаго догматизма, въ особенности столь противорѣчащаго его, выработанному еще въ 1843 г., пониманію отношеній государства и церкви, догматизма монархіи Божіей милостью.

Пожалуй, даже болѣе того. Протестъ противъ конституціонныхъ требованій есть, прежде всего, результатъ непосредственныхъ впечатлѣній годовъ службы въ Самарскомъ губернскомъ присутствіи, выводъ изъ его постоянныхъ жалобъ на барство, лѣнь и дряблость русскаго общества. По его наблюденіямъ, «самый благовидный предлогъ ничего не дѣлать» есть именно то «дразненіе правительства», которымъ занимается А. И. Кошелевъ и Тверскіе дворяне. Мечтая о конституціи, лѣнивые общественные верхи не вѣдаютъ, что творятъ. — «Я вижу изъ вашего письма, — говоритъ онъ, обращаясь къ Черкасскому (письмо 27 Ноября 1862 г.), — что и вамъ ближайшая наша будущность представляется не въ розовомъ свѣтѣ. Признаюсь, и я не поручусь, что не осуществятся на сихъ дняхъ ребяческія затѣи Кошелева, но я ожидаю отъ нихъ еще худшихъ послѣдствій, чѣмъ Вы. При настоящихъ обстоятельствахъ земская дума поставила бы весь тотъ кружокъ, въ которомъ сосредоточено русское просвѣ-

щеніе, всю грамотную Русь, между двухъ огней; ея безсиліе и изолированность высказались бы самымъ очевиднымъ образомъ, и благодаря ея глупымъ замашкамъ послѣдовало бы неудержимое движеніе между властью и массами, — сближеніе на счетъ серединной Россіи во имя произвола и невѣжества. Les suites peuvent être incalculables, et la leçon serait payée trop cher».

Таково настроеніе, въ которомъ Самаринъ пережилъ важный моральный кризисъ въ русскомъ обществѣ, слѣдовавшій за 19 Февраля. Онъ вынесъ изъ него то коренное убѣжденіе, что надо безъ оговорокъ принять вышедшую изъ полосы большихъ реформъ Россію такою, какъ ее эти реформы создали; подъ угломъ этого коренного убѣжденія сложилась вся дѣятельность Самарина послѣ того, какъ ранней весной 1864 г. онъ уѣхалъ изъ Варшавы заграницу и снова вернулъ себѣ столь дорогую для него свободу частнаго человѣка.

## 2.

Самаринъ уѣзжалъ заграницу въ Апрѣлѣ 1864 г. совсѣмъ больнымъ. Въ одномъ изъ писемъ передъ отъѣздомъ онъ говоритъ: «Мое здоровье въ одномъ положеніи, т. е. со дня на день хуже. Надежды на выздоровленіе я никакой не имѣю. Придется умирать медленно, долго и постепенно; впрочемъ, я далекъ отъ унынія и надѣюсь расчитаться съ жизнью непостыдно». (30 Марта). Къ этому предчувствію близости смерти надо прибавить чувство личнаго одиночества. Самаринъ былъ холостъ. Одинъ изъ его друзей по университету, Н. А. Ригельманъ, въ рѣчи, произнесенной послѣ кончины Самарина, говорилъ о немъ такъ: «Онъ отвернулся отъ всѣхъ утѣхъ житейскихъ, отказался отъ утѣшенія имѣть семейство, съ насмѣшливою холодностью, можетъ быть не всегда искреннею, относился ко всему, что привлекаетъ другихъ; — только въ сферѣ идей и стремленій, имъ избранной, только въ томъ, что относилось къ жизни православно-религіозной и народной, онъ дѣлался человѣкомъ горячаго чувства, увлекающимся, почти фанатикомъ». Эта характеристика, кажущаяся какъ будто нежизненной, необыкновенно вѣрна по отношенію къ такому характеру, какимъ былъ Самаринъ. Онъ очень любилъ женское общество, и былъ друженъ, въ теченіе всей своей жизни, съ рядомъ женщинъ. Но онъ ни разу не отдалъ имъ своей свободы и своей независимости, — и не случайно, не потому, что жизнь не открывала ему блестящихъ и соблазнительныхъ возможностей, а потому, что всю свою свободу и всю свою независимость онъ твердо охранялъ ради задачъ жизненной работы и общественной службы. Но это холодное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстное отстаиваніе личной свободы не могло — въ минуты физической слабости не отзываться чувствомъ личнаго одиночества. Близкій въ эти годы Ю. Ѳ., Иванъ Аксаковъ писалъ

старой пріятельницѣ Самарина А. О. Смирновой (22 Февраля 1866 г.): «Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ необходимости для Самарина жениться. Онъ сильно тоскуетъ своимъ одиночествомъ; участь стараго холостяка, съ неизбѣжнымъ развитіемъ себялюбія, любви къ комфорту, очерствѣнія, справедливо пугаетъ его. Я думаю, что только женившись, примется онъ за настоящій плодотворный трудъ, по плечу своему таланту; этотъ трудъ — разъясненіе истиннаго идеала Православной Церкви, продолженіе трудовъ Хомякова...». Но минуты слабости у Самарина проходили быстро, и онъ съ прежней силой воли и въ прежнемъ одиночествѣ брался за свой жизненный руль.

Такъ было и въ 1864 г. Онъ уѣхалъ заграницу на неопредѣленно долгій срокъ, пробылъ тамъ до весны слѣдующаго года, объѣхавъ полъ-Европы, и очень скоро почувствовалъ себя бодрымъ и отдохнувшимъ. Онъ направился сначала въ Прагу, гдѣ раньше не бывалъ, и съ величайшимъ интересомъ весь отдался наблюденіямъ надъ, одновременно близкимъ и далекимъ, маленькимъ славянскимъ міромъ Чехіи. Національная работа чеховъ произвела на него огромное впечатлѣніе, своими почти чудесными результатами, достигнутыми въ какихъ нибудь тридцать лѣтъ, и своей методической и спокойной выдержкой и неуклонностью. Какъ рѣзко отличались эти впечатлѣнія отъ всего, что Самаринъ только-что наблюдалъ въ царствѣ польскомъ. Онъ съ удивленіемъ наблюдалъ, какъ , не прибѣгая ни къ раздраженію нервовъ театральными выходками, ни къ возбужденію несбыточныхъ чаяній распространеніемъ ложныхъ слуховъ, чешское національное движеніе взяло силу однимъ орудіемъ убѣжденія, наставленія, проповѣди, больше изустной, чѣмъ печатной, однимъ непосредственнымъ сближеніемъ грамотныхъ и просвѣщенныхъ съ безграмотными и темными, медленнымъ и незамѣтнымъ дѣйствіемъ лица на лицо, меньшинства, сперва едва виднаго, на большинство, въ которомъ, казалось, оно должно было исчезнуть безслѣдно. Ригеръ — Ю. Ѳ. познакомился со всѣми чешскими знаменитостями — предложилъ ему съѣздить на три дня къ нему въ деревню, и Самаринъ воочію изучилъ ту крѣпкую почву деревенской культуры и благосостоянія, на которой выростало поразившее его національное движеніе. И вмѣстѣ съ тѣмъ, многое показалось Самарину чуждымъ въ этой прекрасной странѣ. Видя, съ какимъ жаромъ и увлеченіемъ Ригеръ, Браунеръ и другіе его собесѣдники перебирали вопросы о партійныхъ комбинаціяхъ, о формахъ парламентскихъ преній, о разныхъ избирательныхъ системахъ, и слыша отъ нихъ постоянно одинъ и тотъ же вопросъ — «когда же наконецъ для Россіи наступитъ политическое совершеннолѣтіе и когда она послѣдуетъ примѣру Австріи», — Самаринъ высказалъ имъ, что его удивляетъ безусловность ихъ убѣжденія въ примѣнимости общеконституціонныхъ формъ къ славянскому міру и ихъ беззавѣтная готовность

ринуться на всѣхъ парахъ, съ ихъ тщательно взращенною народностью, по рельсамъ нѣмецкаго политическаго развитія. По этому поводу завязался споръ. Старикъ Палацкій долго слушалъ молча и, наконецъ, сказалъ Самарину: «Россія должна развиться и устроиться совершенно самобытно; въ этомъ и вся наша надежда; но отъ насъ не ждите и не требуйте, чтобы мы выработали какія либо новыя политическія формы. Мы слишкомъ глубоко приняли въ себя германскую образованность и мы не въ состояніи отъ нея отрѣшиться: wir sind zu sehr in ihre Gegensätze begriffen. Наше дѣло было спасти народное вещество отъ матеріальнаго поглощенія его чуждой стихіею, и мы этого достигли, воскресивъ въ себѣ историческую память и отстоявъ свой языкъ; но въ насъ пересохло начало историческаго творчества». Эти слова стоили Палацкому — казалось Самарину — такъ дорого, и онъ ихъ произнесъ съ такою искренностью, что на этомъ споръ оборвался. Никто ему не возражалъ, а Самарину было совѣстно подхватить его признаніе и воспользоваться имъ. Въ этомъ конфликтѣ столь чуждыхъ другъ другу стихій австрійскихъ парламентскихъ настроеній и русскихъ идеаловъ демократическаго абсолютизма, Самарина особенно больно кольнуло то несочувствіе чешскаго политическаго міра къ русской политикѣ въ Польшѣ, которое почерпалось ими изъ классической общеевропейской вражды къ Россіи.

Изъ Праги Самаринъ проѣхалъ въ Англію, гдѣ онъ раньше никогда не былъ. Онъ не зналъ англійскаго языка и не съумѣлъ подойти достаточно близко къ англійской жизни, чтобы понять своеобразную прелесть и обаяніе Лондона. Но здѣсь его неудержимо потянуло къ русской политикѣ. Онъ пріѣхалъ для того, чтобы устроить изданіе одного изъ богословскихъ сочиненій Хомякова на англійскій языкъ; наладивъ дѣло и осмотрѣвъ, подъ руководствомъ члена парламента М-ра Ханкей, всѣ Лондонскія достопримѣчательности, онъ сѣлъ за столъ и написалъ слѣдующее письмо А. И. Герцену: «Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, Вы знаете, что мы съ вами стояли всегда не рядомъ другъ съ другомъ, а на діаметрально противоположныхъ концахъ. Вы, конечно, догадываетесь, что въ настоящее время едва-ли кто нибудь строже меня осуждаетъ всю Вашу дѣятельность и жалѣетъ искреннѣе о томъ вредѣ, который вы сдѣлали и дѣлаете въ Россіи. Но у насъ обоихъ много общихъ воспоминаній; думаю, что вамъ они такъ же дороги, какъ и мнѣ. Къ тому же я не могу забыть, что Вы одни во всей русской литературѣ помянули съ сочувствіемъ людей, которыхъ память для меня священна (Рѣчь шла о К. Аксаковѣ и Хомяковѣ). Не хотѣлось бы мнѣ уѣхать отсюда, не пожавъ Вамъ руки и не переговоривъ съ Вами искренно, съ Вами одними. Если Вы съ своей стороны также пожелаете со мной повидаться, то научите, какъ это сдѣлать. Въ четвергъ я уѣду изъ Лондона въ Торкей, откуда обратно въ Лондонъ,

изъ Лондона на одинъ день въ Оксфордъ, потомъ обратно въ Лондонъ дня на два и поспѣшу на материкъ, гдѣ мнѣ предстоитъ лѣченіе. Хотите ли Вы, чтобы я къ Вамъ пріѣхалъ, или Вы пріѣдете въ Лондонъ. Дайте отвѣтъ поскорѣй и обстоятельный. Я не знаю англійскаго языка: справиться не въ состояніи, и потому, если Вы вызовете меня къ себѣ, то пропишите обстоятельный маршрутъ и научите, гдѣ остановиться». Герценъ былъ въ Борнемаусѣ и тотчасъ же отвѣтилъ, что «страстно хочетъ» видѣть Самарина. Свиданіе состоялось въ Лондонѣ въ гостинницѣ, гдѣ стоялъ Самаринъ, 9/21 — 11/23 Іюля.

Самаринъ и Герценъ были очень дружны въ Москвѣ въ 1843 — 1844 гг. Съ отъѣздомъ Самарина въ Петербургъ въ Августѣ 1844 г. отношенія не прервались: они переписывались и продолжали свои безконечные московскіе споры. Но съ тѣхъ поръ утекло много воды для обоихъ, и старые споры о Гегелѣ и русской народности для обоихъ превратились въ свѣтлое прошлое. Но протекшіе годы создали новыя, болѣе глубокія, разногласія. Для Самарина Герценъ 1864 г. былъ Герценомъ «Колокола», а «Колоколъ» воплощалъ въ его глазахъ самую рѣзкую и самую вредную политическую и философскую неправду. Для Герцена Самаринъ былъ представителемъ всего того, съ чѣмъ онъ боролся съ такой страстностью въ далекой и дѣлавшейся ему по немногу чужой, Россіи. Но то глубокое и полусознательное, что соединяетъ людей, было по прежнему налицо, и несмотря на три дня продолжавшійся, горячій споръ, свиданіе было умственной радостью для обоихъ, — можетъ быть, именно благодаря этому спору. Въ письмахъ Герцена къ Огареву сохранились непосредственно послѣ разговоровъ записанныя впечатлѣнія перваго отъ Лондонскаго свиданія. Часть этихъ записей такъ характерна, что надо сдѣлать изъ нихъ длинную выписку. «У меня все еще идетъ кругомъ въ головѣ, — пишетъ Герценъ (10/22 Іюля), — отъ разговора, который длился отъ шести до часу безпрерывно. Десять разъ онъ принималъ ту форму, послѣ которой слѣдовало бы прекратить и его, и знакомство. О сближеніи не можетъ быть и рѣчи, и при этомъ лично С. и уважаетъ и любитъ меня. Я только взошелъ въ № и спросилъ объ немъ, какъ онъ явился самъ (онъ у человѣка записалъ мое имя, стало, не боится). Я протянулъ ему руку, но онъ бросился обнимать меня. — Вотъ главные тезисы. Что касается до правительства, оно не имѣетъ никакого направленія и идетъ зря; оно съ самого начала искало руки ведущей, но ея не нашлось, и теперь ищетъ. Терроръ ему приказало общество, и этимъ С. доволенъ (противъ террора въ Петерб. Суворовъ, Валуевъ, Адлерб.). Было время, которое «Колоколъ» могъ вліять громадно. Все потеряно колоссальной ложью въ польскомъ дѣлѣ. Онъ считаетъ теперешнюю дѣятельность окончательно пустой, потому что, кромѣ исключительнаго кружка, никто не хочетъ и не читаетъ «Колокола». Всѣ увѣрены, что ложные манифесты

шли отъ насъ, или по крайней мѣрѣ отъ Бак(унина), и онъ такъ думалъ до разговора. Польшу, поляковъ онъ ненавидитъ, — вещи, имъ разсказанныя, дѣйствительно ужасны. Съ Милютинымъ онъ въ тѣсной дружбѣ, и, кажется, воротится на свое мѣсто послѣ лѣченія въ Рагацѣ. (У него были два удара паралича, но легкаго; онъ отъ послѣдняго почти совсѣмъ окривѣлъ, но сохранилъ и прежнюю энергію, и удвоенный фанатизмъ, и необыкновенно изворотливый умъ, но зато — кромѣ немножко бордо — пить не можетъ). Крестьянское дѣло въ Польшѣ онъ считаетъ великимъ, историческимъ дѣломъ. Твою статью винитъ онъ въ томъ, что ты, зная, что польскіе крестьяне не бунтовали, сказалъ, что они бунтовали, и что ты не оцѣнилъ, что уступленная полякамъ земля минимумъ за отрѣзками, сдѣланными въ 1807 — 1846 и въ послѣднее время. — По всему сказанному онъ ближе къ Каткову и Муравьеву, чѣмъ къ «Колок». «Современникъ» ненавидитъ. Чернышевскаго тоже... Мысль у него проявляющаяся или затаенная, та: «Всему этому и вы способствовали». (Онъ считаетъ вліяніе мое на поколѣніе съ начала царствованія, самымъ главнымъ и сильнымъ, больше сильнымъ, чѣмъ вліяніе Николая Павловича! — каково?!), — и въ то время какъ надобно было всѣ силы, всѣ помышленія устремить на то, чтобъ двинуть машину впередъ...»

Эта запись и нервна, и субъективна. Но она передаетъ основной смыслъ свиданія. Самаринъ со всею страстностью своей природы явился на него въ качествѣ обвинителя. Для него Герценъ воплощалъ явленіе русской жизни, которое онъ больше всего ненавидѣлъ — онъ воплощалъ русскую революцію, и русскую революцію, благословившую въ 1863 г. польское возстаніе. Онъ торопился высказать Герцену все, что у него накипѣло противъ него на душѣ. Уже послѣ отъѣзда изъ Лондона онъ написалъ Герцену огромное письмо (Рагацъ, 22 Іюля /3 Августа), въ которомъ его обвинительный актъ былъ заново формулированъ въ необыкновенно рѣзкой и жестокой формѣ: самъ Самаринъ прибавлялъ, что не запомнитъ, чтобы ему когда нибудь приходилось говорить такъ жестоко. «Повторяю вамъ опять, — писалъ онъ, — что я говорилъ вамъ въ Лондонѣ: ваша пропаганда подѣйствовала на цѣлое поколѣніе, какъ гибельная противоестественная привычка, привитая къ молодому организму, еще не успѣвшему сложиться и окрѣпнуть. Вы изсушили въ немъ мозгъ, ослабили всю нервную систему и сдѣлали его совершенно неспособнымъ къ сосредоточенію, къ выдержкѣ и энергической дѣятельности. Да и могло ли быть иначе? Почвы подъ вами нѣтъ; содержаніе вашей проповѣди испарилось; отъ многихъ и многихъ крушеній не уцѣлѣло ни одного твердаго убѣжденія; остались одни революціонные пріемы, одинъ революціонный навыкъ, какая то болѣзнь, которой я иначе назвать не могу, какъ революціонною чесоткою... Въ послѣдніе года, два явленія въ нашемъ

русскомъ мірѣ выдались особенно ярко. Это, во первыхъ, попытка привести въ исполненіе безумную программу, кѣмъ то продиктованную нашей неучащейся молодежи; я разумѣю разныя подпольныя изданія («Земля и Воля», «Великороссъ» и т. п.), въ которыхъ проповѣдывались поджоги и бунтъ, воровскую прививку грубаго безбожія къ мальчикамъ и дѣвочкамъ, отданнымъ на вѣру въ распоряженіе преподавателей воскресныхъ школъ, подложные манифесты, которыми надѣялись обмануть крестьянъ и т. д. Во вторыхъ, польскій мятежъ съ его аттрибутами: веревкою для подлой черни, отравленнымъ стилетомъ для польскихъ журналистовъ и русскихъ офицеровъ, и заказною ложью, по стольку то за строку, для общественнаго мнѣнія Европы. Какъ же отнеслись вы къ этимъ явленіямъ? Вы спасовали передъ обоими.... Отчего же вы спасовали передъ русской молодежью и передъ польскою шляхтою? А вотъ отчего. Во время оно вы мирились съ революціей, какъ съ средствомъ, которое вамъ казалось необходимымъ для достиженія положительныхъ цѣлей. Вы полагали, что можно вынести кратковременную операцію, послѣ которой язва человѣчества должна была затянуться и ожидалось наступленіе царства вѣчнаго мира, довольства и свободы. Вмѣсто того, наступило царство Наполеона III. Положительныя цѣли одна за другою исчезли изъ виду, формулы стушевались, убѣжденія съежились и обратились въ нуль. Осталось обычное средство: революція какъ цѣль для самой себя, революція революціи ради. Ея знакомые пріемы вы увидали въ проповѣдяхъ польскихъ ксендзовъ, въ подложныхъ грамотахъ, въ «Великороссѣ», и вы не посмѣли ослушаться ея призыва. Какъ кабальному человѣку революціи, вамъ все равно, откуда бы она ни шла, изъ университета, села, костела или дворянскаго замка. Вы у нея не спрашиваете, куда она идетъ и какія побужденія она поднимаетъ на своемъ пути...»

И любопытно: Герценъ выслушивалъ филиппику Юрія Самарина съ какимъ-то чувствомъ необыкновенной грусти. Онъ былъ слишкомъ старъ, и его жизненная дорога была слишкомъ накатана, чтобы Самаринская филиппика могла заставить его свернуть съ этой дороги. Но въ письмахъ къ Огареву и въ отвѣтныхъ письмахъ самому Самарину чувствуется какая-то внутренняя робкая неувѣренность, выливающаяся въ нервныхъ и эпизодическихъ возгласахъ о жестокости подавленія польскаго мятежа, о политическихъ преслѣдованіяхъ въ Россіи, о ея «нѣмецкомъ» правительствѣ и т. д. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ моральной невозможности противопоставить цѣлостному и твердому какъ алмазъ міровоззрѣнію Самарина одинаково цѣлостный и одинаково твердый положительный идеалъ. Отсюда примирительныя и глубоко грустныя ноты всего его разговора съ Самаринымъ и всѣхъ его писемъ къ нему послѣ его отъѣзда на континентъ, по неволѣ обезоруживавшія Ю. Ѳ. Въ одномъ изъ писемъ — пере-

писка продолжалась до Ноября — Самаринъ просилъ Герцена откинуть въ его обвиненіяхъ все угловатое и рѣзкое, и всеже, съ желѣзной настойчивостью своего характера, звалъ его отрѣшиться хоть на нѣсколько дней отъ его обычныхъ возбужденій, привести себя въ равновѣсіе, возстановить въ себѣ спокойствіе и повторить себѣ смыслъ его словъ въ той формѣ, которая Герцену ближе и ему не оскорбительна. «Вдумайтесь безпристрастно и рѣшите сами про себя, — кончалось письмо: правду ли я вамъ говорилъ или нѣтъ».

Герценъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя вернулся къ своимъ спорамъ съ Самаринымъ въ статьяхъ «Колокола», но эти статьи блѣдны и не передаютъ и сотой доли многозначительности спора. О подлинномъ спорѣ узнали немногіе близкіе двухъ участниковъ, и онъ былъ, конечно, событіемъ только въ личной жизни Самарина и Герцена. Но теперь — когда протекли десятилѣтія — свиданіе въ Ройаль-Хотелъ на Блакфрайаръ-Бриджъ получаетъ смыслъ историческаго символа. Какъ когда-то въ Зимнемъ дворцѣ, въ концѣ зимы 1849 г., въ лицѣ Самарина и Императора Николая сошлись двѣ разныхъ Россіи, Россія новая и Россія старая, такъ здѣсь сошлись двѣ новыхъ Россіи — Россія революціи и Россія исторической традиціи. Ихъ споръ еще не законченъ, но свиданіе Герцена и Самарина останется навсегда однимъ изъ самыхъ яркихъ его выраженій.

Изъ Лондона Самаринъ поѣхалъ въ Рагацъ, гдѣ сразу-же очутился въ совсѣмъ другой средѣ близкихъ ему по всему ихъ укладу людей — представителей того верхняго круга придворнаго и правительственнаго Петербурга, съ которымъ Самаринъ тѣсно сжился въ годы своего участія въ редакціонныхъ коммиссіяхъ. Здѣсь была вел. княгиня Елена Павловна, Баронесса Э. Ѳ. Раденъ, посланникъ въ Туринѣ Штакельбергъ, Киселевъ, Титовъ, Дм. Нессельроде и другіе; всѣ группировались вокругъ великой княгини, принимавшей по утрамъ и вечерамъ безъ всякаго этикета. Въ это заграничное пребываніе Самарину было суждено имѣть нѣсколько многозначительныхъ въ его жизни встрѣчъ. Здѣсь въ Рагацѣ такою была встрѣча съ Баронессой Раденъ. Онъ знавалъ ее по Петербургу, но не былъ съ нею близокъ. Съ Рагаца началась ихъ дружба. продолжавшаяся до самой смерти Юрія Ѳедоровича. Баронесса Раденъ — фрейлина Елены Павловны — была женщиной совершенно выдающагося ума, глубины настроеній и благородной твердости характера. Они сошлись на спорахъ о балтійскомъ краѣ. Баронесса Раденъ была уроженкой прибалтійскихъ губерній и горячо защищала весь прибалтійскій дворянскій мірокъ; Самаринъ былъ для нее авторомъ Писемъ изъ Риги, и по неволѣ, видаясь съ нимъ постоянно, она стала говорить въ защиту ей близкой Прибалтики. Самаринъ давно не думалъ объ этой послѣдней, но вся важность и сложность окраинныхъ вопросовъ Россіи была ему яснѣе чѣмъ когда-либо,

послѣ его польской миссіи. Разговоры съ умной Баронессой Раденъ подняли въ немъ все, что когда-то онъ пережилъ и передумалъ по балтійскому вопросу. Онъ обѣщалъ ей изложить свои взгляды въ письмѣ, и, переѣхавъ въ Остенде, на морскія купанія, снова перебралъ въ своей памяти всѣ эти, заслоненныя жизнью, мысли и написалъ ей большое письмо, представлявшее его обвинительный актъ и его программу по близкому Баронессѣ Раденъ вопросу. Съ этого письма начинается исторія Самаринскихъ «Окраинъ Россіи», его балтійской полемики, которой онъ отдалъ столько силъ и столько вниманія въ послѣдніе годы своей жизни. — Тема Самарина въ этомъ письмѣ къ Баронессѣ Раденъ (16/28 Сентября 1864 г.) таже, что въ Письмахъ изъ Риги: XVI вѣкъ въ Прибалтійскомъ краѣ XIX столѣтія, охраняемый во имя національной и соціальной гегемоніи нѣмцевъ и разобщенія края съ остальной Россіей; въ другомъ письмѣ, которымъ онъ отвѣчалъ на возраженія своей корреспондентки, онъ дополняетъ это положеніе тѣмъ, что стало теперь его основнымъ, вынесеннымъ имъ изъ борьбы въ Польшѣ, политическимъ требованіемъ въ окраинной политикѣ. Для него въ Прибалтійскомъ краѣ такъ же, какъ на другихъ окраинахъ, идетъ борьба двухъ пониманій русской государственности: идеалъ денаціонализованной имперіи, въ цѣломъ ни русской, ни польской, ни нѣмецкой, гдѣ всѣ народности живутъ другъ возлѣ друга, чуждыя одна другой, «comme qui dirait la reproduction très en grand de l'hôtel Ragatz, où Russes, Américains et Français venaient, sans se connaître, s'asseoir à la même table-d'hôte», — или Россіи, въ которой русскій «чувствовалъ бы себя такъ, какъ французъ себя чувствуетъ во Франціи и англичанинъ въ Англіи» (Брюссель, 5/17 Октября 1864 г.).

3.

Запасшись новыми силами, накопивъ множество новыхъ впечатлѣній, поставивъ себѣ рядъ новыхъ или обновленныхъ вопросовъ, Самаринъ вернулся въ Москву, чтобы, по словамъ, сказаннымъ имъ Герцену, «всѣ силы, всѣ помышленія устремить на то, чтобъ двинуть машину впередъ».

Въ Россіи Самаринскаго времени не было парламента, но всеже существовала публичная трибуна. Дворянскія собранія, а съ 1866 г. губернскія земскія собранія въ тѣ годы не представляли собой болѣе или менѣе блѣдныхъ и только техническихъ и дѣловыхъ съѣздовъ, какими они стали, пройдя полосу охранительной политики второй половины царствованія Александра II и царствованія Александра III. На нихъ ставились большіе вопросы, происходили пренія, выражаясь въ терминахъ конституціонныхъ, по общей политикѣ. Самаринъ съ огромнымъ интересомъ вошелъ въ эти политическіе споры. Въ 1862 г. Черкасскій шутливо писалъ ему , что имъ обоимъ не пришлось бы попасть въ русскій дворянскій парламентъ, такъ какъ дворянство ихъ

не выбрало бы, но Самаринъ также шутливо отвѣчалъ: «прошу Васъ меня не браковать. Знайте, что нѣтъ лица популярнѣе меня въ губерніи, такъ что, если бы я вздумалъ баллотироваться на слѣдующихъ выборахъ въ губернскіе предводители, то получилъ бы, несомнѣнно, огромное число бѣлыхъ шаровъ». Сквозь шутливую форму этихъ словъ, чувствуется, что Самаринъ дѣйствительно по кореннымъ свойствамъ своей природы неминуемо во всякой парламентской странѣ сталъ бы парламентаріемъ. По условіямъ, въ которыхъ онъ жилъ, онъ сдѣлался только московскимъ губернскимъ гласнымъ. Но когда перечитываешь записи преній тѣхъ собраній, въ которыхъ онъ участвовалъ, то наблюдаешь настоящаго политическаго оратора и подлиннаго политическаго дѣятеля.

За годъ отсутствія Самарина политическая обстановка въ Россіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существенно измѣнилась. Въ началѣ 1865 г. общественное мнѣніе пережило послѣдній свой конституціонный кризисъ. Со времени Самаринской противуконституціонной записки 1862 г. вопросъ о представительствѣ прошелъ нѣсколько фазисовъ. Въ 1863 г. Валуевъ разработалъ свой конституціонный проектъ — лучшее, что возникало въ этомъ направленіи до 1905 г. — вдохновляясь англійскими политическими формами и пытаясь согласовать ихъ съ Учрежденіемъ государственнаго совѣта Сперанскаго, но потерпѣлъ крушеніе; конституцію проповѣдывалъ въ томъ-же году Катковъ, какъ средство разрѣшенія польскаго вопроса путемъ сліянія Россіи и Польши въ одномъ парламентѣ, но судьбы польскаго вопроса пошли по линіи, намѣченной не Катковымъ, а Юріемъ Самаринымъ. Однако общественная тяжба изъ-за земской думы не была еще окончательно снята съ очереди. Вопросомъ интересовались во всѣхъ тѣхъ кругахъ, которые дѣлали въ тѣ годы русскую политику. Изъ-за тяготѣвшаго по прежнему цензурнаго запрета тяжба эта, не могла еще носить въ Россіи характера живой и напряженной политической борьбы, для которой необходимъ свободный типографскій станокъ, но о введеніи народнаго представительства продолжали говорить и думать въ кабинетахъ и гостинныхъ Петербурга и Москвы. Чувствовалась потребность серьезно и даже научно подготовиться. Въ 1864 г. вел. княгиня Елена Павловна, стремившаяся въ каждомъ русскомъ вопросѣ стоять въ первомъ ряду, съ самымъ передовымъ въ каждый данный моментъ знаменемъ въ рукахъ, заказала Ю. Ѳ. Самарину программу научнаго изслѣдованія о народномъ представительствѣ въ исторіи Россіи. Ю. Ѳ. выработалъ программу, и по его совѣту разработка ея была поручена великой княгиней И. Д. Бѣляеву. Результатомъ была извѣстная книга послѣдняго «Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси,» увидѣвшая свѣтъ только въ 1906 г., но использованная Бѣляевымъ для его очень важной въ исторіи разработки вопроса о земскихъ соборахъ универси-

тетской рѣчи 1867 г. Въ эти же годы Б. Н. Чичеринъ писалъ свою книгу «О народномъ представительствѣ», въ которой, съ высотъ своего гегеліанства, разсказывалъ о всѣхъ *за* и *противъ* представительныхъ учрежденій.

Для того, чтобы снова поставить вопросъ въ единственно существовавшихъ тогда представительныхъ учрежденіяхъ — на дворянскихъ собраніяхъ, приходилось выжидать истеченія трехлѣтій, по которымъ они собирались. Въ 1864 г. не было дворянскихъ собраній ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ. Зато въ началѣ 1865 г. оно должно было состояться въ Москвѣ. Всѣ помнили бурныя пренія и адресъ Московскаго собранія начала 1862 г. и съ естественнымъ интересомъ ждали, что будетъ теперь. Собраніе было чрезвычайно многолюдно и шумно. На лицо были лидеры конституціоннаго теченія, Н. А. Безобразовъ и Графъ В. П. Орловъ-Давыдовъ; противникомъ его, какъ бы по нѣкоторой моральной довѣренности Юрія Самарина выступалъ, всю жизнь шедшій за нимъ, его младшій братъ Дмитрій Ѳедоровичъ; въ качествѣ новой фигуры появляется Голохвастовъ, которому предстояло играть довольно замѣтную роль въ русской общественной жизни послѣдующихъ лѣтъ. — Свидѣтель — редакторъ петербургской «Вѣсти», всецѣло поддерживавшій идею дворянскаго конституціонализма, одинъ изъ вождей группы, будущій другъ наслѣдника Александра Александровича, Скарятинъ — живо передаетъ въ своихъ корреспонденціяхъ въ «Вѣсти», стоившихъ газетѣ закрытія, повышенное настроеніе своихъ единомышленниковъ. «..Говорилъ Н.А.Безобразовъ... Счастливая наружность твердый, сильный и вмѣстѣ пріятный голосъ; ясное и строго послѣдовательное изложеніе, наконецъ, знаніе закона и глубокое къ нему уваженіе, — все располагало въ пользу оратора. И дѣйствительно всякая рѣчь г. Безобразова, а онъ говорилъ нѣсколько разъ, — возбуждала.... ропотъ одобренія и вызывала громкія рукоплесканія. Напротивъ г. Самаринъ, пробовавшій возражать ему, сдѣлалъ полнѣйшій fiasco: не было ни одного голоса, который рѣшился бы поддержать его...». Скарятинъ продолжаетъ: «Засѣданіе дворянскаго собранія 9 Января было однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Г. Безобразовъ сдѣлалъ предложеніе объ исходатайствованіи разрѣшенія созвать въ одной изъ столицъ по два выборныхъ отъ дворянства каждой губерніи... Благодаря гг. Голохвастову, Безобразову и Графу Орлову-Давыдову, а равно беэпримѣрному сочувствію, которымъ привѣтствовало ихъ собраніе, дворянство показало въ эти дни, что оно — дѣйствительный вождь народа и что ему предстоитъ еще великая будущность». 11 Января происходили пренія и голосованіе. «Соединились всѣ силы, враждебныя дворянству.. — повѣствуетъ Скарятинъ — и чиновническая партія и люди боязливые, и, какъ вѣнецъ всего этого, славянофилы...»; съ «истиннымъ патріотизмомъ» Безобразовъ «пожертвовалъ нѣкоторою частью своихъ

предложенiй» и «въ рѣшительную минуту», ставъ на сторону другого проекта адреса, «своею блистательною рѣчью похоронилъ г. Самарина». Въ самомъ дѣлѣ рѣчь Дм. Ѳ., прочтенная, а не сказанная, довольно блѣдна по формѣ; по содержанiю она, какъ весь Дм. Ѳед., отраженiе мыслей талантливаго старшаго брата: она развиваетъ положенiе, что дворянскiй конституцiонализмъ только увеличитъ пропасть между крестьянами и высшимъ классомъ. За Самарина и противъ обращенiя къ верховной власти съ ходатайствомъ о созывѣ народнаго представительства оказалась лишь очень малая часть собранiя — на 270 защитниковъ обращенiя, какъ показала баллотировка, всего 36 представителей «чиновнической партiи», робкихъ дворянъ и славянофиловъ, о которыхъ писалъ Скарятинъ. Но среди защитниковъ обращенiя не было большинства въ пользу той чисто дворянской формулы представительства, которая прошла въ 1862 г. и поддерживалась Безобразовымъ. Оно склонялось скорѣе въ пользу представительства отъ всѣхъ сословiй. Усилiями Орлова-Давыдова и уступкою Безобразова, на общеземской идеѣ удалось почти объединить собранiе. Ссылаясь на необходимость прочно укрѣпить государственное единство Россiи, принятый адресъ такъ говорилъ Александру II: «Довершите же, Государь, основанное Вами государственное зданiе созванiемъ общаго собранiя выборныхъ людей отъ земли русской, для обсужденiя нуждъ, общихъ всему государству. Повелите Вашему вѣрному дворянству съ этою же цѣлью избрать изъ среды себя лучшихъ людей.... Этимъ путемъ, Государь, Вы узнаете нужды отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Вы возстановите довѣрiе къ исполнительнымъ властямъ...»

Скарятинъ былъ правъ: въ лицѣ Д. Ѳ. политическiй тезисъ Юрiя Самарина потерпѣлъ фiаско на московскомъ собранiи. Но судьба дворянскаго конституцiонализма была предрѣшена совершенно независимо отъ того. Александръ II, который нѣсколько мѣсяцевъ спустя, встрѣтивъ Голохвастова, сказалъ ему, что московскiе дворяне своимъ адресомъ хотѣли отмстить ему за освобожденiе крестьянъ, былъ теперь рѣзко настроенъ противъ мысли о представительствѣ. Валуевъ, черезъ сенатъ, вынужденъ былъ объявить составъ дворянскаго собранiя незаконнымъ и его закрыть.

Ю. Ѳ. издали съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за этой борьбой вокругъ вопроса о земской думѣ. На обратномъ пути въ Россiю изъ Рима и Неаполя, подъ впечатлѣнiемъ извѣстiй изъ Москвы, онъ изложилъ во Флоренцiи свою оцѣнку происходившаго одному прiятелю, постоянно жившему заграницей, въ слѣдующихъ строкахъ: «Безъ всякаго сомнѣнiя, почтеннѣйшiй Николай Владимiровичъ, Вы уже получили изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнiя о шалостяхъ Московскаго Дворянскаго Собранiя. Тѣмъ не менѣе прилагаемая подробная реляцiя очевидца

(Ив. Аксаковъ), можетъ быть, не лишена будетъ для Васъ интереса, хотя бы только патологическаго. Она довольно живо передаетъ то, что всего труднѣе выразить словомъ — нестройный говоръ и вдохновенный сумбуръ опьянѣлой толпы. Представляя себѣ происходившее въ Московскомъ дворянскомъ собраніи, я невольно вспомнилъ видѣнный мною недавно въ Парижской оперной залѣ galop infernal. И тамъ, и здѣсь каррикатурныя олицетворенія самыхъ противоположныхъ типовъ и непримиримыхъ понятій бросаются другъ другу въ объятія, замыкаются въ нестройный хороводъ, увлекаютъ за собою ликующую толпу и кружатъ ее до окончательнаго одурѣнія. А есть чему поучиться въ этомъ безобразномъ явленіи какъ самому обществу, такъ и правительству. Тому назадъ три года, Дворянство, какъ сословіе, само читало себѣ отходную и собиралось умереть тихою смертью. Такъ нѣтъ же, не дали! Валуевъ расшевелилъ его, расщекоталъ дворянскій гоноръ, привилъ къ нему конституціонную чесотку и, не будучи въ состояніи направить къ чему нибудь положительно опредѣленному эту искусственную возбужденную жизненность, самъ же произвелъ безплодную агитацію, съ которою правительству приходится теперь бороться. — Мнѣ пишутъ изъ Москвы, что купечество сильно негодуетъ на дворянство, а въ народѣ ходятъ слухи о томъ, что дворянство бунтуетъ съ досады на правительство за освобожденіе крестьянъ. Можно было предсказать это заранѣе. Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы урокъ этотъ не пропалъ даромъ. Сдѣлайте одолженіе, прочтите письмо Аксакова Н. И. Тургеневу. Пусть онъ увидитъ изъ какихъ видовъ и побужденій хлопочутъ у насъ о представительствѣ и какія допотопныя чудовища всплыли бы на поверхность земскаго собора...» (письмо къ Ханыкову, 17 Февраля 1 Марта 1865 г.).

4.

Когда Самаринъ, послѣ года отсутствія, оказался въ Россіи и снова вступилъ, въ качествѣ активнаго участника, въ русскую общественную и политическую борьбу, конституціонный вопросъ былъ снятъ съ очереди. Для него, по прежнему, этотъ вопросъ былъ какъ бы преюдиціальнымъ вопросомъ русской государственности: онъ радовался вынесенному отрицательному его рѣшенію, ибо оно открывало поле той, по его мнѣнію, единственно важной работы, которая предстояла странѣ. Такой настоящей работой было для него устроеніе русской мѣстной жизни, и къ ней онъ для себя добавлялъ работу по пропагандѣ здравой государственной и національной политики на окраинахъ. Обѣ эти работы онъ велъ постоянно и неуклонно до самой своей смерти, двигая ихъ какъ бы параллельно: отъ земскаго собранія и статьи по политическимъ вопросамъ Россіи онъ переходилъ къ окраинной

полемикѣ и отъ окраинной полемики возвращался къ земской и городской дѣятельности, съ одинаковой энергіей и одинаковымъ воодушевленіемъ и страстностью отдаваясь и тѣмъ, и другимъ.

1865-мъ годомъ открывается и земская дѣятельность, и окраинная полемика. Надо начать со второй, ибо она хронологически предшествуетъ первой.

Герценъ на своемъ своеобразномъ языкѣ — не мало содѣйствовавшемъ созданію русскаго революціоннаго «жаргона» — описывалъ Огареву часть своихъ разговоровъ съ Самаринымъ такъ: «Но онъ толкуетъ, что безъ «ла кестіонъ релижіосъ и полонесъ», — и трава не растетъ». Мы знаемъ, что для Самарина дѣйствительно польскій вопросъ продолжалъ оставаться и послѣ его миссіи въ царство вопросомъ не только политическимъ, но и религіознымъ. И не случайно его первыя писанія по польскому вопросу 1863 г. совпадаютъ во времени съ рѣшеніемъ продолжить, какъ онъ говорилъ, «дѣло Хомякова». Оно должно было начаться съ переизданія въ переводѣ на русскій языкъ забытыхъ полемическихъ брошюръ Хомякова и нѣкоторыхъ его рукописей по богословскимъ вопросамъ. Работа въ этомъ направленіи была имъ предпринята, повидимому, именно въ 1863 г., но прервана рядомъ другихъ дѣлъ. За продолжительное пребываніе заграницей въ 1864 — 1865 гг. онъ накупилъ и перечелъ множество книгъ, чтобы, сверхъ того, самостоятельно продолжать Хомяковскую полемику съ католичествомъ, задачу, сдѣлавшуюся, въ его глазахъ, особенно настоятельной послѣ польскаго возстанія. Эта работа вылилась у него въ формѣ «Отвѣта Іезуиту отцу Мартынову», написаннаго, вѣроятно, лѣтомъ 1865 г. въ Васильевскомъ и напечатаннаго въ послѣднихъ номерахъ «Дня» за этотъ годъ. Поводомъ къ этому отвѣту послужили нападки на іезуитовъ И. С. Аксакова и присланное послѣднему изъ Парижа русскимъ членомъ ордена о. Мартыновымъ опроверженіе на эти нападки. «Отвѣтъ» Самарина, составившій въ послѣдующихъ изданіяхъ цѣлый томъ, представляетъ собой несомнѣнно самое слабое изъ всѣхъ его сочиненій. Въ немъ нѣтъ и слѣда истиннаго религіознаго вдохновенія Хомякова въ его нападкахъ на католичество и Хомяковской философской глубины. На лицо классическій образецъ политики, внесенной въ вопросы вѣры. Краски сгущены до несообразности, эстетической и логической. Мѣстами характеристики сбиваются на размалеванный шаржъ. «Преторіанцы или янычары папизма», «атмосфера, насыщенная обманомъ и кощунствомъ» и т. д., и т. д., — такими формулами пестритъ вся книга Самарина. А по существу его полемика противъ іезуитовъ лишена оригинальности и самостоятельности. Самаринъ имѣлъ дѣло съ темой старинной, почти классической. Въ исторіи Западной церковной жизни борьба противъ ордена Іисуса породила рядъ знаменитыхъ произведеній, начиная съ «Провинціальныхъ Писемъ» Паскаля и кончая когда-то всѣми читавшимся

томикомъ лекцій Мишле и Кине въ «Collège de France» въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка. Пріемы этой борьбы давно установились. Она строится, главнымъ образомъ, на двухъ основаніяхъ — на приписываніи іезуитамъ сочиненій, отъ которыхъ они всегда отрекались и которые представляютъ, какъ доказано исторической наукой, несомнѣнную и злостную поддѣлку, и на разборѣ іезуитской моральной казуистики въ сочиненіяхъ преимущественно XVII вѣка. Этими путями шелъ Паскаль, ими же шли Мишле и Кине, и имъ же послѣдовалъ Самаринъ. Онъ преодолѣлъ, для обоснованія своихъ нападокъ, очень большую и самостоятельную работу, перечелъ огромные латинскіе трактаты старой іезуитской литературы, знаменитаго Бузенбаума, Эскобара, Санчева и т. д.; для второго изданія книги онъ сдѣлалъ даже, ему казалось, цѣлое открытіе, напавъ въ 1867 г. въ Пражской библіотекѣ на одну изъ рукописей, игравшихъ такую роль въ борьбѣ съ іезуитами, поддѣльныхъ «Monita secreta». Но отъ этого его полемика не выиграла ни въ свѣжести, ни въ глубинѣ, ни въ исторической содержательности. Рядъ страницъ, заполненныхъ выписками изъ казуистики Бузенбаума, лишены убѣдительности. Не такъ давно, со всѣмъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ крупнаго ученаго, Габріэль Моно, разбираясь въ іезуитской литературѣ XVII вѣка, сказалъ, что, кромѣ нѣсколькихъ, шокирующихъ насъ рѣшеній частныхъ, досуже измышленныхъ случаевъ, состановленныя іезуитской казуистикой правила вообще «совпадаютъ съ моралью честныхъ людей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова». Также мало оригинально, почти тривіально, и все остальное, что пишетъ Самаринъ о іезуитахъ.

«Отвѣту» Самарина свойственна необыкновенная страстность. Читая его, чувствуешь, что разгоряченная атмосфера борьбы на польской окрайнѣ не остыла и что онъ ищетъ нанести политическій ударъ, а не раскрыть истину. Въ такомъ настроеніи, оцѣнка сложнаго и замѣчательнаго явленія религіозной культуры Запада пріобрѣтаетъ характеръ каррикатуры и сенсаціи. Таже страстность, мы увидимъ, будетъ перенесена Самаринымъ и на другія окраинные вопросы.

## 5.

Покончивъ съ писаніемъ «Отвѣта о. Мартынову», Самаринъ проѣхалъ на первое изъ многочисленныхъ земскихъ собраній, въ которыхъ ему пришлось принять въ жизни участіе. Земскія учрежденія только-что открывались, и Самарское уѣздное собраніе, которое должно было конституировать первыя земскія учрежденія уѣзда, вызывало въ Самаринѣ большой интересъ. Съ удовлетвореніемъ принялъ онъ затѣмъ въ Декабрѣ того-же года предложеніе предсѣдательствовать, по высочайшему пове-

лѣнію, въ первомъ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи въ Самарѣ, происходившемъ отъ 28 Декабря 1865 г. по 16 Января слѣдующаго года. Къ сожалѣнію, журналовъ обоихъ собраній нѣтъ въ Публичной Библіотекѣ, и только въ общихъ чертахъ можно судить о томъ положеніи, которое занялъ Самаринъ въ отношеніи земскихъ учрежденій, появленіе которыхъ онъ привѣтствовалъ и на которые, не безъ нѣкоторыхъ сомнѣній, внушенныхъ знакомствомъ съ мѣстной жизнью, всеже возлагалъ большія надежды. Въ разработкѣ самаго земскаго положенія Самаринъ принималъ мало участія. Въ 1862 г., вмѣстѣ съ будущимъ Самарскимъ земскимъ дѣятелемъ Л. Б. Тургеневымъ, онъ составилъ для комиссіи Валуева проектъ земскихъ учрежденій, построенный на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ законъ 1863 г., но въ составъ Валуевской комиссіи не вошелъ; когда былъ обнародованъ проектъ этой комиссіи, совпадавшій, въ своемъ существѣ, съ будущимъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, онъ въ статьяхъ «Дня» лѣтомъ 1863 г. призналъ «искренность и добросовѣстность правительственнаго начинанія», въ особенности одобряя всесословный характеръ, приданный Валуевымъ земскимъ учрежденіямъ. Теперь земство начинало жить. Самаринъ больше всего опасался, какъ бы не утрачена была сразу-же дѣловая почва, и земскія собранія и управы не стали искать недостижимаго. Въ качествѣ предсѣдателя Самарскаго губернскаго собранія конца 1865 г. онъ, по словамъ одного изъ его участниковъ, ставилъ себѣ задачей, съ первыхъ же шаговъ земства, направить его на тотъ путь легальности, разумной экономіи и практическихъ пріемовъ при удовлетвореніи хозяйственныхъ нуждъ края, по которому земству надлежало идти въ будущемъ, и со свойственной ему энергіей и авторитетомъ безъ труда справился съ этой задачей.

Гласнымъ Самарскаго земства Самаринъ баллотироваться не сталъ. Проводя лѣто и осень большей частью въ Васильевскомъ, онъ всецѣло отдавался тамъ своимъ писаніямъ и не хотѣлъ осложнять своихъ связей съ Самарой функціями въ мѣстномъ земствѣ. Но въ томъ же году онъ баллотировался и былъ избранъ губернскимъ гласнымъ въ Московской губерніи. Здѣсь обстановка была иная, чѣмъ въ Самарѣ. Въ составъ собранія входилъ цѣлый рядъ видныхъ москвичей, главнымъ образомъ, представителей московскаго дворянства, общественно или лично близкихъ Самарину, придававшій земскимъ собраніямъ уже отмѣченный выше обликъ маленькихъ парламентовъ, особенно въ первые годы существованія земства. Самаринъ естественно стоялъ здѣсь на той-же точкѣ зрѣнія земской дѣловой работы, какъ и предсѣдательствуя въ Самарскомъ собраніи; онъ всегда самымъ добросовѣстнымъ образомъ готовился къ собраніямъ, изучая всѣ, даже самыя мелочные, доклады управы и комиссій, участвовалъ въ преніяхъ о направленіи трактовъ и о постройкѣ новыхъ

школьныхъ зданій гдѣ-нибудь въ Волоколамскѣ или Бронницахъ, но всеже общая атмосфера Московскихъ земскихъ собраній заставляла его часто невольно выходить далеко за предѣлы частностей мѣстной жизни и мѣстнаго управленія.

Уже на томъ московскомъ губернскомъ собраніи, на которомъ онъ впервые появляется въ качествѣ губернскаго гласнаго, въ Декабрѣ 1866 г., ему не пришлось выдержать той строго технической ноты, которую онъ считалъ единственно правильной въ земскомъ дѣлѣ. Мужъ его пріятельницы, Н. М. Смирновъ, отставной губернаторъ, жившій въ Москвѣ и принимавшій дѣятельное участіе и въ дворянскихъ собраніяхъ, и въ земствѣ, внесъ въ засѣданіи 18 Декабря записку, трактовавшую преимущественно, о поднятіи нравственности крестьянъ. Эта записка, въ общемъ довольно наивная и довольно невинная, покоробила Самаринское народничество и, главное, его глубокое убѣжденіе, что послѣ освобожденія крестьянъ пришла пора всесословности и взаимнаго довѣрія прежде разобщенныхъ элементовъ земской Россіи; въ предложеніи Смирнова онъ чувствовалъ тотъ духъ «дворянскаго гонора» и дворянскихъ претензій, который ему такъ претилъ въ дворянскихъ собраніяхъ 60-хъ годовъ и который дѣйствительно далъ вскорѣ пышные цвѣты. Онъ произнесъ большую, рѣзкую и ядовитую рѣчь, воспроизведеніе которой весьма скромные «Журналы» собранія сопровождаютъ отмѣткой: «Одобреніе» — надо полагать, лишь части — присутствовавшихъ. Эта рѣчь любопытно и очень характерно построена. Онъ начинаетъ съ того, что былъ нѣсколько удивленъ постановкой въ собраніи вопроса о степени нравственности или безнравственности одного сословія, вопроса, казалось бы не предусмотрѣннаго компетенціей земства и могущаго съ такимъ же успѣхомъ быть притянутымъ къ дѣлу огражденія мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ, какъ вопросъ о томъ, хорошо ли ограждаются существенные для губерніи государственные интересы дипломатіей въ Парижѣ и Константинополѣ. Раздѣленіе труда кажется ему существеннымъ условіемъ успѣха дѣятельности всякаго государственнаго, общественнаго и частнаго предпріятія. Но разъ мнѣніе Смирнова заслушано, онъ съ своей стороны намѣренъ предложить записку, въ которой, совершенно параллельно, изложитъ свои соображенія объ упадкѣ нравственности дворянскаго сословія. «Я обшарю вдоль и поперекъ, сверху до низу, весь дворянскій бытъ и соберу въ одну кучу все, что мнѣ удастся найти нестройнаго, грязнаго, нечестнаго, отвратительнаго. Разумѣется, чтобы придать этой кучѣ больше вѣсу, я прибѣгну къ тѣмъ пріемамъ, къ которымъ прибѣгъ почтенный Н. М. Смирновъ, т. е. какой нибудь случайно подсмотрѣнный фактъ я раздую и возведу на степень обычая, припишу его всему дворянскому быту.... Затѣмъ я коснусь вліянія законовъ на степень нравственнаго развитія дворянскаго сословія. Подобно тому, какъ г. Смирновъ благословляетъ Само-

державную Десницу, снявшую съ Россіи позорное клеймо крѣпостного права, и затѣмъ мимоходомъ только замѣчаетъ, что упраздненіе этого позорнаго учрежденія имѣло одно легонькое неудобство, а именно упадокъ нравственности, разложеніе семейнаго быта и т. д., я также благословлю эту власть, упразднившую въ исходѣ прошлаго вѣка, если не позорную, то крайне стѣснительную для дворянскаго сословія обязанность, вслѣдствіе которой каждый дворянинъ обязанъ былъ отбыть служебную государственную барщину. Я благословлю эту власть, но замѣчу мимоходомъ, что вслѣдствіе упраздненія этой стѣснительной обязанности произошелъ упадокъ дисциплины и нравственности въ дворянскомъ сословіи, что вслѣдствіе этого оно облѣнилось, и ему открылся доступъ къ разнымъ вольнодумнымъ замысламъ..» И т. д., и т. д. — Рѣчь Самарина произвела огромную сенсацію. На его предложеніе выразить неодобреніе запискѣ Смирнова сейчасъ-же послѣдовало отъ главарей московскаго дворянства, Голохвастава, П. А. Васильчикова, И. И. Мусинъ-Пушкина встрѣчное рѣзкое предложеніе выразить неодобреніе равнымъ образомъ и рѣчи Самарина, и предсѣдателю стоило большихъ усилій успокоить конфликтъ. Но Н. М. Смирновъ всеже взялъ назадъ свое предложеніе.

Но въ томъ-же собраніи шли и мирныя рѣчи. Самаринъ высказывался и о порядкѣ исправленія подводной повинности, и о постойной повинности, и о правилахъ раскладки земскихъ сборовъ на недвижимыя имущества, и о веденіи уѣздными управами отчетности по земскимъ суммамъ, и о крестьянскихъ продовольственныхъ запасахъ, и о проектѣ поземельнаго банка. Если во всѣхъ его выступленіяхъ чувствовалась постоянная забота о сохраненіи за преніями дѣлового характера, то отсюда вовсе не слѣдовало, чтобы Самаринъ сколько-нибудь понижалъ уровень этихъ преній. Напротивъ того, благодаря ему московскія губернскія собранія 60-хъ и 70-хъ годовъ чрезвычайно принципіальны и держатся на очень высокомъ уровнѣ. Два примѣра, взятыхъ изъ преній по перечисленнымъ выше вопросамъ, обсуждавшимся на декабрьскомъ очередномъ собраніи 1866 г. Идутъ пренія о порядкѣ отчетности уѣздныхъ земскихъ управъ (зас. 15 Декабря): Самаринъ говоритъ о томъ, какъ должны правильно распредѣляться полномочія губернскаго и уѣздныхъ земствъ въ области обложенія вообще. Идутъ пренія о крестьянскихъ продовольственныхъ магазинахъ (зас. 16 Декабря). Самаринъ высказывается за сохраненіе самостоятельности крестьянскихъ обществъ въ дѣлѣ завѣдыванія этими магазинами и предпосылаетъ своимъ предложеніямъ слѣдующую характеристику отношенія правительства къ крестьянскому самоуправленію: «По внимательномъ прочтеніи доклада Губернской Управы, по разсмотрѣніи разныхъ статей Положенія объ обезпеченіи народнаго продовольствія, я убѣдился, что едва-ли въ какомъ либо иномъ

нашемъ законоположенiи отчетливѣе, яснѣе выразилась противоположность тѣхъ двухъ началъ, которыя въ настоящую минуту борются въ нашемъ законодательствѣ, а именно начала благонамѣренной предупредительной опеки и начала самоуправленiя... Въ 1861 г. съ изданiемъ Положенiя 19 Февраля было принято и въ первый разъ введено новое начало. Законодательство исходило изъ мысли, совершенно противоположной той, которая господствовала прежде, а именно: чѣмъ человѣкъ ближе стоитъ къ дѣлу, тѣмъ лучше понимаетъ его и тѣмъ лучше будетъ орудовать имъ.... Я знаю очень хорошо, что струя, пробившая наше законодательство традицiями 1861 г., въ настоящую минуту ослабѣла и теперь уступаетъ напору прежняго теченiя. Очень можетъ быть что сельскому самоуправленiю предстоятъ разныя стѣсненiя ограниченiя, но если это и должно сдѣлаться, я желалъ бы, чтобы оно дѣлалось не руками земства, а чьими нибудь другими..».

6.

Въ 1866 г. Самаринъ попалъ въ Васильевское довольно поздно: онъ проводилъ лѣто въ Москвѣ, дожидаясь, пока его сестра, графиня Соллогубъ, у которой онъ жилъ въ тѣ годы на Ордынкѣ, за Москвой-рѣкой, вернется съ Рижскаго взморья. Только осенью онъ выѣхалъ въ деревню и засѣлъ за давно подготовлявшiйся имъ къ изданiю переводъ богословскихъ сочиненiй Хомякова. Переводъ былъ написанъ имъ и Гиляровымъ-Платоновымъ изъ Московской Духовной Академiи, но окончательная отдѣлка его вызвала, благодаря своеобразiю французскаго изложенiя Хомякова, сложную и трудную работу. Втянувшись, послѣ долгаго перерыва, въ кругъ понятiй религiозной философiи, Самаринъ почувствовалъ необходимость предисловiя, которое разъяснило бы русской публикѣ роль его покойнаго друга. Это предисловiе представляетъ собой одно изъ лучшихъ, и по своей внѣшней формѣ, и по своему внутреннему содержанiю, произведенiй пера Самарина. Конечно, въ знаменитыхъ заключительныхъ словахъ этого предисловiя: — «А. С. Хомяковъ — учитель церкви» («... славянофильской», прибавлялъ Влад. Соловьевъ, въ скобкахъ) лежало несомнѣнное преувеличенiе; конечно, Самаринъ обобщилъ въ историческомъ объясненiи роли Хомякова, прежде всего, то, что онъ самъ пережилъ въ 1843 и 1844 гг. подъ влiянiемъ своего друга. Но какъ субъективная и личная, почти автобiографическая, оцѣнка Хомякова предисловiе Самарина блестяще и увлекательно. Оно передаетъ Самаринское пониманiе богословской идеи Хомякова съ удивительной, художественною силой и наглядностью. Нѣтъ надобности повторять здѣсь содержанiе этого предисловiя: оно — часть разсказанной выше бiографiи молодого Самарина. Конечно, въ извѣстной степени пре-

дисловіе отражаетъ на себѣ и ту основную полемическую ноту, которая присуща всѣмъ писаніямъ Самарина о католичествѣ: оно есть тоже часть полемики по окраиннымъ вопросамъ, и не даромъ хронологически оно помѣщается между «Отвѣтомъ Іезуиту о. Мартынову» и первымъ выпускомъ «Окрайнъ Россіи». Но высота религіозной мысли Хомякова по неволѣ заражаетъ Самарина, и его предисловіе лишено страстныхъ преувеличеній двухъ во времени сосѣднихъ его писаній.

Долженъ быть отмѣченъ благородный призывъ Самарина не вѣрить, чтобы церковь была враждебна свободѣ. «Я *признаю, подчиняюсь, покоряюсь* — стало быть я не *вѣрую*, — пишетъ Самаринъ. Церковь предлагаетъ только вѣру, вызываетъ въ душѣ человѣка только вѣру и меньшимъ не довольствуется; иными словами: она принимаетъ въ свое лоно только *свободныхъ*. Кто приноситъ ей рабское признаніе, не вѣря въ нее, тотъ не въ Церкви и не отъ Церкви». Церковь для Самарина одинаково благословляетъ свободу гражданскую, свободу политическую и свободу мысли, самую дорогую, самую святую, самую нужную изъ всѣхъ. Этотъ призывъ не новъ для Самарина: онъ выраженъ еще во второй части диссертаціи и, мы помнимъ, съ суровой опредѣленностью изложенъ въ противоконституціонномъ выступленіи 1862 г. Вспоминая обликъ воплощавшаго духовную свободу Хомякова, Самаринъ не могъ не изложить вновь своего коренного тезиса. Сохранился, обнародованный только послѣ его смерти, варіантъ предисловія, гдѣ этотъ тезисъ развивается имъ съ еще большей подробностью. Онъ прямо говоритъ тамъ, что, еслибы дана была полная свобода всѣмъ мнимо-православнымъ христіанамъ открыто отъ нея отдѣляться, то церковь отъ этого только очистилась бы, что теорія о божественномъ установленіи власти есть величайшее злоупотребленіе церковной доктриной, что церковь не знаетъ въ области мысли понятія авторитета и отвергаетъ всякія формы умственнаго рабства.

Настойчивость, съ которой въ эти годы Самаринъ возвращается къ мысли о свободѣ совѣсти, не только отражаетъ на себѣ яркія воспоминанія о Хомяковѣ, но объясняется потребностью отмежеваться въ своей борьбѣ по окраиннымъ вопросамъ отъ всякаго намека на духовное насиліе. Быть можетъ, росшая съ каждымъ годомъ дружба его съ Баронессой Раденъ, воплощавшей для него подлинное благородство чувствъ и мыслей и въ своихъ бесѣдахъ съ нимъ и письмахъ къ нему отстаивавшей свободу внутренней жизни и развитія нѣмецко-лютеранской стихіи прибалтійскаго края, заставляла его особенно болѣзненно ощущать, нравственно компрометировавшую его борьбу, грубость насилія въ дѣлахъ совѣсти и вѣры.

Самаринъ думалъ печатать богословскій томъ Хомякова со своимъ предисловіемъ заграницей, въ Прагѣ, которая ему пришлась такъ по вкусу въ 1864 г. и гдѣ онъ былъ свободенъ отъ

духовной цензуры. Но осуществленіе этого намѣренія пришлось отложить до конца слѣдующаго года. Изъ Васильевскаго онъ долженъ былъ спѣшить въ Москву на то первое свое земское собраніе, о которомъ я уже говорилъ. Зима, весна и лѣто 1867 г. прошли въ Москвѣ, въ разныхъ дѣлахъ, общественныхъ и личныхъ. И. С. Аксаковъ, у котораго была страсть къ журнализму, возобновилъ изданіе славянофильскаго органа, на этотъ разъ въ формѣ ежедневной газеты «Москва». Самаринъ обѣщалъ ему принять въ ней участіе и дѣйствительно въ Мартѣ мѣсяцѣ 1867 г. написалъ рядъ статей по окраиннымъ дѣламъ, служащихъ какъ бы вступленіемъ въ будущія «Окрайны России». Двѣ изъ нихъ касаются собственно прибалтійскаго края. Онѣ были вызваны извѣстіями о переходѣ тѣхъ православныхъ латышей, судьба которыхъ въ сороковыхъ годахъ такъ занимала Самарина въ эпоху Писемъ изъ Риги, изъ православія обратно въ лютеранство, — явленіе, въ которомъ онъ, по всему его пониманію положенія въ остзейскихъ губерніяхъ, долженъ былъ видѣть новое проявленіе нѣмецкаго національнаго гнета. Статьи — призывъ къ верховной власти помочь латышскимъ низамъ остзейскаго края въ ихъ борьбѣ за существованіе. Пусть и тамъ народъ, въ своей инстинктивной надеждѣ на верховную власть, встрѣтится, наконецъ, съ нею лицомъ къ лицу, безъ посредниковъ, какъ онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ самодержавіемъ въ Россіи и въ Польшѣ въ 1861-1864 гг. «Мудрено-ли, что и въ Остзейскомъ краѣ народъ надѣется, что когда нибудь и для него наступитъ 19 Февраля». Остальныя статьи обобщаютъ балтійскую полемику. Въ тѣ годы складывалось весьма вліятельное политическое теченіе, представленное въ обществѣ Скарятинымъ и его газетой «Вѣсть» и въ правительствѣ, главнымъ образомъ, Валуевымъ и сочетавшее идеи дворянскаго конституціонализма и дворянскихъ правъ въ области русскаго мѣстнаго управленія съ мыслью объ охранѣ мѣстныхъ автономій на окрайнахъ России, не исключая даже, несмотря на событія 1864 г., царства польскаго и западнаго края. По всей линіи это воззрѣніе претило Самарину, его идеаламъ демократической и народнической самодержавной монархіи. Статьи «Москвы» посвящены этимъ петербургскимъ теченіямъ, въ частности газетѣ «Вѣсть», съ ея статьями въ защиту передачи руководства массами въ центрѣ и на окрайнахъ дворянству. Для Самарина это пожеланіе ложно въ самомъ своемъ основаніи. На окрайнахъ массы тянутъ въ одну сторону — къ русской народности, а мѣстныя дворянскія сословія тянутъ въ разныя стороны. Все это наглядно, сподручно, очевидно до пошлости, но очевидно для насъ, потому что мы стоимъ на землѣ; а тамъ на верху, на той высотѣ, откуда нисходитъ на газету «Вѣсть» вдохновляющія ее мелодіи, эти противорѣчія исчезаютъ и все сливается въ одинъ стройный аккордъ.

Валуевъ, въ котораго мѣтили, прежде всего и больше всего,

Самаринскія статьи, со свойственной ему мелочностью и неумѣніемъ стоять на уровнѣ широкихъ европейскихъ принциповъ, которые онъ представлялъ, не выдержалъ натиска и отвѣтилъ третьимъ предостереженіемъ газетѣ Аксакова и пріостановкой ея на три мѣсяца. Второй разъ попытка Самарина писать объ остзейскихъ губерніяхъ кончилась административной карой. Но она , конечно, могла только укрѣпить въ немъ стремленіе къ дальнѣйшей борьбѣ, и онъ взялся за писаніе большой публицистической работы по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ ему пришлось коротко говорить въ статьяхъ «Москвы»; онъ готовилъ новый крѣпкій ударъ по политикѣ Валуева — Скарятина.

За этими работами пришелъ знаменитый славянскій съѣздъ въ Москвѣ. Самаринъ взялъ на себя всѣ заботы по пріему и угощенію гостей, что естественно вызвало много хлопотъ и отнимало много времени. Къ тому-же со съѣздомъ славянъ, обѣдами и рѣчами, совпали личныя непріятности и столкновенія. У насъ такъ мало данныхъ о Самаринѣ въ частной жизни, что, можетъ быть, позволительно привести цѣликомъ его письмо къ Е. А. Свербеевой отъ конца весны 1867 г., которое бросаетъ лучъ свѣта на мало пока освѣщенную часть жизни Ю. Ѳ. «Благодарю Васъ усердно, добрѣйшая Катерина Александровна — говорилось въ этомъ письмѣ, — за Ваше дружеское участіе. Какъ я ни безусловно увѣренъ въ немъ, но всякій разъ съ особенною радостью узнаю знакомый Вашъ почеркъ. — Вамъ я, конечно, не въ правѣ не разсказать всего, но, признаюсь Вамъ, какъ то собѣстно занимать Васъ дѣломъ, теперь уже прошлымъ и въ добавокъ не стоящимъ выѣденнаго яйца. Вы, можетъ быть, слышали, что Н. Г. Рюминъ, воспользовавшись крайнею неопытностью моей матушки и сестры въ денежныхъ дѣлахъ, довольно безцеремонно провелъ ихъ по одному вексельному дѣлу, по которому онъ былъ поручителемъ. На обѣдѣ въ Сокольникахъ я противъ воли вовлеченъ былъ въ объясненіе съ нимъ и, при свидѣтеляхъ, сказалъ ему довольно рѣзко, что не желаю имѣть дѣла съ человѣкомъ, котораго не уважаю. Послѣ долгихъ переговоровъ, которые ни къ чему не могли повести, его племянникъ Кондоменцевъ, по порученію своего дяди, потребовалъ отъ меня удовлетворенія и въ Троицынъ день мы стрѣлялись. По первому разу ни мой противникъ, ни я не выстрѣлили; по второму разу, онъ выстрѣлилъ и промахнулся, а я разрядилъ свой пистолетъ въ землю. Тѣмъ дѣло и кончилось. Говорятъ, что Н. Г. Рюминъ остался доволенъ; я тоже не имѣю причинъ тужить. Къ счастью, матушка ничего объ этомъ не знала и не знаетъ. — Да, наши дорогіе друзья, размѣстившіеся на подмосковныхъ кладбищахъ, не дождались первой всеславянской сходки въ Москвѣ. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что ихъ помянутъ соборно на Даниловскомъ кладбищѣ; служба была заказана, и я хотѣлъ Васъ объ этомъ предувѣдомить; но наканунѣ все разстроилось. Мнѣ приходило на мысль послать

къ Вамъ тѣхъ изъ славянъ, которые объ Васъ слыхали и лично знавали Хомякова и Валуева; но я не рѣшился на это по причинѣ, которую Вы легко угадаете. — Завидую Вамъ, что Вы ѣдете въ деревню; я проведу все лѣто въ Москвѣ, до возвращенія сестры изъ Дуббельна; въ Сентябрѣ съѣзжу на Волгу, а оттуда поѣду въ Прагу печатать второй томъ сочиненій Хомякова. Еще разъ отъ души Васъ благодарю и крѣпко жму Вашу руку. Преданный Вамъ Юрій Самаринъ».

Но еще въ Сентябрѣ Самаринъ былъ въ Москвѣ, на губернскомъ земскомъ собраніи, которое прошло тихо, въ обсужденіи разныхъ вопросовъ хозяйственнаго значенія. Повидимому, прямо оттуда, отказавшись отъ любимой осени и охоты въ Васильевскомъ, онъ проѣхалъ въ Прагу, съ двумя рукописями — второго богословскаго тома сочиненій Хомякова и первымъ выпускомъ своихъ «Окраинъ Россіи». Декабремъ того же года и Прагой помѣчено предисловіе къ этой его первой книгѣ по балтійскимъ дѣламъ. Правка корректуръ и свиданія съ чешскими дѣятелями, связи съ которыми были закрѣплены на московскомъ съѣздѣ, но которые, по прежнему, европеизмомъ своей политической жизни, казавшимся Самарину мелкимъ, приводили его въ нѣкоторое отчаяніе, не поглощало всего его времени. Онъ работалъ въ Пражской университетской библіотекѣ, разбираясь, между прочимъ, для переизданія своихъ «Іезуитовъ» , въ храчящихся тамъ фондахъ іезуитской коллегіи Св. Климента, и сдѣлавъ уже упоминавшуюся мною, казавшуюся ему цѣлымъ открытіемъ, находку рукописи «Секретныхъ Наставленій ордена», т. наз. «Monita secreta», признаваемыхъ современной наукой — вопреки всѣмъ доказательствамъ Самарина — безусловно баснею.

Можетъ быть, ни одно изъ сочиненій Самарина въ обычныхъ представленіяхъ не связывается такъ тѣсно со всей его исторической ролью и со всей его исторической фигурою, какъ именно «Окрайны Россіи». И въ самомъ дѣлѣ, его публицистическій талантъ достигаетъ въ нихъ полной зрѣлости. «Окрайны Россіи», въ особенности въ этомъ первомъ выпускѣ, полны жизни и увлекающей внутренней энергіи. Ихъ форма безукоризненна. Конечно, въ жизненномъ дѣлѣ Самарина шесть выпусковъ «Окрайнъ» представляютъ собой далеко не главное, и они далеко не исчерпываютъ работы даже послѣдняго десятилѣтія его жизни. Но всеже, конечно, они органически слиты съ Самаринымъ и составляютъ часть того, что въ его жизненной дѣятельности оказалось исторически наиболѣе вліятельнымъ. Можно такъ или иначе оцѣнивать пользу и вредъ дѣла, защиту котораго взялъ на себя Самаринъ въ «Окрайнахъ», но нельзя отрицать, что проповѣдь его оказала могущественное воздѣйствіе на судьбы русской политики въ балтійскомъ краѣ. Въ Александрѣ II была еще жива унаслѣдованная имъ отъ Николая I традиція покровительственнаго отношенія къ самобытному правопорядку въ трехъ остзейскихъ

губерніяхъ. Но вся дѣятельность Александра III, упраздненіе старыхъ балтійскихъ судовъ, обрусительная школьная политика, превращеніе Дерпта въ Юрьевъ и Дерптскаго университета въ русскій университетъ, появленіе въ прибалтійскомъ краѣ такихъ фигуръ, какъ Шаховской, есть не что иное, какъ осуществленіе программы, съ такой энергіей и страстностью построенной Юріемъ Самаринымъ. А черезъ Александра III издали просвѣчиваютъ и будущія республики Латвія и Эстонія.

Матеріалъ перваго выпуска «Окраинъ Россіи» опредѣляется его подзаголовкомъ: «Русское балтійское поморье». Онъ посвященъ прибалтійскому краю и въ особенности Лифляндіи и опирается на данныхъ, которыя хранились у Самарина со временъ рижской ревизіи Ханыкова, и на содержаніи нѣсколькихъ брошюръ, изданныхъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ балтійцами, въ особенности «Livländische Beiträge» фонъ Бокка. Если сопоставлять эти брошюры съ тѣмъ, что въ прибалтійскомъ краѣ Самаринъ лично наблюдалъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, то, въ извѣстной степени, объясняется все новое по сравненію съ содержаніемъ Писемъ изъ Риги и Исторіи Риги, что мы находимъ въ «Окраинахъ». Довольно естественно, защита балтійцами автономныхъ учрежденій и быта ихъ края въ 60-хъ годахъ велась иначе, чѣмъ она велась при Николаѣ Павловичѣ. Разница измѣряется измѣненіемъ всего политическаго обихода Россіи за тотъ же періодъ времени. Появляется балтійскій конституціонализмъ, стремленіе растолковать старыя хартіи, какъ источникъ настоящихъ конституціонныхъ вольностей. Таковъ ф. Боккъ. Этотъ конституціонализмъ, сопровождавшійся особенно раздражавшей русскую печать и Самарина аппелляціей къ европейскому и, въ особенности, къ германскому общественному мнѣнію, не представлялъ собой и въ тѣ годы въ самомъ краѣ господствовавшаго политическаго настроенія: онъ былъ произведеніемъ болѣе или менѣе безотвѣтственной публицистики, а отвѣтственные руководители края опору для старыхъ порядковъ гораздо вѣрнѣе строили на традиціонныхъ связяхъ и вліяніяхъ въ Петербургѣ, на внутренней близости придворныхъ и чиновничьихъ верховъ Петербурга къ балтійскому дворянству. Баронесса Э. Ѳ. Раденъ, послѣ выхода въ свѣтъ перваго выпуска «Окраинъ Россіи», получила отъ Самарина, съ просьбой прочесть, брошюры ф. Бокка. Она писала ему въ отвѣтъ 27 Мая 1868 г., что еще не успѣла съ ними познакомиться, и прибавляла: «Seulement, afin de sauvegarder votre bonne foi en laquelle je me confie, je vous préviens que M-r de Bock s'est expatrié à la suite de ses dissentiments avec toutes les classes de ses compatriotes, qu'il aspire un peu au rôle d'un Herzen baltique, et que je n'ai vu personne à Riga qui voulut être solidaire de ses élucubrations». Но «балтійскій Герценъ» въ глазахъ Самарина, своей конституціонной проповѣдью и своей ненавистью къ Россіи, подчеркивалъ и обострялъ все то, что

давалъ обличительный матеріалъ временъ Писемъ изъ Риги, и его писанія использованы Самаринымъ вдоль и поперекъ. Уже въ этомъ одномъ «Окрайны Россіи» лишены объективнаго историзма. Да они, конечно, на него и не претендуютъ. Для Самарина они актъ борьбы, призывъ къ объединенію остзейскихъ губерній съ Россіей, во имя гегемоніи русскаго государства и во имя освобожденія латышей и эстовъ отъ нѣмецкаго дворянскаго гнета.

Содержаніе перваго выпуска «Окрайнъ Россіи» сводится къ слѣдующему. Въ прибалтійскомъ краѣ царятъ порядки, не совмѣстимые съ интересами и достоинствомъ Россіи. Балтійцы отрицаютъ авторитетъ русскаго закона и свода мѣстныхъ узаконеній, утверждая, что они не соотвѣтствуютъ привилегіямъ, даннымъ краю, между тѣмъ какъ эти привилегіи давались съ оговорками о неограниченности правъ самодержавной власти. Православная вѣра подвергается угнетенію во имя торжества лютеранства, всецѣло служащаго орудіемъ германизаціи. Положеніе балтійскихъ крестьянъ чрезвычайно тяжело и рѣзко отличается отъ положенія крестьянъ въ Россіи по акту 19 Февраля. Въ городахъ царитъ средневѣковый порядокъ, лишающій русское ихъ населеніе всякихъ правъ. Русскій языкъ вытѣсненъ изъ мѣстныхъ учрежденій. Русская судебная реформа не распространена на край. Балтійское дворянство все больше и больше смотритъ въ сторону Германіи, открыто говоря о своей принадлежности къ германской народности и возлагая всѣ упованія на поддержку изъ-за границы. Пока же она пользуется разговорами о введеніи въ Россіи конституціоннаго строя, чтобы успѣть еще до его осуществленія добиться отъ верховной власти признанія конституціонной-же автономіи края и устроить на прибалтійскомъ поморьѣ Остзейскую Финляндію.

И отсюда выводъ: въ краѣ пахнетъ гарью; русская правительственная цензура, подъ вліяніемъ балтійскаго дворянства, мѣшаетъ поднять тревогу и бить въ набатъ въ русской печати. «Въ своемъ приходѣ будить людей нельзя — это ужъ дознано рядомъ опытовъ, и я перехожу въ другой приходъ, въ гостепріимную Богемію и ставлю на пражскомъ Вышеградѣ скромную пожарную каланчу. Авось увидятъ сигналъ изъ дому», — кончаетъ Самаринъ.

«Окрайны Россіи» были задуманы Самаринымъ, какъ цѣлый рядъ публикацій по всѣмъ русскимъ окрайнамъ: первая серія посвящалась русскому балтійскому поморью, вторая — сѣверозападному краю, третья — Польшѣ и юго-западному краю. Планъ этотъ не былъ осуществленъ за тѣ нѣсколько лѣтъ, которые отдѣляли Самарина отъ смерти. Но въ серіи балтійскаго поморья имъ было издано шесть выпусковъ; второй готовился, печатался и вышелъ въ свѣтъ одновременно съ первымъ. Въ немъ были напечатаны записки православнаго латыша Индрика Стра-

умита за 1840 — 1845 гг., пошловатая, слезливая кляуза, относящаяся къ упоминавшемуся мною движенію начала сороковыхъ годовъ среди латышскихъ крестьянъ, просившихъ обратить ихъ въ «царскую вѣру», — «l'indigne pamphlet qui compose Votre seconde livraison», какъ довольно справедливо написала Самарину Баронесса Раденъ, по прочтеніи первыхъ двухъ выпусковъ «Окраинъ», осенью 1868 г.

Печатаніе богословскаго тома Хомякова и двухъ книгъ «Окраинъ» продолжалось почти годъ, и въ теченіе его Самаринъ былъ какъ бы прикованъ къ Прагѣ. Къ новому году (1868) онъ вернулся въ Москву, участвовалъ въ Январѣ въ губернскомъ земскомъ собраніи, въ Мартѣ опять уѣхалъ въ Прагу, въ началѣ Мая возвратился въ Москву, гдѣ провелъ Май и опять участвовалъ на чрезвычайномъ земскомъ собраніи, въ Маѣ снова выѣхалъ черезъ Петербургъ и Берлинъ, въ Прагу, провелъ тамъ два лѣтнихъ мѣсяца и въ Августѣ получилъ, наконецъ, изъ типографіи три печатавшихся книги. Всѣ онѣ русской цензурой были запрещены къ ввозу въ Россію, и несмотря на это произвели громадное впечатлѣніе.

Два выпуска «Окраинъ Россіи», прежде всего, затронули, конечно, балтійскій нѣмецкій мірокъ въ трехъ губерніяхъ и въ Петербургѣ. Появились опроверженія и отъ «балтійскаго Герцена», и отъ выдающагося историка въ Дерптскомъ университетѣ Ширрена, стоявшаго, какъ и ф.. Боккъ, на почвѣ балтійскаго конституціонализма и укрѣпленія связей съ Германіей, и еще брошюры; лифляндское дворянство написало всеподданнѣйшій адресъ, чтобы защитить себя отъ натиска Самарина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмежеваться отъ балтійскаго конституціонализма. Съ своей стороны, Петербургъ въ концѣ 1868 г. вступился за прибалтійскій край. Въ половинѣ Ноября Самаринъ былъ вызванъ къ московскому генералъ-губернатору, который объявилъ ему высочайшее неудовольствіе по поводу предпринятаго имъ изданія. Наконецъ, и близкій его другъ, женщина, къ которой онъ питалъ чувство нѣжной и братской дружбы, Баронесса Раденъ, прислала Самарину письмо, полное горькихъ упрековъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, невольно поглощало вниманіе Ю. Ѳ., хотя на очереди передъ нимъ стояли другія задачи, связанныя уже съ чисто русскими дѣлами и отношеніями. Онъ долженъ былъ защищаться, и защищаться въ разныхъ направленіяхъ, а защищаться по его натурѣ значило вновь нападать.

Въ Декабрѣ 1868 г. онъ написалъ, и 23-го отправилъ по назначенію большое всеподданнѣйшее письмо Александру II, съ изложеніемъ своей защиты. Въ этомъ письмѣ — весь Самаринъ, съ его неподдѣльнымъ монархизмомъ и его смѣлой независимостью. Въ немъ столько подлиннаго краснорѣчія, что не хочется пересказывать его своими словами. Лучше сдѣлать двѣ выписки. Самаринъ говоритъ въ письмѣ объ опасностяхъ, грозящихъ

Россіи въ прибалтійскомъ краѣ и о правѣ своемъ, какъ русскаго гражданина, высказывать все, что онъ думаетъ о правительственныхъ дѣйствіяхъ. Вотъ первая выдержка: — «Если бы когда нибудь русское общество повернулось спиною къ балтійскому краю, махнуло рукою на Польшу, забыло про Кавказъ и Финляндію, отучилось вообще интересоваться своими окрайнами, это бы значило, что оно разлюбило Россію какъ цѣлое. Въ тотъ день возрадовались бы представители всѣхъ враждебныхъ ей партій и народностей; Мирославскій и Шедо-Феротти, Герценъ и фонъ-Боккъ, забыли бы на время свои разномыслія; они сбѣжались бы со всѣхъ концовъ Европы на братскій пиръ и отпраздновали бы вмѣстѣ канунъ политическаго крушенія Имперіи. — Не къ этому ли, очень еще недавно, вели наши враги въ Варшавѣ и не съ этого ли пути повернула насъ твердая десница Ваша, когда, въ виду угрожавшей намъ Европы, Ваше Величество не усумнилось опереться на общественное мнѣніе, въ то время гласно и безбоязненно выражавшееся. — Можетъ быть, есть люди, считающіе возможнымъ въ мирное время проповѣдовать обществу безмолвіе, безмысліе и безучастіе, даже требовать отъ него этихъ добродѣтелей какъ вѣрноподданническаго долга, а въ минуты опасности, вызывать общественные восторги и общественныя пожертвованія; но осмѣлится ли кто нибудь оскорбить русское правительство предположеніемъ, что оно могло бы когда нибудь усвоить себѣ подобную систему». И въ другомъ мѣстѣ: «Русскій самодержецъ ничѣмъ не связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и безотвѣтственъ передъ своими подданными — это значитъ, что нѣтъ въ Россіи другой равносильной ему власти, облеченной въ видимый образъ народнаго представительства; но, независимо отъ отвѣтственности, основанной на статьѣ конституціоннаго учрежденія, существуетъ въ мірѣ отвѣтственность нравственная, отъ которой никакая власть на землѣ уклониться не можетъ. Этой-то въ точности неопредѣлимой, но несомнѣнно дѣйствительной отвѣтственности, не вынесло бы на плечахъ своихъ и русское Самодержавіе, если бы все то, что ежечасно говорится отъ имени его и по уполномочію отъ него на всемъ необъятномъ протяженіи имперіи приписывалось непосредственно Верховной Власти и принималось за безошибочное выраженіе ея воли и ея желаній».

Письмо было, по тѣмъ временамъ, такъ смѣло, и оно такъ опредѣленно давало понять, что начатое дѣло будетъ продолжено, что Самаринъ былъ совершенно увѣренъ въ неизбѣжности какой-нибудь мѣры административнаго воздѣйствія,и готовился мысленно къ высылкѣ въ деревню или въ отдаленную мѣстность имперіи. Этого не случилось; потому ли, что письмо не было прочтено усталымъ уже въ тѣ годы монархомъ или потому, что у него рука не поднялась на такого человѣка, какъ Самаринъ, — этого мы не знаемъ.

Можетъ быть, еще труднѣе было Самарину отвѣчать Баро-

нессѣ Раденъ. Она откровенно и честно написала, что его книга — дурная и неправдивая книга, что она полна клеветы, неточностей и сознательныхъ умолчаній, что въ ней она не чувствуетъ духа христіанства, а лишь воинствующія притязанія православной церкви, опирающіяся на пышность культа и помощь цезарей; она прощалась съ нимъ, благодаря его за тѣ прекрасные часы, которые онъ далъ ей, посвящая ея въ развитіе своей благородной мысли въ часы освобожденія общей родины (12 Ноября 1868 г.). Отвѣтъ Самарина полонъ сдержанной грусти. Онъ благодаритъ Баронессу Раденъ за ея письмо, ибо больше всего боялся ея молчанія; но съ суровой категоричностью онъ продолжаетъ, что не возьметъ назадъ ни одного слова въ своихъ писаніяхъ и что совѣсть его ни въ чемъ не упрекаетъ; что Баронесса Раденъ не можетъ правильно судить въ балтійскомъ вопросѣ, ибо ей не хватаетъ знаній и ее связываютъ воспоминанія, семейныя узы, все ея прошлое; онъ кончаетъ, что питалъ къ ней чувства братской любви, наслаждался ея умомъ, преклонялся передъ ея твердой и непреклонной совѣстью, что любилъ даже ея предразсудки расы и касты, и что все это онъ теряетъ въ ту минуту, когда — онъ думалъ о высылкѣ — ея рукопожатіе было бы ему особенно дорого. Но переписка не прервалась, и нити, связывавшія два такихъ характера, какимъ были Ю. Ѳ. и Баронесса Раденъ, только окрѣпли послѣ этихъ мужественныхъ объясненій.

Оставалась балтійская публицистика. Самаринъ началъ съ возраженій на маленькую анонимную брошюру, которая появилась въ Баденѣ по поводу перваго выпуска «Окраинъ», и напечаталъ ихъ въ Берлинѣ въ самомъ началѣ слѣдующаго 1869 г. Одновременно былъ написанъ третій выпускъ «Окраинъ»; онъ содержалъ начало историческаго очерка, посвященнаго столь занимавшему его переходу лифляндскихъ крестьянъ въ православіе въ началѣ сороковыхъ годовъ; онъ носитъ заглавіе: «Православные латыши. Періодъ первый, 1840 и 1841» и дополняетъ собой главу перваго выпуска, которая посвящена религіознымъ отношеніямъ въ Лифляндіи. Рукопись «Православныхъ Латышей» была сдана для печатанія въ «Русскомъ Архивѣ» въ Мартѣ 1869 г. и появилась тамъ въ Маѣ. Лишь послѣ этого Самаринъ сдѣлалъ на нѣкоторое время перерывъ въ своихъ писаніяхъ по балтійскому вопросу: дальнѣйшая полемика, на этотъ разъ съ главными балтійскими публицистами, и слѣдующій выпускъ «Окраинъ» относятся къ 1870 г. Но онъ не только не отказывался отъ мысли о продолженіи своего изданія, но въ началѣ Января 1869 г., воспользовавшись отъѣздомъ въ Сѣверо-западный край одного знакомаго ему дѣятеля по учебному вѣдомству (Н. Н. Новикова), составилъ программу изученія политическаго положенія въ этомъ краѣ, — аграрныя отношенія, вліяніе на край сосѣдней Курляндіи, отношеніе генералъ-губернатора Потапова къ русскимъ чиновникамъ, и началъ собирать по ней всякіе

матеріалы, — видимо задумывая обѣщанную въ предисловіи къ первому выпуску «Окраинъ» вторую серію изданія.

## 7.

Два года, съ 1867 по 1869 гг., отданныхъ, въ первую очередь, Хомяковскому богословію и балтійской политикѣ, съ продолжительными поѣздками заграницу, не измѣнили постояннаго интереса Самарина къ дѣламъ собственно русской внутренней политики и къ земской работѣ. Мы видѣли, онъ прерывалъ, каждый разъ, какъ собиралось московское губернское собраніе, свое заграничное пребываніе, возвращался въ Москву и былъ неизмѣнно на своемъ мѣстѣ въ составѣ губернскихъ гласныхъ. Въ русской жизни появлялись симптомы, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе опредѣленные, такихъ явленій, которыя внушали Самарину тревогу и звали его на новую борьбу. Происходилъ процессъ вырожденія дворянскаго конституціонализма въ дворянскія домогательства сословныхъ привилегій въ мѣстной жизни и въ экономическомъ обиходѣ страны: подготовлялось царствованіе Александра III, эра Толстого, Каткова и Побѣдоносцева. Въ Петербургѣ, въ центрахъ мѣстнаго управленія, въ дворянскихъ губернскихъ кругахъ начинались разговоры о несовершенствахъ земскихъ учрежденій, о невозможности оставить крестьянъ безъ опеки, о необходимости создать въ деревнѣ учрежденія, обезпечивающія руководящую роль дворянства въ мѣстной жизни, о настоятельности помочь дворянамъ для охраны ихъ земельнаго фонда и т. д. Эти темы были Самарину такъ же чужды, какъ и дворянскій конституціонализмъ. Онъ продолжалъ стоять на всесословной точкѣ зрѣнія, считая добровольное сліяніе народа и высшихъ классовъ въ единую крѣпкую земскую массу необходимымъ; по прежнему, онъ вѣрилъ, что крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, въ своихъ крестьянскихъ дѣлахъ разберутся не хуже, чѣмъ въ нихъ разбиралось бы правительственное или «вотчинное» начальство; ему претила та поддержка, которую оказывала дворянскимъ претензіямъ тогдашняя публицистика, въ лицѣ Каткова и Скарятина, и тогдашнее правительство, въ лицѣ Валуева и Шувалова.

Общія университетскія воспоминанія не мѣшали Самарину всегда смотрѣть на будущаго вдохновителя и вождя дворянской реакціи, Каткова, съ чувствами антипатіи и нѣкотораго презрѣнія. Онъ былъ мало привлекателенъ ему и тогда, когда отстаивалъ западничество противъ славянофильства въ концѣ 50-хъ годовъ, и тогда, когда требовалъ дарованія конституціи въ 1863 г., и тогда, когда онъ сталъ превращаться въ чистаго реакціонера, послѣ польскаго возстанія. Въ одномъ изъ писемъ Самарина 1866 г. сохранились любопытныя строки, посвященныя Каткову.

Разсказывая Е. А. Свербеевой о пребываніи въ Москвѣ, лѣтомъ указаннаго года, американскаго епископа Уайтхоуза, онъ прибавлялъ «... Къ сожалѣнію, не съ кѣмъ его свести, не на кого ему указать. Попадетъ онъ, вѣроятно, въ руки Каткова и вывезетъ убѣжденіе, что не стоило переплывать море. Кстати о Катковѣ. Вы, конечно, знаете, что онъ возстановленъ во всѣхъ своихъ редакторскихъ правахъ и, судя по первымъ его передовымъ статьямъ, сталъ еще заносчивѣе и пошлѣе прежняго. Разсказываютъ, что онъ имѣлъ продолжительное свиданіе съ Графомъ Шуваловымъ и что оба остались другъ другомъ отмѣнно довольны. Оказалось, будто бы, что вся размолвка произошла отъ недоразумѣнія. Дѣйствительно недоразумѣній столько, что отпадаетъ всякая надежда разъяснить ихъ».

На губернскомъ земскомъ собраніи въ Январѣ 1868 г. Самаринъ въ первый разъ вступилъ въ борьбу съ другимъ, гораздо менѣе крупнымъ, но тоже игравшимъ нѣкоторую роль въ Москвѣ, дѣятелемъ того-же толка, который, въ глазахъ Самарина, повидимому, воплощалъ всѣ грѣхи противнаго ему дворянскаго «барства», и всегда необыкновенно его раздражалъ, съ будущимъ московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Кн. А. В. Мещерскимъ. Это первое столкновеніе, за которымъ слѣдовали другія, почти непрерывно до 1874 г., произошло на почвѣ обсужденія проекта поземельнаго банка для помощи дворянскому землевладѣнію. Этотъ проектъ составлялъ излюбленное дѣтище Мещерскаго, который въ первый разъ выдвинулъ его еще на знаменитомъ московскомъ дворянскомъ собраніи начала 1865 г., а потомъ перенесъ его въ земство. У Самарина былъ пріемъ борьбы, къ которому онъ много разъ обращался. Онъ давалъ себѣ трудъ изучить спорный вопросъ досконально, и тогда, при его огромномъ образованіи и очень разностороннемъ опытѣ и при его краснорѣчіи и діалектикѣ, все то, что его противниками по привычной лѣни бралось больше темпераментомъ и настроеніемъ, разсѣивалось, какъ дымъ. Такъ было и съ проектомъ Мещерскаго. Самаринъ изслѣдовалъ вопросъ о поземельномъ кредитѣ со всей обстоятельностью, по русскимъ и иностраннымъ даннымъ, и возражалъ на всѣ подробности предложеній Мещерскаго. Послѣдній больше думалъ о политической манифестаціи на тему о помощи русскому дворянству, чѣмъ о существѣ банковскаго дѣла, и возраженія Самарина его сердили и задѣвали за живое. Кончилось тѣмъ, что онъ не вытерпѣлъ и назвалъ соображенія Самарина канцелярскими. Ю. Ѳ. совершенно спокойно отвѣтилъ, что считаетъ совершенно произвольнымъ дѣлить родъ человѣческій на канцеляристовъ и не канцеляристовъ, чиновниковъ и не чиновниковъ, и продолжалъ свои возраженія. Проектъ былъ сданъ въ коммиссію (зас. 13 Января 1868 г.).

Докладъ этой коммиссіи появился на чрезвычайномъ земскомъ собраніи того-же года, въ Маѣ мѣсяцѣ. Самаринъ снова

возражалъ по каждой статьѣ, и Мещерскій снова сердился. Онъ протестовалъ противъ потери времени, вызываемой обсужденіемъ подробностей, и снова выслушалъ спокойную и наставительную отповѣдь Самарина: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, если не обсуждать основательно и серьезно того, что отъ лица всего земства должно идти на утвержденіе высшаго правительства, то задача наша облегчилась бы, но я не могу относиться къ ней такъ легко и потому полагаю, что, если статья изложена комиссіею въ той или другой формѣ и если Собраніе усвоитъ ее и отъ своего лица, а не отъ лица комиссіи, представитъ на утвержденіе высшаго правительства, то тотъ трудъ и то время, которое мы употребимъ на обсужденіе этого устава, нравственную отвѣтственность за который должно принять на себя Собраніе, есть время и трудъ не потерянные, и я нисколько не сочувствую желанію стѣснять пренія...» (зас. 23 Мая 1868 г.).

Проѣздомъ заграницу, въ промежутокъ между этими двумя земскими собраніями, Самаринъ пробылъ нѣсколько дней въ Петербургѣ, гдѣ ему дали прочесть еще одинъ документъ изъ серіи выраженій новой дворянской политики — записку его Самарскаго товарища по губернскому комитету 1858-59 гг., потомъ Самарскаго губернскаго предводителя, Самарскаго и Псковскаго губернатора Б. П. Обухова. Записка эта представляла результаты объѣзда имъ Псковской губерніи и излагала разныя соображенія по вопросамъ мѣстной жизни. Обуховъ былъ легковѣснымъ карьеристомъ, сначала противникомъ широкой крестьянской реформы, потомъ ея защитникомъ и горячимъ приверженцемъ другихъ реформъ начала шестидесятыхъ годовъ, а теперь старался и успѣлъ попасть въ тонъ съ годами выцвѣтавшей дворянской идеологіи министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. Записка такъ понравилась, что была разослана, съ теплымъ сопроводительнымъ циркуляромъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ всѣмъ губернаторамъ и другимъ властямъ. Обуховъ, мы знаемъ, тоже принадлежалъ къ числу людей, которые раздражали Самарина, а содержаніе его записки рѣзало ему ухо. П. П. Семеновъ досталъ Ю. Ѳ. экземпляръ записки, а Князь А. И. Васильчиковъ, связанный съ Псковской губерніей очень тѣсными узами, доставилъ ему возраженія. Самаринъ увезъ весь этотъ матеріалъ въ Берлинъ и обнародовалъ особой брошюрой подъ заглавіемъ «Русскій администраторъ новѣйшей школы» (Апрѣль 1868 г.). Въ ней перепечатана записка Обухова, съ подстрочными примѣчаніями Ю. Ѳ. и запиской Васильчикова. «Я слышалъ — говорилось въ Самаринскомъ предисловіи, — что въ циркулярномъ письмѣ, при которомъ она (записка Обухова) препровождается, бывшій министръ (Валуевъ къ этому времени былъ замѣненъ Тимашевымъ, а этотъ послѣдній назначилъ товарищемъ министра Обухова) рекомендовалъ ее не какъ поучительное

предостереженіе отъ пустозвонства, до котораго администраторъ новѣйшей школы можетъ быть доведенъ модною страстью примѣшивать высшіе политическіе взгляды къ самымъ простымъ предметамъ, а, напротивъ, какъ трудъ образцовый по своей дѣльности и какъ мастерское воспроизведеніе, въ примѣненіи къ одной губерніи, воззрѣнія, повидимому, патронируемаго Министерствомъ...» Въ подстрочныхъ выноскахъ Самаринъ самымъ тщательнымъ образомъ подчеркиваетъ всѣ, дѣйствительно пустые, выпады Обухова противъ деморализующе вліяющихъ на крестьянъ сельскихъ сходовъ, противъ крестьянской нерадивости, противъ безсистемности земскихъ постановленій и т. д., и т. д. и всякому изъ этихъ выпадовъ противопоставляетъ нѣсколько язвительныхъ замѣчаній.

На Декабрскомъ московскомъ земскомъ собраніи 1868 г. предсталъ новый варіантъ тѣхъ-же теченій, на этотъ разъ въ формѣ проекта Н. М. Смирнова о приходскихъ попечительствахъ, съ которыми связывалась тогда надежда, въ формѣ мелкой самоуправляющейся деревенской единицы, укрѣпить помѣщичью опеку надъ крестьянами. Самаринъ возражалъ, указывая что, обращаться къ обществу съ новымъ запросомъ на людей досужихъ и на пожертвованія, кажется совершенно невозможнымъ и что всякое «принудительное сведеніе» общественныхъ элементовъ положительно вредно (зас. 17 Декабря 1868 г.).

8.

Послѣ двухлѣтней напряженной борьбы и работы, съ полемикой во всѣхъ направленіяхъ и по всѣмъ близкимъ ему вопросамъ, Самаринъ чувствовалъ потребность отдыха въ спокойной обстановкѣ. Въ Іюнѣ 1869 г. онъ уѣхалъ въ Васильевское, гдѣ пробылъ около мѣсяца, а оттуда заграницу, черезъ Вильдбадъ, гдѣ гостилъ два дня у разбитаго параличемъ Н. А. Милютина, и Люцернъ, куда заѣзжалъ повидать московскихъ друзей, въ Рагацъ. Послѣ курса леченія, онъ совершилъ классическое восхожденіе на Монбланъ, а затѣмъ, побывавъ снова у Милютиныхъ въ Баденъ-Баденѣ, проѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ и черезъ Берлинъ вернулся къ началу зимы въ Москву. Очередное губернское земское собраніе въ Декабрѣ 1869 г. было довольно мирнымъ, и Самаринъ со свойственной ему добросовѣстностью высказывался и по раскладкѣ въ уѣздахъ губернскихъ земскихъ сборовъ, и по вопросамъ земскаго страхованія, и снова по все еще не конченному обсужденіемъ, проекту нормальнаго устава поземельнаго банка. Никакая срочная работа не звала теперь Самарина назадъ заграницу, и онъ всю зиму 1869-1870 гг. провелъ въ Москвѣ, отдаваясь не торопливому продолженію балтійской полемики, работѣ по

городскому самоуправленію, въ которомъ онъ теперь принималъ болѣе дѣятельное участіе, чѣмъ раньше, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ избранія городскимъ головой его друга Кн. В. А. Черкасскаго, всякимъ обычнымъ въ городѣ дѣламъ и свиданіямъ. Въ Іюнѣ была готова полемическая брошюра противъ ф. Бокка и Ширрена. Отправивъ рукопись ея печатать въ Берлинъ, Самаринъ уѣхалъ въ Васильевское въ давно не осѣнявшемъ его благодушномъ настроеніи, радуясь возможности нѣсколько мѣсяцевъ провести въ деревнѣ, отдаться ея успокоительной тишинѣ, охотѣ, чтенію и по вечерамъ излюбленной игрѣ въ шахматы. На шестой день изъ Москвы приходили газеты, полныя извѣстій съ театра франко-прусской войны. Самаринъ зналъ хорошо и любилъ Германію и совершавшіяся ея историческія судьбы его живо захватывали и интересовали. Самаринъ всегда слѣдилъ за внѣшней политикой, меньше, конечно, чѣмъ за внутренней, — ибо его больше захватывало все то, гдѣ онъ могъ непосредственно бороться и дѣйствовать, — слѣдилъ въ послѣдніе годы, благодаря своей близости къ И. С. Аксакову и его изданіямъ, благодаря постояннымъ поѣздкамъ заграницу, наконецъ, благодаря своему политическому темпераменту. Къ славянофильской внѣшней программѣ онъ былъ всегда довольно холоденъ, хотя никогда отъ нея не отрекался. Онъ былъ слишкомъ трезвымъ политикомъ, чтобы раздѣлять увлеченія Ивана Аксакова: онъ зналъ, что славяне тянутъ въ разныя стороны, что они не питаютъ искреннихъ чувствъ къ Россіи, смотрятъ въ глаза западныхъ странъ и готовы всегда спасовать передъ ихъ «цивилизаціей»; «мы считаемъ себя дураками, но дюжими; а у тѣхъ и этого нѣтъ» — шутливо писалъ онъ разъ Княгинѣ Черкасской, которая было передовой женщиной и любила интересоваться политикой. Самаринъ, читая извѣстія о Седанѣ и Мецѣ, испытывалъ смѣшанное чувство. Онъ былъ бы глубоко оскорбленъ, писалъ онъ Баронессѣ Раденъ, въ своемъ достоинствѣ нравственнаго существа, если бы Францiя побѣдила. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что та новая Германія, которая выйдетъ изъ побѣды, будетъ опасна для Россіи и что, съ побѣдами, уйдетъ въ та старая Германія, которая ему была дорога. «Il ne semble pas impossible qu'enfin de compte il ne reste plus que deux Allemands de l'ancienne roche: vous d'abord, et puis un peu votre très humble serviteur, qui vous baise cordialement les mains», — кончалъ онъ письмо къ баронессѣ Эдитѣ Өедоровнѣ (23 Августа 1870 г.).

Во второй половинѣ сентября Самаринъ вернулся изъ деревни, привезя съ собой почти готовую рукопись новаго выпуска «Окраинъ Россіи», и почти сразу очутился въ обстановкѣ нѣкотораго политическаго оживленія. На очереди стояла, прежде всего, новая большая работа, которой Самаринъ при-

давалъ существенное значеніе, ибо, въ его глазахъ, она была необходимымъ завершеніемъ освобожденія крестьянъ. Правительство готовилось осуществить податную реформу, отмѣну подушной подати и обновленіе на болѣе современныхъ основаніяхъ всего прямого обложенія. Земствамъ былъ присланъ циркуляръ, приглашавшій ихъ высказаться по существу выработаннаго правительственной комиссией плана податной реформы, и могло казаться, что къ усталому правительству возвращается, наконецъ, нѣкоторый притокъ творческихъ силъ. Земское собраніе выбрало, еще до возвращенія Самарина изъ деревни, комиссію для изученія правительственнаго проекта, и Ю. Ѳ. взялъ на себя предсѣдательство въ этой комиссіи. 15 Октября 1870 г. состоялось ея первое засѣданіе.

Въ ноябрѣ въ городской думѣ былъ поднятъ другой вопросъ, также задѣвшій Самарина за живое. Отказъ Горчакова отъ Парижскаго трактата, по традиціи еще 1863 г., вызвалъ составленіе и представленіе всеподданнѣйшихъ адресовъ. Самаринъ, вмѣстѣ съ Черкасскимъ и И. Аксаковымъ, естественно вошелъ въ коммиссію, которая составляла такой адресъ для городской думы. Но насколько отличнымъ было его настроеніе въ эту минуту сравнительно съ тѣмъ вечеромъ въ Самарѣ, когда въ началѣ польскаго возстанія онъ составлялъ адресъ мѣстнаго дворянскаго собранія. Правительство Александра II, за эти семь лѣтъ, утратило свой авторитетъ и свое обаяніе, и тотъ горькій упрекъ Самаринскаго письма къ Александру II, о проповѣди безмолвія и безмыслія, который былъ приведенъ выше, оправдывался въ полной мѣрѣ. Адресъ, составленный тремя друзьями и принятый думой единогласно, былъ опредѣленно и по тогдашнему ярко оппозиціоннымъ: онъ требовалъ довершенія реформъ — простора мнѣнію и печатному слову, свободы церковной и свободы совѣсти. Упоминаніе о свободѣ совѣсти было вставлено въ адресъ по настоянію Самарина, на которомъ тяготѣлъ старый упрекъ Баронессы Раденъ с «помощи цезарей», оказываемой православной церкви, и который особенно болѣзненно чувствовалъ его именно тогда, готовясь къ новой полемикѣ съ балтійскимъ лютеранствомъ. Самаринъ сначала колебался, цѣлесообразно-ли заявленіе городской думы, но потомъ горячо его поддержалъ, считая нравственнымъ долгомъ обратиться къ Александру II съ этимъ призывомъ свернуть съ дороги послѣднихъ лѣтъ.

Кн. Д. А. Оболенскій, продолжавшій процвѣтать въ Петербургѣ, по прежнему одинъ изъ самыхъ близкихъ Самарину людей, написалъ ему, послѣ отказа Александра II принять адресъ, спрашивая, какъ могъ рѣшиться Черкасскій провести адресъ въ думѣ. Отвѣтъ Самарина сохранился, и онъ необыкновенно полно и наглядно описываетъ его настроеніе въ Де-

кабрѣ 1870 г. Онъ писалъ: «Странно вы судите въ Петербургѣ. Я долго спорилъ противъ подачи какого либо адреса, потому что не вѣрилъ въ серьезность и обдуманность деклараціи, но теперь я радъ, что подписалъ его. Неужели, ты думаешь, что мы всѣ, и въ особенности Черкасскій, не ожидали такого впечатлѣнія, которое онъ произвелъ, и что никому изъ насъ не пришло на умъ все, что можно сказать о несовременности такого заявленія, о необходимости избѣгать раздраженія, не подавать орудія реакціи и т. д.? Додуматься до всего этого своимъ умомъ, право, не такъ трудно, а поддаваться ребяческому увлеченію и задору на шестомъ десяткѣ было бы черезчуръ глупымъ. Поймите же, наконецъ, что можно, но не только можно, но и должно служить одному и тому же дѣлу разными способами. Воспитывать общество и вразумлять правительство, ставить вопросъ и проводить его, обстрѣливать слухъ и облекать созрѣвшее намѣреніе въ форму доклада — все это задачи совершенно различныя, и изъ того, что вы въ Петербургѣ заняты одной изъ нихъ, никакъ не слѣдуетъ, чтобы люди иного разбора, при совершенно иной обстановкѣ, должны были воздерживаться отъ прочихъ. Тебѣ удалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ выхлопотать для печати полусвободу, которая завтра у насъ отмѣняется (Оболенскій былъ авторомъ закона о печати 1865 г.), но скажи по совѣсти, не въ значительной ли степени помогали въ этомъ случаѣ невоздержанность Герцена и запальчивость нашей заграничной литературы? Если бы руская мысль не отвоевала себѣ полнѣйшей свободы тамъ, кто посмѣлъ домогаться полусвободы ея у насъ. И къ чему, наконецъ, приводила насъ эта хваленая осторожность и житейская мудрость лишней практичности?—Въ сущности, это — пренебреженіе всѣмъ дѣйствительно серьезнымъ и крупнымъ, это — безусловное подчиненіе самыхъ разумныхъ требованій мелочнымъ соображеніямъ, не выходящимъ изъ областей придворныхъ низостей и служебныхъ интригъ. Сбылось ли хотя одно изъ вашихъ ожиданій? Удалось ли вамъ что нибудь предупредить? чему нибудь помѣшать? Сколько я запомню, все сдѣлалось по своему, вопреки всѣмъ вѣроятностямъ, въ силу какихъ то законовъ, не вмѣщающихся ни въ какой программѣ. Дѣло объ адресѣ ведено было честно. Черкасскій дѣйствовалъ не нахрапомъ. Проектъ былъ прочитанъ разъ шесть, разобранъ по волоскамъ, смыслъ его и вѣроятныя послѣдствія были разъяснены всѣмъ и послѣ пятичасовыхъ предварительныхъ возраженій и толковъ, черезъ сутки, данныхъ на размышленіе, подписанъ всѣми, въ томъ числѣ мѣщанами и купцами. — Я знаю, что, благодаря именно этому, во многихъ темныхъ и сонныхъ умахъ зашевелилось много несознательныхъ требованій и зародилось не мало новыхъ понятій; я доволенъ и этимъ, хотя очень хорошо знаю, что за этимъ могутъ послѣдовать и из-

виненія, и огорченія. Тамъ у васъ наши дерзкія надежды озадачили и раздражили — пусть такъ, но сказанное слово оставляетъ слѣдъ, если не въ мозгу, то въ слуховомъ органѣ; повтореніе того же слова подѣйствуетъ уже иначе и понемногу съ нимъ свыкнутся. Я бы могъ многое разсказать, но не достаетъ времени. У насъ теперь засѣдаетъ земство. Безмозглый Мещерскій настаиваетъ на подачѣ новаго адреса и придумываетъ средства, какъ бы не допустить до возраженій. Я объявилъ ему, что безъ этого не обойдется и что произойдетъ неминуемый скандалъ, но онъ, по глупости, а, можетъ быть, по какимъ нибудь своимъ расчетамъ, упрямится. — Въ податной коммиссіи, выбранной земствомъ, дѣло идетъ успѣшно. По вашему тоже, вѣроятно, не слѣдуетъ пугать привлеченіемъ къ обложенію имуществъ всѣхъ сословій?»

Вопреки опасеніямъ Самарина, губернское земское собраніе, продолжавшееся въ этомъ году съ 1 по 15 Декабря, прошло благополучно. Самаринъ высказывался по ряду вопросовъ, начиная отъ покупки пожарныхъ трубъ и просьбы мѣщанина Карпова о дозволеніи питейной продажи на обрѣзѣ Дмитровскаго шоссе и кончая самыми основными вопросами земской жизни. У Самарина и въ земской работѣ постепенно сложилась своя программа, свое представленіе о соотношеніи губернскаго земства и земствъ уѣздныхъ, о роли управы и коммиссій, о надзорѣ правительства и законныхъ предѣлахъ независимости земствъ, объ основахъ земской политики и земскихъ задачахъ. На собраніи 1870 г. онъ развиваетъ, напримѣръ, свою теорію земскаго обложенія. Строить всѣ губернскіе сборы въ полномъ соотвѣтствіи съ данными тѣхъ оцѣнокъ облагаемыхъ имуществъ, которыя устанавливаются уѣздами, кажется ему неправильнымъ, ибо губернское земство хорошо знаетъ несовершенства уѣздныхъ оцѣнокъ. Но онъ не допускаетъ, чтобы изъ этого несовершенства дѣлался тотъ выводъ, что надо взиманіе уѣздами своихъ сборовъ подчинить правиламъ, устанавливаемымъ земствомъ губернскимъ. Пусть уѣзды сохраняютъ въ этомъ отношеніи свою автономію, но пусть, съ другой стороны, губернское земство преобразуетъ порядокъ распредѣленія сборовъ губернскихъ между уѣздами на основаніи своего болѣе совершеннаго расчета платежеспособности каждаго уѣзда въ отдѣльности. Для этого Самаринъ предлагаетъ произвести силами губернскаго земства изслѣдованіе имущественнаго состоянія населенія уѣздовъ, и полученными данными воспользоваться для раскладки губернскаго сбора, уже ни мало не считаясь съ уѣздными оцѣнками. Такъ рисуется ему идеальное равновѣсіе двухъ одинаково важныхъ частей общей земской машины.

Но въ 1870-1871 гг. въ земской работѣ его больше всего

занимала податная комиссія. Въ теченіе зимы онъ провелъ тридцать ея засѣданій, съ участіемъ самыхъ замѣтныхъ гласныхъ московскаго земства: Голохвастова, Черкасскаго, Наумова, академика В. П. Безобразова, и даже Князя А. В. Мещерскаго, оставшагося, въ концѣ концовъ, при особомъ мнѣніи. Самаринъ поставилъ вопросъ о реформѣ русскаго прямого обложенія во всей его широтѣ, не стѣсняясь рамками правительственнаго проекта и не боясь дилетанскихъ сужденій мало подготовленныхъ участниковъ комиссій. Онъ былъ увѣренъ, что съумѣетъ въ концѣ концовъ обезпечить успѣшность занятій, при помощи продѣланной имъ самимъ большой подготовительной работы по изученію раньше сравнительно ему мало знакомыхъ финансовыхъ вопросовъ и своего непосредственнаго руководства комиссіей. Единственнымъ спеціалистомъ былъ Академикъ Безобразовъ, но онъ наѣзжалъ только изрѣдка и изрѣдко посылалъ заключенія письменно. Присутствуя при «самозарожденіи» — только этимъ словомъ могъ онъ описать происходившій обмѣнъ мнѣній — разнаго рода финансовыхъ проектовъ въ комиссіи, Самаринъ дивился необыкновенной легкости, съ которой русскій умъ отрѣшается отъ окружающей его дѣйствительности и доходитъ до радикальнѣйшихъ постулатовъ, увлекаемый одной своей логикой. И вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ продѣланной имъ самимъ работы по изученію западныхъ финансовъ, онъ съ интересомъ наблюдалъ поразительное постоянство и единообразіе въ пріемахъ человѣческой мысли. Гдѣ-нибудь въ Богородскѣ или Можайскѣ, въ средѣ финансистовъ, она, на его глазахъ, пробѣгала черезъ всѣ тѣ фазисы развитія и поддавалась тѣмъ же увлеченіямъ, черезъ которые проходили цѣлыя школы ученыхъ и государственныхъ дѣятелей во Франціи или Англіи лѣтъ сто, полтораста или двѣсти передъ тѣмъ. Въ этой живо занимавшей Самарина атмосферѣ ему удалось выработать полный проектъ податной реформы, шедшій гораздо дальше проекта правительственнаго и дѣйствительно обновлявшій русскую финансовую систему. Присланныя изъ Петербурга предположенія были подвергнуты суровой критикѣ. Земская коммиссія всецѣло отказалась отъ системы подушныхъ сборовъ и отъ начала сословныхъ привилегій въ налоговомъ дѣлѣ. Составленный Самаринымъ, какъ всегда безукоризненный по своей логикѣ и ясности, докладъ коммиссіи указывалъ, что подушная подать не есть только технически несовершенный налогъ, лишенный реальной основы и замѣняющій эту реальную основу обложеніемъ фиктивныхъ единицъ, но своими несовершенствами представляющій необходимое послѣдствіе всей системы возложенія тяжелаго финансоваго гнета на бѣднѣйшіе, «податные», слои населенія, системы, которая вынуждаетъ прибѣгать къ фиктивнымъ единицамъ обложенія, къ возложенію налоговъ на группы за ихъ

круговой порукой. Надо рѣшиться выйти изъ заколдованнаго круга податныхъ состояній и привлечь къ обложенію всѣ имущества безъ различія сословій, такъ какъ иначе не преодолѣть несовершенствъ стараго обложенія. Правительственный проектъ, замѣняя подушную подать подворнымъ налогомъ, сохраняетъ всѣ недостатки старой системы, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является даже попятнымъ шагомъ. Подушная подать, отказъ отъ которой есть необходимое логическое послѣдствіе реформы 19 февраля 1861 г., по проекту земской комиссии, должна быть замѣнена тремя налогами — безсословными и реальными: поземельнымъ, на строенія въ уѣздахъ и поразряднымъ. Центромъ будущей системы прямого обложенія долженъ стать этотъ поразрядный налогъ, упрощенный подоходный налогъ, основанный на распредѣленіи всего населенія на классы по признакамъ состоятельности. На подоходномъ налогѣ въ чистомъ видѣ комиссія не считала возможнымъ сразу остановиться, такъ какъ въ Россіи, по ея мнѣнію, приходится пока собирать крупные доходы отъ множества мелкихъ сборовъ и мельчайшихъ единицъ, между тѣмъ какъ подоходный налогъ требуетъ изъятія отъ обложенія малыхъ доходовъ. Устраненіе фиктивной податной единицы — ревизской души; замѣна ея лицомъ взрослаго работника, котораго трудъ является дѣйствительнымъ источникомъ богатства; соразмѣреніе налога, если не со строго исчисленнымъ имуществомъ и доходомъ плательщика, то, по крайней мѣрѣ, съ существеннѣйшими наглядными признаками его быта и его достатковъ; привлеченіе къ податному обложенію не только всѣхъ видовъ труда, но, въ извѣстной мѣрѣ, и капитала, при помощи удобоопредѣлимаго признака цѣнности квартирнаго помѣщенія; наконецъ, возможность устраненія круговой поруки и взиманіе прямого налога не по одному мѣсту приписки, а и по мѣсту дѣйствительнаго жительства и заработковъ плательщика; таковы, по мнѣнію коммиссіи, немаловажныя выгоды принятой ею формы обложенія, дальнѣйшее усовершенствованіе которой въ смыслѣ перехода къ подоходному налогу представлялось, она думала, не труднымъ.

Еще до окончанія работъ податной комиссіи до Самарина дошли изъ Петербурга извѣстія, что тамъ косились на радикальность вырабатывавшагося въ Москвѣ проекта и готовили даже циркуляръ съ цѣлью «осадить» комиссію и охладить ея участіе къ дѣлу. Извѣстія эти не оправдались, но правительство все же снова оказалось неспособнымъ къ осуществленію крупной реформы. Подушная подать была, какъ извѣстно, отмѣнена лишь черезъ полтора десятка лѣтъ, а круговая порука — черезъ тридцать лѣтъ съ лишнимъ. Самаринскій докладъ отражалъ на себѣ господствовавшее въ немъ чувство недовѣрія ко всѣмъ правительственнымъ актамъ того времени, — и

въ его, подчеркнутой мѣстами, остротѣ критики проектовъ, переданныхъ на заключенiе земствъ, и въ начальныхъ его строкахъ, выражавшихъ увѣренность, что, обращаясь къ земскимъ учрежденiямъ, правительство «ожидало отъ него не безоговорочнаго одобренiя, а отчетливо мотивированнаго заключенiя».

Какъ всегда бывало у Самарина, неодобренiе правительства не мѣшало ему столь-же ясно сознавать грѣхи общественные. Онъ былъ самъ рѣшительнымъ противникомъ всякой сословности въ налоговой системѣ, но то обстоятельство, что достаточно разнородный составъ достаточно консервативныхъ московскихъ земцевъ съ такой легкостью отказался отъ своихъ привилегiй, не вызывало въ немъ никакого энтузiазма. «L'aptitude au renoncement, — передавалъ онъ свои впечатлѣнiя Баронессѣ Раденъ, — est bien une vertue négative et une condition de progrès, mais, quand elle a sa source dans une incapacité absolue à toute espèce de résistance, elle témoigne en même temps d'un relâchement social qui explique, pourquoi l'œuvre négative une fois accomplie, les forces vives et l'initiative spontanée manquent pour remplir le vide» (10 Iюля 1871 г.).

Это ощущенiе «пустоты» русской политической жизни съ годами становилось въ Самаринѣ все болѣе и болѣе опредѣленнымъ. Несмотря на всю страстность своего темперамента, заставлявшую его искать борьбы, «où je reçois des balafres et où j'essaye d'en donner», несмотря на свою огромную внутреннюю дисциплину, которая не позволяла ему ни на минуту уйти отъ исполненiя того, что онъ разъ призналъ своей общественной обязанностью, — постепенно, послѣ московскаго адреса 1870 г. и работъ земской податной комиссiи, онъ невольно начинаетъ уходить изъ чистой политики въ область теорiи и науки, какъ бы возвращаясь къ тѣмъ настроенiямъ, съ которыми онъ когда-то, въ Августѣ 1844 г., уѣзжалъ изъ Москвы на службу въ Петербургъ; такой уклонъ получаютъ отчасти даже тѣ его работы 70-хъ годовъ, которыя непосредственно связаны съ прежней борьбой: послѣдняя часть «Окраинъ Россiи» и изученiе исторiи прямого обложенiя въ Пруссiи, вытекшее изъ пробужденнаго въ немъ предсѣдательствомъ въ земской коммиссiи 1870-1871 гг. интереса къ финансамъ; онъ возвращается, наконецъ — и въ этомъ самое опредѣленное выраженiе новаго уклона его умственной жизни — къ философiи и мечтаетъ продолжать дѣло Хомякова. Только одинъ разъ предстояло ему за эти послѣднiе годы взять на себя отвѣтственное и важное выступленiе по дѣламъ русской внутренней политики и вмѣстѣ съ тѣмъ произнести какъ бы заключительное слово своей жизненной политической проповѣди.

## 9.

Наступившее въ 1871 г. нѣкоторое утомленіе политической борьбой чувствуется прежде всего въ ослабленіи темпа изданія «Окраинъ». Въ первые годы Самаринъ спѣшилъ сказать все, что могло, по его мнѣнію, повернуть ходъ русской политики на балтійской окраинѣ; мы видѣли, что вынужденный сдѣлать небольшой перерывъ въ писаніи своихъ статей о Балтикѣ послѣ обнародованія «Православныхъ Латышей» въ Русскомъ Архивѣ весной 1869 г., онъ при первой возможности вернулся къ балтійской полемикѣ: уже весной 1870 г. онъ пишетъ «Отвѣтъ ГГ. Бокку и Ширрену» и лѣтомъ въ Васильевскомъ перерабатываетъ для заграничнаго изданія «Православныхъ Латышей». Полемическая брошюра противъ двухъ балтійскихъ конституціоналистовъ, вышедшая въ томъ-же году, не затрогиваетъ никакихъ новыхъ темъ, по сравненію съ первымъ выпускомъ «Окраинъ Россіи»: она только подчеркиваетъ выдержками изъ опроверженій ф. Бокка и Ширрена знакомый намъ тезисъ, что балтійцы готовятъ превращеніе остзейскихъ губерній въ новую Финляндію. Напротивъ того, переизданіе «Православныхъ Латышей», составившее третій выпускъ «Окраинъ», открываетъ страницы новой полемики, на этотъ разъ противъ попытокъ «Евангелическаго Союза» на Западѣ выступить въ защиту, будто бы, преслѣдуемаго русскимъ правительствомъ лютеранства въ трехъ губерніяхъ. Въ западной агитаціи балтійскихъ публицистовъ, приведшей къ принятію Александромъ II въ 1870 г., на виллѣ Бергъ близъ Штуттгарда, представителей Евангелическаго Союза, швейцарскихъ пасторовъ Моно и Прессансе, онъ чувствуетъ начало такой-же дипломатической кампаніи, какъ та, которая велась западными правительствами въ 1863 г. по поводу польскихъ дѣлъ. Онъ противопоставляетъ ей свой разсказъ о преслѣдованіи, съ молчаливаго благословенія русской власти, нѣмецкимъ элементомъ края тѣхъ латышей-крестьянъ, которые въ началѣ 40-хъ годовъ перешли въ православіе.

Но послѣ того, какъ съ окончаніемъ работъ податной комиссіи 15 Мая 1871 г. онъ сталъ свободенъ отъ другой работы, Самаринъ не только не возвратился тотчасъ-же, какъ несомнѣнно было бы два — три года ранѣе, къ продолженію «Окраинъ», но на нѣсколько лѣтъ отложилъ эту работу въ сторону, — хотя тема о Евангелическомъ Союзѣ, мелькомъ затронутая въ предисловіи къ третьему выпуску, оставалась въ глазахъ его очень острой. Лѣто 1871 г. Ю. Ѳ. провелъ на водахъ въ Франценсбадѣ, и въ письмахъ его оттуда , въ Августѣ, чувствуется нарожденіе въ немъ новыхъ интересовъ. Онъ разсказываетъ Баронессѣ Раденъ, по прежнему его постоянной корреспондентки, что изъ присланной ему берлинскимъ книгопродавцемъ большой кипы новинокъ онъ отложилъ въ сторону все политическое и отдался

чтенію новыхъ книгъ по философіи и богословію; письмо полно размышленій о судьбахъ германской философіи, о народившемся германскомъ позитивизмѣ и т. п. По возвращеніи въ Россію, сначала въ Васильевское, а потомъ, въ началѣ зимы, въ Москву, онъ продолжалъ работать въ томъ-же направленіи. Земскія и городскія дѣла не могли особенно его отвлекать. Декабрьское губернское земское собраніе 1871 г. было спокойнымъ и скорѣе мало интереснымъ, а городскія дѣла, съ уходомъ Черкасскаго съ должности городского головы, свелись къ текущей, внимательно исполнявшейся Самаринымъ, но не способной его захватить работѣ. Весной 1872 г. возникъ и внѣшній поводъ продолжать начатыя въ Франценсбадѣ размышленія на философскія темы. Кавелинъ прислалъ ему свои статьи въ «Вѣстникѣ Европы» о «Задачахъ Психологіи». Сами по себѣ эти статьи, когда ихъ теперь перечитываешь, — только лишнее свидѣтельство безпомощной неспособности Кавелина къ отвлеченному мышленію. Онѣ совершенно наивны. Кавелинъ послѣдніе годы слышалъ кругомъ разнаго рода перепѣвы моднаго тогда матеріализма и вознамѣрился доказать, что «душа есть самостоятельный и самодѣятельный организмъ»! Но бѣдность философской мысли въ тѣ годы въ Россіи была такъ велика, что и почти дѣтское упражненіе Кавелина вызвало вниманіе и интересъ. Самарину статьи показались «добросовѣстными», и онъ обѣщалъ Кавелину написать на нихъ отвѣтъ. «При первомъ чтеніи я уже набросалъ коекакія отмѣтки, — писалъ онъ ему 15 Іюня 1872 г., — а всетаки еще не увѣренъ, удастся ли мнѣ написать что нибудь сносное... Предстоящій мнѣ дальній путь на Волгу, можетъ быть, поможетъ мнѣ отрѣшиться отъ обычныхъ заботъ и занятій и отыскать тропу въ другую область, въ которую мнѣ уже давно не приходилось заглядывать». Въ самомъ дѣлѣ, въ Васильевскомъ, гдѣ онъ пробылъ до середины Ноября, онъ обдумалъ затрогивавшіеся Кавелинымъ вопросы и написалъ ему большое письмо, первоначально не расчитанное на печатаніе и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ обнародованное по просьбѣ Кавелина вмѣстѣ съ его отвѣтомъ. Письмо это лишено всякой претензіи; Самаринъ предупреждаетъ, что , увидѣвъ опять нерукотворныя вершины человѣческой мысли, на которыя онъ пробовалъ когда-то взбираться, онъ почувствовалъ, что умственное зрѣніе его притупилось и ноги скользятъ на гладкихъ подъемахъ, и что въ его письмѣ Кавелинъ найдетъ лишь впечатлѣнія стараго инвалида, давно выписавшагося изъ дѣйствующей арміи. И тѣмъ не менѣе, насколько глубже эти нѣсколько Самаринскихъ страницъ длиннаго трактата Кавелина. Самаринъ, вопреки своей оговоркѣ, совсѣмъ твердо стоитъ на ногахъ, и отдаетъ себѣ совершенно ясный отчетъ во всѣхъ погрѣшностяхъ Кавелинской попытки слегка исправить матеріализмъ и въ этихъ поправкахъ найти мѣсто свободѣ воли. Онъ противопоставляетъ Кавелину знакомый намъ, Хомяковскій

по происхожденію, кругъ религіозно-философскихъ положеній о вѣрѣ и знаніи, свободѣ и вмѣненіи.

Кавелинъ просилъ разрѣшенія Самарина воспользоваться его письмомъ для отвѣтной статьи въ печати, съ нѣкоторой наивностью прибавляя: — «ломаю себѣ голову, на какой почвѣ мы могли бы разрѣшить вопросъ». Такой общей почвы, конечно, не было, но переписка продолжалась. Въ слѣдующемъ году Кавелинъ прислалъ рукопись своего отвѣта на первое письмо Самарина, прося сдѣлать, до сдачи ея въ печать, замѣчанія и поправки. Самаринъ написалъ по этому поводу вторую серію замѣчаній и направилъ ее Кавелину въ Февралѣ 1874 г., а въ слѣдующемъ году еще и третью. Вниманіе къ религіознымъ вопросамъ не ослабѣвало до самой смерти Самарина. Почти наканунѣ ея въ Берлинѣ, онъ изучалъ чрезвычайно заинтересовавшія его работы Макса Мюллера по исторіи языка и сравнительной исторіи религій и написалъ на нихъ по нѣмецки замѣчанія, общій смыслъ которыхъ сводился къ тому, что строгій научный позитивизмъ въ дѣлѣ изученія явленій вѣры не способенъ одинъ раскрыть подлинный смыслъ этихъ явленій.

Самаринъ зналъ, что ни одна изъ его работъ въ области религіозной философіи — ни предисловіе къ Хомякову, ни полемика съ Кавелинымъ, ни замѣчанія на Макса Мюллера, не представляли собой самостоятельной цѣнности: онъ лишь развивалъ въ нихъ положенія, которыя вложилъ въ него Хомяковъ и которыя — въ этомъ заключалось все личное, что прибавлялъ отъ себя Самаринъ — онъ глубоко перечувствовалъ, много разъ передумалъ и блестяще изложилъ. Но въ немъ мелькала надежда, что изъ ощущавшагося такъ сильно въ послѣдніе годы подъема интереса къ этимъ вопросамъ постепенно сложится работа творческая и своя въ истинномъ смыслѣ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ, подымалось сомнѣніе, созданъ-ли онъ для такой работы. «Мысль бросить все, писалъ онъ изъ Берлина 27 Февраля 1876 г., — и поднять съ земли нить размышленій, выпавшую изъ рукъ умиравшаго Хомякова, меня много разъ занимала; но я сознаю слишкомъ глубоко, что до этой задачи я далеко не доросъ умственно и не подготовленъ душою (это главное)». Эта самооцѣнка вѣрна. Именно «душою» Самаринъ не былъ подготовленъ къ роли истиннаго продолжателя Хомякова: онъ былъ слишкомъ разсудоченъ, чтобы стать творцомъ большихъ самостоятельныхъ религіозныхъ концепцій, и не даромъ жизнь, вопреки всему, сдѣлала изъ него политическаго борца и политическаго мыслителя. Ему не хватало воздуха въ русской политикѣ послѣднихъ лѣтъ его жизни, но отъ того онъ не дѣлался другимъ человѣкомъ. Его религіозныя воззрѣнія были крѣпки и прочны, его религіозная философія не была бѣдна; но крѣпость его воззрѣній была рефлексомъ его сильной воли, а ихъ богатство — рефлексомъ огромнаго таланта Хомякова.

Я уже отмѣчалъ, что годы возрожденія философскихъ интересовъ Самарина суть въ тоже время годы, когда другія его работы—политическаго содержанія, получаютъ новое внутреннее равновѣсіе: публицистика начинаетъ уступать въ нихъ первенство теоретической научности. Таковы, прежде всего, его работы по исторіи прусскихъ финансовъ. Въ Августѣ 1874 г. Самаринъ былъ на водахъ, а потомъ проѣхалъ въ Берлинъ и здѣсь снова занялся изученіемъ своей любимой эпохи — эпохи Штейна и Гарденберга въ Пруссіи. Мы помнимъ, какъ послѣ Крымской войны онъ искалъ въ ней общихъ моральныхъ предпосылокъ для приступа къ крестьянской реформѣ, а немного позднѣе — матеріала для установленія правильныхъ путей проведенія этой реформы. Теперь въ ней-же онъ нашелъ данныя, чтобы укрѣпить въ себѣ вынесенные изъ земской комиссіи финансово-политическіе взгляды. Работа эта Самаринымъ не была закончена. По возвращеніи изъ Берлина — съ заѣздомъ въ Эйзенахъ на съѣздъ близкаго ему по духу Союза соціальной политики, гдѣ Нассе читалъ докладъ о прямомъ обложеніи — онъ написалъ, — надо полагать, частью въ Москвѣ зимой 1874 — 1875 гг. и частью осенью 1875 г. въ Васильевскомъ, — предварительный очеркъ исторіи финансовыхъ реформъ Пруссіи и въ частности введенія тамъ класснаго налога въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Продолженіе труда было отложено до дальнѣйшихъ изысканій въ литературѣ и возобновлено въ Берлинѣ передъ смертью, въ Январѣ, Февралѣ и Мартѣ 1876 г. То, что оказалось налицо, послѣ смерти Самарина, изъ этой работы было обнародовано Академикомъ Безобразовымъ въ Сборникѣ Государственныхъ Знаній за 1878 г.: даже какъ отрывки, эта работа Самарина представляетъ большую научную цѣнность и всѣ обычныя его качества мастерства изложенія и ясности мысли. Она почти лишена прямой связи съ русской политикой того времени, почти не содержитъ когда-то занимавшихъ его историческихъ аналогій и совѣтовъ. Въ атмосферѣ политической жизни Россіи 1874 — 1876 гг. некому было давать совѣтовъ, и Самаринъ поставилъ крестъ на возможность разбудить дремавшій Петербургъ.

Такой же характеръ носитъ послѣдній, шестой, выпускъ «Окраинъ Россіи»: онъ тоже научное изслѣдованіе прежде всего. Тѣ два публицистическихъ выпуска, которые ему предшествовали — выпускъ четвертый «Процессъ русскаго правительства съ евангелическимъ союзомъ» и пятый «Привѣсокъ къ IV выпуску», были послѣдней данью Самарина первоначальнымъ заданіямъ его серіи. Еще въ 1870 г. въ третьемъ выпускѣ онъ началъ полемику съ Евангелическимъ Союзомъ, и задача эта, такъ непосредственно связанная со всей концепціей «Окраинъ», такъ наглядно подтверждавшая всѣ обращенныя къ русской власти уже въ первомъ выпускѣ предостереженья и всѣ его аналогіи съ польскимъ дѣломъ, казалось,должна была близко задѣвать Самарина.

Но первоначальная страстность балтійской полемики съ нача ломъ 70-хъ годовъ стынетъ, и, какъ бы, только исполняя свой политическій долгъ, Самаринъ взялся въ концѣ 1872 г. за перо, и въ теченіе 1873 и 1874 гг. обнародовалъ два этихъ предпослѣднихъ выпуска. Они писаны въ прежнихъ тонахъ, но самая ихъ растянутость и мѣстами утомительность выдаетъ, что этотъ прежній тонъ лишь пережитокъ, а не настоящее. Взявшись лѣтомъ 1873 г. въ Васильевскомъ за дальнѣйшую работу, Самаринъ незамѣтно для себя самого превратился въ историка. Шестой выпускъ, озаглавленный «Крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи», есть подробная, на основаніи архивныхъ данныхъ, исторія крестьянскаго законодательства лифляндской губерніи, начиная съ XVII вѣка и кончая закономъ объ освобожденіи лифляндскихъ крестьянъ 1819 г. Въ еще большей степени, чѣмъ отрывки по финансовой исторіи Пруссіи, эта часть «Окрайнъ Россіи» была выдающимся научнымъ изслѣдованіемъ. Если откинуть привычный элементъ тенденціозности всей балтійской Самаринской серіи, то этотъ трудъ можетъ быть признанъ лучшей исторіей раннихъ проектовъ разрѣшенія крѣпостного вопроса въ самой важной изъ трехъ остзейскихъ губерній, сохранившею всю свою цѣнность и послѣ недавнихъ отличныхъ работъ Тобина. Этотъ послѣдній выпускъ «Окрайнъ» писался не торопясь и исподволь. Рукопись его была закончена только къ концу 1875 г.; съ нею Самаринъ и выѣхалъ тогда въ Берлинъ за три мѣсяца до своего конца, чтобы начать ея печатаніе.

10.

Въ обстановкѣ полнаго затишья, наступившаго въ легко подвергающейся заболочиванію русской жизни съ началомъ 70-хъ годовъ, къ Самарину лишь дважды возвращался его прежній страстный интересъ къ политическимъ дѣламъ и политической борьбѣ. Обѣ эти послѣднихъ вспышки его коренныхъ стремленій относятся къ 1874 г.: одна была болѣе или менѣе эпизодической, другая, напротивъ того, была связана съ обсужденіемъ самыхъ основъ русской государственности; но по существу обѣ онѣ связаны другъ съ другомъ, — можетъ быть съ нѣкоторой фатальностью для вынесенныхъ Самаринымъ рѣшеній представшихъ передъ нимъ вопросовъ.

Въ Октябрѣ 1874 г. Кн. А. В. Мещерскій, тогда московскій губернскій предводитель дворянства, внесъ въ московскій училищный совѣтъ программу полной перестройки въ Москвѣ и московской губерніи школьнаго дѣла. Этотъ необыкновенно курьезный проектъ, подкрѣпленный не менѣе курьезной аргументаціей, самъ по себѣ только оправдывалъ ту характеристику Мещерскаго, которую мы прочли въ письмѣ Самарина къ Кн.

Д. А. Оболенскому по поводу московскаго думскаго адреса 1870 г. Мещерскій требовалъ, чтобы школьное образованіе было основано «исключительно на религіозно-нравственныхъ началахъ, не исключая грамотности», чтобы оно обращалось «къ сердцу дѣтей прежде, чѣмъ къ ихъ уму», чтобы въ основу уроковъ было положено чтеніе псалтыря и катехизиса для алеутовъ митрополита Иннокентія. Все это доказывалось обвиненіями по адресу существующей школы въ сухомъ резонерствѣ и неудовлетворительности преподаванія вѣры Христовой. Мещерскій, какъ примѣръ нравственно-губительнаго резонерства учителей, разсказывалъ, что въ школѣ въ Сухаревой Башнѣ одинъ изъ нихъ, «философски направленный», объяснялъ при немъ ученикамъ, почему разбиравшаяся имъ басня Крылова не такъ озаглавлена, какъ слѣдовало бы, и что въ одной сельской школѣ другой учитель при немъ же объяснялъ дѣтямъ естественную исторію осы, что, «очевидно, по малой мѣрѣ безполезно». Все это кончалось заявленіемъ, будто народъ чувствуетъ, что онъ пропалъ, если школа не будетъ ограничиваться обученіемъ страху Божію и церковному чтенію. Мещерскій настаивалъ, чтобы училищный совѣтъ своею властью осуществилъ его программу въ подвѣдомственныхъ ему школахъ, не спрашивая ни земства, ни министерства народнаго просвѣщенія. Этотъ проектъ попалъ въ «Русскія Вѣдомости» и очень встревожилъ земство, которое поспѣшило избрать своими представителями въ училищный совѣтъ вмѣсто Скалона, съ которымъ Мещерскій не считался, Юрія Самарина и Князя А. А. Щербатова.

Самаринъ написалъ совершенно убійственныя для Мещерскаго возраженія. Его очень интересовала народная школа: онъ устроилъ три училища у себя въ деревнѣ, слѣдилъ за ними и, когда могъ, училъ въ нихъ крестьянскихъ мальчиковъ; въ московскомъ земствѣ, каждый разъ, какъ ставились вопросы народнаго образованія, онъ говорилъ и обнаруживалъ большія знанія по школьному дѣлу; онъ слѣдилъ за земской педагогической литературой, въ особенности высоко ставя работы Барона Корфа. Самодовольныя невѣжество и примитивность Мещерскаго должны были его особенно коробить именно въ этомъ, близкомъ ему дѣлѣ, земскаго народнаго образованія. Тотъ духъ, который внушалъ Мещерскому его выступленіе, не былъ уже болѣе или менѣе безобиднымъ выраженіемъ дворянскихъ мечтаній Н. М. Смирнова или бюрократическаго карьеризма «администратора новѣйшей школы», а подлиннымъ возрожденіемъ дворянскихъ настроеній временъ крѣпостного права: въ лицѣ Мещерскаго передъ Самаринымъ, какъ бы, всплывалъ образъ его стараго Самарскаго противника по губернскому комитету Рычкова, — можетъ быть, въ нѣсколько иномъ, болѣе элегантномъ, бытовомъ обличьи, но со всей внутренней его некультурностью.

Мнѣніе, заявленное въ училищномъ совѣтѣ его новыми

членами отъ земства 22 Ноября 1874 г., было написано Юріемъ Самаринымъ; оно необыкновенно корректно по формѣ, но полно сарказма. Предложеніе основать грамотность исключительно на нравственно-религіозныхъ началахъ нисколько не послужило бы, говорится въ заявленіи двухъ гласныхъ, вѣрѣ и нравственности, но, конечно, не могло бы не повредить грамотности: учитель, которому вмѣнено было бы въ обязанность выводить исключительно изъ религіозно-нравственнаго начала склоненія, спряженія, правила объ употребленіи буквы *ѣ* и *е*, ъ и ь, и т. д. поставленъ былъ бы въ безвыходное положеніе. Предлагается обращаться не къ уму, а къ сердцу учащихся, но обращаться къ сердцу значитъ возбуждать чувство, а по свойству человѣческой природы въ ней можетъ возникнуть чувство лишь къ лицу или предмету, ей знакомому; неизвѣстнаго икса она рѣшительно не въ состояніи полюбить или возненавидѣть; и такъ не послѣ возбужденія чувства, а прежде всего нужно передать о лицѣ или предметѣ какое нибудь понятіе, усвоеніе же понятій считается вообще функціей ума. Всякое преподаваніе можетъ стать тенденціознымъ, и какъ гарантировать, что объясненіе предметовъ міра духовнаго не сдѣлается въ рукахъ негоднаго педагога такимъ-же поводомъ къ внушенію ученикамъ вредныхъ мыслей, какъ объясненіе предметовъ міра вещественнаго? Какъ члены отъ земства, какъ гласные московской городской думы, наконецъ, какъ дворяне, Самаринъ и Щербатовъ считаютъ своимъ долгомъ противопоставить валовому нареканію на начальныя школы московской губерніи рѣшительный протестъ. Къ сожалѣнію, бездоказательность произнесеннаго приговора отнимаетъ у нихъ возможность обстоятельнаго на него возраженія. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, Князь Мещерскій указалъ только два случая, — объясненіе свойствъ осы и толкованіе названія басни Крылова, — очевидно показавшихся ему особенно убѣдительными и произведшихъ на него особенно сильное впечатлѣніе. Едва ли, однако, оба они заслуживаютъ такой оцѣнки. Особенно трудно разгадать, въ чемъ заключается вина учителя, объяснявшаго соотвѣтствіе названія Крыловской басни ея содержанію: въ томъ ли, что учитель получилъ философское образованіе, въ томъ ли, что онъ разбиралъ именно басню, а не другое сочиненіе, или въ томъ, что, позволивъ себѣ критически отнестись къ Крылову, онъ поколебалъ въ ученикахъ вѣру въ его непогрѣшимость. Какъ бы то ни было, этотъ случай приведенъ какъ примѣръ нравственно-губительнаго резонерства.

Появляясь въ засѣданіяхъ училищнаго совѣта уже послѣ того, какъ большая часть соображеній Князя Мещерскаго была совѣтомъ одобрена, представители земства не считаютъ себѣ въ правѣ возвращаться къ новому обсужденію этихъ предположеній, но они предлагаютъ совѣту высказаться по вопросу о томъ, считаетъ ли онъ себя въ правѣ регламентировать учебную часть

въ школахъ, въ то время какъ по закону такая обязанность лежитъ на другихъ властяхъ.

Повидимому, Мещерскій понялъ, что въ его предложеніяхъ не все было ладно; онъ обиженно заявилъ, что писалъ свое мнѣніе не для печати и наскоро, но зато со всею откровенностью своихъ убѣжденій. Что касается до поставленнаго Самаринымъ и Княземъ Щербатовымъ вопроса, то онъ признаетъ его несвоевременнымъ, разъ совѣтъ уже одобрилъ основные пункты его проекта. Послѣ длившихся до поздней ночи споровъ, засѣданіе было закрыто. Слѣдующее состоялось 10 Января 1875 г. Мещерскій прочелъ возраженіе на протестъ Самарина, состоявшее изъ ссылки на происходившія передъ тѣмъ въ англійскомъ парламентѣ пренія, въ которыхъ многіе ораторы говорили о пользѣ религіознаго характера обученія. Самаринъ отвѣтилъ, что большая часть записки, прочитанной предсѣдателемъ совѣта, заключаетъ въ себѣ весьма интересное свидѣтельство въ пользу установленія и поддержанія религіозно-нравственнаго направленія въ начальныхъ школахъ Англіи, но не имѣетъ никакого отношенія къ запискѣ, внесенной въ совѣтъ членами отъ земства и не содержитъ въ себѣ отвѣта на вопросъ, поставленный имъ на предварительное его разрѣшеніе. Онъ продолжалъ настаивать на рѣшеніи вопроса о компетентности училищнаго совѣта. Мещерскій въ этомъ отказалъ и, вмѣсто того , поставилъ на голосованіе оставвавшійся еще не разрѣшеннымъ частный вопросъ изъ своего проекта. Самаринскія заявленія произвели однако свое дѣйствіе, и къ нѣсколькимъ членамъ училищнаго совѣта вернулось нѣкоторая доза гражданскаго мужества. Предложеніе Мещерскаго на этотъ разъ большинства голосовъ не получило. Мещерскій заявилъ, что передастъ вопросъ на обсужденіе министерства народнаго просвѣщенія — только-что передъ тѣмъ перешедшаго въ управленіе Графа Д. А. Толстого. Но и оно его не поддержало. Полученный оффиціальный отвѣтъ московскаго учебнаго округа гласилъ, что обязательныя правила для школъ могутъ устанавливаться только министерствомъ народнаго просвѣщенія. Мещерскій окончательно обидѣлся и ушелъ изъ Московскихъ губернскихъ предводителей. Самаринъ могъ быть доволенъ результатомъ своего вмѣшательства: школьное дѣло было спасено, а «безсовѣстный и тупоумный Мещерскій», какъ о немъ говорилъ Самаринъ, исчезъ со сцены

Самаринъ оказался правъ въ своемъ предсказаніи во Флорентинскомъ письмѣ Ханыкову: допотопныя чудища стали всплывать на поверхность русской политической жизни. Но что могъ онъ имъ противопоставить, кромѣ своего скромнаго «труда миссіонера», о которомъ онъ когда-то писалъ Княгинѣ Черкасской? Вѣра въ возрожденіе творческихъ силъ правительства была къ тому времени въ корнѣ подорвана. Онъ зналъ, что идеалъ живой, демократической и соціальной монархіи, который являлся исход-

нымъ пунктомъ его политическихъ убѣжденій, пересталъ быть реальной программой и что Петербургъ будетъ все больше и больше сползать подъ гору, превращаясь въ «область служебныхъ низостей и придворныхъ интригъ».

Былъ ли выходъ, можно ли было организовать страну и вдохнуть въ нее новую жизнь, — этотъ вопросъ сталъ передъ Самаринымъ съ полной ясностью во всей его силѣ, какъ разъ въ періодъ его послѣдней борьбы съ Княземъ Мещерскимъ. Поставленъ онъ былъ талантливой книгой Р. А. Фадѣева; книга эта теперь забыта, но въ ту минуту она была нѣкоторымъ событіемъ, и Самаринъ не могъ ее обойти, не могъ не отвѣтить на тотъ коренной вопросъ русской политической жизни, который она ставила. «Генералъ Фадѣевъ прислалъ мнѣ, — сообщаетъ Самаринъ Кавелину 24 Ноября 1874 г., извиняясь за задержку своего второго отвѣта на «Задачи Психологіи», — свою брошюру («Чѣмъ намъ быть») при письмѣ, въ которомъ онъ прямо вызываетъ меня на объясненіе и настоятельно требуетъ отвѣта. Дѣло такого свойства, что уклоняться отъ этого нельзя. Такія же письма получили Черкасскій и Аксаковъ. Очевидно, съ той стороны ощупывается почва. Нуженъ отвѣтъ, зрѣло обдуманный».

Этотъ «отвѣтъ, зрѣло обдуманный» содержится въ изданной Самаринымъ въ 1875 г. въ Берлинѣ книгѣ «Революціонный консерватизмъ». Собственно, книга состоитъ изъ двухъ частей, статьи Самарина подъ указаннымъ заглавіемъ и статьи его стариннаго пріятеля Ѳ. М. Дмитріева, посвященной «Всесословной волости по проектамъ петербургскихъ дворянъ». Самаринъ объяснялъ въ предисловіи, что издаются онѣ вмѣстѣ подъ общимъ заголовкомъ потому, что обѣ имѣютъ предметомъ характеристику «небольшой партіи, школы или группы, представляющей собою, въ современномъ движеніи русскаго общества, какъ бы отдѣльную струйку, бѣгущую противъ теченія. Предметъ критики Дмитріева — проекты реформы мѣстнаго управленія, внесенные на петербургское дворянское собраніе двумя дѣятелями дворянскаго конституціонализма того времени, Платоновымъ и Графомъ Орловымъ-Давыдовымъ, о передачѣ дворянству опеки надъ мѣстной жизнью. Полемика Дмитріева остроумна, но не выходитъ изъ общаго круга мыслей защитниковъ земской реформы Александра II. Зато первая половина книги, принадлежащая перу Юрія Самарина, посвящена программѣ дѣятеля, впервые появляющагося въ ту минуту въ рядахъ защитниковъ русской конституціонной формулы, необыкновенно даровитаго и глубокаго политическаго мыслителя той эпохи. Едва ли Самаринъ, говоря, что Фадѣевъ былъ представителемъ «партіи, школы или группы», вполнѣ правъ. Вокругъ Фадѣева несомнѣнно не было партіи или даже группы, и онъ не принадлежалъ къ какой-то школѣ, и самъ таковой не создалъ. На всей его фигурѣ лежитъ печать рѣзкой индивидуальности и совершенно самостоятель-

наго умственнаго почина. Его мысли, въ конечномъ выводѣ совпадали съ однимъ изъ возникшихъ тогда въ Россіи политическихъ направленій, но не сливались съ нимъ ни въ исходныхъ посылкахъ, ни въ путяхъ и способахъ аргументаціи, ни, наконецъ, въ подробностяхъ политическихъ пожеланій. Въ лицѣ Фадѣева Самаринъ — можетъ быть, въ первый разъ — встрѣтилъ равнаго себѣ по таланту и умственной подготовкѣ противника.

Р. А. Фадѣевъ теперь забытъ и, вѣроятно, все, что я сейчасъ сказалъ, вызоветъ нѣкоторое удивленіе. Фадѣева никто не читаетъ, хотя сравнительно недавно, въ 1890 г., было издано собраніе его сочиненій, а оно заключаетъ въ себѣ рядъ работъ по истинѣ не умирающей цѣнности. Я не знаю книгъ по восточной политикѣ Россіи, равныхъ по силѣ и по широтѣ историческаго горизонта, Фадѣевской «Кавказской войнѣ» и его «Письмамъ съ Кавказа»; конечно, славянская внѣшняя программа Россіи никогда не излагалась глубже и зрѣлѣе, чѣмъ въ его «Мнѣніи о восточномъ вопросѣ»; наконецъ, лучшимъ выраженіемъ идей русскаго конституціонализма эпохи Александра II безспорно была та книга Фадѣева «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ (Чѣмъ намъ быть)», которой посвящена Самаринская часть книги «Революціонный консерватизмъ».

Забыли Фадѣева по разнымъ случайнымъ причинамъ. Жизнь не выдвинула его въ тѣ передовыя ряды, на долю которыхъ выпадаетъ дѣлать обычно интересующую историковъ исторію; онъ былъ боевымъ Кавказскимъ генераломъ, прошедшимъ тяжелую школу кавказской войны, самостоятельнымъ по характеру и не умѣвшимъ дѣлать карьеру; въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ вышелъ въ отставку и съ пріобрѣтеннымъ уже тогда именемъ выдающагося военнаго писателя перебрался въ Петербургъ, гдѣ отказался отъ всякаго оффиціальнаго положенія и отдался тому, что мы сейчасъ называемъ общественной дѣятельностью, т. е. по тѣмъ временамъ — писалъ статьи и книги, подавалъ записки правительственнымъ учрежденіямъ, видалъ много народу и много разговаривалъ. Въ противоположность Ю. Ѳ. Самарину — коренному человѣку великорусскаго сѣвера, Фадѣевъ былъ новымъ человѣкомъ въ центрахъ всероссійской жизни: даже послѣ переселенія въ Петербургъ онъ подолгу живалъ на югѣ, въ Одессѣ, у сестры (матери Графа С. Ю. Витте), и во многомъ болѣе разнообразныя и болѣе подвижныя условія жизни на южныхъ окрайнахъ отразились на укладѣ Фадѣева, какъ публициста и политическаго мыслителя: онъ не мирился съ привычнымъ нѣсколько вялымъ и блѣднымъ, основнымъ тономъ всероссійской стихіи и, попавъ въ сферу, гдѣ нѣтъ индивидуальности, гдѣ, послѣ короткихъ подъемовъ, вся жизнь легко возвращается къ стоячимъ водамъ, инстинктивно искалъ вдохнуть въ новую для него стихію больше жизненной энергіи и больше политическихъ красокъ.

«Представимъ себѣ сонъ, — открываетъ Фадѣевъ свое разсужденіе въ «Русскомъ обществѣ»: намъ снится, что всѣ частные русскіе люди, семьдесятъ девять съ половиною милліоновъ изъ осьмидесяти, перенесены мгновенно на другую планету, и имъ приходится устраивать свой общественный бытъ безъ помощи готовой правительственной склейки, которою у насъ все держится; этимъ частнымъ людямъ надо сложиться въ общество и государство одною силою своей исторической закваски и современныхъ убѣжденій. Можетъ ли даже присниться, чтобы, при такой крайности, въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ нашлось достаточное большинство, правильнѣе сказать — достаточная нравственная сила для твердаго и скораго установленія не только соотвѣтствующихъ формъ, — мы о нихъ уже не говоримъ, — но даже самыхъ коренныхъ основъ?... Существуетъ ли въ современномъ русскомъ обществѣ какое либо мнѣніе съ такимъ большинствомъ или, говоря иначе, существуетъ ли такая группа единомысленныхъ людей, которая въ предлагаемомъ нами снѣ могла бы обратить свою волю въ обязательный законъ, безъ чего новой планетѣ пришлось бы быть свидѣтельницей сумятицы и даже полнаго разложенія, еще не виданныхъ на нашемъ свѣтѣ. Вопросъ этотъ сводится на слѣдующій: оказываются ли въ обновленномъ русскомъ обществѣ хотя бы только завязки самостоятельной и сознательной народной жизни, безъ которой мы можемъ быть расой, можемъ быть государствомъ, но не можемъ стать живою, развивающеюся націей, идущей впередъ по своему пути».

Вопросъ поставленъ глубоко и смѣло, и столь же смѣлъ отвѣтъ. Фадѣевъ продолжаетъ: «Мы покуда только государство, а не общество. Очевидно, крѣпость государственнаго сложенія обезпечиваетъ намъ переходный срокъ, въ теченіе котораго мы можемъ сростись въ общество; но тѣмъ не менѣе срокъ этотъ едва ли растяжимый произвольно, долженъ окончательно рѣшить, что намъ предстоитъ впереди: быть ли живымъ народомъ, или политическимъ сборомъ безсвязныхъ единицъ». Нѣтъ здороваго «центротяготѣнія русской національной мысли», въ русскомъ обществѣ царитъ «умственная пустота, въ которой вращается вихрь осколковъ — даже не мыслей, осколковъ фразъ и словъ». Нравственная и общественная безсвязность грозитъ Россіи величайшими опасностями. «Возмужалость не придетъ сама собой, съ каждымъ годомъ мы будемъ скорѣе разсыпаться, чѣмъ складываться; а въ настоящемъ положеніи свѣта, сросшись съ Европой такъ тѣсно, какъ мы съ нею срослись, намъ нѣкогда уже подростать потихоньку. Глиняный горшокъ не спутникъ желѣзному».

Отсюда горячій призывъ Фадѣева къ немедленной организаціи русскаго общества, къ созданію «связанности» на мѣстѣ «безсвязности», «націи» на мѣстѣ «расы». Къ этому можетъ при-

вести, думаетъ Фадѣевъ, только конституціонная реформа. Фадѣевъ по цензурнымъ условіямъ не произноситъ этого слова, но мысль его совершенно ясна. «Громадное большинство нашихъ развитыхъ людей, — говоритъ Фадѣевъ, — сознаютъ необходимость организовать русскую жизнь, дать ей средоточіе... Извѣстно, что никакое тѣло, растворенное въ слишкомъ большомъ количествѣ жидкости, не кристализуется. Время требуетъ... объединенія русскаго историческаго слоя, выросшаго и выростающаго изъ слоевъ стихійныхъ, способнаго осуществить въ себѣ самостоятельную умственную жизнь Россіи и стать сознательнымъ , отвѣтственнымъ во всемъ своемъ объемѣ, орудіемъ верховной власти для развитія нашего будущаго». Для Фадѣева этотъ историческій слой, призванный организовать Россію и создать русское общество, есть дворянство. Но, чтобы оно могло съиграть эту великую роль въ исторіи страны, надо, чтобы государство активно помогло ему въ этомъ. Онъ отвергаетъ мнѣніе о «самородномъ и безыскусственномъ возстановленіи русской цѣльности»: «Всякая сила, конечно, имѣетъ вѣроятность восторжествовать рано или поздно, если она сила совокупная, растущая; но въ томъ и дѣло, что у насъ существуютъ только запасы общественной силы, а связаться имъ не на чемъ. Подъ щитомъ сильнаго правительства, обезпеченные въ сохраненіи наружнаго порядка, мы можемъ долго прожить въ состояніи безпорядка внутренняго, такъ долго, что, наконецъ, по привычкѣ утратимъ вѣру во все на свѣтѣ, кромѣ одной полиціи; тогда будетъ уже поздно поправляться». Надо, чтобы законодательство сознательно взялось за «организацію русскаго культурнаго слоя» и передало ему существенную долю вліянія на ходъ государственнаго дѣла. «Наше культурное сословіе, конечно, утратило вѣру въ себя послѣ того, какъ порвалась его сомкнутость и отъ него остались однѣ безсвязныя единицы; можно испарить всю невскую воду, разливъ ее по стаканамъ, выставленнымъ на солнце, хотя нельзя испарить текущую Неву. Также и съ сословіемъ. Самые развитые люди, кромѣ геніевъ, сильны только общественными, а не личными силами. Русское культурное сословіе, сложенное въ государственное, необходимо проявитъ всю суть умственныхъ и нравственныхъ силъ, присущихъ русскому народу, такъ какъ эти силы въ немъ только, и ни въ комъ, кромѣ его, — становятся вполнѣ сознательными».

Не надо предрѣшать заранѣе, продолжаетъ Фадѣевъ, въ какія формы выльется участіе этой будущей общественной «сердцевины» въ государственномъ управленіи, выльется ли оно сразу въ парламентаризмъ или другія западныя политическія формы; это — вопросы будущаго. Для него главное — признать начало организованной общественности, а она уже съумѣетъ найти порядокъ своего участія въ государственной жизни.

У Фадѣева отсутствуетъ въ этой программѣ всякій слѣдъ

аристократизма. Онъ очень хорошо знаетъ, что есть русское дворянство и какъ въ немъ мало сходства съ подлинными «аристократіями». Оно потому и дорого Фадѣеву для устроенія русскаго общества, для разрѣшенія главнаго «нравственнаго вопроса» русской жизни, что оно народно и не аристократично. «Наше дворянство — не отрѣзанный ломоть, даже въ извѣстномъ смыслѣ не группа, рѣзко отгороженная исторіей, а высшій слой русскаго народа». Такимъ дворянство, призванное выполнить новую организующую миссію, должно остаться и впредь. Формула его у Фадѣева такова: «наслѣдственный и сомкнутый образованный слой, доступный съ низу притоку созрѣвающихъ силъ».

Оцѣнивая теперь, спустя полстолѣтіе, эти мысли Фадѣева, мы не должны забывать, что, когда онѣ были высказаны, процессъ гибели русскаго дворянства, вызванный крестьянскимъ освобожденіемъ, еще только начинался. Дѣло шло не о воскрешеніи мертвыхъ, а о сохраненіи и использованіи еще живыхъ силъ. Съ этой точки зрѣнія формула Фадѣева реальна, и исторически, и политически. Наступала дѣйствительно та послѣдняя минута, когда можно было учесть своеобразный историческій укладъ русскаго дворянства для строительныхъ политическихъ цѣлей. Фадѣевъ понималъ это положеніе лучше и глубже, чѣмъ всѣ его современники и чѣмъ слѣдующее русское поколѣніе.

Въ разсужденіяхъ Фадѣева, безспорно — не внѣшне, а внутренне — много точекъ соприкосновенія съ оцѣнками Самарина. Развѣ призывъ къ организованности, къ созданію «націи» вмѣсто «расы» не отвѣчаетъ кореннымъ инстинктамъ Самарина? И развѣ Фадѣевъ не выразилъ ярко и наглядно многое изъ того, что переживалъ Самаринъ за послѣднее десятилѣтіе? И тѣмъ не менѣе для Юрія Самарина Фадѣевъ стоялъ , по выраженію его письма къ Кавелину, «на той сторонѣ». Онъ могъ бы признать многое въ его политическомъ діагнозѣ, но предлагавшійся методъ леченія противорѣчилъ тому, что онъ считалъ правильнымъ, и со свойственной ему суровостью и неуклонностью онъ поспѣшилъ рѣшительно отмежеваться отъ Фадѣевской книги въ ея цѣломъ. Отказъ признать его конституціонную формулу звучитъ такъ же твердо и рѣшительно, какъ и протестъ 1862 г., — вопреки горькимъ урокамъ пережитаго и переживавшагося.

Для Юрія Самарина вся Фадѣевская программа была «революціонной». «То, въ чемъ вы видите — начинаетъ онъ отвѣтъ Фадѣеву — наше спасеніе и ничѣмъ не замѣнимое условіе нормальнаго развитія нашей общественности, пугаетъ меня какъ программа исподволь подготовляемой революціи...». — «По моимъ понятіямъ, — поясняетъ онъ бросаемый Фадѣеву грозный эпитетъ, — революція есть не иное что, какъ раціонализмъ въ дѣйствіи, иначе: формально правильный силлогизмъ, обращенный въ стѣнобитное орудіе противъ свободы живого быта. Первою по-

сылкою служитъ всегда абсолютная догма, выведенная апріорнымъ путемъ изъ общихъ началъ или полученная обратнымъ путемъ — обобщеніемъ историческихъ явленій извѣстнаго рода. Вторая посылка заключаетъ въ себѣ подведеніе подъ эту догму данной дѣйствительности и приговоръ надъ послѣдней, изрекаемый исключительно съ точки зрѣнія первой — дѣйствительность не сходится съ догмой и потому осуждается на смерть. Заключеніе облекается въ форму повелѣнія высочайшаго или нижайшаго, исходящаго изъ бельэтажныхъ покоевъ или изъ подземелій общества и, въ случаѣ сопротивленія, приводится въ исполненіе посредствомъ винтовокъ или пушекъ или вилъ и топоровъ. — Это не измѣняетъ сущности операціи, предпринимаемой надъ обществомъ».

Итакъ, нѣтъ надобности въ радикальной перестройкѣ русской политической дѣйствительности, и да торжествуетъ «свобода живого быта». Призывъ Фадѣева къ конституціонному преобразованію есть для Самарина въ существѣ своемъ только выраженіе «революціонныхъ» поползновеній русской «реакціи». Въ первую минуту поражаетъ такая оцѣнка, но она въ высшей степени характерна для политическаго упорства Самарина. Фадѣевъ для него только варіантъ Князя Мещерскаго и Б. Н. Обухова. Онъ думаетъ, что, если бы правительство опросило Россію, то люди мыслящіе и трудящіеся на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, вѣроятно, выразили бы желаніе, чтобы правительство «дало Россіи вздохнуть». «Законодательная власть... по установкѣ тѣхъ или другихъ формъ должна не расшатывать ихъ и не подкапываться подъ нихъ, а дать имъ время осѣсть, какъ слѣдуетъ, и сплотиться. А между тѣмъ, оказывается, за реформами начала царствованія пришли революціонныя чаянія, подобныя Фадѣевскимъ, — стремленіе передѣлать то, что сдѣлано, отказаться отъ разъ осуществленныхъ принциповъ. «Въ одно прекрасное утро Россія принимаетъ праздничный видъ — правительство открываетъ новое сооруженіе, только что возведенное имъ по зрѣло обдуманному плану, и вводитъ въ него общество, выражая послѣднему свои надежды и полное свое довѣріе. Общество кланяется и благодаритъ и выражаетъ свою безграничную вѣру въ правительство. Правительство, въ свою очередь, благодаритъ общество за довѣріе, и обѣ стороны расходятся въ умиленіи. На другой день изъ высшихъ правительственныхъ сферъ падаетъ на новое зданіе первый косой взглядъ. За ночь люди, стоявшіе въ сторонѣ, пока кипѣла работа, открыли въ немъ какіе то капитальные пороки, возбуждающіе сомнѣніе въ его прочности. Обыкновенно, какъ особенно опасное, выставляется то обстоятельство, что фундаментъ слишкомъ широкъ и заложенъ черезчуръ прочно, а верхніе надстройки слишкомъ легки; гораздо бы лучше наоборотъ: на жидкомъ фундаментѣ построить грузное зданіе. На третій день правительство выходитъ

на площадь, кается всенародно въ своихъ ошибкахъ, и пугаетъ общество грозящимъ крушеніемъ. Общество, только что размѣстившееся на своемъ новосельи, оглядывается въ недоумѣніи и уходитъ, покачивая головою; работа, начавшаяся внутри довольно живо, естественно утихаетъ. На четвертый день отряженными мастерами этого дѣла замазываются нѣкоторыя окна и законопачиваются нѣкоторыя двери. На пятый правительственное сооруженіе отдается подъ стражу, наряжается слѣдственная коммиссія и объявляется конкурсъ на тему: какъ бы разнести зданіе, но такъ, чтобы не было ни стука, ни пыли, и чтобы этого не замѣтили ни русскій народъ, ни Европа». Этой только минуты и выжидали «охранительные люди»; почуя ломку, они «оживаютъ, скликаются, напрягаютъ свое воображеніе, и проекты сыплятся со всѣхъ сторонъ».

Отзывъ о Фадѣевской книгѣ въ этихъ строкахъ явно несправедливъ, — какъ многое въ Самаринской политической полемикѣ вообще. Фадѣевъ дѣйствительно не считалъ, что вся стоявшая передъ русскимъ правительствомъ въ 70-хъ годахъ задача сводилась къ тому, чтобы «дать обществу вздохнуть», и Самаринъ зналъ, что русская политическая дѣйствительность той минуты была мертва и безсодержательна совсѣмъ не потому, чтобы обществу мѣшали работать. Реформы начала царствованія не заполняли собой образовавшихся пустотъ государственнаго быта Россіи. Фадѣевъ принималъ эти реформы, но былъ достаточно смѣлъ, чтобы признать наличность этихъ пустотъ и предложить средство ихъ заполнить. Но это средство было давно осуждено Самаринымъ, правда, осуждено въ другой обстановкѣ и въ другой связи, и онъ не уступаетъ Фадѣеву ни одной изъ прежнихъ своихъ политическихъ оцѣнокъ. Антитеза его воззрѣній и воззрѣній Фадѣева выражена въ приведенной выше выдержкѣ необыкновенно правильно и ясно. Споръ шелъ дѣйствительно о томъ, строить ли политическое зданіе Россіи «на широкомъ фундаментѣ съ легкими верхними надстройками» или же слѣдовало на болѣе болѣе узкомъ, быть можетъ, фундаментѣ воздвигнуть болѣе крѣпкое зданіе. Для Самарина не могло быть колебаній въ выборѣ: Россія, не построенная на широкомъ фундаментѣ, для него по прежнему не есть Россія. Отказъ отъ него даже во имя крѣпости политическаго зданія, въ его глазахъ, есть отказъ отъ «историческихъ преданій», отъ «всего національнаго закала». Проекты Фадѣева — только повтореніе старыхъ сословныхъ покушеній на земскую власть русскаго царя, созданную народной стихіей. Отсюда и послѣднее обвиненіе по адресу Фадѣева. Призывъ его къ созданію въ Россіи «общества», «живого народа» вмѣсто «политическаго сбора безсвязныхъ единицъ»; къ организаціи въ ней «сборнаго мнѣнія», кажется Самарину чистымъ политическимъ «формализмомъ». «Вы вѣрите въ чудодѣйственную силу формы, въ способность ея творить изъ себя духъ»; «я вообра-

жаю, какъ обрадуются и, въ тоже время, какъ изумятся, дочитавъ вашу книгу до этого мѣста, бѣдные бюрократы, на которыхъ вы наступаете такъ безпощадно, противопоставляя имъ дворянъ, какъ людей другой породы... Съ чего вашъ гнѣвъ? Вѣдь и бюрократы, по крайней мѣрѣ, культурные поклоняются формѣ и лелѣютъ ее не ради ея самой, а только потому, что и они, какъ вы, твердо увѣрены, что была бы графа, а содержаніе явится, была бы форма, народится и духъ. Ихъ вѣра и ваше вѣра — одна вѣра; но вы сгоряча не опознали своихъ»...

Самаринъ чувствовалъ и сознавался въ письмѣ къ своему другу Баронессѣ Раденъ, что книга его противъ Фадѣева «вышла слишкомъ длинной и очень блѣдной». Несмотря на разсыпанныя въ ней блестки публицистическаго таланта это ощущеніе Самарина его не обманывало. Послѣднее политическое выступленіе Самарина было, конечно, блѣднымъ. Вялость, натянутость, внутренняя холодность аргументаціи, мѣстами банальность не отвѣчали серьезной искренности сдѣланной Ростиславомъ Фадѣевымъ, попытки указать выходъ изъ политической обстановки, оцѣнка которой у Самарина не могла быть и не была иной, чѣмъ въ книгѣ Фадѣева. Онъ не могъ, не чувствуя нѣкоторой фальши, съ достаточной внутренней увѣренностью, противопоставлять призыву Фадѣева свои прежнія, когда-то глубоко прочувствованныя и непосредственно вытекавшія изъ живой дѣйствительности, приглашенія заняться скромной строительной работой на мѣстахъ, совѣтъ «не планы сочинять, а кирпичи класть», какъ онъ говорилъ послѣ 19 Февраля. Въ общей атмосферѣ русской жизни эти кирпичи покрывались плесенью, и съ каждымъ годомъ слой ея дѣлался все гуще и гуще. Какъ реальный и трезвый политикъ, онъ чутьемъ долженъ былъ заподозрить свое право возражать Фадѣеву такъ, какъ онъ это дѣлалъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ построить своего отвѣта иначе, чѣмъ онъ его построилъ. Суровая жизненная дисциплина связывала настоящее прошлымъ, и въ этой связанности трагизмъ судьбы Самарина, какъ политика. Налицо было инстинктивно сознававшееся, но еще не выговоренное противорѣчіе созданныхъ всей предшествующей дѣятельностью и всѣми предшествующими размышленіями идеаловъ и тѣхъ тягостныхъ реальныхъ условій, которыя кругомъ слагались и готовили еще болѣе противорѣчащее этимъ идеаламъ будущее. И не было времени для новаго синтеза.

Послѣдніе годы, подготовленный тяжелыми болѣзненными припадками 1859 и 1864 гг., Самаринъ не могъ не чувствовать близости смерти. Одинъ за другимъ уходили его друзья и близкіе. Въ 1869 г. умеръ Одоевскій, въ 1872 г. Н. Милютинъ, въ томъ-же году на его рукахъ — его младшій братъ Владиміръ. Тяжко заболѣла и едва поправилась Княгиня Черкасская. Лѣтомъ

1873 г., выѣхавъ изъ Васильевскаго къ больной матери въ Серпуховскій уѣздъ, онъ сломалъ себѣ ногу и былъ самъ въ такомъ состояніи, что доктора боялись за его жизнь. Но онъ выжилъ и поправился. Смерть пришла случайно. Въ Декабрѣ 1875 г. съ шестымъ выпускомъ «Окраинъ» онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Берлинъ, послѣдній разъ свидѣвшись по дорогѣ въ Петербургѣ съ своимъ вѣрнымъ другомъ Баронессой Раденъ; изъ Берлина онъ съѣздилъ въ Парижъ къ больному Черкасскому, вернулся въ Берлинъ, былъ полонъ энергіи и бодрости, но, изъ-за легкой раны на рукѣ, слегъ въ больницу и умеръ одинъ, безъ близкихъ кругомъ, отъ зараженія крови 19 Марта 1876 года.

---

# ЛИТЕРАТУРА.

Основнымъ источникомъ для біографіи Самарина являются его Сочиненія, включающія и переписку. Превосходное изданіе Сочиненій, составляющее жизненное дѣло семьи Самариныхъ, пока не доведено до конца. *Д. Ѳ. Самаринъ* послѣдовательно издалъ томы: I (1877), II (1878), V (1880), III (1885), VI (1887), VII (1889), VIII (1890), X (1896), IX (1898); *Ѳ. Д. Самаринъ* — т. IV (1911), *П. Д. Самаринъ* т. XII (1911). — *С. Д. Самаринъ* послѣдніе годы подготовлялъ т. XI, въ который должны войти статьи и рѣчи гл. обр. по земскимъ вопросамъ, и т. XIII-XIV, съ окончаніемъ начатой въ т. XII переписки. Онъ былъ добръ сообщить мнѣ предполагаемое содержаніе XI тома и тѣмъ значительно облегчилъ мнѣ поиски напечатанныхъ сочиненій Самарина, не вошедшихъ въ собраніе.

Изъ не нашедшихъ пока мѣсто въ «Сочиненіяхъ» писаній Самарина напечатаны:

(*1855*) Изъ воспоминаній объ университетѣ 1834-1838, Русь, 1880 № 1.

(*1861*) Изъ Владиміра, День, 1861, № 24.

(*1862*) Изъ Самары, День, 1862, № 27.

По поводу толковъ о конституціи въ Россіи, Русь, 1881, № 29.

(*1863*) О проэктѣ земскихъ хозяйственныхъ учрежденій, День, 1863, № № 29, 30 и 35.

Два слова въ отвѣтъ на статью Современной Лѣтописи (Іюнь, № 22) по вопросу: полезно ли было бы для Россіи, если бы Русскіе, проживающіе за границею, возвратились въ свое отечество? День, 1863, № 31.

(*1868*) Предисловіе, примѣчанія и послѣсловіе къ книгѣ: Русскій администраторъ новѣйшей школы, Записка Псковскаго Губернатора Б. Обухова и отвѣтъ на нее, Берлинъ, 1868.

(*1871*) Докладъ Московской Губернской Земской Комиссіи по вопросу объ измѣненіи системы подушныхъ сборовъ, Современная Лѣтопись, Повоскресное прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ, 16 Іюня 1871, № 21.

(*1874*) Революціонный консерватизмъ, Ю. Самарина и Ѳ. Дмитріева, Берлинъ, 1875.

Протестъ Гг. Членовъ отъ Земства Ю. Ѳ. Самарина и князя Щербатова 22 Ноября 1874 г., Журналы Московскаго Губернскаго Училищнаго Совѣта за 1874 г., 1890.

(*1874-1876*) Финансовыя реформы въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Сборникъ государственныхъ знаній, т. 6 (1878), 257.

(*?*) Отрывокъ изъ записокъ, Татевскій сборникъ С. А. Рачинскаго, 1899, 128.

Переписка Самарина до 1853 въ т. XII Сочиненій; сверхъ того, выдержки въ разныхъ томахъ Соч. Отдѣльной книгой издана: Переписка Ю. Ѳ. Самарина съ баронессою Э. Ѳ. Раденъ, 1861-1876, 1893. Множество писемъ 1855-1863 у княжны *Трубецкой*; Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, I-II, 1901-1904. Кромѣ помѣщенныхъ въ этихъ изданіяхъ обнародованы письма: С. Т. Аксакову, Русь, 1880, № 7. (1853. 1856); Погодину, *Барсуксвъ*, Жизнь и труды Погодина, т. 13 (1854. 1855); кн. I. А. Мещерскому, Русск. Арх., 1877, II, 103 (1855, 1871); Хомякову, Русск. Ст., 1897, т. 92, 19 (1857); Бартеневу, Русск. Арх., 1912, II, 472 (1857); Н. А. и М. А. Милютинымъ, Русск. Ст., 1899, т. 97, 270, 271, 282, 284, 286, 288, 295, 598 и въ книгахъ *Anatole Leroy-Beaulieu*, Un homme d'état russe (Nicolas Milutine), 1881, и L'Empire des Tsars, I, 1881, passim, (1858-1864); Головнину, Русск. Ст., 1898, т. 93, 77, 92 (1858); Жизневскому, Русск. Арх., 1906, 11, 276 (1861); Татаринову, Русск. Мысль, 1911, кн. 3, 113 (1861); Изъ Дрездена, Русь, 1881, № 11 (вѣроятно, княгинѣ Черкасской, 1864); княгинѣ Е. А. Черкасской, Русь, 1881, №№ 43-45 (1864, 1866); Герцену, Русь, 1883, №№ 1-2 (1864); Жихареву, Соч. *Чаадаева*, изд. Гершензона, 1, 403 (1869); Галагану, Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана, 1897-1898, 1898, 270, и годъ 8, 1902-1903, 1903, 64 (1869, 1871).

Сверхъ того, я имѣлъ возможность пользоваться необнародованными письмами къ Е. А. Свербеевой (собственность Кн. *Н. В. Голицына*, 13 писемъ разныхъ годовъ, 1852-1874) и Д. Н. Свербееву (1869) (въ томъ же собраніи), Панину 2 письма (1861), Арапетову (1863), В. П. Безобразову (1871, 1874), П. П. Семенову (1868) и Бартеневу (1872) (*Собраніе Пушкинскаго Дома*), Н. В. Ханыкову (1865) и Н. Н. Новикову (1869, 1871) (*Рукописное Отдѣленіе Россійской Публичной Библіотеки* и Кн. Д. А. Оболенскому (въ его рукописномъ дневникѣ, собств. покойной Е. Д. Новосильцевой).

Сохранившіяся записи рѣчей Самарина указываются ниже.

Настоящей біографіи Самарина не написано. *Д. Ѳ. Самаринъ* составилъ очень цѣнный, но короткій очеркъ для Русскаго Біографическаго Словаря, перепечатанный въ IX томѣ Сочиненій; кромѣ того, имъ и *Ѳ. Д. Самаринымъ* составлены для Сочиненій

обзоры отдѣльныхъ періодовъ жизни Самарина, равнымъ образомъ представляющіе большую цѣнность. *И. С. Аксаковъ* началъ составленіе біографіи, но, повидимому, не кончилъ, и о судьбѣ рукописи ничего неизвѣстно (Аксаковъ Я. К. Гроту 4 Мая 1876 г., Русск. Арх., 1906, 11, 275). Краткіе и компилятивные обзоры жизни Самарина дали *Корниловъ*, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи, 1905, 453 и *Бочкаревъ* въ книгахъ: Великая Реформа, 5 (1911), 92, Освобожденіе крестьянъ, Дѣятели реформы, изд. Научнаго Слова, 1911; Ср. сборникъ — Въ память Юрія Ѳедоровича Самарина, Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины, 1876.

*Глава первая*. Семья. *Д. Ѳ. Самаринъ* о Ѳ. В. Самаринѣ въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ, т. Сабанѣевъ-Смысловъ, 1904, 146;Хроника недавней старины, Изъ архива Князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, 1876. Воспитаніе дома: *Буслаевъ*, Мои воспоминанія, Вѣстн. Европы, 1890, кн. 12, 519 и отд. книгой, 1897; *Козминъ*, Н. И. Надеждинъ, 1912, 32; *Д. Протопоповъ*, Русск. Арх., 1876, II, 229. Университетъ: кромѣ Буслаева, ук. соч., *К. Аксаковъ*, Воспоминаніе студентства, изд. «Огней»; *Соловьевъ*, Записки; *Черкасскій*, въ сборн. Князь Влад. Ал. Черкасскій, Его статьи, его рѣчи и воспоминанія о немъ, 1879, VII; *Невѣдѣнскій*, Катковъ и его время, 1888, 1; ср. Воспоминанія о студенческой жизни, 1899, 115, 168; *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, т. 4 и 5; *Козминъ*, 251. Диссертація и религіозно философскія исканія: Письмо Чаадаева въ рукописяхъ Пушкинскаго Дома (не обнародовано); встрѣча съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ: письмо къ Жихареву въ Соч. *Чаадаева*, изд. Гершензономъ, I, 403 и Соч. 12, 10; отношенія къ Гагарину: *Бильбасовъ*, Самаринъ Гагарину о Лермонтовѣ, Ист. мон., 2 (1901), 411. Значеніе автобіографической исповѣди имѣетъ Предисловіе Самарина къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова 1867 г. (цѣликомъ, а не только въ частныхъ указаніяхъ, на которыя обратилъ вниманіе Д. Ѳ. Самаринъ); совершенно недостовѣрно предисловіе *И. С. Аксакова* къ письмамъ Хомякова къ Самарину въ Соч. *Хомякова*, 8, 235. Для оцѣнки Самарина, какъ религіознаго мыслителя: *Вл. Соловьевъ*, Исторія и будущность теократіи въ Собр. соч., 2 изд., IV, 1914, 249; Національный вопросъ въ Россіи, тамъ же, V, 181; Ю. Ѳ. Самаринъ въ письмѣ къ Баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ, тамъ-же, VI, 401; *Ср. Пыпинъ*, Характеристика литературныхъ мнѣній, 3, 1907; *Гершензонъ*, Историческія записки, 1910, 41; *Бердяевъ*, Хомяковъ, 1912. Надо добавить, что эпоха сороковыхъ годовъ имѣетъ огромную литературу, которую здѣсь указывать невозможно; въ изложеніи мнѣ пришлось въ первую очередь считаться съ собраніями сочиненій и переписки *Чаадаева*, *Кирѣевскаго* (изд. Гершензономъ), *К. Аксакова*, *Хомякова*, *Герцена* (изд. Лемке), *Кавелина*, *Ив.*

*Аксакова*, *С. Т. Аксакова*; много данныхъ въ лѣтописи *Барсукова*. Служба въ Петербургѣ: мелочи у *Кн. А. В. Мещерскаго*, Изъ моей старины, Русск. Арх., 1901, I, 101, 486; Изъ записокъ *А. О. Смирновой*, Русск. Арх., 1895, III, 77; Ср. Исторію Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ, т. 3, 1911. — О мнѣніяхъ Современника: чтобы судить о произведенномъ статьей впечатлѣніи, надо прочесть оцѣнку *Герцена* въ его исторіи революціонныхъ идей, Соч., 6, 282. — Два года въ Ригѣ: данныя о ревизующей коммиссіи, тщательно собранныя въ т. 7 Соч., въ извѣстной степени дополняются статьей Die Stackelberg-Chanykow'sche Commission въ книгѣ Julius *E c k a r d t*, Bürgerthum und Bureaukratie, 1879, 169, 222.— Разговоръ въ Зимнемъ Дворцѣ составленъ мной на основаніи тогда же сдѣланной Самаринымъ записи и дополненій, которыя осенью 1875 г. онъ внесъ въ эту запись, перечитывая ее Д. Ѳ. Самарину. Соч. 7, XCIX. Конечно, Д. Ѳ. неправъ, приписывая Николаю I сочувствіе Письмамъ изъ Риги: императоръ стоялъ на противоположномъ полюсѣ, его разговоръ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ выражалъ его коренныя убѣжденія.

*Глава вторая*. Первыя размышленія о крѣпостномъ правѣ въ Россіи: не сохранившееся письмо къ Хомякову, содержаніе котораго выясняется изъ отвѣта *Хомякова*, Соч. 8, 273, и отрывокъ, напечатанный въ Соч. Самарина, 2, 439, подъ № 1, тѣсно связанный по содержанію съ указаннымъ письмомъ къ Хомякову. Я датирую и то, и другое примѣрно мартомъ 1848 г., вопреки догадкамъ редакторовъ сочиненій Хомякова (вып. I на стр. 270) и Самарина (вын. на стр. 439): ср. на стр. 170, 179 и 190 Соч. *Хомякова*, т. 8, данныя для опредѣленія времени полученія имъ Самаринскаго письма; что касается замѣтки подъ № 1, то она навѣяна непосредственными балтійскими впечатлѣніями и примыкаетъ по содержанію къ письму Хомякова. Кошелевъ: Записки *А. И. Кошелева*, 1884, 64 и прил.; *Колюпановъ*, Біографія А. И. Кошелева, 2, 1892, 79 и прил. — Симбирскъ. Чувства Е. А. Свербеевой — Дневникъ *Е. И. Поповой*, 1911, 149; ср. въ письмѣ къ Аксакову, Соч. 12, 205 (одно изъ немногихъ указаній на личную жизнь Самарина). Кіевъ. Кое-какія данныя о Кіевскомъ обществѣ въ перепискѣ Галагана въ Кіевск. Старинѣ и Ежегодникѣ Коллегіи Галагана за разные годы. Тенденціозный, какъ все, что онъ писалъ, но обстоятельный обзоръ взглядовъ славянофиловъ на крестьянскій вопросъ въ Николаевское царствованіе даетъ *Семевскій*, Крестьянскій вопросъ въ Россіи, 2, 1888, 386. ср. его статья въ сб. Крестьянскій строй, I, 1905, 157. Записка: Первоначальная редакція, повидимому, не сохранилась; о ней Дневникъ *В. С. Аксаковой*, 1913, 31. Новое царствованіе. *Барсуковъ*, Погодинъ, т. 15; *Кошелевъ*, въ соч *Хомякова*, 8, 127 — Сызранская дружина: *Давыдовъ*, Самаринъ-ополченецъ, Изъ воспоминаній его дружиннаго начальника по опол-

ченію 1855 г. Русск. Арх., 1877, 11, 42. Къ рукописямъ времени составленія записки я отношу отрывки № II и, можетъ быть, III, напечатанные въ Соч. 2, 441 (№ III — вопреки указанію Д. Ѳ. Самарина въ вын. на стр. 443). — Распространеніе записки: Рукописный дневникъ *Князя Д. А. Оболенскаго*; *Барсуковъ*, т. 14; *R.*, На зарѣ крестьянской свободы, Русск. Стар., 1897, т. 92, 5; (*Хрущовскіе*) Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія, I, 1860, 124. Самаринъ у Кошелева въ 1856 г.: Записки Лебедянскаго Общества сельскаго хозяйства за 1856 годъ, Ч. I, 1857, 75. — Самаринъ въ Петербургѣ въ 1857 г. *R.*, Русск. Стар., т. 92, 27; дневникъ *Оболенскаго*; *Мещерскій*, Мои воспоминанія, I, 1897, 102; записка Кавелина о составѣ коммиссіи — Собр. сочиненій *Кавелина*, 2, 1898, 103; письмо Хомякова, Соч., 8, 294 и прил., 54; письмо Галагана, R., Русск. Ст., т. 95, 77. — Для первыхъ правительственныхъ актовъ: Журналы секретнаго и главнаго комитетовъ по крестьянскому дѣлу, I, 1915; ср. *Попельницкій*, Секретный комитетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Вѣстн. Евр., 1911, февр., 48, мартъ, 127; рукописный, необыкновенно цѣнный, дневникъ *Князя П. П. Гагарина*. — Конституціонная проблема въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ: дворянскія общества и рескриптъ Назимову — Нижній-Новгородъ: *Савельевъ*, Нѣсколько словъ о бывшемъ нижегород. губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ, Русск. Стар., 1898, т. 94, 609; Ярославль: *Ширяевъ*, Ярославскій губернскій комитетъ, Юрид. Зап., 1911, 2/3, 369; Калуга: *Корниловъ* въ сб. В. А. Арцимовичъ, 1904, 129; Самара и Оренбургъ: *Кречетовичъ*, Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ, I, 1911, 69.

*Глава третья*. Самаринъ въ Самарскомъ губернскомъ комитетѣ. *Кречетовичъ*, 113, 151; К. К. Гротъ, какъ государственный и общественный дѣятель, 1, 1915 11, 37, 117, 120, 130. Редакціонная коммиссія: Письмо Милютина, Русск. Стар. т. 27, 1880, 388, т. 97, 1899, 285 Запись преній общихъ присутствій у *Н. П. Семенова*, Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, 1-3, ср. по указателю. Къ сожалѣнію, эта запись, являющаяся единственнымъ источникомъ для изученія исторіи общихъ присутствій, не всегда полна и частью несовершенна; въ извѣстной степени ее восполняютъ позднія воспоминанія *П. П. Семенова Тянъ-Шанскаго*, Мемуары, т. 3-4, 1915-1916. Матеріалы редакціонныхъ коммиссій, т. 1 (1-2), 2 (1-2), 3 (1-2), 4, 18. Ими удобно пользоваться также въ добросовѣстнѣйшемъ и скучнѣйшемъ сводѣ *Скребицкаго*, Крестьянское дѣло въ царствованіе Имп. Александра II, 1-4, 1862-1868. Исторія крестьянской реформы вообще до сихъ поръ по настоящему не написана. Работа *Иванюкова* и юбилейныя изданія 1911 г. не могутъ претендовать служить такой исторіей; старые Хрущовскіе Матеріалы, 1-3, 1860-1862, частью существенны, частью же состоятъ изъ пересказа характерныхъ для того

времени петербургскихъ сплетенъ; жаль, что имъ до сихъ поръ вѣрятъ, какъ подлиннымъ историческимъ оцѣнкамъ. Послѣ редакціонныхъ коммиссій: Журналы и меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта, 1915; ср. *Попельницкій*, Дѣло освобожденія крестьянъ въ Государственномъ Совѣтѣ, Русск. Мысль, 1911, кн. 2, 126. — Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе: День, 1863, № 26 (Изъ Самары); *Д. Ѳ. Самаринъ*, Собраніе статей, рѣчей и докладовъ, I (1903), 1.

*Глава четвертая. Leroy-Beaulieu*, Milutine; *Спасовичъ*, В. А. Арцимовичъ, въ Соч. Спасовича, 10 (1902), 347. Польская крестьянская реформа 1864 г. надлежащимъ образомъ не изучена. Въ первую очередь приходится обращаться къ печатнымъ матеріаламъ миссіи Н. Милютина, собраннымъ въ Изслѣдованіяхъ въ Царствѣ Польскомъ, по Высочайшему повелѣнію, произведенныхъ подъ руководствомъ Сенатора, Статсъ-Секретаря Милютина, т. I и II. Докладъ Милютина 21 Декабря напечатанъ *Анучинымъ* въ Русск. Стар., 1893. — Въ экземплярѣ Архива Государственнаго Совѣта, которымъ я пользовался, къ т. I Изслѣдованій приложенъ и журналъ комитета выс. учр. для разсмотрѣнія проектовъ объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ (Янв. Февр. 1864). Журналъ этотъ безличенъ и мало передаетъ пренія въ комитетѣ; данныя о нихъ у *Леруа-Болье* не точны; я бралъ ихъ изъ рукописнаго дневника *Кн. П. П. Гагарина*. Затѣмъ надо имѣть въ виду оффиціозную книгу *Moller*, Situation de la Pologne au 1-er Janvier 1865, Paris, 1865. Изъ позднѣйшихъ работъ *Горемыкинъ*, Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ, 1869 (скудость литературы всего нагляднѣе подтверждается тѣмъ, что эта скромная компилятивная работа сравнительно недавно была переведена на польскій языкъ, чтобы восполнить пробѣлъ); цѣнная статья *Евг. Карцева*, Аграрная отношенія въ Польшѣ, Вѣст. Евр., 1882, Окт., 511, Ноябрь, 7; поверхностная, но не лишенная нѣкотораго значенія книжка A. J. F. C. Graf von *Rostworowski*, Die Entwicklung der bäuerlichen Verhältnisse in Königreich Polen im 19. Jahrhundert (Conrad's Sammlung, XII), Jena, 1896; превосходная монографія *Спасовича*, Гмина въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ сборн. Мелкая земская единица, I, изд. 2, 178, представляющая пересмотръ болѣе ранней его работы въ Соч. 7 (1890), 451; сводная работа *Корнилова*, Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, въ его Очеркахъ по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи, 1905, 344; указанія въ книгѣ *Спасовича и Пильца*, Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ, 1 (изд. 2, 1902), *В. Р.* (В. О. Гурко), Очерки Привислянья, 1897, *Дмовскаго*, Германія, Россія и польскій вопросъ, 1909, *Скаржинскаго*, Сводъ трудовъ мѣстн. ком. по губ. Царства Польскаго, 1905, *Boleslaw Koskowski*. Polityka gminna, Warszawa, 1907, 10 и Трудовъ мѣстныхъ комитетовъ совѣщанія

Витте помогають намѣтить оцѣнку реформы 1864 г., но далеко не полно. — Даты біографіи для первой половины 1864 г. опредѣляются указаніями у *Кошелева*, Записки, 145, вын., и въ необн. письмѣ къ Е. А. Свербеевой изъ Варшавы отъ 20 Апрѣля 1864 г.

*Глава пятая*. Политическій кризисъ 1862 г. Кромѣ т. 5 Соч. *И. Аксакова*, см. Эпизодъ изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи, Освобожденіе, кн. 1 (1903), 17; *Кошелевъ*, Какой исходъ для Россіи изъ ея нынѣшняго положенія, . Лейпцигъ, 1862; *Кошелевъ*, Конституція, самодержавіе и земская дума, Лейпцигъ, 1862; Предложеніе дворянству Николая *Безобразова*, магистра законовѣдѣнія, Берлинъ, 1862. — Записка *Ригельмана* въ Кіевлянинѣ, 13 Апрѣля 1876 г., № 44; письмо *Аксакова*, Русск. Арх., 1895, III, 470. — Свиданіе съ Герценомъ и переписка съ нимъ: Русь, 1883, 3 Янв., № 1, 17 Янв., № 2; Изъ переписки Герцена и Огарева, Вѣстн. Евр., 1907, іюнь, 666. Къ сожалѣнію, датировка писемъ Самарина за 1864 г., обнародованныхъ въ «Руси» И. С. Аксаковымъ, полна очевидныхъ ошибокъ, такъ что хронологію моего повѣствованія за этотъ годъ пришлось строить на догадкахъ. — Московское дворянское собраніе 1865 г ; адресъ въ Русск. Арх., 1912, III, 290; Изъ записокъ *Д. Д. Голохвастова*, тамъ же, 408; Вѣсть, 1865, № № 3 и 4, *Д. Ѳ. Самаринъ*, Собр. статей, рѣчей и докл., 2 (1908), XVII, 139; полная запись засѣданій во французскомъ переводѣ въ книгѣ Le vote de la noblesse de Moscou, Débats d'une adresse à l'Empereur Alexandre, Paris, Dentu, 1865. *Семеновъ-Тянъ-Шанскій*, Мемуары, III, 1915, 179 сообщаетъ, что въ 1865 г. Самаринъ написалъ И. П. Арапетову письмо противъ конституціонныхъ требованій и что это письмо черезъ вел. княгиню Елену Павловну дошло до Александра II и удержало его отъ принятія олигархической конституціи, выработанной тогда Валуевымъ и Шуваловымъ. Это указаніе въ своихъ подробностяхъ крайне не точно. Въ 1865 г. Валуевъ и Шуваловъ не вырабатывали конституціи, а конституціонный вопросъ былъ поставленъ на очередь въ этомъ году именно московскимъ дворянскимъ собраніемъ; несомнѣннымъ представляется далѣе, что неуспѣхъ адреса 1865 г. не стоялъ въ зависимости отъ письма Самарина, ибо упомянутый въ текстѣ указъ сената послѣдовалъ по рапорту Валуева отъ 8 Января, а самое собраніе открылось 3 Января, такъ что письмо Самарина не могло, просто хронологически, вліять на рѣшеніе правительства о роспускѣ собранія; въ томъ-же не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія такой первоисточникъ, какимъ является рукописный дневникъ Кн. П. П. Гагарина, на который я уже ссылался. Но самый фактъ посылки Самаринымъ письма Арапетову, вѣроятно, правильно запечатлѣлся въ памяти П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. Самаринъ, мы видѣли, пользовался Арапетовымъ, многообразно связаннымъ съ вліятельными кругами Петербурга, для своей пропаганды въ этихъ кругахъ. Къ сожалѣнію, всѣ мои поиски

этого письма остались безъ результата. Его замѣняетъ въ извѣстной степени неизданное письмо къ Н. В. Ханыкову, приведенное въ текстѣ. — Самарское губернское земское собраніе 1865-1866 гг.: *П. Алабинъ*, Двадцатипятилѣтіе Самары, какъ губернскаго города, Самара, 1877, 583; Самарское земство 1864-1914, Юбилейный докладъ-очеркъ, Самара, 1914, 23. — Московское губернское земское собраніе 1866 г.: Журналы Моск. губ. земск. собранія, Декабрь 1866 года, Москва, 1867. — Славянскій съѣздъ: *Безсоновъ*, Кн. В. А. Черкасскій, Русск. Арх., 1878, 11, 221. Земское собраніе 1867 г.: Журналы моск. губ. земскаго собранія, Сентябрь 1867 года, 1868. — Окрайны Россіи: библіографію балтійскихъ публикацій, съ которыми онѣ считались, можно найти въ текстѣ Самарина; ср. *Нольде*, Очерки русскаго государственнаго права, 1911, 331. — Отзывъ о Катковѣ: надо прослѣдить развитіе публицистики Каткова хотя бы по интереснѣйшей книгѣ *Любимова*, М. Н. Катковъ и его историческая заслуга, 1889, чтобы понять антагонизмъ между нимъ и Самаринымъ. — Земское собраніе 1868 г.: Журналы Моск. губ. земск. собранія, Январь 1868 г. 1868; Журналы моск. губ. земск. собранія, Май 1868 года, 1869; Журналы моск. губ. земскаго собранія, Декабрь 1868 года, 1869; О Кн. А. В. Мещерскомъ замѣтка *Бартенева*, Русск. Арх., 1901, 500. Земское собраніе 1869 г.: Журналы моск. губ. земск. собранія, Декабрь 1869 года, 1870. — Земское собраніе 1870 г. Журналы моск. губ. земск. собранія, Декабрь 1870 года, 1871; Приложенія къ журналамъ и т. д., 1871. Податная коммиссія: надо имѣть въ виду данныя по исторіи реформы прямого обложенія въ т. II Министерства Финансовъ, 1801-1901, 1902. — Земское собраніе 1871 г.: Журналы моск. губ., земск. собранія, Декабрь 1871 года, 1872. Полемика съ Кавелинымъ ср. т. III Сочиненій *Кавелина*. Шестой выпускъ «Окрайнъ»: его нынѣшнее значеніе опредѣляется сопоставленіемъ съ книгой *Тобина*, Лифляндское аграрное законодательство въ 19 ст., 1, 1900. — 1874: Журналы Московскаго Губернскаго Училищнаго Совѣта за 1874 годъ, С. Петербургъ, 1890; отзывъ Самарина о Мещерскомъ въ одномъ письмѣ къ Свербеевой; полемика съ Фадѣевымъ: *Фадѣевъ*, Русское общество въ настоящемъ и будущемъ (Чѣмъ намъ быть)., изд. газеты Русскій Міръ, 1874; Собраніе сочиненій *Р. А. Фадѣева*, изд. В. В. Комарова, I, 1-2, II, 1-2, III, 1-2, 1890; біографическія и иныя данныя о *Фадѣевѣ* — Воспоминанія о Р. Фадѣевѣ и Обзоръ литературной дѣятельности Р. Фадѣева въ т. I Сочиненій; *Трубачевъ*, Р. А. Фадѣевъ, въ Русск. Біогр. Словарѣ, т. Фаберъ-Цявловскій, 1901, 6; *Т-въ*, Р. А. Фадѣевъ и его сочиненія, Русск. Вѣстн., 1891. — Смерть: Сборн. гос. знаній, 6 (1878), 257.

---

# ОГЛАВЛЕНІЕ.

на окраинахъ. Первый выпускъ «Окраинъ Россіи». Историческое значеніе Самаринской программы. Балтійскій Герценъ. Высочайшій выговоръ и письмо Имп. Александру II. Русское самодержавіе по Самарину. Споръ съ баронессой Раденъ. 7. Вырожденіе дворянскаго конституціонализма въ дворянскія сословныя домогательства. Борьба съ ними Самарина. Катковъ, Кн. А. В. Мещерскій, Обуховъ. 8. Франко-прусская война. Адресъ Московской городской думы по поводу отмѣны Парижскаго трактата. Податная реформа. 9. Возрожденіе философскихъ и научныхъ интересовъ. Споръ съ Кавелинымъ. Исторія прусскихъ финансовъ. Исторія крестьянскаго законодательства въ Лифляндіи. 10. Послѣдняя политическая борьба. Кн. Мещерскій и дворянская реакція. Ростиславъ Фадѣевъ. Его конституціонная проповѣдь. Книга Самарина «Революціонный консерватизмъ». Сущность и значеніе спора. Смерть Самарина.

---

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 3 JANVIER 1978
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE

N° 6227

## Того-же автора:

---

Постоянно нейтральное государство, С. Петербургъ, 1905.

Очерки русскаго государственнаго права, С. Петербургъ, 1911.

Внѣшняя политика, Историческіе очерки, Петроградъ, 1915.

Автономія України з історичного погляду, Львів, 1912.

L'Ukraine sous le protectorat russe, Paris, 1915

Ryssland, Preussen och Polen 1861-1863, Stokholm, 1916.

Le règne de Lénine, Paris, 1920.

Lenins Räte-Republik, Berlin, 1920.

Sotto il regno di Lenin, Firenze, 1920.

Петербургская миссия Бисмарка, Прага, 1925

Droit et technique des traités de commerce (Académie de droit international, Recueil des cours, 1924, II), Paris 1925.

## НОВАЯ СЕРИЯ ПЕРЕИЗДАНИЙ

В эту серию войдут книги литературного, общественного и религиозно-философского содержания давно распроданные, а вместе с тем, по значению своему и качеству, необходимые широкому кругу читателей.

1 — К. МОЧУЛЬСКИЙ — Духовный путь Гоголя. (Париж 1934), 150 стр.
2 — В. ХОДАСЕВИЧ — Некрополь. (Брюссель 1939), 280 стр.
3 — Э. ГОЛЛЕРБАХ — В. В. Розанов. (Петроград 1922), 112 стр.
4 — М. ЦВЕТАЕВА — После России (1922-1925). Стихи. (Париж 1928), 160 стр.
5 — Сергей БУЛГАКОВ — Тихие думы. Из статей 1911-1915 г.г. (Москва 1918 г.), 204 стр.
6 — Ф. ТЮТЧЕВ — Политические статьи. (С.-Петербург 1900 г.), 178 стр.
7 — К. ЧУКОВСКИЙ — Книга об Александре Блоке. (Берлин 1922 г.), 170 стр.
8 — А. РЕМИЗОВ — Огонь вещей. (Париж 1954 г.), 232 стр.
9 — ЛИК ПУШКИНА. Три речи: о. С. Булгакова, А. Карташева, В. Ильина. (Печоры 1938), 48 стр.
10 — Б. НОЛЬДЕ — Юрий Самарин и его время. (Париж 1926 г.), 248 стр.
11 — О религии Льва Толстого. Сборник статей. (Москва 1911 г.), 260 стр.
12 — Н. МЕТНЕР — Муза и мода. (Париж 1935 г.), 160 стр.
13 — Л. КАРСАВИН — Saligia. (Петроград 1919 г.), 80 стр.
14 — Н. АНЦЫФЕРОВ — Душа Петербурга. (Петроград 1922 г.), 232 стр.
15 — Кн. С. ВОЛКОНСКИЙ — Быт и бытие. (Париж 1924 г.), 232 стр.
16 — Памяти Блока. (Петроград 1922), 112 стр.